

Алексеев Сергей Петрович

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ Повести и рассказы

СОВРЕМЕННО!

(О книгах Сергея Алексеева)

Дети любят исторические повести и рассказы, как и школьные уроки истории. Это таит в себе некоторую опасность для педагога и писателя: очень легко пойти на поводу у «широкого спроса». Авторы, подбадриваемые успехом, подчас забывают, что история по-настоящему интересна и в высоком смысле полезна лишь тогда, когда «работает» на наше Сегодня и даже помогает заглянуть в завтрашний день, когда она воспитывает, обогащает нравственным и политическим опытом.

Сергей Алексеев пишет исторические повести и рассказы, заботясь о том, чтобы они рождали у юного читателя мысли и чувства, которые нужны ему сейчас, сегодня, и потому произведения эти поистине современны. В самом деле, в сотнях писем ребята сообщают о том, как они равняют свои сегодняшние поступки на неподкупность, одержимость в борьбе за правду, на мужество героев книг Сергея Алексеева, живших десятки лет тому назад.

Занимательность — обязательное требование той самой «специфики детской литературы», которую иные критики напрасно склонны считать «пресловутой».

Пренебрежение к этому подчас жестоко мстит за себя: даже очень интересная и ценная, с точки зрения взрослых людей, книга подчас лежит нетронутым грузом на полках детских библиотек. С. Алексеев всегда учитывает обостренный интерес ребят к сюжету, к яркости и необычности событий.

Но он в то же время не позволяет себе беззастенчиво «эксплуатировать» этот особый ребячий интерес.

Повести его не только привлекательны по форме, но прежде всего они весомы по содержанию.

Тонко и умно живописует автор образ Петра в повести «Небывалое бывает». Петр на страницах его повести действительно Великий: он «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник».

Но он еще и царь-крепостник и царь-деспот, считающий, что для достижения поставленной цели все средства хороши.

Историческая закономерность всех этих противоречий личности Петра не «объясняется» автором, а раскрывается образно, и потому она доступна для читателей, которым всего-то от роду девять — одиннадцать лет (все исторические повести С. Алексеева доступны детям младшего возраста).

Это для них, для тех, кто ходит пока еще в третий или четвертый класс, нарисовал С. Алексеев в повести «История крепостного мальчика» трагическую и глубоко правдивую картину мученического положения крестьян в крепостнической России XVIII века. И вот поразительно: крепостной мальчик Митя Мышкин стал... получать письма от ребят-читателей. Они не только сочувствуют Мите, но и предлагают руку помощи! Так на отношении к событиям прошлого поверяются мысли и сердца наших сегодняшних мальчишек и девчонок.

За годы литературного труда Сергеем Алексеевым создана целая историческая библиотека. Большинство этих произведений ныне вошло в предлагаемое читателям собрание его сочинений.

О великом народном походе — крестьянской войне под руководством Степана Разина — узнают читатели из повести «Грозный всадник», с маленьким пугачевцем Гришаткой Соколовым познакомятся в повести «Жизнь и смерть Гришатки Соколова», о мужестве русских солдат, о суворовских чудо-богатырях прочитают в «Рассказах о Суворове и русских солдатах», события Отечественной войны 1812 года пройдут перед читателями в повести «Птица-Слава».

Широко известны и другие произведения Сергея Алексеева — повести «Декабристы», «Сын великана», «Братишка», книга рассказов о Владимире Ильиче Ленине «Секретная просьба», книга «Октябрь шагает по стране», книга рассказов о гражданской войне «Красные и белые».

Несколько лет писатель работал над рассказами о Великой Отечественной войне. Они составили, на мой взгляд, отлично написанные книги для детей о великом народном подвиге «Идет война народная» и «Богатырские фамилии».

В отчетном докладе на IV съезде писателей России Сергей Алексеев был назван писателем-новатором. Думается, это вполне заслуженное определение. В лице Сергея Алексеева советская детская литература получила очень самобытного писателя.

Мастер исторической прозы Алексей Югов как-то воскликнул со страниц «Литературной газеты»: «Смелый автор, смелое издательство! — подумалось мне, когда я раскрыл книжку Сергея Алексеева «Небывалое бывает» — Петр!.. Исполнинская личность русской истории. И вдруг — для ребят, да еще «младшего школьного»! Посмотрим, посмотрим!.. — И — зачитался...»

Я тоже зачитался историческими повестями Сергея Алексеева. Зачитался как мальчишка. И спасибо за это автору.

А вот что писал в своей рецензии на первую книжку Сергея Алексеева Лев Кассиль: «Предельный лаконизм, живая легкость языка, точность находок, позволяющая по-своему, заново раскрыть перед ребятами очень важные моменты... ярчайших эпох в истории нашей Родины, — все это делает рассказы С. Алексеева чрезвычайно ценными как с воспитательной, так и чисто литературной точки зрения. А умение передать своеобразие характеров и великолепный, точный и образный язык придают произведениям Алексеева подлинную прелесть». И далее: «Они хрестоматийно просты и войдут в круг любимого чтения школьников».

Так оно и произошло.

«Азбукой патриотизма» назвал книги Сергея Алексеева известный критик Игорь Мотяшов.

Произведения Сергея Алексеева издавались на 24 языках народов СССР, а также на 17 иностранных языках. За создание рассказов из русской истории Сергею Алексееву были присуждены Государственная премия РСФСР имени Н. К. Крупской и премия Ленинского комсомола.

В 1978 году решением международного жюри имя писателя включено в Почетный список Г.-Х. Андерсена с вручением ему почетного диплома имени великого датского сказочника.

Хочется от души поздравить Сергея Алексеева с этими высокими оценками его литературного труда.

Сергей Михалков.

Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК

Рассказы о Степане Разине,
казаках и восставшем народе

— Разин, Разин идет!

— Степан Тимофеевич!

1670 год. Неспокойно в государстве Российском. В огромной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встrepенулcя подневольный, угнетаемый люд. Крестьяне, казаки, башкиры, татары, мордва. Сотни их, великие тысячи.

Ведет крестьянское войско лихой атаман, донской казак Степан Тимофеевич Разин.

— Слава Разину, слава!

О Степане Тимофеевиче Разине — народном полководце и вожде — и написаны эти рассказы.

Читатель узнает о великом народном походе, о тех реформах, которые проводили разинцы в освобожденных городах и селениях, об организации войск восставших, об их планах будущего преобразования России.

Глава первая КАК ГОРОДА БЕРУТ КНЯЖЕСКИЙ КОНЬ

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись они на пригорок. Смотрят всадники — что за диво! Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха да сын-малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю.

Главный из них глянул суровым взглядом:

— Ты что же, твоя душа, людишек заместо скотины!

Смотрит крестьянин — перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Нагайка в руках крученая.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода», — соображает мужик. Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

— Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекопилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину.

Мужик попятился, вскочил — и бежать с испуга.

— Да стой ты, леший, стой ты! Куда?! — раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

— На, забирай коня, — протянул человек мужику поводья.

Опешил крестьянин. Застыла жена и старуха мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин», — решает мужик. Стоит. Не шелохнется.

— Бери же. Смотри, передумаю! — пригрозил человек. И пошел себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался: обронил он случайно кисет с табаком.

— Всевышний, всевышний послал! — зашептал обалдело крестьянин.

Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался: да не колдовство ли все это? Потянулся он к лошади. Конь и дернул его копытом. Схватился мужик за побитое место.

— Настоящий! — взвыл от великого счастья. — Кто вы, откуда?! — бросился мужик к молодому парню.

— Люди залетные. Соколы вольные. Ветры весенние, — загадочно подмигнул молодец.

— Да за кого мне молиться? Кто же тот, в шапке, такой?!

— Разин. Степан Тимофеевич Разин! — уже с ходу прокричал верховой.

СТРАНА ИШПАГАНЬ

Степан Тимофеевич Разин родился на Дону в станице Зимовейской. Отец Степана, Тимофей Разя, воспитывал сына в казацких строгостях: будь честен, будь прям, друга не брось в беде, шапку не гни перед сильным. Вырос Разин статным, красивым, широкоплечим, широкогрудым. С малолетства сидел на коне как влитой. Кудри у Степана густы, как степные травы. Глаза черные. Словно черным огнем горят.

— Казак, казак, — говорил старый Разя, поглядывая на сына. — Кровью — казак, видом — казак. Береги, сынок, честь казацкую смолоду...

В 1667 году, собрав до тысячи таких же молодцев, как и он сам, Степан Тимофеевич Разин перешел с Дона на Волгу, потом на Яик и отсюда Каспийским морем двинул в заморские страны. Часто тогда казаки уходили на поиск далеких, свободных земель. Там, за морями, искали счастье. Ходили походами в Турцию, в Персию. Персию называли «страна Ишпагань». В гости к персидским ханам и повел своих казаков Разин.

Распустили паруса казацкие струги. С волны на волну, с волны на волну плывут они выводком лебединым. Все дальше и дальше уходит родная земля. За каспийской волной скрывается.

Казаки — удалой народ. Не занимать им у смелых храбрости. Однако морской поход не прогулка в леса за ягодой.

— Что же ждет нас в далеком краю?

— Как нас встретит страна Ишпагань?

— Суждено ли домой вернуться?

«Ишпагань, Ишпагань, — сам с собой рассуждает Разин. Стоит он на атаманском переднем струге. Смотрит на воду, на небо, в синюю даль. — «Ишпагань» — слово какое мудреное».

Прошли казаки по Каспийскому морю. Побывали в Дербенте, в Ширване, в Баку. Есть в Персии город Решт, есть Фарабад, есть Астрабад. И здесь лихих донцов повидали. Сотни верст прошли казаки. Вступали с персами в жаркие схватки. Чуть не погибли, зимую в чужом краю. С эскадрой персидской бились. Проявили и ум и геройство. Однако свободной земли не нашли. Правда, вернулись назад с добычей.

Качает Каспий стрелецкие струги. Гонит к дому попутный ветер.

«Ишпагань, Ишпагань, — сам с собой рассуждает Разин, — нет свободной земли на свете. Да и стоит ли счастье искать за тысячу верст от дома. Эх, скрутить бы боярство в своем краю! Людям бы хлеб и волю».

Дерзкие думы у Разина.

«Ишпагань, Ишпагань, — нет свободной земли на свете».

Вот и берег родной вдали. Чайки криком людей встречают.

ЧАЛМА

Вернулись казаки из похода. Стали на отдых в Астрахани. Уходили в персидские земли — жалко было на них смотреть. Обносились совсем казаки. Рубахи и те не у каждого были. На одежонках дырка к дырке тогда лепилась.

Ну, а теперь глянешь на казаков — зарядит в глазах. Кто в кафтане суконном, кто в бархатном. Кто в лисьей шубе, кто в соболиной. Халаты почти у каждого — алые, желтые, вишневые, в малиновый цвет.

Август. Солнце палит пожаром. Пот ручьями льется. Однако терпят лихие донцы. Ходят в кафтанах, халатах и шубах. Нарядом своим красуются.

При разделе персидской добычи Кривому Симошке досталась чалма. Чалма дорогая, шелковая. Золотом, жемчугом шитая. И размером как раз на Симошку. Напялил на чуб свой казак чалму. Глянешь теперь на Симошку, словно это идет не казак, а шествует важный турок.

Нравится Симошка себе в чалме. Народ на Симошку поразинувши рты глазеет. Следом мальчишки толпой бегут. Идет Симошка, глазом кривым на людей косит, по-глупому как-то, по-заячьи улыбается.

Встретил дружка Гаврилу Большого — похвастал своей чалмой.

Встретил Любимку Непейвода — этому тоже чалмой похвастал.

— Золотом, жемчугом шитая, — объясняет любому Симошка. — Такая чалма стоит двести казацких шапок. Ее до меня сам турецкий паша носил.

Гулял, расхаживал казак по улицам Астрахани и вдруг нос к носу столкнулся с Разиным. Остановился Разин, посмотрел на необычный вид казака, на чалму, на кривой глаз, на глупую улыбку Симошки, ткнул пальцем, проговорил:

— Турок?

Опешил Симошка.

— Батюшка атаман, я же казак. Я же Симошка Кривой, — поспешно добавил.

— Что кривой — это вижу, — ответил Разин. — Кривой есть, казака же не вижу.

— Я же с Дону, батюшка Степан Тимофеевич. Мы же разом с тобой в Ишпагань ходили. Я же казак, казак, — уверяет Симошка.

— Не вижу, не вижу, — повторил Разин. Голос стал у него суровым.

Сообразил Симошка, в чем дело, не таким уж был глупым, скинул поспешно чалму.

Посмотрел Степан Тимофеевич на казака и снова сказал:

— Нет казака. Не вижу.

Екнуло тут у Кривого Симошки сердце. Показалось ему, что Разин потянулся к острой казацкой сабле.

«Ну как возьмет зарубит!»

— Один минут! — закричал Симошка.

Рванулся он в сторону, к торговым рядам. Прошла минута — и впрямь вернулся. Нет у Симошки в руках чалмы. Смушковая шапка на голове.

Посмотрел Разин на шапку, усмехнулся:

— Ну, теперь вижу, что ты казак.

Расплылся в улыбке Симошка.

Сокрушался потом казак:

— Суров атаман, суров. И как я ему на глаза попался? Вдругорядь я бы за ту чалму выменял двести казацких шапок.

История с чалмой и другим послужила наукой. Скинули разинцы лисьи, соболя шубы. Вновь надели зипуны и казацкие свитки.

Передохнув после морского похода в Астрахани, Разин вместе с казаками вернулся к себе на Дон.

«РАВЕН ОДИН ОДНОМУ»

Радостно встретили разинцев на Дону. Многие и веру уже потеряли, что вернуться домой казаки. Разные слухи о них ходили. То шептались люди о том, что потонули донцы в беспокойном Каспийском море. То новые вести пришли на смену: положили где-то в каких-то боях казаки свои буйные головы.

И вдруг — целы, невредимы вернулись они домой.

— Эх, удалой народ!

— Ну как там, в краю чужом?

— Хороша ли страна Ишпагань?

— А верно, что нет там ни солнца, ни месяца?

Смотрят станичники на добычу заморскую. Лезут, как мухи, к Разину:

— Может, снова пойдешь походом? Мы бы тоже с тобой заодно. И нам бы сгодились халаты твои и шубы, не помешало бы золото и серебро.

Но дума другая у Разина:

«Да разве счастье в персидских халатах! Если даже каждый десятый мошну набьет, богаче не станут люди».

Немало исходил по белому свету Степан Тимофеевич. Даже старый Разя как-то сказал:

— Шатун!

Ходил и на юг к крымчакам и ногайцам, в военном походе к польской границе шагал на запад. Дважды бывал в Москве. Добирался и дальше — на самый Север, к студеному Белому морю.

Насмотрелся Степан, навиделся. Прижали всюду бояре Русь. Несладко везде человеку.

— Нет, не в халатах радость. Счастье, станичники, надо искать в другом. Птица имеет волю, — рассуждал Степан Тимофеевич. — Рыба имеет волю. Букашка степная, зверь ли лесной — и эти сами себе господа. Чем же люди на свете хуже? Э-эх, оседлало боярство Русь! Нет бы стать на дыбы коню да тех, кто залез на шею, махом единым скинуть.

Дивились казаки необычным речам. Конечно, кто подороднее был, побогаче, не очень торопился кричать: «Согласен!»

Зато большинство:

— Правда твоя, правда, Степан! Пора бы людишкам вздыбиться.

Вскоре после возвращения на Дон Разин побывал в Черкасске, в столице донского войска. Здесь и произошел у него крутой разговор с войсковым атаманом Корнилой Ходневым.

— Что-то ты, Стенька, мутишь народ! — строго сказал атаман.

— Я ли мучу, Корнила? Может, бояре тому виной? Вот бы кого к ответу.

— Не балуй, казак, не балуй!

Корнила — старший здесь на Дону. Перед царем он за все в ответе.

— Ты, Стенька, язык припрячь. Добром говорю, по-свойски.

— Эх, Корнила, Корнила Яковлевич! — Разин с усмешкой глянул на атамана. — Высоко ты, видать, взлетел. Прибился к боярской стае. Да как бы с небес не рухнуть.

Насупился Ходнев. Уж больно дерзкие речи ведет казак. Да за такие слова... Однако осторожен войсковой атаман. Знает: на Дону Разин в большом почете. Сила стоит за Разиным. Решил Корнила пока не ссориться.

— Ну-ну, так ты за какую Русь?

— Нет ни бедных тебе, ни богатых. Равен один одному. Вот за какую Русь, — ответил Корниле Разин.

ГОЛОВА

1670 год. Как и три года тому назад, Разин снова пришел на Волгу. Но не за поживой собрался теперь атаман. Не в землях далеких разыскивать счастье. За счастье на русской родной земле решил Степан Тимофеевич биться. Объявил он войну боярству.

Первый город на пути у восставших — Царицын. Чуть выше города на крутом берегу устроили разинцы лагерь.

Нам бы, не мешкав, Царицын брать, — пошли среди казаков разговоры.

Сюда же к Разину явились и царицынские горожане:

— Приходи, батюшка, властвуй. Ждут людишки тебя в Царицыне. Дело-то наше общее. Откроем тебе ворота.

— Бери, атаман, Царицын, — наседают советчики.

Однако Разин не торопился. Знал он, что сверху по Волге движется на стругах к Царицыну большое стрелецкое войско. У стрельцов пушки, мушкеты, пищали. Ратному делу стрельцы обучены. Ведет их знатный командир голова Лопатин. «Как же с меньшими силами побить нам такую рать? — думает Разин. — В городе тут не схоронишься. Разве что дольше продержишься. А нам бы под корень. В полный казацкий взмах».

Все ближе и ближе подплывает Лопатин к Царицыну.

— Бери, атаман, твердыню! — кричат казаки.

Не торопится, мешкает Разин.

Каждый день посылает Лопатин вперед лазутчиков. Доносят они начальнику, как ведут себя казаки:

— Стоят на кручах. Город не трогают.

— Дурни, — посмеивается голова Лопатин. — Нет среди них доброго командира!

— Батюшка, батька, отец, Царицын бери, Царицын! — вновь умоляют казаки атамана.

Молчит, словно не слышит призывов Разин. И вдруг Разин куда-то исчез.

Тем делом лопатинский караван поравнялся с казацкими кручами. Открылась оттуда стрельба.

«Стреляйте, стреляйте! — язвит Лопатин. — То-то важно, кто победное стрельнет».

Держится он подальше от опасного берега. Вот и Царицын вдали. Вот уже рядом. Вот и пушка салют-привет ударила с крепости.

Доволен Лопатин. Потирает начальник руки.

И вдруг... Что такое?! С царицынских стен посыпались ядра. Одно, второе... десятое... Летят они в царские струги. Наклоняются, тонут струги, как бумажные корабли.

На высокой городской стене кто-то заметил широкоплечего казака в атаманском кафтане.

— Разин, Разин в Царицыне!

— Разбойники в городе!

— Стой, повертай назад!

Но в это время, как по команде, и с левого и с правого берега Волги устремились к каравану челны с казаками. Словно пчелы на мед, полезли разинцы на стрелецкие струги.

— Бей их! Круши!

— Голову руби голове!

Сдались стрелецкие струги.

— Хитер, хитер атаман! — восхищались после победы восставшие. — Ты смотри — обманул голову! До последней минуты не брал Царицына!

— У головы — голова, у Разина — две, — шутили разинцы.

РАЗИНСКИЙ ГОРОДОК

— Хитер атаман, хитер! — еще долго говорили разинцы, после того как побили они Лопатина.

— Хитер, — соглашались и те, кто был вместе с Разиным три года назад в Персидском походе.

И начали вспоминать, как Разин взял Яицкий городок.

А брал он его потому, что нужно было перед морским походом казакам где-то перезимовать. Воеводы же добром пустить казаков не хотели.

Вот как это было.

Река Яик. Каспийское море. Яицкий каменный городок. Высокие яицкие башни, стены метровы, ворота дубовы. Не городок, а твердынь.

«Тут отдыхать моим казакам, — раздумывал Разин. — Да только пойдя возьми городок! Полвойска у стен уложишь».

И вот однажды Разину доложили — в степи схвачены люди. Человек тридцать. Идут в Яицкую крепость. Богомольцы. Монахи.

Хотел Разин сказать: «Людишки святые, мирные. Отпустите, пусть-ка идут». Да вдруг спохватился:

— Эн постойте. Ведите сюда.

Явились монахи.

— Раздевайся! — Позвал он казаков: — Одевайся!

Поменялись они нарядами.

Неспокойно в Яицкой крепости. Знают стрельцы, знает начальник, что где-то Разин рядом в степи. Того и гляди, под стены пожалует.

Усилил начальник охрану крепости. Строго наказал никого не выпускать и не впускать без доклада. К ночи ворота на все засовы.

Солнце клонилось к закату. Стоят дозорные в караулах. Смотрят внимательно в степь. Вдруг видят — движется к городу группа людей. Присмотрелись — монахи.

Подошли богомольцы к воротам:

— Откройте.

Смутились охранники:

— Куда вы?

— В соборы яицкие. К иконам святым на поклон.

— Ночуйте в степи. Не велено, странники.

— Ах вы безбожники! — зароптали монахи. — Ужо попомнит господь...

Караульные посовещались. Пошли доложить начальнику.

— Сколько их?

— Душ тридцать.

— Впустите. Да смотрите, чтобы лишку не оказалось.

Тем делом стало совсем темно. Вернулись посыльные. Открыли засовы. Бородатый стрелец, впуская по одному, стал пересчитывать богомольцев.

— Один, второй... двадцатый... тридцатый. Стойте!

— Ты что, борода, считать не умеешь? — слышался чей-то голос — Еще и двадцати не прошло.

«Что такое? — растерялся стрелец. — Вот уже сорок. Вот уже пятьдесят. Вот уже и мужики поперли. Вот и лошадиная морда сунулась. Один верховой, за ним — второй, за вторым — третий»

— Стойте! Стойте! — кричит охранник.

Да где тут! Подбежал к нему здоровенный детина. Зажал рот приготовленным кляпом.

Пока поняли в крепости, в чем дело, пока подняли крик, было уже поздно.

Так и достался Яицкий городок Разину без всякого боя. Правда, на улицах постреляли. Да это уже не в счет.

Был городок боярский. Стал разинский городок.

«СПАСИ-И-ТЕ!»

Разин сидел на берегу Волги. Ночь. Оперся Разин на саблю, задумался:

«Куда повернуть походом? То ли на юг — вниз по матушке-Волге, к Астрахани, к Каспийскому морю. То ли идти на север — на Саратов, Самару, Казань, а там — и на Москву.

Москва, Москва! Город всем городам. Вот бы куда податься! Прийти, разогнать бояр. Да рано. Силы пока не те. Пушек, пороху маловато, пищалей, мушкетов. Мужики к войне не привычны. Одежка у многих — рвань. Стало, идти на юг, — рассуждает Степан Тимофеевич. — Откормиться. Одеться. Войско отладить. А там... — У Разина дух захватило. — А там — всю боярскую Русь по хребту да за горло!»

Сидит атаман у берега Волги, думает думы свои. Вдруг раздался крик от реки. Вначале тихий — Разин решил, что ослышался. Потом все громче и громче:

— Спаси-и-те!

Темень кругом. Чернота. Ничего не видно. Но ясно, что кто-то тонет, кто-то бьется на быстрине.

Рванулся Разин к реке. Как был в одежке, так и бухнулся в воду.

Плывет атаман на голос. Взмах, еще взмах.

— Кто там — держись!

Никто не ответил.

«Опоздал, опоздал, — сокрушается Разин. — Погиб ни за что человек». Проплыл еще с десяток сажень. Решил возвращаться назад. Да только в это самое время метнулась перед ним косматая борода и дернулись чьи-то руки.

— Спаси-и-те! — прохрипел бородач. И сразу опять под воду.

«Эн, теперь не уйдешь!» — повеселел атаман. Нырнул он и выволок человека. Вынес на берег. Положил на песок. На грудь принажал коленкой. Хлынула вода изо рта спасенного.

— Напился, — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Вскоре спасенный открыл глаза, глянул на атамана:

— Спасибо тебе, казак.

Смотрит Разин на незнакомца. Хилый, иссохшийся мужичонка. В лаптях, в рваных портках, в холщовой, разлезшейся по бокам рубахе.

— Кто ты?

— Беглый я. К Разину пробираюсь.

Мужик застонал и забылся.

В это время на берегу слышались голоса:

— Ба-а-тюшка! Атаман! Степа-ан Тимофеевич!

Видать, приближенные ходили, искали Разина. Разин ступил в темноту.

Поравнялись казаки с мужиком. Наклонились, прислушались.

— Дышит!

Потащили двое спасенного в лагерь, а другие пошли дальше берегом Волги.

— Ба-а-тюшка! Атаман!

Утром сотники доложили Разину, что ночью кто-то из казаков спас беглого человека. Только кто — неизвестно. Не признаются в казачьих сотнях.

— Видать, не всех опросили? — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Пробыв несколько дней в Царицыне, Разин дал команду идти на Астрахань.

НЕ ОСУДИТ

Идет вниз по Волге Разин.

— Разин идет, Разин!

— Степан Тимофеевич Разин!

Неспокойно в государстве Российском. В страшной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, вострепнулся подневольный, угнетаемый люд.

— Слава Разину, слава!

Боярин Труба-Нащокин истязал своего крепостного. Скрутили несчастному руки и ноги, привязали вожжами к лавке. Стоит рядом боярин с кнутом в руке, бьет по оголенной спине крестьянина.

— Так тебе, так тебе, племя сермяжное! Получай, холоп! Научу тебя шапку снимать перед барином!

Ударит Труба-Нащокин кнутом, поведет ремень на себя, чтобы кожу вспороть до крови. Отдышится, брызнет соленой водой на рану. И снова за кнут.

— Батюшка Ливонтий Минаич, — молит мужик, — пожалей! Не губи. Не было злого умысла. Не видел тебя при встрече.

Не слушает боярин мольбы и стоны, продолжает страшное дело. Теряет крестьянин последние силы. Собрался он с духом и молвил:

— Ужо тебе, барин! Вот Разин придет...

И вдруг: «Разин, Разин идет!» — разнеслось по боярскому дому.

Перекосилось у Трубы-Нащокина лицо от испуга. Бросил он кнут. Оставил крестьянина. Подхватил полы кафтана, в дверь — и бежать.

Ворвались разинские казаки в боярскую вотчину, перебили боярских слуг. Однако сам хозяин куда-то скрылся.

Собрал Разин крестьян на открытом месте. Объявляет им волю. Затем предложил избрать старшину над крестьянами.

— Косого Гурьяна! Гурку, Гурку! — закричали собравшиеся. — Он самый умный. Он справедливее всех.

— Гурку так Гурку, — произнес Разин. — Где он? Выходи-ка сюда.

— Дома он, дома. Он боярином люто побит.

Оставил Разин круг, пошел к дому Косого Гурьяна. Вошел. Лежит на лавке побитый страдалец. Лежит не шевелится. Спина приоткрыта. Не спина — кровавое месиво.

— Гурьян, — позвал атаман крестьянина.

Шевельнулся тот. Чуть приоткрыл глаза.

— Дождались. Пришел, — прошептал несчастный. Появилась на лице у него улыбка. Появилась и тут же исчезла. Умер Гурьян.

Вернулся Разин к казацко-крестьянскому кругу.

— Где боярин? — взревел.

— Не нашли, отец атаман.

— Где боярин? — словно не слыша ответа, повторил Степан Тимофеевич.

Казаки бросились снова на поиск. Вскоре боярин нашелся. Забился он в печку, в парильне, в баньке. Там и сидел.

Притащили Трубу-Нащокина к Разину.

— Вздернуть, вздернуть его! — понеслись голоса.

— Тащи на березу, — скомандовал Разин.

— Пожалей! Не губи! — взмолился Труба-Нащокин. — Пожалей, — заплакал он тонко, пронзительно, по-бабьи.

Разин зло усмехнулся.

— Кончай, атаман, кончай! Не тяни, — зашумели крестьяне.

И вдруг подошла девочка. Маленькая-маленькая. Посмотрела она на Разина:

— Пожалей его, дяденька.

Притихли крестьяне. Смотрят на девочку: откуда такая?

— Может, безбожное дело затеяли? — вдруг вымолвил кто-то.

— К добру ли, если несмышлениш-дите осуждает?

Все выжидающе уставились на атамана.

Глянул Разин на девочку, посмотрел на мужиков, потом вдаль, на высокое небо.

— Вырастет — поймет, не осудит. Вешай! — прикрикнул на казаков.

ЦВЕТИКИ-ЯГОДКИ

Идет Разин вниз по Волге из Царицына в Астрахань. А в это время из Астрахани вверх по Волге подымается навстречу Разину князь Семен Львов.

Двигается Львов со стрельцами, солдатами.

— Ужо берегись, злодей!

На полпути между Царицыном и Астраханью находился небольшой городок Черный Яр. Разин первым пришел к Черному Яру. Взял городок и подумал: «Место для боя как раз хорошее».

Место действительно было удачным. У самого города — волжский изгиб. За изгибом лодкам казацким укрыться можно. Берега Волги густо поросли камышом. Вот и второе прибежище. Решил Степан Тимофеевич у Черного Яра дожидаться Львова. Выслал вперед дозорных. А узнав от дозорных, что стрелецкие струги приближаются к городу, приказал немедля собрать к нему черноморских баб.

— Баб?! — поразились сотники.

— Их самых, — ответил Разин.

«К чему бы это? — гадали разинцы. — Интересно, что отец атаман задумал?»

Собрались бабы, и молодые и старые. Не ожидали подобной чести. Любопытство берет. Притихли. Ждут атаманского слова.

— Здравствуйте, цветики-ягодки! — обратился к ним Разин.

— Здоровья тебе, атаман! — поклонились черноморские женщины.

— Как детишки, как внуки, не бьют ли вас мужики с похмелья? — задает вопросы Степан Тимофеевич. И вдруг: — Почему бельишко на Волгу стирать не ходите?

— Так ведь боязно, отец атаман. Стрелецкое войско подходит к городу. Оно ведь, не ровен час...

— Да что вам войско — вы сами войско, — усмехнулся Степан Тимофеевич. — А ну, собирайтесь, бельишко в руки, ступайте к Волге. Позже пройду, проверю.

— Ну и ну, — поражались женщины, — вождь-то казацкий, никак, с причудами.

Отпустив черноморских баб, Разин приказал вызвать рыбаков. Собрались к нему рыбаки.

— Здравствуйте, народ рыбацкий!

— Здоровья тебе, атаман!

— Ну, как тут у вас улов?

— Да ловится рыбка, отец атаман. И большая приходит, и малая.

— Что ж вы сидите дома?

— Так ведь боязно, отец атаман. Стрелецкое войско подходит снизу. Оно ведь, не ровен час...

— А я-то думал — рыбацкий народ из смелых! — подзадорил Степан Тимофеевич. — Ошибся, выходит.

— Не ошибся. Нет, не ошибся! — шумят рыбаки.

— Что же, раз так, то ступайте с богом.

Ушли рыбаки от Разина. Шепчутся между собой:

— Вождь-то казацкий, никак, с причудами. Ушицы небось атаман захотел.

Князь Львов, как и Разин, тоже выслал вперед разведчиков. Ходили лазутчики к Черному Яру, вернулись, рассказали, что у города все спокойно. Бабы белье стирают. Рыбаки свои сети тянут.

— Не видно разбойников, князь Семен.

Подшли стрелецкие струги к Черному Яру. И вправду: бабы белье стирают, рыбаки свои сети тянут. Стоят не шелохнутся по берегам камыши.

Зевнул князь Львов, посмотрел на палящее солнце, дал команду причаливать к берегу.

И вдруг — что такое? Не верит стрелецкий начальник своим глазам. Из-за поворота реки, на всем ходу, под парусами, на веслах, с диким свистом и громким криком, навстречу стрелецким стругам вылетают челны с казаками. И в ту же минуту зашевелились кругом камыши, закачались они, расступились, и на широкую волжскую гладь, уже сзади стрелецкого войска, метнулись десятки казацких лодок.

— Сарынь на кичку! — взорвало воздух.

— Са-ары-ынь на ки-ичку-у-у!

Через час все было закончено. Князь Львов с петлей на шее был притащен на разинский струг. Казаки тут же хотели повесить Львова. Однако Разин его пощадил.

— Да он и стрельнуть, поди, ни в кого не успел! — усмехался Степан Тимофеевич. — Пусть поживет, раз он мирный такой по натуре.

АСТРАХАНЬ

Астрахань. Разбушевалась в ту ночь непогода. Тучи со всех сторон обложили небо. Где-то вдали полыхали зарницы. Долгим раскатом катился гром.

Астраханский воевода Иван Прозоровский стоял у Вознесенских ворот на стене, при каждом раскате бледнел, крестился. Не любил Прозоровский грозу, с детства боялся грома. Три дня как Разин стоит у города. Три дня и три ночи воевода, стрельцы и солдаты атаки на город ждут.

Астрахань — сильная крепость. Тут и ров. Тут и вал. Стены не то что царицынские, там — деревянные, здесь они каменные. Там высота их в десяток локтей, здесь без малого в двадцать метров. Там ширина их от силы в сажень, тут хоть скачи ты по ним на тройках. Не каждое войско крепость такую возьмет. Да и стрельцов и солдат в ней двенадцать тысяч.

Надежны стены, солдат достаточно, и все же Прозоровский живет в тревоге. Нет на душе у него покоя. Уж больно шепчутся люди в городе. Эх, ненадежный пошел народ! Как бы не быть измене!

Вот и сегодня стоит воевода у Вознесенских ворот на стене, в темноту непроглядную смотрит.

«И чего он, разбойник, ждет? — теряется в догадках Иван Прозоровский. — Снова хитрость, видать, задумал. Может, рюют под стены сейчас подкоп? Или подмога спешит к злодею? То ли будут крепость измором брать. Или просто на жилах моих играют».

Все эти дни и казаки не могут понять атамана. Приставали они не раз:

— Отец атаман, что же стоим без дела? Нам бы грудью пойти на стены.

— Можно и грудью, а лучше умом, — отвечал недовольным Разин.

И вот только сегодня, на четвертую ночь, не днем, а именно в ночь, в грозовую, в ненастную, подал Разин команду к штурму.

Подивились опять казаки:

— Оно же темно, как у зайца в ухе! Да тут ненароком в такой темноте заместо астраханских стрельцов саблей брата родногохватишь.

— А вы саблей — того, потише. Не каждому ставьте знак, — загадочно бросил Разин.

Стоит Прозоровский у Вознесенских ворот на стене. Чтобы укрыться от непогоды, воротник кафтана поднял. Стряхнул с бороды дождевую капель. Принялся думать опять о Разине.

«Спит небось, вурдалак, в шатре. Или хмельное, разбойник, хлещет. А ты тут, как мерин, мокни».

Вновь полыхнула молния. Осветила она округу. Вздогнул воевода, хотел закреститься, но глянул в степь и ахнул — разинцы шли на штурм.

— К бою, к бою! — взревел Прозоровский. — Ну и разбойник — дня ему мало!

Ждал темной ночи Степан Тимофеевич вовсе не зря. Был уверен, что во время штурма астраханцы ему помогут. Помогать же лучше, когда темно. Не сразу стрельцы заметят.

— Вы тише саблями, тише, — еще раз говорил казакам атаман. — Не каждый враг, кто сидит на стене. Там и друзей найдете.

Так и случилось. Как только начали разинцы штурм, так сразу и тут, и там, и в месте одном, и в другом, и в пятом, и среди горожан, и даже среди стрельцов появились сотни у них помощников. Кто лестницу разинцам сбросит, кто стрельнет вверх голов, кто просто руку подаст штурмующим.

А какой-то молодец кричал на стене до хрипа:

— Бей супостата! Злодея бей!

А сам в это время опускал со стены веревку и очередного «злодея» тянул на стену.

Правда, кое-где и стояли насмерть стрельцы. Бились, живота не жалея. Но не эти брали в ту ночь числом. И не за ними была победа. Ворвались разинцы в Астрахань. Покорилась Астрахань.

СТРАШНЕЕ ДЬЯВОЛА

Астраханские мальчишки Лукашка Нагой и Мокапка Раков крутились на площади возле Приказной палаты. Видят: казаки на площадь поленья и хворост сносят, разжигают большой костер.

К одному из казаков и полезли мальчишки с вопросом:

— Дяденька, для чего же такое огниво?

Казак озорной. Шрам на щеке. Шапка чудом на ухе держится. Подумал казак, посмотрел на ребят, подмигнул им задиристо, весело:

— Дьявола будем, ребята, казнить. Сожжем и пепел по ветру пустим!

Усмехнулся Лукашка Нагой. Понимает, что разинец шутит. А Мокапка принял слова всерьез. Побежал он по улицам и каждому встречному:

— Казаки дьявола будут казнить!

— Казаки дьявола будут казнить!

— Сожгут и пепел по ветру пустят!

Кричал Мокапка с такой силой, что голос себе сорвал. Впрочем, и без Мокапки много народу к костру собралось. Лица у всех оживленные, что-то, видимо, знают люди. Вернулся мальчишка на площадь, просунулся в первый ряд.

Вскоре из Приказной палаты четверо казаков вынесли огромный сундук.

«Ага, — сообщает Мокапка, — вон он, дьявол, куда запрятан!»

— Там дьявол сидит, — зашептал Мокапка своим соседям. — Казнить его будут сейчас казаки. Сожгут и пепел по ветру пустят.

Усмехнулся какой-то парень:

— Верно, Мокапка, верно. Дьявол сидит в сундуке. Даже то, что страшнее дьявола.

Поднял Мокапка глаза на парня. Хотел спросить: что же страшнее дьявола?! Но тут вышел на площадь Разин.

— Здравствуй, отец атаман! — закричали восторженно люди.

— Слава, батька, слава!

По донскому обычаю Разин снял шапку, поклонился народу.

Кто-то крикнул:

— Ура!

— Ура-а-а! — подхватила площадь.

Мокапка тоже крикнул «ура». Но сорванный голос звучал пискливо.

Обведя взглядом людей и площадь, Разин шагнул к сундуку. Казаки тут же отбросили крышку.

Все стихли. Мокапка от страха закрыл глаза. Схватился за чью-то рубаху.

Когда через минуту мальчик снова глянул на площадь, то поначалу так ничего и не понял. Ищет Мокапка чудища. Нет никакого чудища. Разин стоит, держит в руках бумаги.

— Вот она, наша неволя, — поднял над головой и потряс бумагами Разин. — Кабала ваша, муки ваши — все тут.

Сообразил Мокапка, что в сундуке. Так это ж бумаги из Приказной палаты! Однако почему бумаги страшнее дьявола, мальчик сразу понять не мог. Мал был Мокапка. Не знал он, что за каждой такой бумагой чье-то горе и чья-то жизнь: кто приписан к боярину, кто в должниках записан, кто по доносу расправы ждет.

— А ну, астраханцы, — обратился Разин к тем, кто стоял к нему ближе, — начинай-ка святое дело!

Степан Тимофеевич первым бросил бумаги в огонь. Лизнуло их пламя. Секунда — и от грозных всесильных бумаг лишь пепел поднялся к небу.

— Батька, родной, спасибо! — кричал иступленно народ.

По лицу Разина забегали отблески пламени. Перекрывая шум площади, Разин бросал слова:

— Всем вам воля, народ астраханский. Ступайте куда хотите. Живите по высшей совести. Нет больше бояр и богатых господ над вами. Стойте за волю, за великое наше дело. Отныне вы сами себе голова.

— Ура! — не смолкало на площади.

И даже у Мокапки снова прорезался голос.

— Ура! — голосил Мокапка.

ТРЕТЬ АРШИНА

При взятии городов Разин строго наказывал никому из купцов не чинить обиды.

— Мы их не тронем, отец атаман, — отвечали восставшие. — Они бы нас не обидели.

— Обидишь вас! — усмехнулся Степан Тимофеевич. — А обидят: обмерят, обвешают — так взыск. Моим атаманским именем.

Вступили разинцы в Астрахань. Открыли купцы свои лавки, разложили товары. Разин сам прошел по рядам. Даже купил сапожки. Красные, маленькие — гостинец для дочки своей, Параши.

Вернулся Степан Тимофеевич в свой атаманский шатер. Доволен. Бойко, мирно идет торговля.

Толпится народ у лавки купца Окоемова. Торгует купец атласом и шелком. Покупают казаки красные, зеленые, желтые штуки себе на выходные рубахи. Отмеряет купец. Отмеряет и думает: «Или я уже не купец, или я человек не торговый, чтобы при такой-то удаче и не обмерить?» Перекрестился купец и стал каждому по трети аршина недорезать.

Прошло полдня, как вдруг кто-то из казаков заметил обман. Стали казаки проверять свои шелковистые штуки. И у одного, и у второго, и у пятого, и у десятого по трети аршина в куске не хватает.

— Держи его, нечестивца!

— К ответу злодея!

Схватили купца покупатели. Вытащили из лавки, тут же устроили суд.

Через час дежурный есаул докладывал Разину:

— Дюже обозлился народ. Укоротили купца.

— Как — укоротили? — не понял Разин.

— На треть аршина.

— Как — на треть аршина?!

— Голову с плеч.

— Тьфу ты! — ругнулся Разин. — Ну-ка зови обидчиков.

Явились казаки к атаману.

В страшном гневе кричит на них Разин:

— За треть аршина — жизни купца лишили! Кровью за тряпки брызнули?

— Не гневись, не гневись, атаман, подумай, — отвечают ему казаки. — Да разве в аршинах дело. Воровскую голову с плеч — лишь польза народу. Тут бы и нам, и внукам, и правнукам дело такое попомнить. Не гневись, атаман.

Остыл Разин.

— Ладно, ступайте.

«Нужен, нужен купец народу, — рассуждал про себя Степан Тимофеевич. — Нельзя без торгового люда. Да ведь и беда от него немалая, когда окомовы такие заводятся. Может, и правду решили люди».

ДВЕ РУКИ

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу к Разину. Шли ночами. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц. Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй поучал:

— Он, атаман Степан Тимофеевич, — грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: «Владеете саблей?» — говорите: «Владеем». — «Колете пикой?» — «Колем».

Явились крестьяне к Разину:

— Принимай, отец атаман, в войско свое казацкое.

— Саблей владеете?

— Владеем.

— Пикой колете?

— Колем.

— Да ну? — подивился Разин. Приказал привести коня. — Залезай, — показал на дядю Митяя. — Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал! Казнит за вранье атаман». Стал он выкручиваться:

— Да мы больше пеше.

— В казаках да и пеше?! А ну-ка залазь!

— Да я с дороги, отец, устал.

— Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю.

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул он саблей, да тут же и выронил.

— Сабля с норовом, с норовом. Не дается саблюка! — гогочут вокруг казаки.

— Зачем ему сабля? Он лаптем по ворогу! — пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

— Зря, атаман, смеешься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

— Возьму да и стану!

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, отроду не пахивал поле. Думал — дело простое. Начал — не ладится.

— Куда, куда скривил борозду! — покрикивает дядя Митяй.

— Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже давай землю, — подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее — лопнул сошник.

— Соха с норовом, с норовом. Не дается, упрямая! — засмеялись крестьяне.

— Да зачем казаку соха? Он саблей землю вспашет! — похихикивает дядя Митяй.

Посмотрел Разин на мужиков. Насупился.

Крестьяне в момент притихли. Дядя Митяй ухватился за бороду: «Эх, осерчает сейчас атаман!»

Однако Степан Тимофеевич вдруг рассмеялся.

— Молодец, борода! — похлопал по плечу дядю Митяя. — Благодарю за науку. Эй! — закричал казакам. — Не забижать хлебопашный народ. Выдать коней, приклад. Равнять с казаками. — Потом задумался и прибавил: — И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

Глава вторая ВЫШЕ ДЕРЕВЬЕВ ВЗЛЕТЕЛИ КАЧЕЛИ ЦАРСКОЕ ЛОЖЕ

Простояв месяц в Астрахани, Разин начал поход вверх по Волге: на взятый уже Царицын и дальше — на Саратов, Самару, Симбирск, Казань.

Часть армии на стругах и лодках поплыла Волгой. Растянулись отряды на несколько верст. Двести судов и лодок в отрядах Разина. Другая часть войска двинулась берегом.

До Царицына шли знакомой дорогой, той же, которой шли от Царицына к Астрахани. Разница только в том — раньше спускались по Волге вниз, теперь подымались навстречу течению. Двигались раньше с боями. Теперь по вольной земле ступали.

Через несколько дней показался вдали Царицын.

Приготовили в городе Разину для отдыха целый боярский дом. Дом каменный, крыша железная, ступени из мрамора, дубовая дверь.

— Отец, для тебя, для твоей особы.

Ведут горожане Разина из горницы в горницу:

— Тут вот боярин ел.

— Тут вот боярин пил.

— Это еще не все!

Идет Степан Тимофеевич по барским хоромам, налево, направо глянет.

— Тут вот боярин господу богу поклоны бил, — продолжают объяснять горожане.

— Тут вот порол дворовых.

— Это еще не все!

Сменяет горница горницу. Довольны царицынцы. Каждый про себя рассуждает:

«Ну, будет батюшка Степан Тимофеевич доволен».

«Палаты самим палатам».

«Попомнит отец Царицын!»

Привели они Разина в боярскую опочивальню.

— Царское, батюшка, ложе, — показали ему на кровать.

Кровать необычная. Ножки высокие. Полог со всех сторон. На перине лежит перина. А сверху еще перина. На подушке лежит подушка. А сверху еще подушка. Ляжешь в такую мягкость, как в глубокой реке утонешь.

Поклонились, ушли горожане. Остался Разин один. Глянул на стены — метровые стены. Хоть из пушек по ним пали. Глянул на окна — окна всего с ладонь. Ни неба, ни звезд не видно. Поднял Разин голову кверху. Повис над ним каменный потолок, словно плита могильная. Посмотрел Степан Тимофеевич себе под ноги — пол под ногами каменный. Камень сверху, камень снизу, камень со всех сторон.

Снял Разин пояс, снял сапоги и саблю, сунул пистолеты к себе в изголовье, разделся, лег.

Лежит, утонувши в перинах, Разин. Непривычно лежать, как боярину, казаку. Смотрит на каменный потолок, на оконца в ладонь, на метровые стены. Душно в хоромах Разину. Устал Степан Тимофеевич за день. Сон клонил атамана, в глаза просился. А тут вдруг пропал.

К тому же блохи его одолели. Злее этих боярских блох разве что только голодные волки. Кусали они атамана, забыв о любом почтении.

Прокрутился Степан Тимофеевич целый час. В подушках, в перинах запутался. Исцарапал ногтями тело.

— Да будь ты проклято! — не сдержался Разин.

Встал он с боярской постели. Снова саблю надел и ремень, сапоги натянул казацкие. Пистолеты засунул за пояс.

Прошел Степан Тимофеевич из горницы в горницу и вышел наружу.

Обступила Разина ночная прохлада. Вольный ветер в лицо ударил. Моргнули на небе звезды. Расправил Степан Тимофеевич грудь. Вобрал в себя свежий воздух.

Осмотрелся Разин вокруг. Заметил в углу двора сеновал. К нему и направился. Лег на душистое сено. И тут же богатырски уснул.

Возвращаются горожане к себе домой.

— Ну, будет батюшка Степан Тимофеевич доволен.

— Да куда уж — палаты самим палатам.

— Попомнит отец Царицын!

И правда, запомнил Царицын Разин. На хоромы боярские смотреть с той поры не мог.

ДВЕНАДЦАТЬ ДВАЖДЫ

Обветшали в Царицыне крепостные стены. Бревна местами подгнили, местами и вовсе выпали. Вал земляной обсыпался.

Решил Разин царицынский кремль чинить.

— Без крепостей нам пока нельзя. Они и для нас защита.

Приказал Степан Тимофеевич, чтобы на работу явились все.

— Всем на стенах работы хватит. Эх, за такие-то стены давно б воеводу пора на виселицу! Чтоб явились все, — повторил атаман. — А ежели кто заупрямится: казак ли, мужик, горожанин — быть за это тому в ответе, сечь нещадно при всех кнутами.

Дружно пошла работа.

Разин и сам подхватил топор. Скинул кафтан Степан Тимофеевич, сплюнул себе на руки. Начал тесать бревно. Размахнулся. Ударил. Крякнул. Опять размахнулся. Крякнул. Играет топор в умелых руках. Лишь щепки летят во все стороны.

Смотрят на Разина разинцы. Поспешают за Разиным разинцы.

Хотя и строг был приказ атамана, но все же нашлись ослушники. Возможно, их было больше, однако попались двое: царицынский житель Кузьма Соловей и свой же казак Остапка.

Был Остапка у Кузьмы на постое. Утром они поднялись. Умылись. Съели по краюхе душистого хлеба. Запили его молоком. Собрались идти на работу. Кузьма вытащил два топора. Себе и Остапке. Остаток хлеба завернули в тряпицу, приготовили взять с собой, так как знали: работа у стен до вечера.

Короче, собрались честно. Оба поднялись рано. Время было еще в запасе. Оно и подвело. Решили Кузьма и Остапка перед работой сразиться в кости. Увлекались в то время такой игрой. Была она очень азартной, хотя и совсем несложной, нечто вроде «орла и решки». Только не монеты были в руках у играющих, а небольшие костяшки. Две стороны их имели различный цвет. На цвет и играли. Бросали поочередно. Чьей стороной выпадали кости, тот и выигрывал.

Бросил кости Кузьма.

Бросил кости Остап.

Бросил кости Кузьма.

Бросил кости Остап.

Так и пошло. То удача идет к одному, то к другому. То не везет Кузьме, то не везет Остапке.

Играли они на одежду: на шапку, рубаху, штаны, сапоги. То проиграл все до штанов Кузьма, сидит, словно в бане, голый. То в натуральной своей красавости сидит на скамье Остапка.

Вошли игроки в азарт. Солнце поднялось давно к зениту. Да где им смотреть на солнце! Кости глазами ловят.

Так и не смогли оторваться они от игры до самого вечера. Сражались бы дольше. Да тут возвращались с работы разинцы. Уличили они ослушников.

Приволокли провинившихся к Разину.

Что им сказать в ответ атаману? Признались во всем сердечно.

Вина у обоих была одинакова. Все ждали, что таким и наказание тоже будет.

Однако Разин сказал:

— Кузьме всыпать двенадцать палок. Остапке — двенадцать дважды!

Кое-кто зароптал на Разина:

— Как же так, отец атаман?! Выходит, жильца ты милуешь, а раз свой, то готов до смерти.

— Оттого что свой, потому и больше, — ответил Степан Тимофеевич. — Велика ли для нас потеря, если какой-то жилец ослушался. Если же свой — это беда для войска. Отсюда и высший спрос.

Заботился Разин о строгих порядках в армии. Был нетерпим и строг.

ВАРФОЛОМЕЙКА

Привязался в Царицыне к Разину мальчик. Варфоломейкой звали. Весь нос в веснушках, словно тмином обсыпан. Глаза как две голубые бусины.

Ходил он за Разиным и день, и второй. На третий Разин заметил мальчика:

— Ну, как тебя звать?

— Варфоломейка.

— Что же ты ходишь, Варфоломейка, за мной?

— Дай из пистоля стрельнуть!

Посмотрел на мальчишку Разин:

— Сколько ж тебе годов?

— Будет без двух двенадцать.

— Ишь ты какой подсчет! — рассмеялся Степан Тимофеевич. — Значит, выходит — десять.

— Нет, двенадцать, — твердит мальчишка. — Двенадцать без двух годов.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласился Степан Тимофеевич. — Ты что же, считать умеешь?

— До двух дюжин, — ответил мальчик.

— А цифры слагать научен?

— Научен.

— Сколько же два и два?

— Четыре, — важно ответил Варфоломейка.

— А три и четыре?

Задумался мальчик. Незаметно для Разина пальцы на левой и правой руках загнул, секунду спустя ответил:

— Три и четыре — выходит семь.

— Мастак ты, мастак, — опять усмехнулся Разин.

Понравился Разину мальчик. Дал он ему из пистолета стрельнуть.

Расхвастал Варфоломейка друзьям и приятелям, что сам Степан Тимофеевич Разин дал ему из пистоля стрельнуть.

Стали мальчишки ходить за Разиным:

— Дай из пистоля стрельнуть!

— Дай из пистоля стрельнуть! Чем же мы хуже Варфоломейки?

Каждый старается Разина чем-нибудь поразить.

— А я ногой за ухом чесать умею! — кричит один.

Сел на землю и правда ногой дотянулся до уха.

— А я ходить на руках умею! — кричит второй.

Встал на руки, идет рядом с Разиным:

— Дай из пистоля стрельнуть! Дай из пистоля стрельнуть!

Третий бежит перед атаманом и птичьим голосам подражает. То крикнет сойкой, то каркнет галкой, то щелкнет точь-в-точь на манер щегла.

Остановился Степан Тимофеевич, посмотрел на мальчишек:

— Умельцы, умельцы! Только прок от умельства вашего, как от тулупа в палящий день. Марш по домам! Отстаньте!

Отстали мальчишки. Сидят, гадают: чем же хуже они Варфоломейки? Пусть бы Варфоломейка до уха ногой достал!

ЕГОР И ЯКОВ

Недолго пробыл в Царицыне Разин. Дальше — на Саратов пошел походом.

Присоединились к разинцам где-то в пути крестьянские парни Егор и Яков. Оба статные, оба крепкие. Богатырское что-то у них в сложении. Гнет подковы Егор, как

гвозди. Вырывает с корнем березки Яков. Дунет Яков — шапка с любого летит долой. Притопнет Егор — земля, как живая, дрогнет.

Рвутся парни в бой. Отличиться хотят в сражении. Вместе со всеми идут на Саратов.

Пристали приятели к старому разинцу:

— Как города берут?

— Как? Штурмом их, боем, — ответил разинец.

Мечтают парни о геройских делах.

— Я ворота бревном пробью, — так заявляет Егор.

Не отстает от приятеля Яков:

— Я первым на стены влезу.

Тренируются парни во время похода. Ходит Егор с бревном на плече. Яков в попутных селах на колокольни, как кошка, лазит. Рвутся приятели в бой.

— Скорей бы уж этот Саратов.

— А вот и Саратов.

— Дождались! — сказал Егор.

— Ну, готовься! — поддакнул Яков.

Приготовились парни. Ждут. Вот-вот будет к штурму дана команда.

И вдруг — распахнулись городские ворота сами. Праздничным гулом ударили колокола. Из города навстречу Разину валом пошел народ. Впереди старик с бородой. Важно ступает, держит хлеб-соль в руках. Следом за старцем толпой горожане. Тут же стрельцы, тут же разный приволжский люд: бурлаки, рыбаки, перевозчики. Женщины. Дети. Старухи. И даже попы, и даже монахи.

Обомлели Егор и Яков. Егор отбросил свое бревно. Почесал в затылке рукою Яков.

Сдался Саратов без штурма, без боя.

Огорчились, конечно, Егор и Яков. Мечтали они о геройстве. А тут...

— Ну, видели, как города берут? — спросил приятелей вечером старый разинец.

— Что же это за взятие? Раз без приступа, — с обидой сказал Егор.

— Раз без боя, — добавил Яков.

— Какое? Разинское — вот вам какое, — ответил бывалый воин.

АТАМАНСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Решили саратовские купцы устроить Разину в город торжественный въезд. Между собой шептались:

— Оценит донской атаман такое к нему внимание. Будет с этого дня к любому из нас его атаманское расположение.

Довольны именитые граждане — хитрецы саратовские. Попробуй придумать удачнее!

Долго подбирали они коня. Гадали, какой же лучше. Аргамак ли, калмыцкий конь, донских ли кровей, арабских? А может, заволжский степной скакун?

— Арабский, — сказал один.

— Заволжский, — сказал второй.

— Купим донского коня, донского! — кричит третий купец. — Разбойник же с Дона. Донской для него приятнее.

Потом обсуждали вопрос о масти. То ли быть вороным коню, то ли гнедым, то ли, как лебедь, белым.

— Вороным, — заявил один.

— Гнедым, — заявил второй.

— Нет, белым, белым! — самый шустрый опять кричит. — На белом сам царь на охоту ездит.

Наконец, решали, чем покрывать коня. Ковром — малиновым, желтым, красным?

После долгих споров сошлись на красном. Самый громкий и тут кричал:

— Красным злодея скорее купишь! Стенька любит кровавый цвет.

Купили купцы коня. Положили на спину ему ковер. Оседлали.

Вышли вместе со всеми купцы за город навстречу Разину. Ведут под уздцы подарок.

Понравился Разину конь. Сел Степан Тимофеевич на скакуна. По холке его потрепал. По шее его погладил. Потянулся рукой к уздечке. Но тут случилась заминка. Заспорили вдруг лабазники, кому коня под уздцы вести. Каждому хочется, чтобы Разин его приметил. Один другого от коня оттеснить пытается. Каждый к уздечке тянется.

— Мое право! — кричит один. — Я первым коня придумал.

— Мое право! — кричит второй. — Я указал породу.

— Я денег больше других платил! — кричит, возмущаясь, третий.

Четвертый твердит про лошадиную масть. Пятый же лезет вообще потому, что другим уступить не хочет.

Не может Разин понять заминки.

— Да что там у вас? Что за крикливый народ? Какого рода, какого племени?!

Притихли тут спорщики, а потом вперебой:

— Купцы мы саратовские.

И тут же:

— По хлебной я части!

— По рыбной!

— Мясной!

— По суконному делу — Семен Скотинин. Попомни, отец атаман.

А тот, голосистый, кричит всех громче:

— Солью, отец, торгую, солью! Это я про коня придумал. Я и денег больше других платил...

— Ах, вот тут какой народ! — рассмеялся Степан Тимофеевич. — А ну, расступись!

Дернул Разин коня за уздечку. Каблуками в живот пришпорил. Взвился с места красавец конь. И сразу в карьер, галопом.

Побежали за ним купцы.

— Тише, тише. Ах ты разбойник, тише!

Но тут же они отстали.

Влетел Разин в город. Осадил скакуна.

— Здравствуй, народ саратовский!

— Здравствуй, отец атаман! — многогласо ответил Саратов.

РАФ ГАЛУШКА

Раф Галушка был саратовским бондарем. И фамилия у него забавная. И имя не очень частое. А главное, был у Галушки удивительный чих. Чихнет — глухой за версту услышит.

Бежал Галушка к восставшим еще тогда, когда Разин только начал поход на Астрахань. Догнал он восставших у Черного Яра. В черноморском бою отличился. Затем вместе со всеми лазил на астраханские стены. Отличился и здесь. Был примечен за смелость Разиным. Оценили Галушку разинцы. Избрали его десятником, то есть старшим над десятью. Дал слово Галушка биться насмерть с боярами, нигде не отстать в походе, не бросить новых своих товарищей.

Из Астрахани Галушка вместе со всеми пришел в Царицын и вот теперь явился в родной Саратов.

Беря города, Разин устанавливал в них порядки по казацкому образцу. Горожане делились на сотни. Каждая сотня избирала себе атамана. Таких атаманов — старших над сотнями — называли сотниками.

В Саратове тоже стали избирать своих атаманов. Собрались на выборы и жители той части города, в которой родился Галушка. Да и сам Галушка пришел на выборы. Любопытно ему посмотреть.

Когда дело подошло к тому, кого называть в атаманы, как-то поначалу смутились люди. Никогда еще не избирали они себе начальников. Смотрят жители один на другого, кого бы в начальники крикнуть.

И вот тут-то Галушка чихнул. Чихнул и тем обратил на себя внимание.

И сразу все закричали:

— Галушку, Галушку давай в атаманы!

Нужно сказать, что любили Галушку саратовцы. Был он смелым не только в бою. По натуре был он прямым и честным.

Понял Галушка, если изберут его атаманом — значит, конец похода. Надо будет остаться в городе, бросить своих товарищей.

— Братцы, увольте! — кричит Галушка. — Братцы, давай другого! Я и так уже избран десятником.

Однако не слушают люди разинца.

— Галушку давай, Галушку! Он отличился при Черном Яре. Он на астраханские стены лазил. Сам Степан Тимофеевич его приметил. Давай Галушку! Пусть старшим над нами будет.

Проголосовали саратовцы. Избрали Галушку саратовским сотником. Бросился бедняга сразу же к Разину. Обо всем рассказал. Рассказал и просит:

— Уволь, отец атаман! Христом богом прошу — уволь. Как же я брошу своих товарищей?

— Не могу, — отвечает Разин. — Не я же тебя избирал. Люди тебя назвали. Как же я против воли людской пойду?

— Так я же, отец атаман, за правду, за волю желаю биться. Я ж у тебя в десятниках.

Посмотрел на Галушку Разин:

— За правду и волю не только пищалью бьются. Нужны атаманы на поле боя. Нужны атаманы и в жизни мирной. Избран народом — служи народу. Да вот что: ступай спасибо скажи саратовцам.

КТО ПОМОГАЕТ

Недолго пробыл в Саратове Разин. Установил здесь порядки вольные. Дальше — на Самару пошел.

В Самаре на берегу Волги заспорили как-то стрелец и ярыжка: откуда у Разина сила, кто помогает Разину?

— Дьявол ему помогает, дьявол, — твердил стрелец. — Нечистое дело, раз без боя вся Волга ему дается.

— Эх ты, голова, — бог помогает Разину.

— Тьфу, непутевый! Какой же бог?

— Нет, бог, — стоял на своем ярыжка. — Видит всевышний, что правое дело за Разиным. Вот поэтому и помогает.

До спора русский народ охочий. Не уступает стрелец ярыжке, не уступает стрельцу ярыжка. Чуть не побил ярыжка стрельца веслом. Чуть не хватанул ярыжку стрелец бердышом.

Собрались вокруг крикунов новые люди. И эти затеяли спор. Одни, как ярыжка, за то, что господь помогает Разину. Другие стрелецкого держатся мнения.

— Нет, все же дьявол ему помогает.

А в это время Степан Тимофеевич как раз подходил к Самаре. Решили стрелец и ярыжка выйти навстречу Разину, пристать к головному отряду и все, как есть, своими глазами увидеть. Сели в лодку, двинулись в путь.

— Дьявол! — кричит стрелец.

— Господь! — еще сильнее кричит ярыжка.

— Дьявол! — рвет глотку свою стрелец.

— Господь! — не жалеет глотку свою ярыжка.

Плывут и снова о том же спорят.

Не уступает стрелец ярыжке, не уступает стрельцу ярыжка. Чуть не выбросил ярыжка стрельца за борт, чуть не прикончил в лодке стрелец ярыжку.

Заночевали они в пути. Улеглись под развесистым дубом. Спать бы пора. Однако до спора русский народ охочий. Крики стоят под дубом:

— Дьявол!

— Господь!

— Дьявол!

— Господь!

Чуть не придушил ярыжка стрельца под дубом. Чуть не вздернул на дубе стрелец ярыжку.

Заснули они только к рассвету. А в это время Разин прошел теми местами. Пришлось возвращаться спорщикам снова к Самаре. Приплыли к Самаре. Город в руках у Разина. Сдалась Самара восставшим без боя. Распахнулись и здесь ворота.

— Вот видишь — дьявол ему помог.

— Не дьявол, а господь бог!

И снова сцепились стрелец и ярыжка. Схватили друг друга за плечи, за бороды. Каждый другого на части рвет.

Качнулась под ними лодка. Не устояла, перевернулась. Бухнулись оба в воду. Нет бы скорее к берегу. Но не выпускает стрелец ярыжку. Мертвой хваткой вцепился в стрельца ярыжка.

Крикнул ярыжка:

— Господь!

— Дьявол! — стрелец ответил.

И оба пошли на дно. Сомкнулась вода над ними. Лишь — буль-буль — захлопали пузыри. Так и остался неясным спор.

Откуда у Разина сила? Кто помогает Разину? Любопытно, кто же из вас ответит?

ПРОМОРГАЛИ

В шатер Разина ворвался сторожевой казак:

— Отец атаман! Батька! Степан Тимофеевич!

Раннее, раннее утро. Спит, отдыхает Разин. Метрах в ста от шатра вода. Волга плещет волной о берег. Солнце еще не взошло. Вот-вот с востока лучами брызнет.

— Батька! Степан Тимофеевич!

Разин открыл глаза.

— Отец атаман, беда! Боярское войско подходит к Самаре.

Вскочил, как пружинной подброшенный, Разин. Саблю схватил на ходу. Пистолеты за пояс сунул. Рванул атаман полог шатра. Чуть шатер от рывка не рухнул.

Выбежал Разин наружу, а кругом уже собирались и строились в сотни отряды.

— К бою! К бою! — неслись команды старшин и сотников.

Вскочил Разин верхом на коня, глянул в заволжские дали. Видит: над полем, над степью пыль. По тому, как стелилась пыль, понял Разин, конное движется войско.

Откуда оно взялось?!

— Эх, проморгали разведчики!

Окружили Разина атаманы:

— Батька, какие давать команды?

— На конное войско ответим конным.

Застучали копыта казацких коней. Построились сотни к бою.

Разрастается над заволжским простором пыль, все ближе и ближе подходит к городу. Внимательно смотрит Разин. Вот уже через пыль видны и отдельные всадники.

«Смело идут, — подумал Степан Тимофеевич. — Ну что же, давай, давай, спеши под казацкие взмахи!»

Разин представил, как врубится в строй дворян, как вскинет привычно саблей. Близкую битву почуял и конь. В нетерпении землю рванул копытом.

— Ну что же, пора начинать, — прикинул Разин.

Снова глянул на вражеских всадников. Хотел подавать команду. Глянул да так и застыл. Не видит Степан Тимофеевич всадников. Коней видит, а воинов нет. Несутся к Самаре кони без всадников. С трудом насчитал атаман пятерых наездников. Правда, возможно, других укрывала пыль. Может, в такой атаке хитрость была дворянская?! Только не дворянские что-то на людях одежды. Не в кафтанах они, не в доспехах рейтарских. В высоких башкирских шапках.

Присмотрелся Разин еще внимательней. И вдруг признал одного из всадников:

— Да это, никак, Гумерка!

Машет Гумерка рукой, что-то кричит, улыбается.

Вот тут-то все вспомнил и понял Степан Тимофеевич.

Плохо было с конями у разинцев. Войско росло. Коней не хватало. Разин даже посылал казаков в прикаспийские степи. Денег дал для покупки коней. Однако вернулись ни с чем посланцы.

Башкирец Гумерка появился в разинской армии возле Саратова. Пробыл недолго. Вскоре исчез. А уходя, сказал одному из приближенных к Разину казаков:

— Передай отцу атаману: будет ему гостинец.

Долго тогда гадали, какой же гостинец будет. И вот Гумерка слово сдержал. Шестьсот коней пригнал из родной Башкирии.

Расцеловал Разин Гумерку, пригласил в атаманский шатер, угостил и вином и брагой.

— Хороши кони, хороши, — говорили разинцы, разглядывая степных скакунов. — Вот так тебе гостинец. Ай да башкирец — степной народ! Свой, не чужой, выходит.

БАШИРКА

Вместе с Гумеркой, пригнавшим разинцам шестьсот лошадей, прискакал к Самаре и сын Гумерки — Баширка. Ростом он был отцу едва по колени. Четыре года всего Баширке. Однако сидел на коне мальчонка, словно в седле родился.

На Дону мальчишки тоже не лыком шиты. Тоже в седле с пеленок. Пожалуй, легче выпить Каспийское море, чем поразить казака ездой. И все же Баширка сразил станичников.

Залезал на коня он без всякой помощи. Хватался рукой за стремя, потом за гриву. Момент — и на лошадиной холке уже мальчишка. Скакал на коне и сидя и стоя. В седле. Без седла. Лицом вперед. Лицом назад. Держался на лошадиной спине, на шее, на конском крупе.

Не менее ловко Баширка бросал аркан.

— Тебе бы зайцев ловить арканом, — шутили над ним казаки.

Но главное — Баширка отличился у разинцев тем, что выиграл у пушкаря Ивана Заброды пушку.

Не поверил Заброда в умельство Баширки.

— Чтобы такой кутенок стоя скакал на коне? Не может такого быть. Не может, — твердил Заброда. — Согласен с каждым на спор. Продержится он на коне дольше, чем любой из вас стянет с меня сапоги, отдам сапоги, да что сапоги! — пусть забирает пушку.

Заброда вообще любил по любому поводу с каждым идти на спор.

Залез на коня Баширка. Рванулся вперед скакун. Поднялся мальчишка в рост. Ручонки раскинул крыльями, прокричал по-башкирски что-то, понесся по полю ветром.

Стянули с Заброды давно сапоги. Стоит босиком пушкарь. А Баширка все скачет и скачет. Даже для озорства чуть ли на лошадиной спине не пляшет.

— Может, заодно рубаху с тебя стянуть? Может, содрать штаны? — хохочут казаки над Забродой.

Пронесся скакун по полю, вернулся к исходному месту. Слез на землю с коня Баширка.

Зачесал Заброда рукой в затылке. Стоит, в удивлении раскрывши рот.

— Кати пушку! — кричат казаки. — Пушку кати. Не жалейка ее, голубушку. Ай да Баширка!

Разин услышал казацкие крики. Подошел атаман на шум.

— Что тут такое? — спросил сурово.

— Проиграл Заброда мальчишке пушку!

Объяснили разинцы Разину, с чего началось и чем все закончилось.

Опустил пушкарь голову. Боится взглянуть на Разина. Ой и выплет сейчас атаман!

— Что же стоишь? Кати, — произнес Степан Тимофеевич. — Был смел в словах, будь смел в ответе.

Впряг в пушку Заброта коней. Прикатил ее к месту спора.

— Ну что же, бери, Баширка, — сказал Разин.

Только пушку Баширка не взял. Возможно, и взял бы ее мальчишка. Уж больно глаза блестели. Однако Гумерка что-то ему шепнул. Вернул мальчик Заброте и пушку и сапоги.

— Спас бесенок тебя, уберег, — говорили Заброте разинцы. — Срубил бы за пушку отец атаман твою неразумную голову.

Заброта и сам понимал, что вряд ли б живым остался. Не было в разинской армии ничего, что бы ценилось превыше пушек. Мало их очень было.

Три дня пробыл у разинцев мальчик. Затем отец отправил его домой. Двое табунных погонщиков возвращались назад в Башкирию. Простились с мальчиком разинцы. Простился с Баширкой и Разин. На память серьгу дорогую дал.

— Прощай, Баширка, дороги тебе удачной.

Долго хранилась у разинцев память о мальчике. Пушку Ивана Заброты теперь называли «Баширкина пушка».

РАЙСКАЯ ЯГОДА

Недолго пробыл в Самаре Разин. Дальше — на север, к Симбирску пошел походом. Идет вверх по Волге Разин. А в это время следом за ним поднимается струг с виноградом. Это астраханцы решили послать атаману гостинец.

— Пусть отведают отец атаман. Пусть и казаки ягодой этой побалуются.

Виноград отборный — райская ягода. Грозди одна к одной.

Добрался струг до Царицына. В Царицыне Разина нет. Ушли отряды уже к Саратову.

Филат Василенок — старший на струге — подал команду трогаться дальше в путь. Добрался струг до Саратова. В Саратове Разина нет. Ушли отряды уже к Самаре.

Призадумался Филат Василенок. Лето жаркое. Дорога дальняя. Портиться стал виноград. Половина всего осталась.

— Ну и прытко идет атаман!

Подумал Филат, все же решил догнать Разина.

— Налегай, налегай! — покрикивает на гребцов.

Налегают гребцы на весла.

Прибыли астраханцы в Самару. В Самаре Разина нет.

— О господи! — взмолился Филат Василенок. — За какие такие грехи наказал ты меня, несчастного?

От винограда и десятой доли теперь не осталось. Гребцы за дорогу к тому же устали. В струге возникла течь.

Думал, думал Филат Василенок, крутил свою бороду. В затылке и правой и левой рукой чесал. Прикидывал так и этак. Ясно Филату, не довезет он Разину гостинец в сохранности.

Решил Василенок дальше не плыть. «Эй, была не была — раздам виноград я самарцам! Детям, — подумал Филат. — Вот кому будет радость».

Так и поступил.

Для самарцев виноград — ягода невиданная. Собрались к берегу Волги и мал и стар.

Раздавал Василенок виноград ребятишкам, приговаривал:

— Отец атаман Разин Степан Тимофеевич жалует.

То-то был праздник в тот день в Самаре! Виноград сочный, вкусный. Каждая ягода величиной с грецкий орех. Набивают ребята рты. Сок по губам, по щекам течет. Даже уши в соку виноградном.

Вернулся Василенок в Астрахань. Рассказал все, как было. Не довез, мол, виноград Разину. Раздал его в Самаре ребятам.

— Как! Почему? — возмутились астраханцы.

Обидно им, что их гостинец не попал к Степану Тимофеевичу. Наказали они Филата. А к Разину послали гонца с письмом.

Написали астраханцы про струг с виноградом, про Филата, про самарских ребят. В конце же письма сообщили: «Бит Филат Василенок нещадно кнутами. А будет воля твоя, отец атаман, так мы посадим его и в воду.[1] Отпиши».

Ответ от Разина прибыл.

Благодарил Степан Тимофеевич астраханцев за память, за струг. Написал и о Филате Василенке. Это место астраханцы читали раз десять. Вот что писал Разин:

«А Филатке Василенку моя атаманская милость». Далее шло о том, что жалует Разин Филата пятью соболями, то есть пятью соболиными шкурками, казацкой саблей и шапкой с малиновым верхом. «Дети, — значилось в разинском письме, — мне паче себя дороже. Ради оных и бьемся мы с барами. Ради оных мне жизни своей не жалко».

ДЕЛО БЫЛО В КРУТЫХ ЖИГУЛЯХ

Дело было в крутых Жигулях. Избили товарища разинцы.

Началось все с того, что собрались они на высокой круче. Смотрели оттуда на даль и ширь. Простором речным любовались. Потом незаметно завязался у них разговор. Слово за словом. Шутка за шуткой. Где на серьезе, где просто с ухмылкой. Кончилось

тем, что заспорили разинцы вдруг, что бы сделал каждый из них, если бы стал царем. Вот до чего додумались.

— Я бы досыта ел, — заявил один.

— Я бы досыта спал, — заявил второй.

— Я бы ведрами брагу пил, — прозвучал и такой ответ.

Кто-то сказал:

— Я бы в кафтане ходил малиновом.

Пятый тоже мыслишку под хохот вставил:

— Ой, братцы! Если бы только я стал царем, я бы на персидской княжне женился.

Потом ответы пошли посерьезнее.

— Я бы все поменял местами. Простых людишек боярами сделал, бояр превратил в холопов.

— А я бы, как батька наш Степан Тимофеевич, волю любому и землю дал.

— Я бы дворянство извел под корень.

Увлечлись, размечтались не в шутку разинцы. Начинают уже говорить и о том, что не под силу царю любому, будь ты хоть первым из первых царь. В голову лезут любые фантазии.

— Я бы скатерть завел самобранку. Бросил ее на землю: «Эй, набегай, людишки!» — любого рода, любого племени — турок, башкир, казак. В обиде никто не будет.

— Я бы дивный построил город. Чтобы стены его — до неба, крыши — из хрусталя. Живите на славу, люди!

— А я бы такое сделал, чтобы люди не знали смерти.

— Я бы придумал живую воду, чтобы поднять из могил погибших в боях казаков.

— Дал бы я людям крылья, чтобы люди выше орлов летали.

Шумно ведется спор. О красивой жизни народ мечтает. Каждый всеильным себя считает.

И только парень один молча стоял, прислонившись к сосне, смотрел на других удивленно и глупо глазами хлопал.

— Ну, а ты бы, — полезли к нему казаки, — что ты сделал, если бы стал царем?

— Я-то? — переспросил парень.

— Ты-то.

— Я бы купил корову.

Сбил он ответом разинцев. Хоть и понятны его слова. В жизни парень, видать, намучился. Да не к месту его ответ. Зачем же в такую минуту он с дурацкой коровой снул? Сбил у людей фантазии.

Обозлились на парня разинцы.

Дело было в крутых Жигулях. Побили товарища разинцы.

КАЧЕЛИ

Быстро шел вверх по Волге Разин. Истомились войска в походе. И вот в каком-то приволжском большом селе стали они на отдых.

В первый же день казаки соорудили качели. Врыли в землю столбы — в каждом по пять саженой. Выше деревьев взлетали качели.

Сбежались к берегу Волги и парни, и девки, и все село. Визга здесь было столько, смеха здесь было столько, что даже Волга сама дивилась, привставала волной на цыпочки, смотрела на шумный берег.

В полном разгаре отдых. Три дня как кругом веселье.

— Эх, простоять бы нам тут неделю! — поговаривают казаки.

К Волге, к качелям, вышел и Разин.

— А ну-ка, батька!

— Степан «Тимофеевич!

— Место давай атаману! Место! — кричат казаки.

Потащили его к качелям:

— Прелесть кругом увидишь!

Усмехнулся Степан Тимофеевич:

— А вдруг как не то с высоты увижу?

— То самое, то, — не унимаются разинцы. — И Волгу, и плес, и приволжские кручи. Над лесом взлетишь, атаман. Как сокол расправишь крылья.

Залез на качели Разин. Вместе с девушкой местной — Дуняшей. Замерло сердце у юной Дуняши. Вцепилась она в веревки.

Набрали качели силу: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Разгорячился Степан Тимофеевич. Разметались под ветром кудри. Полы кафтана, как крылья, дыбятся. Глаза черным огнем горят. Все выше и выше взлетают качели. Режут небесную синь.

— Вот это да! По-атамански, по-атамански! — кричат казаки.

Побелела совсем Дуняша.

— Ух, боязно! Ух, боязно!

— Девка, держись за небо! — какой-то остряк смеется.

Состязаются весельчаки:

— Отец атаман, бабку мою не видишь?

— Может, ангелов в небе видишь?

— Как там Илья-пророк?

— И ангелов вижу, и бабку вижу. А вона едет в карете Илья-пророк, — отвечает на шутки Разин. А сам все время на север смотрит — туда, куда дальше идти походом. Даже ладошку к глазам подводит.

Заприметили это разинцы.

— Что там, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

— Чего видишь, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

Недоумевают внизу казаки. Может, пожар атаман увидел? Может, боярские струги идут по Волге? Или вовсе какая невидаль? Прекратилось вокруг веселье. Обступили качели разинцы.

— Что видишь, отец атаман?

Выждал Разин, когда все утихло:

— Горе людское вижу. Слезы сиротские вижу. Стоны народные слышу. Ждут нас людишки. На нас надеются.

Кольнули слова атамана казацкие души.

Замедлили мах качели. Спрыгнул на землю Разин. Подошел к нему сотник Веригин:

— Правда твоя, атаман. Не ко времени отдых выбран.

— Верно, верно, — загудели кругом казаки. — Дальше пошли походом.

Поднялось крестьянское войско. Сотня за сотней. Отряд за отрядом. Взыбилась дорожная пыль.

Остались в селе качели. Долго еще на них мальчишки взлетали в небо. И, замирая на высоте, вслед ушедшим войскам смотрели.

Глава третья СНЯТСЯ БОЯРАМ СТРАШНЫЕ СНЫ ЕПИФАН КУЗЬМА-ЖЕЛУДОК

Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник — Разин верхом на коне.

В тревоге живут бояре. И в Твери, и в Рязани, и в Орле, и в Москве, и в других городах и селах.

Послышится цокот копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги.

Ветер ударит в окна — боярское сердце замрет и екнет.

Боярин Епифан Кузьма-Желудок боялся Разина не меньше других. А тут еще барский холоп Дунайка рассказывал ему что ни день, то все новые и новые страсти. И, как назло, всегда к ночи.

Много про Разина разных слухов тогда ходило. И с боярами лют, и с царскими слугами крут. И даже попов не жалует. А сам он рожден сатаной и какой-то морской царицей. В общем, нечистое это дело.

— Пули его не берут, — говорил Дунайка.

— Пушки, завидя его, умолкают.

— Перед ним городские ворота сами с петель слетают.

— Ох-ох, пронеси господи! — крестился боярин Кузьма-Желудок.

— А еще он летает птицей, ныряет рыбой, — шепчет Дунайка. — Конь у него заколдованный — через реки и горы носит. Саблю имеет волшебную. Махом одним сто голов сбивает.

— Ох, ох, сохрани господи!

— А еще, — не умолкает Дунайка, — свистом своим, мой боярин, он на Волге суда привораживает. Свистнет, и станут на месте струги. Люди от погляда его каменеют.

— Ох, ох, не доведи свидеться!

Живет боярин, как заяц, в страхе. Потерял за месяц в весе два пуда. Постарел сразу на десять лет. На голове последних волос лишился.

Молился боярин Кузьма-Желудок, чтобы беда прошла стороной. Не услышал господь молитвы.

И вот однажды ночью случилось страшное. Открыл бедняга глаза — Разин стоит у постели.

Захотел закричать боярин. Но понимает — не может.

И Разин молчит, лишь взглядом суровым смотрит. Глаза черным огнем горят.

Чувствует боярин, что под этим взглядом он каменеет. Вспомнил слова Дунайки. Двинул рукой — не движется. Двинул ногой — не движется.

— О-о!.. — простонал несчастный. Но крик из души не вышел.

Утром слуги нашли хозяина мертвым.

— С чего бы?

— Да как-то случилось!

Не понимают в боярском доме, что с барином их стряслось.

— Что-то рано господь прибрал.

— Жить бы ему и жить.

— Может, выпил боярин лишку?

— Может, что-то дурное съел?

— Сон ему, может, недобрый привиделся? Уж больно всю ночь стонал.

...Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник.

ВЕРХНИЙ ЛОМОВ, НИЖНИЙ ЛОМОВ

Стояли они по соседству. Два небольших городка — Верхний Ломов, Нижний Ломов.

Когда разинцы брали города, они поступали так.

Собирали на площадь народ. Приводили сюда воеводу. Люди и решали его судьбу.

Разинский сотник спрашивал:

— Карать или миловать?

Если люди кричали: «Карать!» — воеводу тут же при всех казнили.

Если кричали: «Миловать!» — отпускали его, не тронув.

Так было в Саратове, в Самаре, в Черном Яру, в Царицыне. Так поступали восставшие и в других городах.

Оба Ломова взял разинский атаман Михаил Харитонов.

Ворвались разинцы в Нижний Ломов. Собрали народ. Привели воеводу. Вышел вперед Михаил Харитонов:

— Карать или миловать?

Кто-то крикнул:

— Карать!

Но тут же десятки других голосов:

— Миловать!

— Миловать!

— Миловать!

Отпустил атаман воеводу.

Видать, не все воеводы звери. У иных и что-то людское есть. Если люди кричат помиловать — тут уж верховный суд.

Ворвались разинцы в Верхний Ломов. Да что-то замешкались — дело было к исходу дня, не сразу людей собрали. Сидел воевода пока под запором, ждал своей участи.

Вспомнил Харитонов утром про арестанта, дал команду собрать народ. Собрались горожане на площади.

Пришел Харитонов. Ждет, когда казаки приведут воеводу. И вдруг прибегают, докладывают разинцы:

— Атаман, нет воеводы. Сидел под запором, а ноне пусто.

— Как — пусто? Бежал?!

— Нет, не бежал, атаман.

— Может, от страха помер?

— Нет, страх его, черта, не взял. Однако в живых его тоже нет.

— Как — нет?!

— Людишки без нас сами подняли его на вилы. Выходит, слово свое сказали уже людишки.

ПРИЮТ И ПОКОЙ

Охватило крестьянское возмущение всю Волгу, от понизовых до самых северных ее городов. Разин идет по центру, а слева и справа и забегая вперед, словно реки в разлив по весне, растеклись и поднялись сотни других отрядов. Восстали крестьяне и на Ветлуге, и на Хопре. Бьют тревогу бояре в Тамбове и Пензе. У Тулы и даже под самой Москвой загоны восставших бродят. Владимир и Суздаль не знают покоя. Украина вот-вот за бояр возьмется.

Бегут бояре из насиженных дедовых мест. Страшатся народного гнева.

Бежал из своей вотчины и боярин Феофан Круторогов. Бежал из-под Пензы как раз к Тамбову. Был под Тамбовом у Круторогова друг. Тоже боярин. Семен Рогокрутов. Решил у него укрыться.

Бежал Круторогов к Тамбову, а в это же время из-под Тамбова навстречу к нему бежал спасаться Семен Рогокрутов. Думал под Пензой найти спасение.

Повстречались друзья в пути.

— Свет мой Семен Васильевич!

— Душа моя Феофан!

— Куда ты?

— К тебе. Куда ты?

— К тебе.

— Ох ты!

— Ух ты!

Плохи дела под Пензой, плохи дела под Тамбовом.

Постояли друзья, подумали. Решили бежать к Воронежу. Жил под Воронежем у Круторогова и Рогокрутова друг. Тоже боярин, Сисой Водохлюпов. Надеялись бояре — уж там-то спасение. Пробираются друзья под город Воронеж. А в это время из-под Воронежа к Тамбову и Пензе идет Водохлюпов.

Повстречались они в пути.

— Свет наш Сисой Гаврилович!

— Душа Феофан, душа ты моя, Семен!

— Куда ты?

— К вам пробираюсь.

— Вот те и раз! А мы-то как раз к тебе.

— Ух ты!

— Ох ты!

Узнали друзья, что плохи дела и под Воронежем. Постояли, подумали. Решили бежать в город Шацк. Под городом Шацком жил у приятелей друг. Тоже боярин. Захар Хлюповодов.

Меряют версты приятели к городу Шацку. А в это время из Шацка идет им навстречу Захар Хлюповодов.

Повстречались друзья у древних больших ракич.

— Свет наш Захар Захарыч!

— Душа Феофан! Душа Семен! Душа ты моя, Сисой! Вот так встреча!

— Куда ты?

— К вам ведь, любезные!

— Ну и ну. А мы-то как раз к тебе.

— Ох ты!

— Ух ты!

Плохи дела и под городом Шацком. Опустились бояре на землю. Сели в тени ракич. Что же боярам делать? Куда же друзьям бежать?

— К северу? К югу?

— Пошли на восток.

— Нет, бояре, давай на запад. К литовской пойдем границе.

Сидят бояре в тени раки. Спорят, куда им от гнева людского скрыться. Спорят бояре. Не видят бояре, как вышли из леса крестьяне. Тут и спору пришел конец.

Заболтались на ракигах бояре. Нашли свой приют и покой.

ВЕЛИКИЙ ГАГИН

Бегут бояре из насиженных дедовых мест. А вот боярин Великий Гагин никуда не бежал. Остался.

— Да я им, холопам! — кричал боярин. — Пусть только посмеют. Я с ними в один момент.

Если правду сказать, Василий Гагин был человеком смелым. И, уж конечно, крутым на расправу. Гагинские мужики на своей шкуре это не раз испытали.

В ожидании разинцев Гагин без дела сидеть не стал. В молодости служил он в стрелецких войсках. Вот и вспомнил боярин молодость.

— Первым делом, — заявил Гагин, — нужно насыпать высокий вал.

Взялись мужики за работу, насыпали вокруг барского дома вал.

— Хорошо, — осмотрев, сказал Гагин. — А теперь нужно вырыть глубокий ров.

Крестьяне опять за лопаты. Вот и ров готов.

— А на валу, — продолжает Гагин, — нужно построить стены.

Вооружились мужики топорами. Опять старались. Появились на волу стены.

— Хорошо, — одобрил Великий Гагин. — Ну, а теперь нужна нам дозорная вышка.

Появилась и вышка.

Сам Гагин лазил на эту вышку. Посмотрел на все на четыре стороны и опять заявил:

— Хорошо.

Когда крепость была построена, завез Гагин в нее пищали и мушкеты. Неделю крестьян обучал стрельбе. Оказались они способными. Пожалуй, лучше стрелцов стреляли.

А так как крепость без пушки не крепость, то раздобыл Великий Гагин и пушку. И снова учил мужиков стрелять. Стали они заправскими пушкарями и опять заслужили доброе слово Гагина.

Выдал боярин каждому по кружке хмельного. Выпили мужики за крепость, за Гагина.

По приказанию хозяина пушку поставили дулом к востоку, к Волге, туда, откуда и ожидали атамана Разина.

— Ну, приходи, — потирал руки Великий Гагин.

И Разин пришел. Только еще до этого, не дожидаясь появления Разина, как только крепость была готова, крестьяне сами схватили Гагина. Но не убили. За науку, за крепость, за пушку простили боярину прошлые свои обиды. А когда разинцы появились, вывели крестьяне своего барина к пушке и заставили стрельнуть. Но не в людей, а в небо. Как привет-салют Разину.

Великий Гагин ругнулся, сплюнул, но стрельнул.

Узнав от крестьян, откуда у них пищали, мушкеты и пушки, Разин тоже пощадил Гагина.

— Значит, и бояре нам помогают, — говорил с улыбкой Степан Тимофеевич. — Ну что же, спасибо, помощничек, — подмигнул он Великому Гагину.

МОНАШЕНКИ

Княгиня Лыкова, как и Великий Гагин, тоже осталась в своем имении. Только вал насыпать княгиня не стала. Ров вокруг дома не рыла. Мушкетов не покупала. Пушку тем более.

Просто пустила она на постой монашенок.

— Святую обитель злодей не тронет!

Поселились монашенки в имении Лыковой. Стали земные поклоны бить, читать без конца молитвы.

Прошла неделя, прошла вторая, присмотрелись монашенки, освоились.

Жить в монастыре за высокими стенами — это тоска тоской. Другое дело вот здесь, в имении. Речка бежит за откосом. Колышется рядом лес. В лесу и грибы и ягоды. Птицы поют на рассвете.

Живут монашенки в доме у Лыковой, отбивают земные поклоны, а сами о речке, о лесе думают.

Как-то одна из них украдкой искупалась в реке. А потом по секрету другим рассказала.

Вторая украдкой ходила в лес. И тоже о том проболталась. Принялись и другие на речку бегать. Начали в лес ходить.

Проклинают монашенки свою неволю. Заразились мечтой о воле. То соберутся они на лугу — песни поют мирские. Ночь наступит. Спать монашенкам давно пора. Не спится монашенкам что-то. Смотрят на звезды, сидят, вздыхают. То рассказы начнут о доме.

Стыдит их княгиня Лыкова:

— Ах вы такие, ах вы сякие! Так-то вы господу богу служите? Так-то земные поклоны бьете?

Не помогает.

Кричит на них Лыкова:

— Ах вы бесстыдницы! Ах вы безбожницы! Так-то вы святость свою бережете? Так-то службу несете царю небесному? Вот вам кары пошлет господь!

Не помогает.

Летят на монашенок, как град, угрозы:

— Не бывать вам в хоробах райских. Не слышать вам пения ангелов. Гореть вам, грешницы, в пламени адовом. Вечные веки в кипящих котлах страдать.

Не помогает.

— Смиритесь, смиритесь! — кричит княгиня.

До того довела она бедных монашенок, что жизнь им теперь не в жизнь. Обозлились монашенки, сожгли имение и разошлись по домам.

Долго потом говорили люди:

— Разин спалил имение, Разин. Он и в наших местах побывал.

А Разин поблизости вовсе и не был. Прошел он где-то дальней совсем стороной.

Почему же так говорили люди?

СМЕКАЛИСТЫЙ

В великом страхе живут бояре. Прячут свое добро. Кто в колодце его утопит, кто в погребях укроет, кто специальные ямы роет.

Боярин Квашня Квашнин спрятал свои богатства в навозной куче.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к куче навозной сунется?

Легко на душе у боярина. Охраняет навозная куча барское золото и серебро.

Однако прошла неделя, и забеспокоился вдруг Квашнин. Чудится все боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Перепрятал боярин богатства в другое место. Зарыл на опушке леса у старого дуба под самым осиным гнездом.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к осам посмеет сунуться?

Легко на душе у боярина. Гудят возле дуба осы. Охраняют барское золото и серебро.

Однако прошла неделя, и забеспокоился вдруг Квашнин. Чудится все боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Снова вырыл богатства Квашня Квашнин. Вновь перепрятал. Закопал у гнилых коряг, там, где водились змеи.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к гадючьему месту сунется?

Легко на душе у боярина. Шипят, копошатся змеи. Охраняют барское золото и серебро.

Снова прошла неделя, и опять у бедняги покоя нет. Чудится все боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Вновь решил перепрятать добро Квашнин. Теперь уже наверняка. Теперь уже в самое верное место. Поволок серебро и золото в дремучий-дремучий лес.

— В медвежьей берлоге добро укрою. Вот я какой смекалистый! Кто же к берлоге сунется?

Только неласково встретил медведь боярина. Хватанул его лапой косматой. Тут и пришел Квашне Квашнину конец.

Лежит в дремучем лесу смекалистый. Прощай барское золото и серебро!

ЧУДЕСА

Боярин Кирилл Морозов был страшнее самого лютого зверя. Даже рычал по-звериному:

— Быдло! Холопья! Р-р-р-ры!

Бил он дворовых всем, что попадало ему под руки: палка — так палкой, оглобля — оглоблей, прут из железа — ударит железом.

А тут... Впрочем, судите сами.

Изменился совсем боярин. Пальцем людей не тронет. Косо не взглянет. Басом не крикнет. Не рыкнет, не плюнет и даже не дунет в их сторону. Кого ни увидит, кого ни встретит — первым же шапку скинет.

Вот чудеса какие!

Звал он раньше дворовых: Тришка, Епишка, Ермошка, Антошка, Сережка, а чаще всего — дурак.

Теперь же Тришка у боярина — Трифон, к тому же по бабушке — Трифон Евсеич, Епишка — Епифан Алексеич, Ермошка — Ермолай Спиридоныч, Антошка — Антон Капитоныч, Сережка — Сергей Сергеич. И, уж конечно, совсем позабыл боярин про слово свое «дурак».

Вот чудеса какие!

Раньше боярин был сущий боярин. В лености жил он и в праздности. Охоту любил Морозов. Ведроми брагу пил. Слуги его одевали. Слуги его раздевали. Чуть ли не с ложки его кормили. Пешком не ходил боярин. Важно в карете ездил.

Теперь же — ну просто диву дается народ. Одевается барин сам. Раздевается барин сам. Забыл про охоту. Забыл про брагу. Карету спалил, не ездит.

Другие заботы у барина. То колет дрова Морозов. То машет косой на лугу. То землю, согнувшись, пашет. Полюбил он крестьянский труд. Жить без труда не может.

Вот чудеса какие!

— Научил его Разин, — смеялись люди.

И правда, чем ближе подходило разинское войско к этим местам, тем становился боярин все более нежным, все более добрым, становился во всем примерным.

И только одно лишь смущало крестьян.

Уж больно старательно землю боярин пашет. Раз пропахал он поле, начинает снова его пахать. Два пропахал, берется за третий. И вот уже пашет все то же поле в четвертый и в пятый раз.

«Что такое?!» — дивятся люди.

Присмотрелись они повнимательней, и тут-то секрет открылся: от великого страха боярин ума лишился.

НИЗГУРЕЦКИЙ И СВИСТЕЦКИЙ

Дворянин Низгурецкий побывал по казенным делам в Москве. Ездил в какой-то приказ, от воеводы привез бумаги. Говорилось в этих бумагах, что у них в Переяславском уезде покой, тишина, боярам народ послушен, бунтовства нет и, видать, не будет.

Повстречал Низгурецкий в Москве дворянина Свистецкого.

Свистецкий приехал в Москву из Саратова.

— Ох, ох, страх, что в наших краях творится! — стал причитать Свистецкий. — Ошалел, побесился народ. Вор Стенька словно с цепи сорвался. — Принялся Свистецкий рассказывать, как саратовцы сдали город, как казнили они воеводу, как кричали «ура!» злодею. — Я-то чудом великим спасся. В холопьем платье от них бежал.

— А в нашем уезде спокой, тишина, — заявил Низгурецкий. — Мы от вора надежно Москвой прикрыты.

Выпили дворяне по чарке хмельного вина. Долго о смуте народной еще говорили. Кончилось тем, что пригласил Низгурецкий в гости к себе Свистецкого. Согласился Свистецкий, сказал: приедет.

Объяснил Низгурецкий ему дорогу:

— Как проедешь мосток через речку Нерль, свернет дорога одна налево, другая пойдет направо. Так вот, чтобы попасть ко мне, надо свернуть направо и ехать лесной чащобой. Проедешь лесной чащобой, увидишь — стоят три сосны. Тут снова пойдут дороги: одна направо, другая налево. Так вот, чтобы попасть ко мне, надо свернуть налево. Проедешь полверсты по этой дороге, будут стоять две березы. Тут снова пойдут дороги — одна налево, другая направо. Так вот: езжай хоть налево, езжай хоть

направо, прямо ко мне приедешь. Усадьба моя, — объяснял Низгурецкий, — как окончится лес, тут и стоит над рекою. Дом мой высокий. Крыльцо резное. Ворота железом стянуты. Да оно просто совсем найти. А собьешься — любой покажет.

Через несколько дней Свистецкий направился к Низгурецкому. Едет Свистецкий, кругом тишина, покой. Сердце дворянское радуется.

Доехал он до мостика через речку Нерль. Свернул направо. Свернул налево. Проехал мимо трех сосен и двух берез. Вот и открытое поле. Вот там впереди, над рекой, и усадьба стоит Низгурецкого. Только смотрит Свистецкий, а усадьбы как раз и нет. Ни дома высокого, ни крыльца, как обещано, ни обитых железом ворот.

Подивился Свистецкий: «Видать, не туда заехал. Где-то с дороги сбился».

Остановил он коня. Вернулся опять к березам, к соснам затем вернулся. Ездил налево, ездил направо. Час колесил по лесным дорогам. Устал. Истомился. Ободрался в лесных чащобах. Однако усадьбу нигде не нашел. Вернулся Свистецкий к мосту через Нерль. Тут и попался ему мужик.

— Эй! — закричал Свистецкий. — Где здесь живет Низгурецкий?

Объясняет ему мужик:

— Как поедешь, барин, лесной чащобой, так, проехав версту, увидишь ты три сосны. От сосен пойдут дороги: одна налево, другая направо. Так ты повертай налево. Проедешь еще с полверсты, увидишь — стоят две березы. Тут снова пойдут дороги: одна налево, другая направо. Так вот езжай хоть направо, езжай хоть налево, приедешь к открытому месту...

— Так я уже там бывал, — перебил мужика Свистецкий. — Там поле кругом, да и только.

— Не сбивай, не сбивай, — осерчал мужик. — Как бы тут самому не спутать. Так вот, когда доедешь до поля, бери направо и краем леса держись еще четверть версты. И вот тут-то... Да ты, боярин, и сам увидишь. Там осина еще стоит.

«Ах, вот оно в чем! — догадался Свистецкий. — Про осину, видать, я забыл. Ну и хмельное вино попало».

Поскакал Свистецкий опять к соснам, опять к березам, выехал к полю, свернул налево. И правда, увидел вдали осину. Пришпорил Свистецкий коня, подъехал к осине и от страха едва не помер. На осине висел Низгурецкий.

Заголосил Свистецкий ужасным криком. Вспомнил Саратов, бросился прочь. Только побоялся он ехать лесом. Помчался полем к реке. Тут и наткнулся Свистецкий на пепелище, на сожженный крестьянами барский дом. Лишь печь от него осталась.

Ширится. Ширится. Ширится. Разрастается пламя войны народной. Полой водой по стране идет. За вековые и тяжкие муки платит сполна народ.

«ТИШАЙШИЙ»

— Эх, эх, — вздыхал боярин Яков Одоевский, — послал нам господь тишайшего.

«Тишайшим» называли царя. Царь Алексей Михайлович был грузен, мясист, однако характер и вправду имел спокойный.

Любил он охоту. Больше всего соколиную. Леса под Москвой завидные. Дружки у царя веселые. Зверье на охотника так и прет. Да пропади ты пропадом все дела в государстве, если вздумалось поехать царю на охоту.

Мог он гоняться за зверем и день, и второй, и неделю, и месяц. В Кремле бояре лишь сидели гадали, когда лесной загул у царя окончится.

Весть о восстании Разина застала царя как раз на охоте. Привез ее Яков Одоевский.

Доложил обо всем Одоевский.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — ответил боярину царь.

Недолюбливал царь Одоевского. Нет царю от него покоя. Все время Яков Одоевский с делами различными лезет. И голос у боярина тихий, вкрадчивый, словно глотка салом гусиным смазана. И видом своим уродлив. Скула лошадиная. Бельмо на глазу. И ходит кошачьим шагом. Нет бы ступать по-мужски, с достоинством. Отправил боярина царь в Москву, сказал: через день приедет.

Однако приехал не скоро.

К этому времени разинцы взяли Астрахань.

— Вор Стенька смуту поднял великую, — доложил государю Одоевский. — Астрахань взята боем.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — ответил боярину царь.

Ответил — и тут же опять на охоту.

«Эх, эх, — вздохнул про себя Одоевский. — Послал нам господь зайчатника».

Когда царь снова вернулся в Москву, разинцы взяли Саратов.

— Царь-государь, — зашептал Одоевский, — вор Стенька вошел в Саратов. Люди валят к разбойнику, аки на сладость мухи.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — снова ответил царь.

И снова с дружками в леса уехал.

В третий раз вернулся с охоты царь. Новые вести несет Одоевский:

— Царь-государь, вор Стенька прошел Самару. Вся Волга в разбой ударилась. Татарва, черемисы, мордва, башкирцы — и эти к злодею кинулись. Зашаталась Русь, государь, зашаталась. Погибель идет дворянству. Брось, государь, потехи. — Боярин повысил голос. — Али не царь ты уже дворянский!

— Ну и пристал ты, боярин, как клещ! — обозлился царь Алексей Михайлович. Даже обиделся: — А чей же я царь — холопий?

Обиделся царь, однако за зайцами на сей раз не поехал. Остался. Дал приказ собирать дворянское войско. К Волге идти походом.

ПИКЕЙНЫЙ ШКВАДРОН

Зашевелилась боярская Русь. Для борьбы с Разиным в разных русских городах срочно набирались войска.

Созывались стрельцы, пушкари, воротники. Брали в войска и дворян, и детей боярских. К местам сбора двигались копейщики, пикиреры, рейтары, драгуны, гусары, просто солдаты.

Орловский воевода Никифор Спесивцев собрал целый пикейный шквадрон. Снаряжал долго. Следил, чтобы кони были хорошие. Сбруя крепкая, седла прочные. Чтобы каждый имел боевое копьё. Чтобы у каждого был шишак — железная шапка с наушниками. Чтобы шпага или сабля была у каждого.

Старых не брал.

— Тут нужен народ позлей, помоложе. У молодых и характер решительнее, и силы побольше у них в руках, — рассуждал Никифор Спесивцев.

Осмотрел молодец воевода. Что ни всадник, то богатырь. Что ни конь, то огонь и ветер.

— Мы же орловские, — говорил воевода. — Мы и тульских, и костромских, и тверских, и тамбовских — любого за пояс всегда заткнем. Будет царь-государь доволен.

Отписал Спесивцев царю, что собрал он пикейный шквадрон. Мол, молодец к молодцу. Кони сытые, копыя острые. Ребята надежные. Лютости в каждом — на двух считай. Не будет пощады Разину.

Тронулись всадники в путь. Дорога через Тулу и Серпухов шла на Москву — там собиралось войско.

Проходит неделя, приезжает гонец:

— Ну, как шквадрон, воевода?

— Отправил, отправил. Молодец к молодцу. Будет царь-государь доволен.

Вторая неделя проходит. Снова в Орел прибывает гонец.

— Где же шквадрон, воевода?!

— Отправил, отправил. Будет царь-государь доволен. Народ у меня надежный. Молодец к молодцу. Попомнит Разин шквадрон орловский.

За вторым гонцом и третий вскоре сюда явился:

— Где же шквадрон, воевода?!

«Что за чудо, где же шквадрон?» — подумал и сам Спесивцев.

— Где?

А шквадрон в это время был уже на Дону. А с Дона пошел на Волгу. Но не против Разина — к Разину шли пикиреры.

Часто такое тогда случалось. Бежали люди из войск боярских.

Приходили к Разину и стрельцы, и копейщики, и драгуны, и рейтары. Можно было встретить дворян и даже детей боярских.

НЕДОРОСЛИ

На службу в цареву войско ехало трое дворянских недорослей — Памфил, Боголеп и Топей.

Справа едет верхом на коне Топей.

Слева едет верхом на коне Памфил.

Боголеп между ними едет.

Самый рослый из них Памфил.

Самый низкий из них Топей.

Боголеп серединкой выдался.

Самый умный из них Топей.

Самый глупый из них Памфил.

Боголеп по умишку средний.

Снаряжали их дома на подвиг ратный. Лучших дали в дорогу коней.

По мушкету висит за спиной у каждого. У каждого сабля видна на боку. Мешочки болтаются с пулями, с порохом. Вместо шапок у них шишаки.

Едут дворянские дети. Мечтают о том, как побьют они Стеньку Разина, как вернуться домой с победой.

— Мы схватим в бою злодея и живого его привезем. Мы заслужим цареву слово.

Отъехали недоросли от дома двенадцать верст. Осталось без малого тысяча.

Тянулась стрелой дорога. Вдруг разошлась на три.

Остановились дворянские витязи у придорожного камня. Заспорили — какой же дорогой ехать.

— Едем направо, — сказал Памфил.

— Едем налево, — сказал Топей.

Боголеп же за то, чтобы ехать дорогой средней.

Час они громко спорили. Хорошо, что попался какой-то старик.

— Да езжайте любой дорогой. Какая кому милей. Не спорьте. Сойдутся они, сойдутся.

Поехал Памфил направо. Эта дорога свернула в лес.

Поехал Топей налево. Эта дорога пошла к реке.

Боголеп же вперед поехал по открытому полю.

Едет Памфил по лесу. О геройстве Памфил мечтает. Колокольным звоном гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Размечтался Памфил о славе. Не видит Памфил того, как рядом в придорожных кустах, не отставая, крадется людская тень.

Сравнялась дорога с ветвистым дубом. Потянулись навстречу Памфилу вилы, сразили Памфила в бок.

Едет Топей по дороге к реке. О геройстве Топей мечтает. Колокольным звоном гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Добрался Топей до реки. Вброд переехал реку. Стал на высокий взбираться берег. Занеслась над Топеем с откоса коса. Рухнул мечтатель в воду.

По открытому чистому полю едет верхом на коне Боголеп. О подвигах ратных и он мечтает. Это в честь Боголепа звоном церковным гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Кончилось чистое поле. Подошла дорога к крутому оврагу. Стал спускаться в овраг Боголеп.

Жаль, что глаз не устроен сзади. Не видит дворянский сынок того, как за спиной кто-то поднялся в рост. Взлетела, как меч, дубина. Ударила молотом по шишаку. Свалился с коня Боголеп. Остался на дне оврага.

Правду сказал старик — сошлись у дворян дороги.

СТАРАЛИСЬ

Ефремовский воевода Аввакум Иевлев писал царю: «Его величеству государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу холоп твой Аввакумка челом бьет».

Писал воевода о том, что городские стены у них в Ефремове подгнили, покосились, а кое-где и вовсе обрушились. Нет у города теперь надежной защиты. «Ако же вор Стенька придет к Ефремову, — писал Иевлев царю, — то быть великой беде». Для строительства новых стен просил воевода денег.

Отписал царь воеводе, чтобы стены строили. Отпустил денег. Завез воевода в Ефремов дубовые бревна. Нанял плотников. Начали строить стены.

Старший среди плотников Никита Зяблов воеводе понравился. Хоть и стар был годами Зяблов, но в плотницком деле оказался большим умельцем.

— Мы эти стены — враз, — говорил Никита. — Они и при правнуках будут еще стоять. Будь спокоен, отец воевода, Разин на них не сунется.

Каждый день приходил воевода, смотрел, как идет работа. Стучат топоры, без усталости ходят пилы.

— Шибче, шибче! — покрикивает Зяблов.

Правду сказал Никита — стены растут, как в сказке. Похвалил старика Иевлев.

— Стараемся, отец воевода, — ответил Зяблов.

Похвалил воевода плотников.

— Стараемся! — гаркнули плотники.

Притомился в делах воевода. Взяла его хворь. Пролежал он несколько дней в постели.

Но работа шла, не стояла на месте. И вот Никита Зяблов пришел к воеводе.

— Отец воевода, готовы стены!

Не удержался Иевлев, поднялся на ноги, пошел посмотреть на крепость. Глянул — отличные стены. Высокие, крепкие. Даже выше старых на целый метр.

— Молодцы! — похвалил воевода.

Обошел он крепость с одной стороны, обошел со второй, с третьей, завернул на четвертую. Смотрит, а там нет никакой стены.

— Как так! — взревел воевода.

— Не хватило бревен, — объясняет Никита.

— Как — не хватило?!

— Промашка у нас получилась. Зазря метром выше покладали стены. Но ничего, ничего, — говорит Никита. — Зато три стороны неприступные. Никакая их сила теперь не возьмет. Не страшен, отец воевода, Разин.

Взвыл воевода:

— Да что ты, дурак, несешь! Что же это тебе за неприступная крепость, если в ней целой стены не хватает?

Разводит Никита руками, еле улыбку скрывает:

— Промашка, батюшка, промашка. И как это только у нас получилось? А ведь старались, старались, батюшка...

— Старались?! — кричал воевода. — Не царю, супостаты, служите! Стеньку, проклятые, ждете!

Приказал воевода плотников избить батогами. Однако писать обо всем царю и просить новых денег не стал. Не хватило для этого смелости.

Так и остался Ефремов с тремя стенами. Хорошо, что Разин не брал Ефремов.

Глава четвертая КАЗАЦКОЕ СЛОВО

ГУСЬ И ПРИСЕВКА

Два молодых казака Гусь и Присевка заспорили, кто больше народному делу предан.

— Я! — кричит Гусь.

— Нет, я! — уверяет Присевка.

— Я жизни не пожалею! — бьет себя Гусь в грудь кулаком.

— Я пытки любые снесу и не пикну! — клянется Присевка.

— Хочешь, я палец в доказ отрежу?

— Что палец! Я руку себе оттяпну!

Расшумелись казаки, не уступают один другому.

Разин в это время проходил по лагерю и услышал казацкий спор. Остановился он. Усмехнулся.

Заметили спорщики атамана. Притихли.

Посмотрел Степан Тимофеевич на молодцев.

— Ну и крикуны: жизнь, пытки, палец, рука. Хотите себя проверить?

— Приказывай, атаман! Слово даем казацкое.

— Грамоте учены?

— Нет, Степан Тимофеевич.

— Так вот: кто первый осилит сию премудрость — тому настоящая вера.

Смутились казаки. Не ожидали такого. Ну и задал отец атаман задачу. Однако что же тут делать? Назад не пойдешь. Слово казацкое брошено.

Не зря говорил про грамоту Разин. Нужны ему люди, умеющие писать и читать. Мало таких. Трудно крестьянскому войску.

Пошли казаки в церковь, разыскали дьячка.

— Обучай, длинногривый.

Сели они за буквы. Пыхтят, стараются казаки.

Только трудно дается наука. Неделя проходит, вторая.

— Сил моих больше нет, силушек! — плачет по-детски Гусь.

— Уж лучше бы смерть от стрелецкой пули! — стонет Присевка.

Проходит еще неделя.

— Голова ты моя, бедная ты головушка! Помру я при этом деле! — убивается Гусь.

— За что же муки такие адовы? Господи праведный, за что покарал? — причитает Присевка.

Стонут, проклиная судьбу свою казаки. Стонут, а все же стараются. Слово казацкое дадено.

Прошло целых два месяца.

— Ну, ступайте, — произнес наконец дьячок.

Словно ветром дунуло в казаков — помчались быстрее к Разину.

— Осилили, отец атаман, премудрость!

— Да ну! — не поверил Степан Тимофеевич.

— Проверяй!

Протянул Разин Гусю писанный лист бумаги:

— Читай-ка.

Читает Гусь. Правда, не так чтобы очень гладко. Однако все верно, все разбирает.

— Молодец, казак! — похвалил Разин.

Достал он лист чистой бумаги, протянул бумагу Присевке:

— Пиши-ка.

Пишет Присевка. Правда, не так чтобы очень быстро. Однако все верно. Буквы не путает.

— Молодец, казак! — подивился Разин. — Оба вы молодцы! Порадовали. Не ожидал.

Засмутились Гусь и Присевка:

— Старались, отец атаман. Ведь слово казацкое было дадено.

«КРАСАВЕЦ» ЛЕВКА

«Красавец» Левка заснул в дозоре. Полагалась за это у разинцев смерть.

Однажды отправился Разин проверять, как службу несут караулы.

Ночь была темная-темная. Звезд не видно. Луны не видно. Небо стояло в тучах.

Выбрал Степан Тимофеевич время перед рассветом, когда дозорных особенно клонит сон. Идет Разин от поста к посту. То тут, то там вырываются из темноты голоса:

— Стой! Отзовись!

Отзывается Степан Тимофеевич. Узнают разинский голос дозорные:

— Здравья желаем, отец атаман!

Надежно службу несут караулы. Доволен Разин.

Прошел он шесть дозорных постов. Остался седьмой, последний. Тут и дежурил Левка. «Красавец» он потому, что кончик носа был у него обрублен. Так в шутку окрестили его казаки. Когда-то ходил он походом в Ногайские степи. В каком-то бою и лишился носа.

Стоял Левка в дозоре у самой реки, на волжской круче у старых сосен.

Вышел Разин к речному откосу. Никто не крикнул на звонкий шаг. «Что такое?» — подумал Разин. Остановился. Тихонько свистнул. Минуту прождал ответа. Свистнул погромче. Опять тишина.

Прошел Разин вдоль откоса шагов пятнадцать и тут услышал какой-то звук. Застыл атаман. Прислушался. Да это же просто казацкий храп.

Подошел Степан Тимофеевич к спящему. Левку признал в нерадивом. Казак сидел на земле. Прислонился к сосне спиной. Что-то приятное снилось Левке. Он улыбался и даже ртом пузыри пускал. Голова чуть склонилась на дуло пищали. Шапка сползла на лоб.

Стал заниматься рассвет. Спит беззаботно «красавец» Левка. Храпит на весь берег. Не чует нависшей над ним беды.

— Эка же черт безносый! — обозлился Степан Тимофеевич. Хотел разбудить казака. Затем передумал. Взяло озорство атамана. Решил он вынуть из Левкиных рук пищаль. «Ну интересно, что Левка, проснувшись, скажет!»

Подошел Степан Тимофеевич вплотную к спящему. Легонько притронулся к дулу. Только потянул на себя пищаль, как тут же казак очнулся. Мигом вскочил на ноги. Разин и слова сказать не успел, как размахнулся казак пищалью. Оглушил прикладом Разина. Свалился Степан Тимофеевич с ног.

Пришиб казак человека и только после этого стал смотреть, кто же под руку ему попался.

Глянул — батюшки светы! Потемнело в глазах у Левки. Бросился Левка к Разину.

— Отец атаман! — тормозит. — Отец атаман! Боже, да как же оно случилось?

Не приходит в себя Степан Тимофеевич. Удар у Левки в руках пудовый.

Помчался Левка с откоса к Волге, шапкой воды зачерпнул. Вернулся. Бежит спотыкаясь. Склонился над Разиным. Протирает виски и лоб.

Очнулся Степан Тимофеевич. Шатаясь, с земли поднялся.

В тот же день атаманы решали судьбу казака. По всем статьям за сон в дозоре полагалась ему переклада. Однако Разин взял казака под защиту.

— Для первого раза довольно с него плетей.

— Почему же, отец атаман?!

— За то, что пищаль удержал в руках, достоин казак смягчения.

— Да он ведь чуть не порушил твою атаманскую жизнь.

— Так не порушил. Помиловал, — усмехнулся Степан Тимофеевич, рукой проведя по темени: там шишка была с кулак.

Однако неделю спустя, когда заснул в дозоре другой казак, Разин первым сказал:

— На виселицу!

Строг был Степан Тимофеевич. Ой как строг! Умел он карать. Но умел и помиловать.

ДЕСЯТЬ И СОРОК

Не был Разин святым. Мог и сам выпить. Однако приходил в страшный гнев, когда люди перепивались.

А такое случалось.

Особенно падок к вину был казак Гавриил Копейка.

Встретил Степан Тимофеевич однажды Копейку. Разило спиртным от казака, словно из винной бочки.

Почуял Степан Тимофеевич запах:

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! — нагло ответил Копейка.

А вранья Разин и вовсе терпеть не мог.

Встретил Степан Тимофеевич второй раз казака. Еле стоит на ногах Копейка. Глаза мутные-мутные. Осоловело на Разина смотрит.

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! И не нюхал.

Не тронул Разин и на этот раз казака. Но пригрозил расправой.

Не помогло.

И вот как-то казак до того напился, что уже и идти не мог. Полз Копейка на четвереньках. Полз и наткнулся на Разина.

— Ирод! Ты снова пьян?!

— Ни-ни-как нет, о-о-тец ата-та-ман. — Язык у казака заплетался. — Я-я ки-ки-сет обронил в тра-тра-ве.

— Ах ирод! Ах тараруй![2] — Обозлился Степан Тимофеевич страшно. — Эй, казаки, — плетей!

При слове «плетей» хмель из Копейки выдуло ветром. Повалился он Разину в ноги.

— Прости, атаман.

— Умеешь пить, умей и похмелье принять, — сурово ответил Разин.

Когда притащили лавку и плети, Степан Тимофеевич скомандовал:

— Десять ударов!

Всыпали.

— А теперь и еще сорок!

— За что же, отец атаман?

— За вранье, за тараруйство, — ответил Разин.

Не любил Степан Тимофеевич врунов. Ложь — самым великим грехом считал.

СКОРПИОН

Казак Ксенофонт Горшок втерся в доверие к Разину. Началось все незаметно, по мелочам. То прочистит трубку Горшок атаману, то пыль из кафтана выбьет, то подведет под уздцы коня. Понадобится что-то Разину, Горшок тут как тут. Даже в баню ходил со Степаном Тимофеевичем, тер атаманскую спину.

— Средство мое надежное, — говорил казакам Горшок. — Я своего добыюсь. Я первой особой при отце атамане стану.

И правда. Не заметил Разин и сам того, как стал при нем Горшок человеком незаменимым, во всех делах чуть ли не первым советчиком. Но самое страшное — стал Горшок шептуном. Трет он в бане атаманскую спину, а сам:

— Отец атаман, а сотник Тарах Незлобин выпил лишку вчера вина и словом недобрый тебя помянул.

Наговорил на Тараха Горшок. Вот что сказал Незлобин: «Зазря отец атаман дал Ксенофонту большую волю».

Прочищает Горшок атаманскую трубку, а сам:

— Отец атаман, а башкирец Амирка тоже дурное о твоей атаманской особе молвил.

А на самом деле вот что сказал Амирка: «Я бы быстро Горшка отвадил».

Подводит Горшок атаману коня, а сам и тут незаметно про кого-то Разину что-то шепчет.

Вспыльчив Степан Тимофеевич. Крут на расправу. Попали в немилость к нему и сотник Тарах Незлобин, и башкирец Амирка. Пострадали без особой вины и другие.

Приобрел Горшок небывалую силу. Робели перед ним казаки. Боялись его доносов. Знали, если невзлюбит кого Горшок, не сладко тому придется.

Правда, лихой казак Епифан Гроза пригрозил Ксенофону расправой. Однако угроза Епифана бедой для него же самого обернулась. Исчез куда-то Гроза, словно в воду, как камень, канул.

Притихли и вовсе теперь казаки. Шептуна за версту обходят.

И вдруг однажды пропал Горшок. Искали его, искали. Разин был в страшном гневе, шкуру грозился спустить с любого. Не помогло. Не нашелся Горшок, словно и вовсе на свете не жил.

Лишь через неделю, когда стих атаманский гнев, признались разинцы Разину: утопили они доносчика.

Но теперь уже Степан Тимофеевич не ругал казаков, не спустил, как грозился, шкуру. Разобрался за эту неделю Разин во всем, сам тому подивился, как так могло случиться, что при нем, при боевом атамане, и вдруг скорпион прижился.

Мало того, через несколько дней, когда новый казак решил занять при Разине то же самое место и, как Горшок, зашептал атаману на ухо: «Отец атаман, а десятник Фома Ефимов про тебя недоброе слово молвил...» — то Разин кликнул к себе казаков и тут же при всех приказал отрезать язык доносчику.

РАЗИН И КАЛЯЗИН

— Батюшка Степан Тимофеевич!

— Ну что?

Сотник Титов запнулся.

— Что же молчишь?

— Боязно говорить, отец атаман. Гневаться очень будешь.

— Ну и ступай прочь, если боязно.

Однако Титов не уходил. Уходить не уходил, но и сказать о том, ради чего пришел, тоже никак не решался.

Посмотрел удивленно на сотника Разин. Титов — казак отважный. Что же такого могло случиться, чтобы казак оробел с ответом?

Наконец сотник отважился.

Выслушал Разин, минуту молчал. И вот тут-то гадай: то ли взорвется сейчас атаман, то ли шутку какую бросит. Неожиданно Разин расхохотался.

— Не врешь?

— Провалиться на месте, Степан Тимофеевич.

— Так все и было? Назвался Разиным?

— Так все и было. Атаманское имя твоё использовал.

— А ну, волоки сюда.

Через минуту в шатер к Разину ввели человека.

Глянул Разин — вот это да! Атаман настоящий стоит перед Разиным. И даже внешне чем-то похож на Разина. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Глаза черные-черные. Черным огнем горят.

— Чудеса! — произнес Степан Тимофеевич. — Так ты, выходит, Разин и есть?

Вошедший зарозовел, смутился. Даже глаза потупил.

— По правде, Степан Тимофеевич, имя мое — Калязин.

— Казак?

— Нет. Из мужицкого рода.

— Чудеса! — опять повторил Разин. Переглянулся с Титовым, вспомнил недавний его рассказ.

Ходил Титов с группой казаков куда-то под Шацк. Заночевал однажды в какой-то деревне. От мужиков и узнал, что объявился где-то под Шацком Степан Тимофеевич Разин.

«Какой еще Разин? — подумал сотник. — Откуда тут Разин?!»

— Разин, Разин, казак, с Дона он, — уверяли крестьяне.

Разыскал Титов того, кто был назван крестьянами Разиным.

— Ты Разин? — спросил.

— Разин, Степан Тимофеевич.

Понял Титов, что тут самозванство. Потянулся было за саблей. Хотел вгорячах рубануть. Однако на самосуд не решился.

Схватил Титов с казаками шацкого Разина и привез его к Разину настоящему.

Смотрит Разин на «Разина»:

— Волю людишкам дал?

— Дал.

— Работящих людей не трогал?

— Не трогал, отец атаман.

— Народу служил с охотой?

— Ради него на господ и шел.

— Нужны атаманы, нужны, — проговорил Разин. Повернулся к Калязину: — Молодец! Ну что же — ступай. Стал атаманом — ходи в атаманах. Желаеть — будь Разиным. Желаеть — Калязиным. Зовись хоть горшком, хоть ухватом. Не дело на имени держится. Имя на деле держится.

ОТКУПИЛИСЬ

Сотник Матвей Веригин с отрядом казаков вез Разину захваченную в одном из уездов казну. Хранились деньги в ларцах. Медные — в одном. Из серебра — в другом.

Проехали казаки самые опасные места, миновали стрелецкие заставы, заслоны. Казалось, что все преграды уже позади. Как вдруг в лесу наткнулись они на засаду.

Завязался между стрельцами и казаками ружейный бой.

Стрельцов и числом больше, и в пулях нет недостатка. У казаков же свинец на исходе. Понимает Веригин: плохи дела.

Лежат разинцы за дубами, березами, отбиваются.

Стрельнули раз, стрельнули два. А в третий и стрельнуть у многих нечем.

Подполз к сотнику тот, что залег от него правее:

— Батька, свинца более нет.

Подполз к сотнику тот, кто лежал по левую руку:

— Батька, пришла погибель.

Хотел подняться Веригин в рост, дать команду к ручному бою. «Эх, была не была, погибать, так с достоинством». Да только в это время подполз к Веригину третий из казаков. Подполз, ругнулся недобрым словом и вдруг зашептал:

— Батька, а ежели нам откупиться? — Шепчет, а сам глазами косит на ларцы с казной.

— Откупиться? Ах ты собака! — взревел Веригин. На минуту задумался. Потом улыбнулся: — А ну волоки ларцы.

Бросился к ним советчик, придвинул поспешно к сотнику. Сбил Веригин прикладом замки, откинул крышки.

— Вот так, атаман! Вот так! — опять зашептал советчик. — Дозволь стрельцам прокричать о деле.

Не отвечает Веригин. Подхватил он горсть монет, бросил правому из казаков. Вновь подхватил, бросил левому. Бросил другим:

— А ну заряжай!

Сообразили разинцы, набили монеты в дула.

— Ну, а теперь голоси, — приказал Веригин советчику.

Догадался, в чем дело, теперь и советчик. Поднялся казак с земли, закричал стрельцам:

— Откупного даем, откупного! Жалует вас атаман серебром и медью. Жалует вас серебром и медью! — кричит казак и пересыпает в руках монеты.

Заслышав денежный звон, стрельцы и высунулись из-за укрытий.

— Пуляй! — закричал Веригин.

Стрельнули казаки. Дым туманом схватил деревья. А когда он рассеялся — нет стрельцов уже рядом. Трое лежат убитыми. Другие снова ушли в засаду.

Приободрились казаки и такую подняли стрельбу, что стрельцы отходили все дальше и дальше. А потом и вовсе оставили их в покое. Видать, и у стрельцов ружейный припас окончился.

Прибыл Веригин к Разину, вручает ему казну.

— Не гневись, батюшка атаман, — говорит. — Будет в ларцах недостача.

— Как — недостача? — насупился Разин.

Рассказал Веригин о стрелецкой засаде.

Слетела суровость с лица у Разина. Рассмеялся Степан Тимофеевич.

— Говоришь, откупились?

— Откупились, батюшка атаман.

РЕЧНАЯ ЦАРИЦА

Оскарка Чертенюк пристал к разинцам возле Самары. Чертенюк — это прозвище. Так казаки его окрестили. Был он то ли из-под Саранска, то ли из-под Алатыря. Родом мордвин. Немало было в войсках у Разина и мордовцев, и чувашей, и черемисов, и татар. Впрочем, Чертенюк утверждал, что он русский.

— В России живу, потому и русский.

— Ну, а веры же ты какой?

— Веры я разинской. Оттого к вам и пришел.

Острым он был на язык.

Сражался Чертенюк вилами. Другого оружия не признавал.

— Они острые, — объяснял Оскарка. — С ними в бою лучше. Это тебе не пицаль. Их заряжать не надо.

А заряжать ружья в те времена было целым делом. И порох и пули заталкивали через дуло.

Чертенюк сразу же всем понравился. Был он веселым и добрым. К тому же умел рассказывать байки. Плел небылицы одна пуще другой. И всегда про одно: про царицу речную. И как выглядит царица речная, и что ест, и что пьет. Даже придумал, что в гостях у нее бывал.

— Аж под водой?! — поражались те, кто принимал любой вымысел за чистую правду.

— Под водой, — отвечал Чертенюк.

Послушать Чертенюка сбегались с различных мест. Разин тоже однажды слушал.

А как-то сотник Веригин, повстречав Оскарку и посмотрев на его вилы, в шутку сказал:

— Ты бы хоть пистоль или пицаль попросил у своей царицы.

— Да зачем мне пицаль, — начал Чертенюк. И снова пошел про то, что вилами биться лучше. Их заряжать не надо.

— Ну так для других попросил, — подзадорил Веригин.

Плохо было с оружием в разинском войске. Пицаль или пистоль считались богатством.

— Для других попрошу, — согласился Оскарка.

И попросил.

Куда-то исчез. Три дня пропадал. Вернулся — в руках пицаль.

Все так и разинули рты. Сотник Веригин и тот поразился.

— Значит, не врал. Значит, царица имеется, — пошли голоса.

— А ну, еще принеси пицаль.

— Две принеси пицали.

— Можно и две, — ответил Чертенюк.

Снова где-то он пропадал. А когда вернулся, глянули все и видят: как и обещано, несет две пицали.

Секрет оказался в простом. Знал Чертенюк лесные округи. Уходил он в сторону от главных дорог. Подкарауливал одиночных стрельцов. Колол вилами. Забирал оружие.

Узнал о Чертенюке Разин.

— Молодец! — похвалил Оскарку.

Приказал Степан Тимофеевич отрядить несколько партий смелых людей. Чтобы и эти ходили лесными дорогами и тоже оружие добывали. Называли таких смельчаков добытчиками. Чертенюк с ними тоже ходил. Многие из них отличились. И Чертенюк был всегда в первых, самым удачливым.

— Помогает ему царица, помогает, — шутили разинцы.

ОТЧЕГО И ПОЧЕМУ?

Мужичонка Фрол Скобеев надоел казакам до крайности. Не давал никому покоя. Приставал постоянно с вопросами: почему, отчего, отчего, почему?

— Почему казаки землю не пашут?

Объяснили ему казаки. Мол, не землю пахать, а страну охранять — для того казаки и созданы.

— Отчего слово пошло «дуван»?

Объяснили ему казаки. Давнее это слово. Когда делят они добычу, это и есть дуван.

И дальше таких «отчего», «почему» посыпалась сотня за сотней.

Поначалу с охотой объясняли ему казаки. А потом им так надоел Скобеев, что при виде его казаки бежали, как от самого лютого зверя.

Тогда принялся Фрол Скобеев донимать пушкарей:

— Что такое наряд?

Объяснили ему пушкари. Мол, наряд — это и есть сами пушки. Так называются пушки.

— А что такое раскат?

И про это объяснили ему пушкари. Мол, раскат — помост у крепостного вала или стены, на котором ставятся пушки.

Поначалу с охотой объясняли ему пушкари, а потом, когда вопросы посыпались градом, «Ах ты мучитель, аспид несчастный!» — взвыли, не выдержав, пушкари.

Оставив пушкарей в покое, взялся Фрол за стрельцов. Вслед за стрельцами терзал гребцов. Затем — драгун, пикиреров, гусар, мушкетеров. Даже приставшего к разинцам батюшку, словно палач, пытал. Этого, правда, про бога. Есть ли бог на земле? А если есть, почему не видно? Есть ли на свете ангелы? А если есть, почему не слышно? Существует ли ад и рай? И если да, то в ад или в рай попадет после смерти сам батюшка?

Не выдержал батюшка, послал его к черту.

Прошло какое-то время, и вот уже не Скобеев лезет к любому с вопросами, а сам на вопросы других отвечает. Пополняется армия Разина. Приходят в нее новички. Все интересно новеньким.

Одному объяснит Скобеев про верховой и подошвенный бой. Верховой, мол, происходит от слова «верх». Это тот бой, который ведется на стенах. А подошвенный — тот который идет внизу, то есть у стен, под стенами. Другому расскажет, что такое дуван. Про ломовую пушку расскажет третьему. Мол, ломовая она потому, что от слова «ломать» происходит. Из этой пушки по стенам бьют. Про морские, речные суда расскажет. Объяснит, почему одни лодки называются «бусы», другие — «насады». А есть еще салы. Мол, бусы — это большие морские лодки. А насады — речные. Насады

они потому, что борта у них как бы нашиты, насажены. Салы же вовсе не лодки, а всего лишь плоты, и сделаны вовсе они не из бревен, а из пучков камыша. Человека держат они с трудом. А вот одежду свою, сбрую, сабли, пистолы и пики на них казаки перевозят.

Многое знал Скобеев. Рассказывал он интересно. Слушать его интересно. Лезут к нему с вопросами. Нет никому отказа. Подумал Разин и вдруг назначил Скобеева сотником.

Однако нашлись здесь такие, которые к Разину вдруг с обидой:

— Как! Почему?! Мы тоже не меньше знаем. Нам тоже пора бы быть в сотниках.

— Возможно, вы тоже не меньше знаете, — ответил Разин. — Только дорог не тот, кто в себе таит. Почет наш тому, кто поделиться с другим умеет.

ПРИТЯГАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Длинный путь прошел с разинским войском Ермил Крупицын. Астрахань, Царицын, Саратов, Самара — все позади. А сколько других городов, сколько сел, деревень. То плыли в лодках, то меряли версты пеши, реже в телегах по-барски ехали.

Приметили разинцы: куда ни придет Крупицын — всюду он свой человек. Люди вокруг него сразу толпой собираются. А провозают в дальнейший поход, как самого близкого друга.

Вначале гадали разинцы:

— Может, в каждом селе у него родня?

— Видать, Ермил из ямщицкого роду и в селах приволжских не раз бывал.

— Да нет, он струги тягал по Волге и всюду завел знакомство.

Спросили о том Крупицына.

Оказалось, отродясь не бурлачил Ермил. В ямщиках не ходил ни разу. И вообще не бывал никогда на Волге. Родом — елецкий, из неблизких от Волги мест.

И вот тут-то кто-то сказал:

— Притягательный он человек.

Присмотрелись к Крупицыну разинцы и разобрались, почему же он притягательный.

Началось все с того, что приотстал однажды Крупицын от войска. После ночевки в каком-то селе недосчитались его в отряде.

— Ну, — решили, — видать, сбежал. Не вынес, должно быть, Ермил похода.

Однако прошло три дня, и вот догнал Крупицын своих товарищей.

— Где же ты был?

— Где пропадал?

— Мы уже думали, леший тебя прибрал.

Отмолчаться хотел Крупицын. Не удалось. Пришлось рассказать Ермилу.

Оказывается, заночевал он в селе у какой-то одинокой старухи. А изба у старухи не изба — развалюха. Бревна подгнили, скособочились стены. Крыша совсем провалилась. Вот и остался Крупицын в селе. Три дня крышу чинил старухе.

— Может, старуха твоя — молодуха? — кто-то полез к Ермилу.

Но шутника оборвали.

С этого дня стали разинцы наблюдать за Крупицыным. И что же? Станет отряд на дневку или короткий отдых. Бухнутся все на траву. Ноги гудят от усталости. Лежат отдыхают разинцы. А где же Ермил?

А Крупицын в это время то крылечко резное кому-то ладит, то вдовой стрельчихе дрова колет, то, надрываясь, бревна с телег сгружает.

Где-то роют колодец — Ермил на подмогу. Через ручей обвалился мосток — Крупицын и тут как тут. Тянут людишки невод. Глянешь, и разинец в общем ряду. В одном месте станет Ермил у кузнечного горна. В другом соберет детей и сказкой веселой ребят потешит. В третьем, на лугу, косарям поможет.

— Да что ты, Ермил! — говорят товарищи. — Пожалел бы себя. Да разве ты всем поможешь!

— Что правда, то правда, — согласится Крупицын.

Однако в новом селе начинается все сначала. И кончается тем же самым: провожают крестьяне разинца, как самого лучшего друга. Сотни и сотни верст прошел вдоль Волги Ермил Крупицын. Прошел и всюду память в сердцах у людей оставил.

Неизвестно, где кончил свой век Крупицын. Погиб ли в бою, казнен ли на плахе. А может, он долго жил и умер естественной смертью. Только память о нем долго на Волге еще хранилась. Во многих местах фамилию люди уже забыли. А чаще просто ее не знали.

Говорили на Волге так:

— Проходил тут однажды разинец — доброй души человек, притягательный.

КРИКУН И КРАСАВЧИК

На одной из стоянок казак Мишка Бычок раздобыл петуха.

— Стянул?! — полезли к нему казаки.

— Нет, — озорно отвечает Мишка. — Мне бабка одна дала.

Однако все видят, что врет, шельмец, что стянул петуха, конечно.

Петух оказался особенный. Правда, внешне был он не очень казист. Скорее, наоборот. В какой-то драке лишился пера на шее. На одной из лап не хватало пальца. Зато...

Петушиное племя вообще непривязчиво. А этот сразу привык к казаку. Ходил за Мишкой словно телок за маткой. И если, бывало, с Бычком кто-нибудь заговорит, сразу на тех сердился. Расправит крылья. Идет как воин. Спешит отойти, а то немедля клюнет.

Куры воду не очень любят. Сторонятся прудов и рек. А этот словно из утинового яйца родился. Даже, представьте, плавал. Мишка в воду, и он за ним. Мишка на струг, и тенью петух за Мишкой.

А главное, голос у петуха оказался на редкость звонким. Своим пронзительным криком будил он всех ни свет ни заря на струге. Сердились вначале разинцы. Хотели крикуна придушить. Однако привыкли скоро. А привыкнув, его полюбили. Напоминал им крик петушиный родные донские станицы, далекие хаты, детей и баб.

Петух погиб неожиданно, но очень геройской смертью. Запомнился разинцам этот день. Сидел петух на борту. День был жаркий. Палило солнце. Петька, прикрывши глаза, дремал. И вдруг привстал он на ноги, раскинул крылья и разразился особым каким-то криком. Глянули люди. Не поняли сразу. Потом разобрались. Вдоль борта проползла змея. Кто несмелый — тут же отпрянул. Другие схватились за сабли. Однако Петька опередил. Налетел на гадюку. Клювом — по черепу. Пришиб он ползучую тварь. Однако, видать, не до самой смерти. Ухитрилась гадюка кольнуть его в шею жалом. Успела смертью ответить на смерть.

Откуда на струге взялась змея? Сама заползла ли во время стоянки? Кто-то случайно с грузом ее занес? А может, был тут недобрый умысел, кто-то нарочно ее подбросил? Струг атаманский. Всякое может быть.

Грустили в тот день казаки. Словно что-то ушло родное.

Вскоре разинцы завели нового петуха. Но этот оказался неголосист. Воды как огня боялся. Всюду, паршивец, гадил. И хотя с виду красавцем был, однако только на суп годился.

Съели его казаки.

ОСТАЛСЯ

Лазутка Дятлов роптал на Разина. Что бы Разин ни сделал, как бы ни поступил, выходило, со слов Лазутки, что сделал Степан Тимофеевич неверно, что как раз по-другому тут стоило поступить. Когда в начале похода дал Разин команду идти на Астрахань, Дятлов сразу начал мутить людей:

— Заря мы идем на Астрахань. Не туда атаман ведет. Тратим напрасно время. Нам бы сразу идти на Москву, на север. Там царь и главные силы сидят дворянства.

— Нет, верно, что раньше идем на юг, — отвечали Лазутке разинцы. — Прав Степан Тимофеевич. Астрахань сильная крепость. Нельзя, чтобы у похода осталась она за спиной. Боярским ножом торчала. Если Астрахань будет нашей, вся Волга у нас в руках.

Когда в Царицыне Разин приказал чинить кремль, Дятлов и здесь, как петух, шумел:

— Да чего же его чинить! Город мы взяли. Зачем нам стены? Нет бы бревна раздать на дрова людишкам.

— Эх, Лазутка, Лазутка, местом сидячим думаешь, — отвечали Дятлову разинцы. — Пока на Руси боярство, стены и нам нужны. Рано рушить валы и крепости. Правильно сделал Разин.

Тем, что Степан Тимофеевич дал команду равнять крестьян с казаками, Дятлов и вовсе был недоволен. Ходил среди казаков, кричал:

— Да как же так можно равнять казака с мужиком? Мужик отродясь — холоп, казак с малолетства — вольный. Как же так, меня и холопа в одну телегу!

— Нет твоей правды, нет, — отвечали Лазутке разинцы. — В том и великая сила похода, что равняет Разин людей. Оттого и прут к нему новые тысячи. Мужик ли, казак, каждый для воли и счастья рожден на свете. Вот и выходит, что Разин прав.

Не унимался Дятлов:

— Не так, не так поступает Разин.

По любому поводу с осуждающим словом Лазутка лезет. Ругал он Разина и за то, что очень крут атаман с теми, кто засыпал в дозорах:

— Не жалеет людишек Разин, не ценит казацкую кровь!

И за то, что, заметив склонность к спиртному, приказал Степан Тимофеевич всыпать кнутов Гавриилу Копейке.

— Что же, выпить нельзя казаку!

И даже за то, что заставил Разин Гуся и Присевку сидеть заниматься грамотой.

— Зачем же мучить зазря казаков? Что мы — поповского роду-племени! Да я бы...

— Ты бы... — смеялись в ответ казаки.

Все знали, что Дятлов завидовал Разину. Лазутка и сам норовил в атаманы. Мечтал стать хотя бы сотником, хотя бы десятником.

Только не избирали люди почему-то его в атаманы. Даже в сотники, даже хотя бы в десятники. Был он Лазуткой да так и остался.

ТРУБКА

Была у Разина трубка. Любимая. Из ясеня.

И вот обронил Степан Тимофеевич трубку. Стоял у борта на струге. Шлепнулась трубка в воду. Буль — и пошла на дно.

— Эка напасть! — ругнулся Степан Тимофеевич. — Примета к тому же недобрая.

Трубка досталась ему от отца. А отцу, говорят, от деда.

— Да мы ее враз! — тут же вызвались казаки.

Остановили разинцы струг. Разделись. И в воду. Нырjali, нырjali. Доставали до самого дна. А Волга — река не мелкая. Запыхались. Измучились. Нет трубки.

— Весла в воду, — скомандовал Разин.

Так и осталась трубка на дне речном.

Погрустил, конечно, Степан Тимофеевич. Да что же делать. «Что с воза упало, то пропало» — не зря в народе так говорят. Однако прошла неделя. И вот явились к Разину три казака:

— Получай, батюшка атаман!

Глянул Разин — трубка. Та самая: отцовская, дедова. Не поверил вначале Степан Тимофеевич. Покрутил в руках, посмотрел. Вот и зарубка, вот и щербинка. Вот и кольцо из меди — на месте разъема.

— Она. Та самая. Ну и лешие! — произнес Разин. Посмотрел на казаков: — Да как вы ее? Откуда?!

Переступают с ноги на ногу казаки. Пожимают плечами. Мол, гадай, атаман, как желаешь. Как достали — дело второе. Главное — трубка есть.

— Спасибо, — сказал Степан Тимофеевич. Отпустил казаков с поклоном.

Отпустил, а сам снова за трубку. Получше ее рассмотрел, понял, что трубка не та. Та и не та. Схожа — тут спору нет. Две капли воды так не схожи. И все же не та.

Усмехнулся Степан Тимофеевич.

Хотел разыскать казаков. Однако того не сделал. Решил не смущать умельцев.

Курит Степан Тимофеевич трубку. Струится над ней дымок. Струится, уходит в небо. Тает в бездонном небе.

Глава пятая СИМБИРСКИЕ СТЕНЫ РАЗВЕРНУЛСЯ

4 сентября 1670 года разинская армия подошла к Симбирску. Остановил Степан Тимофеевич свои войска в трех верстах ниже города. А потом, когда опустилась ночь, переправил их на челнах вверх по течению Волги и обошел Симбирск с северной стороны.

Симбирский воевода Иван Милославский уже давно готовился к встрече Разина. Гарнизон у Милославского сильный — целых четыре стрелецких полка. К тому же собралось в Симбирске немало дворян из округи. Бежали они из своих имений. Искали защиты у стен симбирских. Из бежавших сюда дворян Милославский тут же создал отряды.

Но главное, на помощь симбирскому воеводе пришел из Саранска с войсками князь Юрий Барятинский. Дороден князь Юрий Барятинский. Многоопытен он в боях. Ходил

на поляков, на шведов. Иноземным владеет боем, то есть сражаться умеет так, как учат тому за границей — совсем по последней моде.

Когда царь Алексей Михайлович отправлял князя Юрия на Волгу, в поход против разинцев, говорил государю Барятинский:

— Стыдно мне с ними биться. Рук негоже, царь-государь, марать. Да разве там войско! Шайка разбойников. Нет тут размаха для знатного воина. Тут развернуться негде.

Ошибся князь Юрий Барятинский. Развернулся он все же. Правда, не так, как думал.

Вывели воеводы свои войска. Приготовились к бою.

— Ты слева ударишь, князь Иван, — говорил Барятинский Милославскому. — Я же ударю справа. В клещи возьмем злодея. Потом по частям изрубим. Тесни его к Волге, чтобы скинуть в воду. Вот тут-то и будет военная мудрость.

Все было бы хорошо, да спутал Разин боярские планы.

Ждут воеводы восставших с юга. Разин ударил с севера. Врезались разинцы в дворянское войско, прошли, как ножом по маслу.

Побежали войска боярские. Бросились воеводы в разные стороны. Милославский скорее к кремлю, под защиту дубовых стен. Барятинский тоже туда бы кинулся, да за речку Свяягу бежали его полки. Бежал за ними и князь Барятинский.

— Развернулся князь Юрий, развернулся, — смеялись разинцы. — Стоял к нам грудью, спину теперь показал.

ХИТРЫЙ НЕМЕЦ

Бросились казаки догонять уцелевших, заработали саблями, пиками.

Группа разинцев, вскочив на пригорок, увидела воина. По виду не дворянин, не стрелец. Одежда на нем необычная. Ни усов, ни бороды нет. Человек вытянул кверху руки и истошно кричал:

— Их бин[3] не русский! Их бин не русский!

Хотели казаки проткнуть его пиками. А затем схватили и доставили Разину.

— Их бин не русский, — снова твердил человек и трясся, как осиновый лист, от страха.

И верно, по-русски говорил он с трудом. Но все же понять удалось: солдат оказался немцем. Из его слов узнали и то, что в полках у Барятинского были также датчане и шведы.

— Да ну? — поразился Разин. — И датчане, и шведы!

А потом разобрали, что были не только немцы, датчане и шведы, но и голландцы были.

— Ты смотри, и голландцы, — покачал головой Разин. — Выходит, своих не хватает!

Иноземные солдаты служили в те годы в русских войсках — нанимались за деньги. Однако не думал Разин, что повстречает их в боях под Симбирском.

— Худо боярам, худо, — усмехнулся Разин. — А ты, я смотрю, хитрый — раз руки к небу задрал.

Казачи рассмеялись.

— Вас? Вас?[4] — залепетал немец.

— Хитрый, — повторил Разин.

— Вас? Вас?

Из-за этого «вас» и прозвали казаки немца Васькой. Хотя имя его было совсем не Василий и даже не Вильгельм, а Карл.

Смотреть на немца сходились толпами.

— Неужто немец?

— Вот это да!

— Ишь ты, кого побили! Значит, сила у нас в руках.

Смотрели разинцы на платье, на бритое лицо немца, поражались:

— Кафтан до пупа! Лицо — без волос, как локоть!

В первый же вечер казаки напоили Ваську вином. Он пел песни и даже плясал.

На следующий день немец заявил, что готов служить Разину. Стал выпытывать, сколько платят.

— Гельд, гельд,[5] — пояснял Васька.

Казачи вначале не поняли. А когда поняли, долго, в свою очередь, не могли растолковать немцу, что денег тут никаких не платят. Бьются люди по доброй охоте. И награда им будет тогда, когда всех бояр изничтожат. И наградой будут не деньги, а жизнь для всех равная, то есть каждому счастье и воля.

Немец хлопал глазами, не верил.

— Гельд, гельд, — опять твердил о своем.

Через несколько дней немец бежал.

Сообщили об этом Разину.

— Атаман, прикажи отрядить погоню.

— Бог с ним, — ответил Разин. — Пусть в живых остается. Может, немец вернется к себе домой. О том, что видел и слышал у нас, расскажет.

ДЕЛИКАТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Много в войсках у Разина прославленных атаманов: Михаил Харитонов, Максим Осипов, мариец Мирон Мумарин, чуваш Алгилда Атимов, татарин Алмакай, мордвин Павел Елашев, атаман Прокофий Иванов, которого прозвали Шумливый, прославленный Василий Ус, Михаил Чирок, атаманы Иван и Сергей Васильевы, Федор Шелудяк и другие.

Под началом у некоторых из них было по десять, по двадцать тысяч восставших.

Уходили разинские отряды от Волги на сотни и сотни верст. Отправлял их Разин и из Саратова, и из Самары, посылал и отсюда, из-под Симбирска.

Брали они города: Пензу, Саранск, Алатырь, Космодемьянск. Не счесть всех городов, взятых разинцами.

Вдали от движения главного войска возникали и собственные отряды. Появлялись и новые командиры.

А тут вдруг Разин узнал, что атаманом большого отряда, действовавшего под Арзамасом в Кандомском и ближайших к нему уездах, — женщина. Зовут, мол, ее Алена.

— Баба? — не поверил Разин. А потом осерчал: — Уже и мужиков не хватает на белом свете! Что же, у нее под началом, выходит, бабы?

— Да нет, в штанах, кажись, люди, — ответили Разину.

Еще больше осерчал Степан Тимофеевич:

— Мужики — и чтобы ходили под бабой! Не верю. Не может быть!

Отправил Разин под Арзамас сотника Филата Гаркушу разузнать: все ли так, как люди о том говорят.

Приехал сотник под Арзамас, остановился в каком-то селе.

— А правду о том говорят, что атаманом над вами баба?

— Какая же баба! — обиделись местные мужики на Гаркушу. — Сам ты баба, — еще добавили.

«Видать, сбrehали людишки отцу атаману», — подумал Гаркуша. Однако решил к Разину пока не возвращаться, а самому все до конца проверить.

Разыскал он в лесах кандомский отряд. Увидел и атамана. Был тот статен, в кафтане, в шапке. В седле, как казак, держался.

«Мужик, как есть мужик, — подумал Гаркуша. — Да разве баба в седле удержится?»

Однако счел нужным убедиться в этом доподлинно, чтобы Разину точный ответ привезти. Гаркуша исполнительным был казаком.

Решил сотник проверить арзамасского атамана на щип.

«Любая баба от этого взвизгнет, — рассуждал Гаркуша. — Щип ее сразу выявит».

В тот же день, улучив минуту, разинский сотник и выполнил этот несложный план.

Возвращался назад к своим под Симбирск Гаркуша с подбитым глазом и с огромной ссадиной на голове.

— Баба, истая баба, — доложил казак Разину. — Будь ты проклята! — сплюнул Гаркуша.

— Да что ты, откуда таким красавцем? — не смог удержаться Разин.

Признался сотник, как выполнял он атаманское поручение.

Давно не смеялся так Разин. Плечи тряслись, ходили.

— Ну, раз у бабы такая рука, раз побила самого казацкого сотника, видать, по заслугам она в атаманах!

Почему-то все называли Алену «старицей» — «старица Алена». Хотя она женщина вовсе была не старая, даже меньше чем средних лет. Видать, выделяли люди ее за ум. Командиром была она очень отважным. Руководила отрядом умело. Когда же попала к боярам в плен, и тут проявила героизм: перед казнью над палачами своими смеялась.

Казнили Алену страшно, заживо бросив в огонь.

Не верили даже бояре, что это обычная женщина. Считали ее колдуньей.

«НАША ВАШИМ НЕ УСТУПИТ!»

Кремль в Симбирске был деревянный. Называли его «Рубленый городок». Стоял он в центре города на «венце» Симбирской горы, то есть на самом высоком месте. Ров, вал вокруг городка. По углам боевые башни.

За стенами кремля и укрылся воевода Иван Милославский. С ним были верные ему стрельцы и дворяне.

Взяв Симбирск, Разин тут же начал и штурм кремля. Понимал Степан Тимофеевич, что не будет в Симбирске полной победы, не двинуть походом дальше, пока Милославский сидит в кремле.

— Эх с ходу бы, единым махом!

Пошли на стены разинцы еще в темноте.

— На приступ! На слом! — прокричал Разин. И словно открыл плотину.

Потекли отряды и слева и справа. Земля загудела от топота ног.

— Не трусь! Поспешай! — неслись команды разинских сотников.

И вдруг рядом с Разиным, у самого правого уха, да так, что Степан Тимофеевич вздрогнул, прогремел молодецкий голос:

— Наша вашим не уступит!

И тут же, но уже с другой стороны, с левого уха те же слова, но еще зычней:

— Наша вашим не уступит!

Две ватаги обтекли Разина, чуть не сбив атамана с ног.

— Ну и лешие! — ругнулся Разин. Затем улыбнулся. Темнота укрывала бегущих. Но удальцов он признал.

Было это еще в Царицыне. Во время ремонта царицынских стен.

— Не ленись! Поспешай! — неслись команды разинских сотников.

Степан Тимофеевич ходил, наблюдал за работой. Вдруг рядом с Разиным, прямо у правого уха, гаркнуло:

— Наша вашим не уступит!

И в тот же момент, но уже с левого уха, словно эхо, в ответ:

— Наша вашим не уступит!

А потом и справа и слева:

— Берегись, атаман!

Разин мотнул головой налево, направо. Видит, бегут две ватажки. В каждой человек по двадцать. Тащат огромные бревна. Состязаются, кто первым с бревнами к стене добежит. Несутся, и каждый кричит:

— Наша вашим не уступит!

— Сама пойдет, сама пойдет...

— Наша вашим не уступит!

— Сама пойдет, сама пойдет...

Залюбовался Степан Тимофеевич. Парни статные. Красивые, один к одному. Богатыри русские.

Вторая встреча произошла у них под Самарой: переправлялись разинцы с одного берега Волги на другой. На той стороне горели костры, варились для разинцев щи и каша.

Плыл Разин в челне, вдруг слышит с правого борта:

— Наша вашим не уступит!

Только повернул Степан Тимофеевич голову направо, как тут же ударило слева:

— Наша вашим не уступит!

Состязаясь между собой, разинский челн обходили две лодки. Признал Степан Тимофеевич молодцев. И те опознали:

— Привет атаману!

И снова свое:

— Наша вашим не уступит! — Лишь весла крылом взлетели.

Посмотрел на парней Степан Тимофеевич, не сдержался и сам.

— А ну, не отстать! — бросил своим гребцам.

Рванули гребцы что есть силы. Присоединился атаманский челн к гонке. Пришли к берегу все разом. Лица у всех возбужденные. Азартом глаза горят.

— Молодцы! — бросил парням Степан Тимофеевич. А сам подумал: «Ради чего же гнались? Прыть-то, поди, из-за каши. Тьфу!»

И вот встреча теперь в Симбирске. Слева и справа от Разина море людей. Мелькают армяки и рубахи, свитки и казацкие шапки, сабли, пищали, вилы, пики, рогатины и топоры. Тысяча жметя к тысяче, сотня бежит за сотней. И все это колыхнется, все это движется, несокрушимо несется туда — к самой вершине Симбирской горы. И где-то уже оттуда, издалека, прорывают предрассветную темноту знакомые голоса:

— Наша вашим не уступит!

— Наша вашим не уступит!

Вместе со всеми парни идут на штурм.

— Удалой народ, удалой! Эка лихости сколько! — восторгается Разин. — Им что каша, что труд, что бой — лишь бы не быть в последних. Вот ведь натура русская!

РОЗГИ

При взятии Симбирска попал к разинцам огромный обоз. Были в нем и хлеб, и соль, и ядра для пушек, и порох. Была и всякая обозная рухлядь: подковы, уздечки, колесные спицы, деготь, веревки, гвозди. Были и... розги. Целых три воза. Ведал обозным хозяйством дворянин Ягужинский. Он и придумал розги.

— Для злодея везу, для злодея, — говорил Ягужинский. — Как побьем воровской народ, так и устроим великую сечу. Насмерть их, розгами. Для того и везу.

Отличался Ягужинский лютостью редкой. Вез он не только розги.

Были на обозных телегах и кнуты, и плети, и колоды с цепями, был и палаческий инструмент: топоры, пруты из железа, петли для виселиц, пыточные щипцы для раздиранья тела. Находился при обозе и свой палач.

— Я человек запасливый, — говорил Ягужинский. И похихикивал: — Каждый третий пойдет на виселицу, каждый пятый сядет на кол. Ну, а розги, эти, конечно, всякому.

Однако получилось все вовсе не так, как мечталось о том Ягужинскому. Приехали розги с обозом в Симбирск. Тут и достались восставшим. Достались не только розги, но и сам Ягужинский.

— Розги? — переспросил Разин, когда донесли ему об обозном хозяйстве.

— Розги, батюшка атаман. Целых три воза. А есть еще и кнуты, и плети, и палаческий и пыточный инструмент.

— Ах ты! — вскипел Степан Тимофеевич. — Целых три воза. И плети, и розги! Кто лютость сию придумал?

— Дворянин Ягужинский, — сообщили Разину. — Дозволь, батюшка, его самого его же гостинцем попотчевать.

Усмехнулся Разин:

— Ну раз так... Раз он до этих вещей охочий, раз он розог, плетей любитель — быть по тому, всыпать ему для пробы.

Схватили разинцы Ягужинского, содрали в момент штаны и рубаху, разложили пластом на лавке. Разобрали с возов плети и розги, построились в длиннющий, длиннющий ряд. Без малого на целую версту растянулись.

Вечером Разину доложили:

— Кончился Ягужинский. Засекли, атаман. Не дышит.

— Как — не дышит?! — осерчал Разин.

— Не выдюжил, батюшка.

— Эх, меры людишки не знают, — вздохнул Степан Тимофеевич. — Лютость пошла на лютость.

Обиделись разинцы:

— Не мы начинали!

— А нас бы помиловал?

— Да он же сам виноват. При его-то дворянской хлипкости и сотни розог, поди, хватило. Зачем же три воза брал?

ДВА КАЗАКА

Сдружились они в походах. Два казака, два разинца. Запорожский казак и казак донской. Иван Сорока и Фрол Телегин.

Вместе бились, вместе сражались. Под одной кошмой ночевали. В персидские земли ходили вместе. Астрахань штурмом брали. Голодая, делили краюху. Каплю воды на двоих делили. Вместе кубки хмельные пили.

На привалах вспоминали своих девчат. Сорока — свою Марийку, Телегин — свою Дуняшу. Вспоминали родные земли. Сорока — свое Запорожье, бурный широкий Днепр. Телегин — равнины вокруг Черкаска, тихий и плавный Дон.

Жили два казака, словно родные братья. И радость и горе у них пополам. Все тут на равные доли. И смерть им выпала — одна на двоих.

Не взяли разинцы при первом штурме симбирский кремль. Люто сражались стрельцы и дворяне. Знали: не будет им от восставших пощады. Били картечью. Ядра горохом из пушек сыпали. Лили сверху, со стен, смолу.

Отвел Разин бойцов на отдых.

При новой атаке Разин дал команду кремль запалить. Натаскали ночью разинцы хворосту, дров. Прикатили телеги с сеном. Обложили в нескольких местах кремлевские стены.

— По-о-шел! — скомандовал Разин.

Взметнулось по стенам пламя. Поползло языками вверх. Лизнуло ночное небо. Рассыпалось на сотни и тысячи искр.

Принялись стрельцы и дворяне огонь тушить.

— Сбивай его! Солью дави! Песком! — надрывал глотку воевода Иван Милославский.
— Воду — безрукие! Во-о-ду!

В это время и начался новый штурм.

Иван Сорока и Фрол Телегин бежали вместе со всеми. Припасли они длинную лестницу. По этой лестнице и хотели подняться на стены.

Добежали друзья удачно.

— Доброе дело, доброе, — приговаривал Разин, наблюдая за огнем и атакой. — Вот так-то, воевода Иван Милославский. Вот так-то тебя — за горло двумя клещами.

Однако, подпустив разинцев к стене, осажденные как бы спохватились.

— Пищали к бою! Смолу на стены! — гудел Милославский.

Когда Телегин и Сорока прислонили к крепостным бревнам свою лестницу, сверху началась такая пальба, что лишь чудом они уцелели.

Глянули казаки налево, направо — в живых только их двое.

Приостановилась атака и тех, кто шел за первыми следом. Не решаются люди под пули двинуться.

Стоят у стены казаки. Стоит Телегин и не видит того, как сверху в него стрелец из пищали целит. Не видит Телегин, но видит зато Сорока. Проворен в бою Сорока. Выхватил из-за пояса пистолет. Спас друга от верной гибели.

Не заметил Телегин стрельца, который в него из пищали целил, зато заметил другого. Другой же в Сороку целил. Проворен в бою Телегин. Выхватил из-за пояса пистолет. Спас друга от верной гибели.

Улыбнулись друзья друг другу. Прокричали своим:

— Братцы, не трусь!

— Братцы, вперед!

Бросились казаки вверх по лестнице и увлекли своим примером других.

Они уже были у самого верха. Вот уже рядом обрез стены. Но тут над Иваном Сорокой нависла стрелецкая секира. Смотрит железным жалом. Миг, и быть бы Сороке в беде. Но рядом Телегин. Ловок в бою Телегин. Выкинул саблю навстречу удару. Выбил секиру из рук стрельца. Выбил одну секиру, но рядом уже другая. Нависла она над самим Телегиным. Смотрит железным жалом. Миг, и быть бы в беде Телегину. Но рядом Иван Сорока. Ловок в бою Сорока. Выкинул саблю навстречу удару. Выбил секиру из рук стрельца.

Улыбнулись друзья друг другу.

Еще шаг, и быть бы казакам на стене.

И в эту секунду...

У Милославского был отряд лучников. Их стрелы и при первой атаке положили немало казацких голов. Били они и сейчас без промаха.

Выскочил лучник на стену кремля. Простилась стрела с тетивой. Пробила Сороке грудь, достала грудь и Телегина.

Рухнули вниз казаки.

На волжском обрыве, в общей могиле, спят они вечным сном. Два казака, два разинца. Запорожский казак и казак донской. Иван Сорока и Фрол Телегин.

Ходит над ними солнце. Ходит над ними месяц. Звезды им с неба светят. Плещет о берег Волга. Ветры бегут над обрывом. Песни о дружбе казацкой поют.

БАБКА

Явилась к Разину бабка. Старая-старая. Согнулась от возраста бабка. Без клюки шагу ступить не может.

— К тебе пришла, атаман. В войско твое казацкое.

— Эка шутница ты, старая! — рассмеялся Степан Тимофеевич.

— К тебе, к тебе, принимай, — повторила старуха. И даже клюкой о землю пристукнула.

— Ну и ну, — покачал головой Степан Тимофеевич. — Ты что же, саблей казацкой владеть умеешь?

— Нет, не умею.

— Может, стрельбе из пищалей обучена?

— Не приведи господи, — закрестилась старуха.

— Так, может, в пушкарном деле ты мастерица великая? — усмехнулся Разин.

— Нет, — заявила бабка. — Я слово волшебное знаю.

— Волшебное слово?

— Его, его, отец атаман. То слово страх из людей изгоняет.

Глянул искоса на бабку Степан Тимофеевич, задумался. А дело все в том, что в войсках у Разина много было таких, кто впервые ходил под пули. Вот и попадались порой людишки, на которых страх находил перед боем.

Запомнился Разину случай. При штурме Симбирска приметил он парня. Парень как парень. Молод и строен. Не хуже любого другого скроен. Только страх у него в глазах. Пристроился парень сзади всех прочих. Шепчет:

— Царица небесная, мать божия... — то есть храбрости парень просит.

Не помогла царица небесная. Не послала храбрости парню. Не сдвинулся, бедный, с места. Мало того — весь бой просидел в кустах.

Посмотрел на бабку Степан Тимофеевич:

— Ладно, умельство твое испробуем. — Показал он бабке на трусливого парня: — Начинай вот хотя бы с этого.

На следующий день при штурме кремля Разин стал наблюдать за парнем. Парень как парень, молод и строен. Не хуже любого другого скроен. Только новое что-то в парне. Где же страх у него в глазах?

Двинулся парень со всеми в атаку. На стены Симбирска геройски лазил. Цел-невредим вернулся.

— Вот это да! — не сдержался Разин.

Слух о том, что появилась в войсках ворожея, быстро прошел между разинцами. Немало людишек ходило к бабке. И каждый потом — в героях. Поражался такому Разин. Сам в волшебную силу старухи уверовал. Вызвал Степан Тимофеевич бабку:

— Колдовство-то твое откуда? Волшебное слово в чем?

Усмехнулась Разину бабка, потянулась к атаманскому уху:

— Колдовства-то, родимый, нет.

— Как — нет?! Своими глазами видел.

Вновь усмехнулась бабка:

— Доброе слово сказать перед боем — вот и будет волшебное слово.

ГОВОРИЛ МАКАР САЗОНОВ

— Ну, братцы, прощайте. Спасибо за хлеб, за соль, за дружбу, — говорил Макар Сазонов. — Путь вам удачный, дальний, а я пришел. Деревенька моя рядом. Речка у нас Свяга. — Был Сазонов из этих мест, из Симбирской округи. — Город я взял. А кремль и без меня осилите.

Случай ухода из разинской армии был не первым. Уходили люди и под Саратовом, и под Самарой, и во многих других местах. Покидали боевые отряды по одному, по два и даже целыми группами. Добирались, как Макар Сазонов, до родных мест и расходились.

— Мы свое сделали, — говорили они. — Спасибо отцу атаману. Наша земля свободна. Пусть за другие места повоюют теперь другие.

Тянуло крестьян к дому, к земле. А тут ко всему поход совершался летом. Созрели хлеба. К хлебам мужиков манило. Убирать, молотить, на зиму припасы делать.

Разин удерживал и не удерживал. Понимал он мужицкую душу. Да и ведь силой людей не возьмешь.

— Не держу, — говорил Разин. — Однако торопитесь. Рано бежите к стойлам. Рано. Тем, что пришли домой, дело еще не кончилось.

Правда, войско все время росло. Одни уходили, зато приходили другие. Но новый народ был необстрелянным. Без нужной военной выучки. В походах не закаленный. Ему и цена другая. Войско от этого слабо.

С Макаром Сазоновым Разин завел более крутой разговор.

— Уходишь?

— Отпусти, атаман. Тутешний я. Да я же свое сработал.

Разин вскипел:

— Работнички! А кому же Казань, Нижний, Владимир брать? Кому из Москвы выжигать боярство?!

— Да там же народ казанский, нижегородский... Каждому, стало, и брать свое. Найдутся и там людишки.

— «Свое»! — ругнулся Степан Тимофеевич. — Да если все врозь, что же у нас получится! Сила, считай, не в пальцах, а в кулаке. — Потом сказал уже тише: — Тут надо один к одному. Побьют нас бояре порознь.

Однако Сазонов все же ушел. Барин из их деревеньки бежал. Прибыл Макар домой — благодать! Мирно журчит Свяга. Для тебя и земля, и воля. Солнце тебе на небе.

Только рано радовался Сазонов. На помощь засевшему в симбирском кресле воеводе Ивану Милославскому спешили царские войска. Вел их снова князь Юрий Барятинский, тот самый, побитый Разиным в первом бою.

Один из дворянских отрядов и ворвался в деревню, в которой жил Макар Сазонов.

Схватили дворяне Макара. Люто его пытали. А потом для страха другим повесили.

Вспомнил, погибая, Макар Сазонов слова Разина, вспомнил, да поздно.

«ХОТЕЛОСЬ ЛЮДЯМ В ТАКОЕ ВЕРИТЬ»

Побился Оскарка Чертенюк с казаками об заклад, что первым ворвется в Симбирск.

За первой атакой была вторая. Однако держался симбирский кремль.

— Эх, пушек мало, пушек! — сокрушался Степан Тимофеевич.

Плохо было не только с пушками. Пицаль одна на десятерых. Пистолет один на целую сотню. Ходят разинцы в атаку с топорами, копьями, вилами.

Чтобы сберечь людей, дал Разин отбой к атакам.

Решил Разин рядом с одной из сторон кремля, поближе к стене, насыпать высокий вал. А потом от этого вала протянуть переходы к стене. И по переходам на стены кремля ворваться.

Две недели готовили восставшие вал. Насыпали его и ночами и днями. Вместе со всеми работал и Оскарка Чертенюк. Таскал мешком землю. Бегал проворно. Казалось, лапти земли не касались.

Началась осень. Низко над Волгой ползли облака. На улицах ветер бросался пылью. В один из таких непогожих дней примчался к Разину всадник:

— Отец атаман, боярское войско идет к Симбирску.

Это к Симбирску подходил князь Юрий Барятинский.

Через день снова гонец:

— Отец атаман, боярское войско все ближе и ближе.

За этим и третий гонец примчался:

— Отец атаман, Барятинский рядом.

Не достроив до конца переходов, Разин дал команду к третьему штурму кремля. Расчет был таков: ворваться в кремль до прихода боярских войск.

Разинцы стали заваливать проемы между валом и крепостной стеной поленьями, бревнами, хворостом, создавая из них настил.

И хотя пули врагов косили людей нещадно, и хотя ударили пушки из крепости, не дрогнули разинцы. Настил рос, рос. И вот подошел к стене. Все выше он, выше. Еще немного, и откроется путь на стены.

— Ну держись! Ну берегись! — посылали разинцы угрозы в сторону крепости. — Ну-ка, Оскарка, берись за вилы!

И вдруг непредвиденное. С крепостной стены полетела вниз горящая пакля. В одном месте, в другом, в третьем, четвертом, пятом... Коснувшись сухого хвороста, она взметнула немедля пламя.

Все поняли: стрельцы поджигают настил.

— Вали больше! Больше вали! — закричал Разин, показывая на поленья. Он надеялся верхним слоем поленьев прибить огонь.

Но дерево было сухим. Гигантский костер зверем метнулся к небу.

На минуту у Разина мелькнула мысль: может, пламя пойдет на стены и получится то, с чем не справились в прошлый раз, — пожар, уничтожив настил, уничтожит и стены кремля.

Но ветер дул не с руки, гнал огонь не к стене, а к штурмующим, к валу. Попятились люди. Попятился Разин. У кого-то вырвался вздох:

— Эх, птицей на ту бы сторону!

И вдруг Оскарка Чертенок сорвался с места. Подхватил свои вилы, ринулся разинец в пламя.

Замерли все. И тут же:

— Леший.

— Оскарка!

— Чертенок!

Хотели люди вернуть смельчака. Но пламя укрыло героя. Прошла минута, вторая. И вот опять увидели все Чертенка. Уже там, за огнем. У самой стены. Жив, невредим Чертенок.

Как он взлетел на стену, никто не понял. Но он стоял на самом ее верху. И только одежда его горела.

Чертенок вдруг побежал по стене. Заработал, как пикой, вилами. Взлетали на вилах тела стрельцов. Взлетали и тут же снопами падали: направо — внутрь кремля, налево — по эту сторону.

Чертенок исчез со стены, словно растаял. Закрыл на минуту героя дым, а когда расступился — нет на стене Чертенка. Нет, словно людям все это привиделось. А может, и вправду привиделось? Может, и не было вовсе Чертенка там?

Перекрестились разинцы. Один — за добрую память героя. Другие, те, что в силы волшебные верили, — за вечную жизнь. Надеялись люди: а вдруг объявится вновь Чертенок?

— Может, он птицей ушел в поднебесье!

Хотелось людям в такое верить.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Князь Юрий Барятинский стоял у реки Свяги. Навстречу ему, стараясь удержать, не пропустить боярское войско к городу, Разин и вывел свои отряды.

Здесь, на холмах у Свяги, он и дал свой последний бой. Запели медные дудки. Сила пошла на силу.

Войска у князя были отборными. Почти каждый в полках дворянин, сын боярский, слуга государев. Были и иноземные ратники.

У дворян пушки, пищали, мушкеты. Кони добрые, сытые. Скакун к скакуну. В кольчугах всадники, в железных нагрудниках.

И все же поначалу трудно было сказать, кому упадет удача. С такой силой ударили разинцы, что Барятинский было дрогнул. Битва завязалась в разных местах. И если в одном побеждал Барятинский, то сразу и в другом, и в третьем верх доставался разинцам. Хотя и ходили они в атаку порой с топорами, с рогатинами. А многие просто с дубинами.

Однако сила есть сила, пушки есть пушки. Оправился вскоре Барятинский. Собрал дворян на одном из холмов. Расставил, устроил засады. И отсюда, с холма, начал атаку на разинцев.

На атаку Разин ответил атакой.

Повел он на холм казаков. Врезались конники в дворянское войско.

— Руби-и! Секи-и! — кричал Разин.

Дворяне попятились. «Уж больно шибко», — подумал Разин. Но азарт сечи его увлек.

— Коли-и! Работа-ай!

Рубится Разин. В седле приподымается. Удары налево, направо шлет. Сабля обрушится молнией и снова взлетает к небу. Конь дрожит под наездником. Разин весь в битве. Шапка чуть сдвинута. Губа чуть прикушена. Взгляд ястребиный. Глаза огнем горят.

Взлетели казацкие кони на холм. И тут — вот она, хитрость князя. На вершине холма за его укрытием, уставив чугунные дула, на разинцев смотрят пушки.

— Па-али!

Метнули пушки зарядом в лошадиные морды. Конское ржанье и конский хрип.

В ту же минуту за пушками выросли враз стрелки. Ударили громом пищали. За первым рядом стрелков — второй. Снова огонь и пули.

Все смешалось в рядах казаков.

А слева и справа, выходя из овражных засад, звеня латами и мечами, уже летела на Разина дворянская конница.

Развернулся Степан Тимофеевич врагу навстречу. Снова взлетела сабля. Ястребиный метнулся взгляд.

— Ру-уби! — выпалил Разин.

И в это время пуля ударила атамана в ногу, в бедро.

— Эн не возьмешь!

Хоть и скривился Разин от боли, но саблю из рук не выпустил. Послала сабля налево, направо смерть. А третий удар не вышел. Повис над Разиным дворянский палаш. В глазах атамана метнулись земля и небо.

— Братцы, спасай атамана! — услышал Разин, валясь с коня. — Батьку спасай. Без батьки всему погибель.

Через час все было закончено. Князь Юрий Барятинский со стрелецким войском под трубные звуки вступил в Симбирск.

РАЗИНКА

Верные казаки везли Разина домой на родную донскую землю. Между Волгой и Доном заночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли раненого атамана в избу.

Лежит на сдвинутых лавках Разин. Смотрит на стены, на потолок. Напряженно о чем-то думает. Прикрывает глаза, открывает. Глянет куда-то сквозь стены вдаль. Снова закрывает веки.

Вскоре к Разину подошел мальчик, подросток, постоял около Разина, не зная, как поступить, наконец протянул яблоко.

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

— Что?!

— Разинкой называется, — объяснил мальчик.

Брови атамана от удивления приподнялись. Он глянул по сторонам и припомнил.

Было это в 1667 году, при первом походе Разина с казаками на Волгу. И тогда он ночевал на этом же самом хуторе.

Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблоньки. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

— Давай помогу.

— Доброе дело, — ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленькую, маленькую, без листочков. Хиленький, тоненький стебелек.

— Приезжай, Степушка, через три года. Отведать разинку, — приглашал атамана старик.

Усмехнулся Разин:

— Ну что же — приеду.

И вот прошло не три, а почти целых четыре года.

«Привела все же судьба, — подумал Разин. — К хорошим делам приводит».

— А где же дедусь? — спросил он у мальчика.

— Помер. Еще по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, все кликал тебя, Степан Тимофеевич. Все про яблоньку говорил. Беречь ее и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное. Пустило крепкие ветви в стороны. И висели на нем яркие, крупные, в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка!» — произнес про себя Степан Тимофеевич. Приказал он отнести себя на могилу дедову, поклонился и тронулся дальше в путь.

Всю дорогу Разин говорил о садах.

— Красота-то какая! По всему Дону, по всей Волге, по свету всему посадим такую прелесть. Скинем бояр — за сады возьмемся. Чтобы полыхало по весне белым огнем вокруг. Чтобы к осени ветки до корня гнулись. Да что сады — жизнь перестроим. Перепашем, перевернем сошником. Травы дурные — вон. Колос — наружу. Чтобы в радость великую людям. Чтобы счастье всему народу.

ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК

Не дожил Степан Тимофеевич до счастливого времени. Вскоре после возвращения на Дон Разин был схвачен богатыми казаками.

Скрутили цепями Разина, повезли на расправу в Москву. Везли осторожно, под сильной стрелецкой охраной. Вперед выезжали дозорные. Смотрели, чиста ли дорога. Нет ли в пути засад.

Неспокойно было еще кругом. Еще бурлило море войны народной. Било гневом в боярский берег. На Каме, Ветлуге, Оке и Хопре еще бродили отряды восставших. По Волге гулял атаман Шелудяк, ближайший сподвижник Разина.

Сидел в телеге, не двигаясь, Разин. Идет дорога то вниз, то вверх, то тонет в глуши низиной, то тянется к самому небу.

Смотрит на небо Степан Тимофеевич. Бескрайним простором оно зовет. Волей, свободой дышит.

«Нет, не будет великому делу конца, — сам с собой рассуждает Разин. — Не стерпят боярских колодок люди. Может, и рано взлетел орел. Крылом неокрепшим взмахнул до срока. Поспешили людишки к высям. Нет, не рано! — Разин тряхнул головой. Блеском глаза наполнились. — Пусть не закончили мы поход. Закончат его другие».

— Братцы, Стенька, гляди, задвигался, — прошел шепот среди стрельцов.

— Глаза-то, глаза — черным огнем горят. К добру ли сия примета?

«Бояться! — злорадно подумал Степан Тимофеевич. — И стреноженный, значит, конь не лишился еще копыта».

В Москве Разина долго допрашивали и пытали на дыбе.

Презрительной усмешкой отвечал Разин своим мучителям.

Казнили Разина в центре Москвы, на Лобном месте, на Красной площади.

Степан Тимофеевич стоял на плахе. Дьяк монотонно читал приговор. Но не следил за словами Разина. Смотрел он на площадь. Не туда, где толпились в первых рядах бояре. А дальше, за них, за боярские шапки, туда, где жался простой народ.

Смотрел на людей атаман. И вдруг он ясно себя увидел не здесь, не на плахе — верхом на коне, на волжской высокой круче. Даль перед ним и простор.

«На штурм! На слом!» — зазвучало в ушах у Разина.

И сразу поднялись ряды казаков. Слово волны, шли люди на приступ. Как только кончался ряд, за ним надвигался новый. Третий, четвертый, пятый... Гудела кругом земля. Ветер стучался в лица.

«На штурм! На слом!» — неслись голоса.

И не было людям счета.

Разин прикрыл глаза. Но не уходило, стояло, как явь, видение. Степан Тимофеевич сжал кулаки:

— Нет, не будет великому делу конца. Не жить на Руси боярству!

Через минуту свершилась казнь.

Взлетел в руках палача топор. Взлетел. Опустился. Не стало Степана Разина. Кончил свой век атаман. Но еще долго в страхе жило боярство.

Послышится стук копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги. Ветер ударит в окна — сердце замрет и екнет. Половицами в доме скрипнет — боярин проснется и дико вскрикнет.

Долго еще на Руси снились боярам страшные сны. Снился им грозный всадник.

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ

Издавна русские считались хорошими мореходами. Они совершали далекие плавания и торговали с другими народами.

Но враги стремились отнять у России выходы к морю. Северными берегами Черного моря завладели турецкие захватчики. Берега Балтийского моря и прилегающие к ним земли латышей и эстонцев захватили шведы.

В то время Швеция была очень сильным государством. Ее армия считалась одной из лучших в мире. Кроме того, Швеция имела большой, хорошо вооруженный флот.

В 1700 году умный и деятельный русский царь Петр I объявил войну Швеции. Война со шведами длилась двадцать один год и закончилась полной победой русских. В истории она получила название Северной.

Для России Северная война началась неудачно. Под шведской крепостью Нарвой русские потерпели поражение. О том, как и почему это случилось, а также о том, что понадобилось предпринять для будущих побед и о самих первых победах, вы и узнаете из повести «Небывалое бывает».

Глава первая НА РЕКЕ НАРОВЕ ПОХОД

Русская армия шла к Нарве. Тра-та-та, тра-та-та! — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода.

Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колени солдатские ноги в грязи.

Устанут, промокнут солдаты за день, а обогреться негде. Села попадались редко. Ночевали все больше под открытым небом. Разведут солдаты костры, жмутся к огню, ложатся на мокрую землю.

Вместе со всеми шел к Нарве и Иван Брыкин, тихий, неприметный солдат. Как и все, месил Брыкин непролазную грязь, нес тяжелое кремневое ружье — фузею, тащил большую солдатскую сумку, как и все, ложился спать на сырую землю.

Только робок был Брыкин. Кто посмелее, тот ближе к костру пристроится, а Брыкин все в стороне лежит, до самого утра от холода ворочается.

Найдется добрый солдат, скажет:

— Ты что, Иван? Жизнь тебе недорого?

— Что жизнь! — ответит Брыкин. — Жизнь наша — копейка. Кому солдатская жизнь надобна!

Исхудали солдаты, оборвались в пути, болели, отставали от войска, помирали на дальних дорогах и в чужих селах.

Не вынес похода и Иван Брыкин. Дошел до Новгорода и слег. Начался у Брыкина жар, заломило в костях. Уложили солдаты товарища на обозную телегу. Так и добрался Иван до Ильмень-озера. Остановились телеги у самого берега. Распрягли солдаты лошадей, напоили водой, легли спать.

Дремал и Брыкин. Среди ночи больной очнулся. Почувствовал страшный холод, открыл глаза, подобрался к краю телеги, смотрит — кругом вода. Дует ветер, несет волны. Слышит Брыкин далекие солдатские голоса. А произошло вот что. Разыгралось ночью Ильмень-озеро. Вздунула от ветра вода, разбушевалась, хлынула на берег. Бросились солдаты к телегам, да поздно. Пришлось им оставить обоз на берегу.

— Спасите! — закричал Брыкин.

Но в это время набежала волна, телегу повалило набок.

— Спаси-ите! — вновь закричал Брыкин и захлебнулся.

Накрыла солдата вода с головой, подхватила, поволокла в озеро.

К утру вода схлынула. Собрали солдаты уцелевшее добро, пошли дальше.

А об Иване никто и не вспомнил. Не он первый, не он последний — много тогда по пути к Нарве солдат погибло.

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ступицу.

Кричат солдаты на лошадей, бьют сыромятными кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости.

Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой — пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперед! — кричит один.

— Назад! — команду подает другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегает вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы, — произнес капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан, — проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бережешь! — набросился капитан на сержанта. — Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— Да я... да мы... — заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее!

Потом подошел опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крикнули от удивления. Подбежали, поднавалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» — похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые, — закричал генерал, — тут государев возок не проезжал?

— Нет, ваше высочество, — ответили солдаты, — тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — переспросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

«БЕЗ НАРВЫ НЕ ВИДАТЬ МОРЯ»

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом — как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Петр знал с детства.

Служил в ту пору Алексашка Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

— Пироги подовые, пироги подовые! — кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков — идет мальчик. По одежде догадался — молодой царь.

— Хочешь, фокус покажу? — обратился Алексашка к Петру.

— Хочу.

Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», — почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

— Эй, эй! — кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь опор. Подбрасывают на выбоинах царский возок. Разлетается в стороны грязь.

Петр сидит молча, смотрит на спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьего и вовсе на тот свет отправили.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку — бух! — и летит пареная репа в толстые животы и бородатые лица. Подхватят бояре полы расшитых кафтанов — и наутек. А Петр выхватит шпагу и кричит:

— Виктория![6] Виктория! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка — Преображенский и Семеновский. Царь величает их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то себя покажут старые дружки-приятели? — думает Петр. — Это тебе не с боярами воевать».

— Государь! — выводит Меншиков царя из раздумья. — Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом крутом берегу реки Наровы стоит крепость. Кругом крепости — каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок — крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка — Длинный Герман.

А против Нарвы, на правом берегу Наровы, — другая крепость: Иван-город. И Иван-город обнесен неприступной стеной.

— Нелегко, государь, такую крепость воевать, — говорит Меншиков.

— Нелегко, — отвечает Петр. — А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«ПОГОВОРИ, ГОСУДАРЬ, С СОЛДАТАМИ»

Приехал Петр к Нарве, собрал генералов, стал спрашивать о состоянии войска.

Неловко генералам говорить царю правду. Боятся царского гнева. Докладывают генералы, что все хорошо, что войска дошли без потерь. И пушек достаточно, и ядра есть, и порох хороший.

— А как с провиантом? — спрашивает Петр.

— И провиант есть, — отвечают генералы.

— Так, — говорит Петр, а сам наклонился к Меншикову, шепчет на ухо: — Не верится мне что-то, Данилыч, иное в пути видел.

— Врут. Ей-богу, врут! — отвечает Меншиков. — Пойди поговори, государь, с солдатами.

Пошел Петр. Смотрит — солдаты стоят, ружья чистят.

— Как дела, служивые? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают солдаты.

— Ну, а народу в пути много полегло? — спрашивает Петр.

— Полегли, государь. Так ведь на то и дорога дальняя; дожди, государь, непогода.

Взглянул на солдат Петр, ничего не сказал, только дернулся тонкий, словно шило, петровский ус.

Пошел Петр дальше. Смотрит — бомбардиры возятся у пушек.

— Как дела, бомбардиры? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают бомбардиры.

— Ну, а как пушки, как порох?

Молчат пушкари, переминаются с ноги на ногу.

— Так как же порох? — переспрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, — отвечают бомбардиры.

И снова молчат, снова переминаются с ноги на ногу.

— Что — ничего? Где обозы, где порох? — не вытерпев, закричал Петр.

— Поотстали, государь, обозы, — отвечают солдаты. — Так ведь дорога дальняя, грязь непролазная. А порох есть, государь. Как же без пороха на войну идти? Подвезут, чай, порох.

И снова дернулся петровский ус, сжались в кулаки огромные руки.

Пошел царь дальше. Смотрит — драгуны коней чистят.

— Как дела, молодцы? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают драгуны.

— А как с харчами?

— Вот с харчами разве что худо. Да оно ничего, государь, — отвечают драгуны, — народ терпит. Коней жалко.

Перекосилось от злобы петровское лицо. Понял царь, что генералы говорили неправду. Вернулся Петр в генеральскую избу, снова собрал совет.

— Как же шведа воевать будем? — заговорил царь. — Где порох, где обозы? Чего солдат в пути загубили, чем живых кормить будем? Чего брехали, правду не сказывали?!

Молчат генералы, смотрят на царя исподлобья, заговорить боятся.

Наконец встал старший по чину, Автамон Головин:

— Петр Алексеевич, не гневайся. Русский мужик вынослив. Бог милостив, уж как-нибудь.

— Дурак! — рявкнул Петр. — На божьей милости далеко не уедешь! Пушки нужны, ядра, корм лошадям и людям. Дело оно не шутейное. Шкуру спущу, коли порядка не будет! Поняли?

И вышел, да так хватил дверью, что у генералов мурашки по спине пробежали.

«КТО ТРУСИТ — СТУПАЙ В ОБОЗ»

Следить за осадой Нарвской крепости Петр поручил генерал-инженеру барону Галларту. В России в то время было мало знающих людей, вот и приходилось приглашать иностранцев.

Однако, приехав под Нарву, барон неохотно занимался своим делом. Галларта все раздражало: и пушек у русских мало, и кони тощи, и солдаты плохо обучены. Ходил Галларт всем недовольный и только злил Петра.

Несколько раз царь приглашал иностранного генерала пройтись вокруг крепости, осмотреть самому шведские укрепления, но Галларт все отказывался.

Тогда Петр взял лист бумаги, карандаш и пошел сам.

Шведы увидели царя, стали стрелять. Ударяются рядом с Петром шведские пули, а он ходит, чертит что-то на бумаге, делает вид, что ничего не замечает. Стыдно стало Галларту. Нехотя пошел догонять Петра.

Однако Петр ходит у самой крепости, а подойти к крепости Галларт боится. Остановился барон в безопасном месте, кричит:

— Ваше величество!

Хочет Галларт, чтобы царь обратил на него внимание, машет Петру рукой.

Петр молчит.

— Ваше величество! — еще громче кричит Галларт.

И вновь никакого ответа.

Понял Галларт, что Петр нарочно не отзывается: ждет, когда барон подойдет ближе. Набрался генерал храбрости, сделал несколько шагов вперед. А в это время грянула с крепостной стены шведская пушка, просвистала в осеннем воздухе неприятельская бомба, шлепнулась в лужу недалеко от Галларта. Бросился барон на землю ни жив ни мертв. Лежит, ждет, когда бомба разорвется.

Однако бомба не разорвалась. Приоткрыл тогда Галларт глаза, приподнял голову, смотрит — рядом стоит Петр. Улыбается Петр, подает генерал-инженеру руку.

Покраснел Галларт, поднялся с грязной земли, говорит царю:

— Ваше величество, да царское ли это дело под пулями ходить!

— Царское не царское, — отвечает Петр, — а приходится. Видать, помощники у меня плохи. Не те помощники. А дело — оно военное. Тут кто трусит — ступай в обоз.

Смутился генерал Галларт, обиделся на царя, поднял с земли свою шляпу и пошел к русскому лагерю. А Петр посмотрел ему вслед и только головой покачал.

О ДВУХ МУЖИКАХ

Осада Нарвы затянулась. Вначале ждали поотставшие в дороге полки. Потом, когда начали обстрел вражеской крепости, оказалось, что русские пушки плохи. При стрельбе отваливались у пушек лафеты, ломались колеса, разрывались некрепкие пушечные стволы.

В русском лагере поползли слухи, что шведов не одолеть, что на помощь крепости спешит сам шведский король.

Приближалась зима. Пошли длинные, Холодные ночи. Свистел колючий ветер. Почти над самой землей двигались черные, зловещие тучи.

В одну из таких ночей Петр шел по лагерю, спустился к Нарове. Вдоль берега реки, ежась от холода, расхаживал часовой.

— Эй, служивый! — закричал Петр.

Часовой вздрогнул. Обернулся. Узнал Петра. Вытянул руки по швам.

— Ну как, побьем шведов? — обратился Петр к солдату.

— Бог, государь, он милостив. Может, и побьем, — ответил часовой.

— Что — бог! А ты как мыслишь?

— Что — я? Я как все, — произнес солдат.

— А как все? — допытывает Петр.

— Да разное говорят, государь. Побьют нас шведы, говорят.

— Дурак! — выругался Петр, сплюнул с досады и пошел дальше.

— Государь, — услышал он тихий оклик.

— Ну что? — спросил недовольно Петр и вернулся к солдату.

— Государь, дозвожь притчу рассказать.

— Притчу? — переспросил Петр. Усмехнулся. — Рассказывай.

— В давние времена, — начал солдат, — жили на селе два мужика. Пахали мужики землю, рожь сеяли. Да только жили мужики по-разному. У одного к осени все закрома полны хлебом, а другой соберет чуть более того, что посеял. Стало обидно второму мужику. В чем дело, какой такой секрет у товарища? Лежит мужик всю зиму на печи, думу свою думает. Наконец не вытерпел, пошел к соседу.

«Почему это, — говорит, — у тебя такое везение?»

«А у меня на то особый секрет есть», — слышит в ответ.

«Какой секрет?» — спрашивает неудачливый мужик.

«А вот, — отвечает сосед и показывает ладони. — Вот тут, — говорит, — мой секрет и есть».

Обрадовался мужик, смотрит на ладони, а там пусто.

«Да тут ничего нет!» — говорит он с обидой.

«Как — нет? Есть, — отвечает сосед. — Смотри лучше», — и показывает на мозоли.

«Да какой же это секрет? — еще больше обиделся мужик. — Мозоли и у меня есть!» — и смотрит на свои руки.

Смотрит, а никаких мозолей на них и нет. Пролежал всю зиму мужик на печи, вот и сошли мозоли.

— Э-э, — проговорил Петр, — да, я смотрю, ты неглуп!

— Так точно, господин бомбардир-капитан.

— Что — так точно? — переспросил Петр.

Солдат смутился.

Петр рассмеялся.

А через несколько дней, забрав Меншикова, Петр уехал в Новгород.

Помчался Петр собирать новые полки да подгонять поотставшие в пути обозы.

Всю дорогу Петр ехал молча, все о солдатской притче думал.

«СТРАХ — ОН ХУЖЕ СМЕРТИ!»

Солдат Федор Грач сидел в окопе. Держал Грач в руке фузею, ждал, когда подойдут шведы. Отродясь еще не приходилось Федору стрелять из ружья. Не обучив ружейным приемам, так и послали на войну.

— Боязно? — спрашивает Федора сосед по окопу, усатый, уже немолодой солдат.

— Боязно, — отвечает, краснея, Грач.

— Оно и понятно, — говорит солдат. — А ты не думай о страхе. От него, от страха, немало зла на войне бывает. Страх он еще хуже смерти.

В ночь перед приходом шведов выпал туман. К рассвету пошел снег. Начался ветер, погнал в сторону русских снежные вихри. Холодный ветер леденил солдат. Вьюжило. В двадцати шагах нельзя было различить друг друга.

Усатый солдат то и дело прикладывал к земле ухо — слушал, не идут ли шведы.

Шведы появились неожиданно, словно из-под земли выросли. Обрушились шведские стрелки на русские окопы.

Поднял Грач ружье, выстрелил. А что дальше произошло, уже и понять не мог. Перемешались в окопах русские и шведские мундиры. И рад бы стрелять Федор, а куда, не знает. Разыгралась вьюга, слепит глаза, где свой, где швед — разобрать трудно.

И вдруг прошел слух: «Немцы предали». Оказывается, барон Галларт и другие иностранные офицеры перешли на сторону шведов. Оставшись без командиров, русские дрогнули, началась паника. Полки устремились к Нарове. Солдаты бежали к единственному мосту через реку.

Вместе со всеми бежал и Федор Грач. Бежал, не видя ничего, бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Мост был временный, легкий. Поравнялся Грач с мостом и вдруг вспомнил слова бывалого солдата. Остановился Федор, повернулся к товарищам.

— Стой! — кричит. — Стой, братцы! Страх — он хуже смерти!

Кричит Грач, но никто не обращает на него внимания. Хватает Грач товарищей за руки, хочет остановить, да где уж. Оттолкнули солдаты Федора в сторону, побежали по шатким, прогибающимся доскам моста. Мост прогнулся. Деревянный настил осел, коснулся воды.

Забурлила вода, заклокотала. И вдруг мост не выдержал. Оборвались непрочные пеньковые канаты. Скрипнул мост, развалился.

Смотрит Грач на Нарову — несет река воды, тащит в пучину русских солдат.

Отвернулся Федор, сел на камень, схватился за голову. Вдруг слышит — кто-то положил ему на плечо руку.

Поднял Грач голову, смотрит — перед ним бывалый солдат.

— Видишь, что страх делает? — обращается солдат к Федору.

— Вижу.

— То-то, — говорит солдат. — Знай. А сейчас бери фузею. Слышишь — справа пальба идет. То царевы гвардейские полки — Преображенский и Семеновский — бьются. Пошли на помощь. А что народ гибнет, на то и война. Тут кто страх поборол, тот и есть настоящий солдат.

«ПУСТЬ САМ ЧЕРТ ВОЮЕТ С ТАКИМИ СОЛДАТАМИ!»

Подходя к Нарве, шведский король Карл говорил: «Московские мужики разбегутся при одном виде моих солдат».

Однако вскоре королю пришлось изменить свое мнение. Не хотел, а все же пришлось. Произошло это вот как.

Услышав сильную пальбу близ Наровы — а там бились преображенцы и семеновцы, — Карл бросился к своим войскам.

Король подоспел вовремя: гвардейцы оттеснили, отбили шведов. Того и гляди, обратятся шведы в позорное бегство.

— Шведы, шведы! — закричал Карл. — С вами бог и ваш король! За мной, шведы!

Солдаты воспрянули духом и с новой силой бросились в битву.

Слева, с невысокого холма, била русская пушка. С кипением врезались ядра в шведские ряды, валили по несколько человек сразу.

— Пушки, подать сюда пушки! — закричал Карл.

Несколько солдат бросились выполнять приказ. Вскоре появилась шведская батарея.

— Огонь!

Ядра легли с недолетом, метрах в тридцати от русской пушки.

— Огонь! — закричал Карл.

Опять недолет.

С третьего выстрела легли шведские ядра рядом с пушкой. Поднялась снежная пыль.

Словно игрушечных, подкинуло в воздух и разбросало в разные стороны русских солдат.

— Ура! — закричал Карл. — Ура! — и замахал шляпой.

Однако, когда улеглась пыль, король увидел: у пушки, словно вовсе и не было залпа, стоит солдат. Карл посмотрел — у солдата нет правой руки. Весь бок пушкаря залит кровью. Словно надломленный сук, торчит из плеча оголенная кость. Солдат держит в левой руке запал, что-то кричит, наводит пушку прямо на шведского короля.

— Безумец! — закричал король.

В это время грянул новый выстрел, и Карл упал с лошади.

Когда король вылез из-под убитого коня и осмотрелся, на прежнем месте солдата уже не было.

Прихрамывая на ушибленную ногу, Карл поднялся на холм.

Рядом с русской пушкой, истекая кровью, лежал солдат. Глаза героя были полускрыты, губы произносили какие-то слова. Карл наклонился к умирающему. «Русский шведа и одной левой бьет», — повторял упрямо солдат.

Уже потом, когда кончился бой, Карл пытался узнать, как звали героя.

Однако никто ответить королю на его вопрос не мог. Тогда Карл вызвал барона Галларта.

— Что за солдат, не знаю, — ответил Галларт, — однако, ваше величество, могу вас заверить, что таких у русских немало. Не люди — безумцы. Пусть сам черт воюет с такими солдатами!

Посмотрел Карл на Галларта, вспомнил свои слова, сказанные при подходе к Нарве, задумался, ничего не ответил.

КАК МАЙОР ПИЛЬ СМЕРТЬ ПРИНЯЛ

Еще в Москве нагадала старая цыганка майору Пилю, что примет он смерть от руки русского солдата. (Немец майор Пиль состоял на службе у русских.)

Нрав у Пилия был веселый, легкий.

Посмеялся он над словами цыганки, рассказал товарищам да и забыл.

Вспомнил о них уже под Нарвой, в самый разгар боя.

Узнав, что барон Галларт и другие иноземные офицеры изменили русским, майор Пиль тоже хотел перейти на сторону шведов. Однако майору не повезло. Перехватил Пилия русский солдат. Лицо у солдата здоровое, глаза злые. Майор едва ноги унес. Хорошо, помогла вьюга.

— Фу ты, вредная! — помянул в эту минуту майор цыганку.

Отбежал Пиль в глубь лагеря, забился в офицерскую землянку, просидел там до самого вечера. Все боялся майор, что вот-вот ворвется в землянку солдат со злыми глазами. Потом успокоился. Мол, беда миновала, стал ждать, когда в русском лагере наконец появятся шведы.

Однако шведы не шли.

Не одержав победы над преображенцами и семеновцами, шведы прекратили бой.

А вечером к землянке подбежал русский солдат, стукнул в дверь, закричал:

— Господ офицеров на военный совет!

Пришел Пиль в генеральскую избу, а там все решено. Договорились генералы послать к шведам своих послов просить о перемирии. Выделили князя Козловского и майора Пиля.

Вышли послы на улицу. Кругом солдаты. Собираются солдаты группами, о чем-то спорят, шумят, перебивают друг друга. Несутся в ночном воздухе солдатские голоса.

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдем!

Обошли князь Козловский и майор Пиль солдат стороной. На всякий случай обходили осторожно, крадучись. Двинулись к шведским позициям. Однако у границы русского лагеря послов окликнули часовые.

— Стой! Кто такие? Откуда? — раздались звонкие голоса.

И сразу к послам из темноты подступило несколько человек.

— Да, никак, свои, — заговорили солдаты. — Да чего их сюда понесло?

Послы растерялись. Захлопал выпученными глазами Пиль. Ради осторожности сделал шаг назад, стал за широкую спину князя Козловского.

Повысил князь голос, пытался прикрикнуть на солдат, да ничего не получилось.

Пришлось рассказать, в чем дело.

— Ироды! — закричал кто-то. — Шкуру свою спасаете!

— Что вы, братцы, что вы! — вмешался Пиль. — Ради вас стараемся... — и осекся: показалось Пилю, что стоит перед ним тот самый солдат со злыми глазами.

— Предатели! Бей предателей! — понеслись солдатские возгласы.

— Стой, стой, братцы! — только и успел сказать князь Козловский.

Навалились солдаты, бросили послов на землю, стали бить сапогами и прикладами.

Вспомнил еще раз Пиль старую цыганку, дернулся и замер. Охал и стонал, хватаясь за пробитую голову, князь Козловский.

А кругом разносилось:

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдем!

«УЧЕНИКИ ВЫУЧАТСЯ И ОТБЛАГОДАРИТ СВОИХ УЧИТЕЛЕЙ»

Солдаты готовились к новому бою. Однако генералы решили по-своему. В новый бой русская армия не вступила. Генералы договорились с королем Карлом о почетном отступлении.

Ночью через Нарову стали наводиться мосты. Затем рота за ротой русские войска принялись переходить на правый ее берег. Переправу охраняли Преображенский и Семеновский полки. С барабанным боем, с распущенными знаменами они последними перешли Нарову.

Весть о поражении русских войск застала Петра в Новгороде. Загнав лошадь, к царю примчался всадник.

— Что там? — спросил Петр.

— Конфузия, государь! — только и ответил прибывший.

Подошел Меншиков. Узнав о поражении русской армии, побледнел, стал причитать:

— Что же теперь? Как же оно будет!

— Цыц! — огрызнулся Петр.

— Святая богородица, да за что же ты нас, — не унимался Меншиков.

— Да умолкни ты, дурья башка! — закричал Петр. — От битья железо крепнет, человек мужает. Радуйся, дурак, науке. Чай, не первый раз со шведами бьемся. Дел-то посмотри сколько. Малому ли война научила? Эхма, только работай! Заводы строй, пушки лей, армия поди регулярная нужна, офицеры свои, генералы. Отстала Русь. Страна большая, а порядку мало. Попомни: ученики выучатся и отблагодарят своих учителей.

Глава вторая РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ

«ГОСУДАРЬ, ДОЗВОЛЬ МОЛВИТЬ»

Зима. Мороз. Ветер.

По завьюженной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах.

Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег.

Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий!

Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж, — ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, — думает Демидов. — Ой, неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

— Никита Демидович, — говорит Петр, — про Нарву слыхал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри, — говорит Петр.

— Слыхал, — произносит Демидов.

— Вот так-то, — отвечает Петр. — Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно, — говорит Петр.

— Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слезы, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках и стоптанных лаптях двое мужиков тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье, — говорит Демидов. — По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся. — А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволю молвить.

Петр вострепнулся, посмотрел на Демидова, произнес:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки, — проговорил Демидов, — на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Петр.

— Он самый, — ответил Демидов.

— Слышал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!

— Ничего, государь, ничего, — убежденно заговорил Демидов. — Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

— Ладно, Никита Демидович, — наконец произносит Петр, — быть по-твоему, отпишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведешь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

КОЛОКОЛА

— Данилыч, — вскоре после Нарвы сказал Петр Меншикову, — с церковью колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Петр. — Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно, — стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю. Узнав, в чем дело, настоятель насупился, сморщил лоб. Однако встретил солдат приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатусшек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

— Пейте, служивые, ешьте, — приговаривает.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал. — Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один? — возмутился сержант. — Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками. — Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси, — ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе.

Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, — говорят, — а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — все норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант. — Найди, где попы колокола спрятали, — патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегают к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашел.

— Да ну! — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашел! Давай патрон.

— Нет, — говорит сержант, — это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспекает. Крутит поземка, перекачивается по насту снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай, — подбадривает Федька, — уже скоро!

Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лед.

— Вот тут, — говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — еще одна, а чуть дальше — еще и еще. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты.

Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы ноне Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель. — В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало, — сказал он, — пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель. — Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по косогору.

«СЕНО, СОЛОМА!»

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести регулярную, постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приемами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой поручик, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит поручик. — Сено, солома!

«Что такое?» — подумал Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

— Господин бомбардир-капитан, рота поручика Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Петр.

Поручик царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает поручика Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан, — отвечает поручик.

— Как так — не дрянь! — возражает Петр. — Солдат позоришь. Устав не знаешь.

А поручик все свое.

— Никак нет, — говорит. — Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Петр у генерала.

— Поручик Вяземский, — ответил генерал.

ПРО БОЯРСКИЕ БОРОДЫ

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороны у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороны. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороны брить приказывали, и платье иноземного образца заводили, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Бороны договорились не стричь, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными. Однако вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первому.

— Тебе идти, — говорит Буйносов.

— Нет, тебе, — отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь, — просит, — не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Петр. — Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит:

— Не срами, государь.

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем, — просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

— Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так! — возмутился Курносов. — Деньги мной уже плачены! — и показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе, — говорят сборщики, — срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят — сидит Курносов свежевыбрит, злыми глазами на сборщиков смотрит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и нужно, — сказал, — пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

ЧЕМУ МОЛОДЫЕ БОЯРЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ УЧИЛИСЬ

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки, суетится дворня, словно и не проводы, а драка какая.

Расходилась буйносовская жена.

— Единого сына — и бог знает куда, в иноземщину, черту в зубы, немцу в пасть! Не пущу! Не отдам!

— Цыц! — закричал Буйносов на жену. — Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на дыбу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, — потребовал Петр, — как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось, — отвечает Буйносов. — Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады друг другу в бороду вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» — «фатер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну, а еще чему? — допытывался Петр.

— Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да, — сказал Петр, — многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

— Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил Петр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно, — говорит Петр. — А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь, — отвечает Курносов, — есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику, аки свои пять пальцев.

— Дельно, — говорит Петр. — Дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь, — отвечает Курносов, — есть описание моря или реки, с указанием на оном отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно, дельно, — опять говорит Петр. — А еще чему научился?

— Да ко всему делу, государь, присматривался, — отвечает Курносов, — и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять. Не хуже и у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец! — сказал Петр. — Оправдал, утешил. — И Петр поцеловал молодого Курносова. — А ты, — сказал Петр, обращаясь к Буйносову, — видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в безызвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквах да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре в городах и посадах стали открываться школы.

Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий — никто не идет.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

— Почему, — спрашивает, — сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец. — Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие — школа.

Зашел учитель в дом к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа! — отвечает мастер. — Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделывать! — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу учитель.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел, видит — идут солдаты, под ружьем ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорил учитель. (Это означает буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Буки, — повторяют в классе.

— Веди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать.

Узнали, где есть Каспийское, где Черное и где Балтийское моря. Много чему научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить.

Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все, как было.

— Вот здорово! — засмеялся Петр. — Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

ПУСТЬ ВСЕ ЗНАЮТ

Петр стоял около зеркала, примерял новый кафтан. Кафтан был красного цвета, а борта и полы обшиты золотой каймой. Одиннадцать блестящих пуговиц, словно жуки-светлячки, тянулись ровным рядом сверху до самого низа. С боков отвисали два больших, как мешки, кармана и тоже с пуговицами — по три на каждом.

Около Петра крутился Меншиков.

— Ай да мундир! — приговаривал Александр Данилович. — Вот это мундир! А сукно-то, сукно-то, государь! Где ты видывал такое сукно?

Кафтан подарил Петру Меншиков. Вслед за оружейными заводами стали строить на Руси и другие — суконные, прядильные, кожевенные. Строить заводы было выгодно. Царь дал купцам и промышленникам всякие льготы. Вместе с одним из купцов построил суконный завод и Меншиков. И вот теперь, хвастая сшитым кафтаном, Меншиков надеялся получить заказ для всей армии.

— Где ты видывал такое сукно? — приговаривал Меншиков. — А ведь наше, российское, наше. Говорил я тебе — Меншиков все может, всех солдат в такие кафтаны оденет.

— Не хвастай, не хвастай, — говорит Петр.

А самому приятно. Добротный кафтан, ничего не скажешь. Напряг Петр спину, согнул локти — крепкий кафтан, не рвется. Отдал Петр приказ закупить у Меншикова сукно для целой армии.

А вскоре Петр был на ученье. Солдаты рыли рвы, ползали на брюхе, ходили в штыковую атаку. Ученье прошло хорошо. Однако, когда солдаты построились, Петр посмотрел и ахнул. Оборвались совсем солдаты. У одного пола отвалилась, у другого дыра через всю спину, у третьего вместе с пуговицей клочок выдран.

Подбежал Петр к солдатам, схватил первого попавшегося за мундир, дернул — сукно, словно вата, так и поползло. Подбежал к другому — то же самое. Сукно на мундирах оказалось гнилое.

Налились кровью Петровы глаза, забегали по рядам. Содрал Петр с одного из солдат кафтан, подбежал к генералу, в нос тычет, кричит:

— Кто сукно поставлял?..

Растерялся генерал, захлопал глазами, еле проговорил:

— Александр Данилович Меншиков.

А в это время Меншиков принимал иностранных послов. Ходил Александр Данилович важный, как попугай наряженный: в кафтане желтого цвета, в белых чулках, в башмаках с золотыми пряжками, в парике, словно львиная грива.

Ходит Меншиков по залу, беседует с послами, а сам нет-нет да и в зеркало взглянет. Нравился себе Меншиков.

Послы интересовались хозяином дома, спрашивали, древнего ли рода Меншиков, кто его предки. Меншиков врал, что еще при Александре Невском его род на всю Русь славился.

И вдруг слышит Меншиков на лестнице страшный грохот. Потом удар в дверь, словно ядром из пушки, и в комнату влетает Петр. Посмотрел Меншиков — в руках у Петра солдатский мундир. Понял Александр Данилович — недоброе, прикусил губу.

— Такое твое суконце? — еще с порога комнаты закричал Петр. — Гниль подсунул, обманул!

Подлетел Петр к Меншикову — и со всего размаха по лицу кулаком. Раз, два — слева, справа.

— Заелся, — кричит, — зажирел! Вором у государства стал! Прогоню, сгною, пирогами вновь торговать заставлю!

Укрывается от увесистых ударов Меншиков рукой, размазывает шелковым кафтаном кровь по лицу, а сам причитает:

— За что, государь, за что? Видит бог, вины моей тут нет!

— И бога еще приплел! — кричит Петр. — Вины, говоришь, нет? Вот я те покажу «вины нет»! — и снова бьет Меншикова наотмашь, во всю силу.

Выбрал Меншиков удобный момент, глазами Петру на послов показывает: мол, неудобно.

— Пусть смотрят, — говорит Петр, — пусть знают, какой ты есть вор! — и продолжает бить.

— Прости, государь! — наконец взмолился Меншиков. — Видать, дьявол попутал, недоглядел.

Петр бросил бить Меншикова, отошел в угол, сел на лавку, тяжело дышит. Меншиков между тем поднялся и куда-то исчез. Выскользнули из комнаты потихоньку и послы. А через несколько минут Меншиков вернулся. Смотрит Петр — на голове у Меншикова мужицкая шапка, в руках — лоток с пирогами.

— Пироги подовые, пироги подовые! — закричал Меншиков. — Кому подовые, кому подовые?

Посмотрел Петр, рассмеялся. Прошел царский гнев.

— Садись, ладно, — сказал Меншикову.

— Это ты зря, — стал опять оправдываться Александр Данилыч, — ни за что.

— Но, но! — повысил голос Петр.

Меншиков замолчал.

— Государь, — наконец заговорил он, — а как же с послами быть? Теперь ведь по всему свету разнесут. Престижу моего не будет.

— Ну и пусть разнесут, — ответил Петр. — Пусть и в других странах знают, что есть на Руси такой вор Алексашка Меншиков. Да за такие дела на дыбу тебя, на Лобное место! Коли прока от тебя государству в других делах не было, не сносить бы тебе головы. А сукно смотри поставь другое. Проверю.

«РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ»

— Пора бы нам и свою газету иметь, — не раз говорил Петр своим приближенным. — От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр был на Печатном дворе, вместе с печатным мастером Федором Поликарповым отбирал материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навытяжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши, — говорит Петр, — пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаючи можно сделать.

— А еще, государь, сообщают, — продолжал Поликарпов, — что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши, — говорит Петр, — пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут, — сообщает Поликарпов, — что заводские мужики бунт учинили, убежали в леса и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А сие не пиши, — говорит Петр. — Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

— А из Казани, государь, пишут, — продолжает Поликарпов, — что нашли там немало нефти и медной руды.

— А сие пиши, — говорит Петр, — пусть знают, что на Руси богатств край непочатый, не считаны те богатства, не меряны.

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

А Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А еще, — говорит Петр, — напиши, Федор, про школы, да здорово — так, чтобы все прок от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри, — говорит, — газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и графа Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, насупился.

— Эх, ты! — проговорил. — Не тем местом, граф, мыслишь. А еще Головин! А еще граф! Нашел чем удивить в немецком городе Гамбурге. Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

МИТЬКА-ЛГУН

Митька никогда не говорил правду. Вот и прозвали его на селе «Митька-лгун». Быть бы Митьке часто битым, если б не дружил он с Варькой Глебовой. Характер у Варьки был задиристый, смелый. Все мальчишки от нее плакали. А Митька при Варьке вроде как адъютант. Вот и боялись ребята его трогать: знали, что Варька заступится. Зато от самой Варьки Митьке попадало часто. Только начнет врать — Варька на него с кулаками.

— Я тебя от вранья, — говорит, — отучу! И сам не ври и другим не давай.

И отучила. Да, видать, зря.

На всю деревню не было более бедного мужика, чем Варькин отец. Покосившаяся изба да безрогая коза — вот и все богатство Кузьмы Глебова. Ждал Кузьма козлят, обещал Варьке купить пряник. Но и тут судьба обошла мужика. Козлята, правда, родились, но коза сдохла.

Забыла теперь Варька про ребячьи игры, про друзей и товарищей, целый день с козлятами возится. Козлят двое. Маленькие, как комки ваты, белые и пушистые.

Стало Митьке одному скучно. Забежит он за Варькой, играть зовет, а она — не могу, делами, мол, занята. Злился Митька. Калачом Варьку заманивал, сдобные ватрушки приносил, да все напрасно. Варька от козлят ни на шаг. Да и козлята к Варьке, как к матери, привязались. Пойдет Варька в лес — козлята за ней. Сидит дома — и козлята тут, стучат по полу копытцами, жмутся, словно котята, к Варькиным ногам.

Однажды Варька выглянула в окно. Видит — идут солдаты. Блестят на солнце ружья. «Лева нога, права нога!» — подает команду сержант. Выбежала Варька на улицу, смотрит.

Солдаты в деревню пришли неспроста. Обложили после Нарвы крестьян большими налогами, а платить нечем. Вот и послал Петр по деревням солдат, наказал отбирать у крестьян последнее.

Стали солдаты ходить по избам. Сержант зачитывает, кто сколько казне должен. Солдаты тут же отбирают у кого что: у одного лошадь, у другого корову, у третьего сбрую. Поднялся в деревне крик, шум. Замычали коровы, заблеяли овцы, заголосили девки и бабы.

Сообразила тут Варька, в чем дело. Схватила козлят и спряталась в огороде за банькой.

Вошли солдаты в Варькину избу, смотрят, а взять нечего: в избе всего стол да лавка. Осмотрели солдаты двор, в сарай зашли — всюду пусто. Сплюнул сержант от досады, двинул Варькиного отца по затылку и повел солдат к соседнему дому. Да только пошли они не дорогой, а через огороды! Идут солдаты, слышат чей-то голос:

— Сидите, маленькие, сидите, не заберут вас вороги.

Подошли солдаты к баньке, видят — девчонка, а на руках у нее козлята.

— Ты чья? — спрашивает Варьку сержант.

Поняла Варька беду, говорит:

— А я Старостина дочка.

Только сказала — смотрит, а рядом с солдатами Митька. Вышел Митька вперед, говорит:

— А вот и неправда. Какая же ты Старостина? Ты Глебова.

Повернулся сержант к Митьке, спрашивает:

— Это какого Глебова? Не того, у которого мы сейчас были?

— Того самого, — отвечает Митька.

Ну и отнял сержант у Варьки козлят.

Набросилась Варька на Митьку.

— Ты что, — говорит, — дурак, сделал!

И давай Митьку лупить. А Митька глазами хлопает, понять не может. Первый раз правду сказал — и опять бьют. Мал был Митька, глуп.

ПРО ДАНИЛУ

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силен швед, силен, — говорили мужики, — не нам чета. И на кой ляд нам море нужно! Жили и проживем без моря.

— Вот и неправда, — говорил Данила. — Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит! — кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

— Так и надо, — говорил. — Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь бог за такие дела не осудит.

— Богоотступник! Богохульник! — назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затянули еще туже ремни на штанах.

— Ну, как тебе, — спрашивали они Данилу, — новые царевы порядки? Опять верно? Снова по-твоему?

— Нет, — отвечал Данила, — у меня с царем не во всем согласие общее.

— Ишь ты! — огрызнулись мужики. — У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит, — отвечал Данила. — Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет — придет время, быть ему в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головой. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу, — ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес — может, поп, а может, и кто другой — про Даниловы речи властям.

Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику Тайного приказа, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытаться.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унес, — отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский. — Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

— Сажай, — отвечает Данила. — Мужик у все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

— За что человек на дыбе? — спросил царь у Ромодановского.

— Смутьян, — говорит князь. — Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит — перед ним царь.

Набрался тогда Данила сил и произнес:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

— Вешай! — закричал словно ужаленный и пошел из избы прочь.

Глава третья НА РЕКЕ НЕВЕ

ЛОДКИ ИДУТ ПО СУШЕ

Русские подошли к Нотебургу осенью. Задули холодные северные ветры.

Разыгралось беспокойное Ладожское озеро. Побежали высокие волны, забили о берег шумным прибоем.

По Ладожскому озеру пригнали русские более полусотни ладей — больших лодок, — стали готовиться к штурму. Штурмовать крепость лучше со стороны реки Невы: тут и берега ближе и волны не такие сильные. Но как провести лодки мимо крепости? Шведы начнут стрелять. Потопят меткие шведские стрелки русские лодки.

Как быть?

Весь день русские разбивали лагерь. Ставили большие солдатские палатки, разводили костры, чистили ружья.

Вечером, когда все легли спать, Петр вышел к озеру. Тихо. Горят на берегу костры. Над озером поднимается луна. Засмотрелся Петр на луну, задумался.

Вдруг до царя долетели громкие голоса. Петр оглянулся, смотрит — на берегу у костра собрались солдаты. Солдаты о чем-то спорят. Петр прислушался.

— Братцы, а я так думаю, что шведа обхитрит можно, — говорит чей-то голос.

Петр подошел ближе, рассмотрел говорившего.

Был он щупл и мал ростом. Петра даже смех взял — тоже герой!

— Как же ты, куриная твоя душа, — обратился Петр к солдату, — обхитришь шведа?

Солдат узнал царя и замер от страха.

— Ну-ка, сказывай, — потребовал Петр.

— Да я так думаю, государь, — запинаясь, проговорил солдат, — стало быть, надо рубить просеку да просекой волоком, в обход крепости, и тащить лодки.

— «Просекой, волоком!»! — усмехнулся Петр. — Да как ты их тащить будешь? Ведро тебе это, что ли?

— Да будь твоя воля, государь, — хором заговорили солдаты, — а мы их хоть голыми руками до Невы дотянем!

Солдатская выдумка царю понравилась. На следующий день Петр приказал рубить просеку. Рубили просеку умно, так, чтобы верхушки деревьев падали к центру: по ветвям тащить легче. Впрягались в ладью человек по пятьдесят. Тащить тяжелые лодки — работа трудная. Облепят солдаты лодку со всех сторон, подхватят руками, еле сдвигают.

— Раз — взяли, два — взяли! — раздается голос Петра.

— Еще раз, еще два! — вторят ему ротные командиры.

Устали солдаты. Выбились из сил. Надорвал свой богатырский голос Петр. Разгневался царь, подозвал щуплого солдата.

— Что ж ты, куриная твоя душа! — закричал Петр. — Видал, каково лодки тащить?

Молчит солдат. А Петр ругается еще шибче.

Обиделся тогда солдат, говорит:

— Так какое же дело без труда получается?

Подивился Петр на солдата, промолчал. Потом подошел, похлопал по плечу и сказал:

— Молодец, правду говоришь! Выиграем баталию — не забуду. Быть тебе при государевой награде.

Только не дожид солдат до награды. Замешкался щуплый солдат, подвернулся под нос тяжелой ладьи. Бросились товарищи на помощь, да поздно. Придавила ладья солдата. Прикусил от боли солдат губы, да так и умер без крика и стона.

И вновь подивился Петр: откуда сила такая берется? С таким солдатом не страшно и против шведа идти. Снял Петр шляпу, поклонился, приказал похоронить погибшего с офицерскими почестями.

До позднего вечера русские рубили просеку. А утром в крепости началась тревога. Забегали на стенах караульные. Поднялся на высокую башню комендант. Шведы смотрели на Неву. Там, словно утиные выводки, на легкой волне качались русские лодки. Не сразу поняли шведы, в чем дело. А когда разобрались, было поздно: русские начали штурм.

«ГОСУДАРЬ ПЕТР АЛЕКСЕИЧ ОТСТУПЛЕНИЕ ПОВЕЛЕЛ!»

Две недели днем и ночью громыхали русские пушки. От частых команд охрипли артиллерийские офицеры. Усталые бомбардиры валились с ног. Нотебург горел.

Но шведы не сдавались.

— Эка орех каков! — говорил Петр. — Не раскусишь.

Наконец, на четырнадцатый день, одна из стен треснула. С шумом повалились камни. А когда утихло и улеглась пыль, увидели русские: в стене широкий пролом.

Бросились солдаты к лодкам, поплыли к острову. Командовать штурмом Петр поручил храброму полковнику князю Голицыну. Высадились солдаты на берег, кинулись к пролому.

— Сдавайтесь! — кричат русские.

Шведы молчат, бросают с крепостных стен камни и раскаленные ядра, льют на голову наступающим горячую воду. Трудно русским. Видно, рано начали штурм.

Понял Петр, что войска поторопились, отдал приказ отступить.

С царским приказом послали к Голицыну молодого, необстрелянного солдата. Прибыл солдат на остров, стал разыскивать Голицына. Да разве найдешь! Кругом дым, огонь, в двух шагах ничего не видно. Подбежит солдат к одному месту — говорят, Голицын в другом; бросится туда — его посылают в третье.

Измучился солдат, отошел в сторону.

И вдруг напал на солдата страх. Страшно ему послушаться и не передать Голицыну царский приказ. Но еще страшнее вновь подойти к крепости. И рад бы пойти, да ноги сами несут в обратную сторону, к берегу, туда, где стоят лодки.

Подошел солдат к берегу. Видит — у лодок кто-то толпится. Посмотрел на форму — преображенцы. «Ну, не один я струсил!» — обрадовался молодой солдат.

Смотрит новичок: преображенцы сталкивают лодки в воду. Лодки сталкивают, а сами не садятся. «Что такое? — не может понять молодой солдат. — В чем дело?» И вдруг понял: решили преображенцы биться до последнего. А раз так — не нужны им лодки. Нечего лодкам стоять у берега, незачем дразнить солдат.

— Стой, братцы, стой! Что вы, братцы! — закричал молодой солдат.

Посмотрели преображенцы на новичка, подивились, что за крикун такой, и стали продолжать свое дело.

— Стой, стой! — вновь закричал молодой солдат, подбежал к лодкам, вцепился в одну из них руками. — Не пущу! — кричит. — Государь Петр Алексеич отступление повелел. На чем плыть будем?

«Ну и трус! — подумали преображенцы. — самого царя приплел!» Подошли к солдату, стали оттащить от лодки. А он упирается и все твердит:

— Государь Петр Алексеич отступление повелел!

Но некто ему не поверил. Какая же вера может быть трусу? Разозлились преображенцы, решили поступить с молодым солдатом, как с предателем. Схватили, раскачали и бросили в воду.

Однако солдат не утонул. Хоть и трус был, да, видать, силу имел немалую, выплыл. Вылез весь мокрый, вода ручьями стекает с кафтана. Посмотрел молодой солдат в сторону крепости. То ли страх у него прошел, то ли стыдно перед товарищами стало, только скинул солдат кафтан и побежал к пролому.

А у самого пролома столкнулся солдат с князем Голицыным. Хотел солдат передать царский приказ, да понял — поздно. Смолчал.

Русские продолжали штурм.

ШВЕДЫ ВЫБРОСИЛИ БЕЛЫЙ ФЛАГ

Не раз Петр бивал Меншикова, любую провинность не прощал. Изведал Меншиков и увесистый петровский кулак, и ловкую в руках Петра тяжелую дубовую палку. Но зато и любил Петр Меншикова больше всех на свете. Знал: скажи — пойдет Меншиков в огонь и в воду.

Вот и сейчас не отступает Меншиков от царя ни на шаг. Стоят Петр и Меншиков у русских батарей, смотрят на крепость. Плохи дела у русских. Отбили шведы штурм, приободрились. Того и гляди, сами начнут атаку.

— Государь, — обращается Меншиков к царю, — не устоят наши, пусти на подмогу. Пусти, а, государь! — умоляет Меншиков.

Петр молчит. Дергается тонкий петровский ус. Царь нервничает.

— Государь... — вновь начинает Меншиков.

А дела у пролома совсем плохи. Шведы вышли из крепости, теснят русских к реке. На рослого преображенца навалились сразу трое, схватили шпаги, прокололи, словно бабочку.

— Государь, — не отстает Меншиков. — Пусти! А, государь!

— Ладно, ступай, — сдается наконец Петр.

Собрав двенадцать лодок, Меншиков отплыл к крепости. Что есть силы солдаты налегли на весла. Против течения по быстрине плыть трудно. Взмахнут солдаты веслами, нажмут, бурлит по сторонам вода, пенится, а лодки почти ни с места.

— Давай, братцы, нажмем, братцы! — подбадривает Меншиков солдат, а сам с тревогой смотрит на берег.

Не отводит глаз от крепости и Петр. Совсем мало русских осталось на острове. Понимает царь: не подспеет подмога. Отвернулся Петр, безнадежно махнул рукой.

А когда посмотрел вновь, не поверил своим глазам: лодки — у острова.

Первым выскочил Меншиков. Взмахнул шпагой, врезался в толпу шведов. Только теперь Петр заметил: Меншиков без кафтана, в одной розовой шелковой рубаше. Меншиков пробился к стене. Ловко, как кошка, полез по штурмовой лестнице, ухватился за край пролома, подтянулся, вскочил на ноги и радостно замахал шляпой.

— Хвастун, ой хвастун! — не сдержался Петр.

Неожиданно в пролом повалил дым, злыми языками пробилось пламя. Озаренная огнем, метнулась розовая рубаша Меншикова. Что было дальше, Петр не видел, мешал дым. В судороге, словно кто-то дергал его за нитку, зашевелился петровский ус.

Прошла минута, вторая, третья. И вдруг...

— Видишь? — закричал Петр прямо в ухо стоящему рядом солдату.

— Никак нет, ничего не вижу, бомбардир-капитан! — ответил солдат.

— Дурак! Куда смотришь? Вон куда гляди! — И Петр показал на стену.

Там, на самом верху, среди огня и дыма, меж острых зубцов стены, словно победное знамя, развевалась розовая, из шелка шитая рубаша бомбардир-поручика Александра Меншикова. Обезумев от боя, со страшно перекосившимся лицом, Меншиков метался у самого обрыва. А рядом с ним, слева и справа, мелькали зеленые кафтаны русских солдат. Вот их все больше и больше. Вот уже почти не видно шведов. Вот...

Петр посмотрел в подзорную трубу. В стекле встрепенулось что-то белое. Флаг, белый флаг! Шведы выбросили белый флаг. Шведы сдаются!

Отбросив в сторону трубу, Петр закричал:

— Виктория! Виктория! Орех-то разгрызли. Вон оно как!

Старой русской крепости Петр дал новое название — Шлиссельбург. Сейчас в память о царе Петре Шлиссельбург называется Петрокрепостью.

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ

Измученный дальней дорогой, в столицу Швеции прибыл гонец.

Принес он тревожную весть: русские идут к Финскому заливу, к крепости Ниеншанц.

Крепость Ниеншанц стояла на берегу Невы, недалеко от впадения Невы в Финский залив. Потерять шведам Ниеншанц — значит, пустить русских к морю. Заволновались шведы, снарядили военные корабли, послали помощь.

На всех парусах мчатся шведские корабли к Неве. Подгоняет попутный ветер шведские фрегаты. Носятся над палубами чайки, обещают недалекий берег. А тем временем русские штурмуют крепость. Не выдержали шведы штурма, не понадеялись на помощь — проббили шведские барабаны сигнал к сдаче. Пришли корабли к Неве, а уже поздно: русские в крепости.

Однако на кораблях о падении Ниеншанца ничего не знали. Остановились шведские корабли в Финском заливе, а два фрегата, «Гедан» и «Астрильд», пошли к крепости. Хотели шведы засветло подойти к Ниеншанцу, но не успели. Пришлось им опустить паруса, заночевать на Неве. Поставили шведы на кораблях часовых, легли спать.

Ходят шведские часовые, не думают об опасности. Ночь наступила темная, небо беззвездное. Кругом тихо. Стоят корабли, словно впаянные в Неву, не качнутся. Ходят часовые, перекликаются.

— Эй, на «Астрильде»! — кричит часовой с «Гедана».

— Эй, на «Гедане»! — отвечают ему с «Астрильда».

Вначале часовые перекликались часто, потом все реже и реже.

Вскоре на «Астрильде» часовой замолк. Усыпила шведа тихая ночь.

Походил, походил часовой на «Гедане». Скучно одному. Прислонился к мачте и тоже заснул.

К утру сквозь сон почудился часовому с «Гедана» скрип уключин.

Швед вздрогнул, приоткрыл глаза. Кругом туман. Дует легкий утренний ветер. Трепещется на мачте шведский флаг. Прислушался швед, скрип повторился.

«Что бы это?» — подумал часовой, подошел к борту.

И вдруг — швед даже не поверил своим глазам, подумал, не сон ли, — увидел часовой вначале одну, потом вторую, потом сразу много лодок.

Швед кинулся к другому борту — и там лодки. В лодках солдаты. И тут швед понял.

— Русские! — надрывая голос, закричал шведский часовой.

— Русские! — эхом пронеслось над Невой.

— Русские! — тревожно отозвалось в трюме.

И сразу корабль ожил. Выбежали на палубу перепуганные офицеры. Заметались, не понимая, в чем дело, заспанные солдаты.

А русские лодки тем временем подошли к фрегату. Облепили лодки фрегат со всех сторон. Словно муравьи на сахарную голову, стали карабкаться по крутым бортам «Гедана» русские солдаты.

Первым на палубу ворвался Меншиков. Блеснул в руках Меншикова дымящийся пистолет, ловко заиграла острая шпага.

— Эка какой ты, швед, глупый! — приговаривал Меншиков и колол направо. — Не ходил бы ты, швед, в чужие земли! — и колол налево.

Между тем над Невой поднялось солнце. Туман рассеялся. Стал виден и второй шведский корабль, «Астрильд». И на «Астрильде» идет бой. На «Астрильде» — сам Петр. Хорошо заметна высокая фигура Петра. Петр улыбается Меншикову: понимает, что шведам не отбиться.

Однако нелегко далась русским победа. Геройски сражались шведские корабли. Стыдно им было русским лодкам сдаваться в плен. А все же пришлось.

В честь победы русские отлили медаль. «Небывалое бывает», — говорил Петр про эту победу.

НА БЕРЕГУ НЕВЫ

Пустынные берега реки Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное — море.

Через несколько дней после взятия Ниеншанца Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к устью Невы.

При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, плоский, словно ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь! — проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место, — ответил Петр. — Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колени в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет. Остался в грязи ботфорт.

— Ай да Алексашка, ай да вид! — рассмеялся Петр.

— Ну и места проклятушие! — с обидой проговорил Меншиков. — Государь, пошли назад. Нечего сеи топи мерить.

— Зачем же назад, иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, — ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

— А вот смотри, — обратился Петр к Меншикову. — Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетаала.

— Ишь ты, — проговорил Меншиков, — смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюжьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зеленой стороной, то внутренней — красной. Петр смотрел вдаль.

Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч, — произнес Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч! — вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился.

— Здесь, у моря, — Петр обвел рукой, — здесь, у моря, — повторил он, — будем строить город.

У Меншикова занесенный ботфорт сам собой выпал из рук.

— Город? — переспросил он. — Тут, на сих болотах, город?!

— Да, — ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков продолжал сидеть на камне и смотрел удивленным, восторженным взглядом на удаляющуюся фигуру Петра.

А по берегу носилась испуганная птица. Она то взмывала вверх, то падала вниз и оглашала своим криком нетронутые берега.

ГОРОД У МОРЯ

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки вонючие портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валяться на нары. Спят до утра словно убитые. А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмущая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», — попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колени. Скучно Никитке. Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

— Встать! — подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

— Ложись! — кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит.

Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрязнул в землянку офицер с солдатами.

— Порядку не знаешь?! — закричал офицер.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка, — стал оправдываться Силантий.

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

— Никитка, Никитка! — тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище.

Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

ЗОЛОТОЙ РУБЛЬ

Осень 1703 года выдалась ранняя. Словно из сита, лили холодные мелкие дожди.

Задули ветры, погнали по Финскому заливу метровые волны.

В один из таких дней к Неве подошел иностранный корабль. Корабль был датский, приплыли на нем купцы.

У входа в Неву корабль бросил якорь. Идти дальше капитан не решался. Датчане послали в Петербург за лоцманом.

Вскоре лоцман прибыл. Из-под брезентового плаща-капюшона глянуло на капитана молодое улыбающееся лицо. Раскрытыми ножницами зашевелились тонкие, словно шило, усы.

— О гут, зер гут![7] — приветствовал лоцмана капитан.

Лоцман прошелся по палубе, пощупал снасти, придирчиво осмотрел паруса и реи.

Всю дорогу лоцман молчал. Ловко перебирая рулевое колесо, он осторожно вводил корабль в Неву.

— Гут, зер гут! — говорил капитан.

Русский датчанам понравился. Прощаясь, капитан подарил лоцману золотой рубль.

Три дня судно разгружалось. Пока русские перетаскивали на берег пузатые бочки и тяжелые ящики, датские моряки ходили по городу. С самого утра отправлялся на берег и датский капитан. Капитан знал, что на улицах Петербурга можно повстречать русского царя. А взглянуть на Петра капитану очень хотелось. Слава о царе Петре к тому времени обошла весь мир. Однако датчанам не везло.

И вот однажды капитан встретил лоцмана.

— О майн фройнд![8] — радостно приветствовал датчанин старого знакомого.

«А что, если поделиться с ним своей неудачей?» — подумал капитан.

Узнав, в чем дело, лоцман оживился, обещал помочь.

Слово свое лоцман сдержал. Через несколько дней датских моряков пригласили в дом петербургского генерал-губернатора Александра Даниловича Меншикова. В просторном губернаторском доме собралось человек сто. Были здесь и знатные особы, и совсем неприметные люди — русские купцы и офицеры. Вскоре к гостям вышел и сам хозяин.

— Его величество царь Петр Алексеевич, — произнес Меншиков.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Петр.

Датский капитан взглянул на царя и ахнул. По комнате, прогибая половицы, шел лоцман.

Заметив датчанина, Петр улыбнулся. Лукаво заблестели большие глаза, приветливо зашевелились усы-ножницы. Капитан растерялся, стал низко кланяться и что-то быстро-быстро заговорил на родном языке.

— О чем рассказывает господин датский капитан? — обратился Петр к переводчику.

— Ваше величество, — ответил переводчик, — капитан говорит о каком-то рубле. Капитан просит не гневаться и вернуть ему рубль.

Петр рассмеялся.

— Купцы и корабельщики, — обратился царь к датским морякам, — вы первые, что с миром пришли к нам, в древние русские земли. Слава вам, датские мореходы. Жалуйте к нам в моря. Купцы датские и немецкие, английские и шведские, жалуйте все, всем места хватит. За то мы и бились за море, за то и положили здесь русские головы.

Потом, наклонившись к переводчику, Петр тихо сказал:

— А капитану передай — рубль я ему не отдам. Рубль — он не краденый. Скажи, царь за здоровье датских моряков тот рубль пропил.

Глава четвертая ОПЯТЬ НАРВА СНОВА ПОХОД

— Государь! — Меншиков осторожно потряс Петра за плечи. — Проснись.

Петр приподнял голову и, не открывая глаз, перевернулся на другой бок.

— Государь, проснись, — вновь повторил Меншиков.

— Пошел вон! — ругнулся Петр и стал натягивать на голову одеяло.

— Проснись же, государь! — не отставал Меншиков. — У Нарвы беспокойно, к крепости идет генерал Шлиппенбах.

— Что?! — Петр вскочил с кровати, схватил Меншикова за отвороты кафтана, притянул к себе. — Что? Шведы — к Нарве?!

— Да, государь.

Петр отпустил Меншикова, зашагал по комнате из угла в угол.

Потом остановился, вонзив взгляд в Меншикова, сказал:

— Данилыч, час пробил. Пока Нарва у шведов — жить нам в страхе. Ступай, кличь генералов, снова быть битве.

На следующий день русские войска спешно выступили в поход. И вот опять дорога. Как тогда, четыре года назад. Идут войска, движутся пушки, длинной вереницей тянутся обозные телеги.

И вновь по дороге несется царский возок. Догоняет Петр русские полки, останавливает лошадей, кричит:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, бомбардир-капитан! — отвечают солдаты.

Идут солдаты стройными рядами. Тра-та-та, тра-та-та! — выбивают походную дробь барабаны, развеваются пестрые полковые знамена.

А высоко в небе светит солнце. Носятся в теплом воздухе стрижи. Где-то впереди раздается солдатская песня. Слышна команда:

— Лева нога вперед! Права нога вперед! Шире шаг!

Стоит Петр в возке. Снял шляпу. Развевает ветер Петровы кудри. Смотрит Петр на войска, говорит Меншикову:

— Данилыч, смотри: российская армия идет наша, новая! Побьем шведа, а, Данилыч?

— Побьем, государь! Ей-ей, побьем! — отвечает Меншиков.

— То-то, — говорит Петр. — Чай, на печи не лежали! — и весело, по-детски смеется. Потом вдруг меняется в лице. — Но, но, — говорит Меншикову, — не хвастай! — Садится и начинает смотреть в небо, в безбрежную синь, в неохватную даль.

Войска идут к Нарве.

МАШКАРАДНЫЙ БОЙ

Подошли русские к Нарве. Послали разведку. Оказывается, Шлиппенбах еще далеко.

Остановились войска на правом берегу Наровы. Стали готовиться к штурму.

Однажды к Петру подошел Меншиков.

— Государь, — обратился он, — разреши учинить машкарадный бой.

— Что? — переспросил Петр.

— Машкарадный бой, говорю, — повторил Меншиков и зашептал царю что-то на ухо.

А на следующее утро к коменданту Нарвы генералу Горну прибежал корнет Попеншток.

— Генерал, генерал! — закричал Попеншток. — К Нарве идет Шлиппенбах, русские готовятся к бою!

Схватил Горн подзорную трубу, бросился к крепостной стене, посмотрел: действительно, русские строятся. Носится по полю Меншиков, машет шпагой, куда-то показывает. Посмотрел Горн на запад — правильно, там, за лесом, поднимается пыль.

— О, слава тебе, святая Мария! — проговорил генерал. Потом повернулся к Попенштоку, сказал: — Жалую вас, господин корнет, капитаном.

В это время вдалеке раздались два выстрела, потом еще два и еще. Это был шведский условный сигнал. Горн приказал ответить. С крепостной стены гаркнули пушки.

А вскоре из-за леса стройной колонной появились и сами шведы.

Заколыхались желтые и белые шведские знамена, заняли всю ширь дороги синие мундиры шведских солдат. Развернулись шведы во фронт, выкатили вперед пушки и открыли огонь. Русские стояли спиной к крепости, лицом к войскам Шлиппенбаха.

И Горн подумал: «А что, если ударить русским в тыл? Шлиппенбах — спереди, войска из крепости — сзади, зажать русских в тиски, разгромить, как тогда, четыре года назад, удержать шведскую славу».

Горн отдал приказ. Распахнулись крепостные ворота, выскочила конница, за ней побежали пешие отряды. Русские заметили вылазку, дрогнули, подались в сторону.

— Ура! — закричал Попеншток и побежал вниз с крепостной стены.

Он вскочил на лошадь и вылетел пулей из крепости. Хотел Попеншток и тут оказаться первым. Горн видел, как его белая лошадь, вздымая пыль, галопом мчалась по полю. Попеншток подскакал к русским, рубанул налево, направо, повернул коня и помчался к войскам Шлиппенбаха. Вот он подлетел к шведам, соскочил с коня и бросился обнимать какого-то офицера.

— Молодец! — шептал Горн. — Молодец, Попеншток! — И восторженно смотрел на корнета.

Но что такое? Потеряв шляпу, Попеншток несется назад. Вслед ему раздаются выстрелы. Шведы стреляют в шведов! Схватил Горн трясущимися руками подзорную трубу, стал искать Шлиппенбаха. Вот и он на коне, в окружении шведских знамен. Но — о святая Мария! Горн смотрит и не верит своим глазам: на коне в костюме шведского генерала сидит царь Петр. А те, кого Горн принимал за солдат Шлиппенбаха, схватив ружья наперевес, дружно бегут к открытым воротам крепости.

— О боже, о боже! — закричал Горн. — Ворота, скорее закрыть ворота!

Генерал побежал вниз. У самых ворот он столкнулся с Попенштоком. Подскочил Горн к Попенштоку, осадил его белую лошадь, сдернул седока на землю.

— Вы, вы!.. — кричал, задыхаясь, Горн. — Вы, Попеншток, мальчишка! О боже, о боже! Это все вы! Ну, где же ваш Шлиппенбах?! Рядовым, в карцер, под суд! О святая Мария! О святая Мария!

Около трети нарвского гарнизона полегло в машкарадном бою.

По случаю удачной выдумки в русском лагере шло веселье. Меншиков ходил важный, приговаривал:

— Бивали мы этих шведов запросто. Что нам шведы!

— Умолкни! — крикнул Петр. — Хоть ты и герой, да похвальбе знай меру! Тьфу, тошно смотреть!

БАБАТ БАРАБЫКА

Бабат Барабыка был барабанщиком в бомбардирской роте. На всю армию не было второго такого умелого барабанщика. Выбивал Барабыка и маршевую дробь и все сигналы воинские знал исправно.

А еще Барабыка был известен тем, что разговаривал с самим генералом Горном.

Было это так.

30 июля, в воскресенье, русские начали обстрел Нарвы. Стреляли по бастионам Виктория и Гонор. Отсюда, пробив в стене брешь, хотели штурмовать город. Семь дней не отходили от пушек бомбардиры. Не отходил и Барабыка. Отложив в сторону барабан, подтаскивал ядра, засыпал в пушки порох. На восьмой день бастион Гонор осел. Земляная насыпь вокруг него обвалилась в ров.

— Ну, — заговорили солдаты, — теперь готовься к штурму.

В это самое время Барабыку вызвали к царю. Посмотрел Петр на раскосые глаза Бабата.

— Татарин? — спросил.

— Калмык, — ответил Барабыка.

— Ишь ты! — усмехнулся Петр. — А тоже солдат.

— Барабанщик я, — ответил Барабыка.

— Вот ты мне и надобен, — сказал Петр. — Пойдешь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту. Да смотри иди осторожно, — напутствовал Петр. — Бей в барабан шибче, говори, что ты есть российский парламентар.

Пошел Барабыка, бьет в барабан что есть силы. Заметили шведы солдата, перестали стрелять.

— Кто такой? — закричали, когда Барабыка подошел к крепости.

— Я есть парламентар российской армии, — отвечает Барабыка.

Скрипнули железные засовы тяжелых крепостных ворот одна из створок их медленно приоткрылась. Барабыка вошел в крепость.

Повели Барабыку кривыми маленькими улочками нового города мимо разбитых и горящих домов к нарвскому замку. Перед замком — глубокий ров. Через ров — мост. Мост поднят.

— Кто такой? — закричали с той стороны часовые.

— Я есть парламентар российской армии, — вновь повторил Барабыка.

Громыкнули тяжелые цепи, мост опустился. Барабыка вошел в замок. Повели Барабыку по узким коридорам и крутым лестницам. Наконец вошли в большой зал. В глубине увидел Барабыка высокого, худого старика. «Генерал Горн», — узнал Барабыка.

Взял Горн письмо, стал читать. «Сам господь бог разрушил Гонор, — писал Петр, — путь к приступу открыт...» Петр предлагал Горну сдать крепость и кончить кровопролитие.

Прочел Горн письмо, уставился на Бабата.

— Иди к царю Петру, — сказал, — передай: шведы не сдаются. Понял?

— Никак нет, — отвечает Барабыка.

— Иди к царю Петру, — повторил Горн, — скажи: нет такого правила, чтобы шведы сдавались.

— Как так — нет? — возражает Барабыка. — Есть. И при Орешке сдавались, и при Ниеншанце сдавались. Выходит, есть такое правило. А Нарва чем лучше? И при Нарве сдадутся.

— Что? — закричал Горн.

Налились кровью генеральские глаза. Схватил Горн шпагу, бросился к русскому солдату:

— Вон! — закричал. — Вон!.. О святая Мария!

Так и ушел Барабыка ни с чем.

Доложил Барабыка царю все, как было.

— Ишь ты! — сказал Петр. — Так и сказал Горн: «Шведы не сдаются»?

— Так точно, бомбардир-капитан!

— А может, и прав генерал Горн? — спрашивает Петр.

— Как так — прав? — возражает Барабыка. — Я же ему говорю: «При Орешке сдались — раз, при Ниеншанце сдались — два и при Нарве, выходит, сдаваться должны». Как же так, бог троицу любит.

— Молодец! — говорит Петр. — Мыслишь, как пристало российскому солдату.

— Никак нет, государь, — говорит Барабыка.

— Что — никак нет? — не понимает Петр.

— Какой же я солдат? Барабанщик я.

— Ну и что, барабанщик — не солдат, что ли? — удивился Петр.

— Нет, бомбардир-капитан, — отвечает Бабат, — какой же он солдат, раз ружья не имеет.

— Ишь ты! — вновь усмехнулся Петр. — Ружья, говоришь, не имеешь? Ладно, иди к ротному командиру, скажи: государь приказал ружье выдать. А про шведов это ты правду сказал: и при Нарве сдадутся.

ШТУРМ

На следующий день русские начали штурм Нарвы. Шли на приступ тремя большими колоннами.

Солдаты тащили лестницы и багры, оставив для облегчения в лагере походные ранцы.

На штурм нарвской стены шел и Бабат Барабыка.

Шведы открыли огонь. Стреляли пушки из крепости и через Нарову с высоких ивангородских стен. Ловко, страшно бились шведские солдаты. Там, где у высокой стены бастиона Гонор русские установили штурмовые лестницы, летели на головы атакующих камни, янтарными брызгами рассыпалась горящая смола.

По крепости на взмыленном коне носился генерал Горн.

— Шведы, шведы, — кричал он, — не посрамим шведской славы! Вперед, шведы!

Приступ русских был неудачный. Добираясь почти до самого верха стены, солдаты не могли закрепиться. Штурмующие отхлынули. Отбежал со всеми и Барабыка. Установилась тишина. Никто не решался первым повторить атаку. И вдруг недолгую тишину нарушил барабанный бой. Это в свой барабан ударил Барабыка. Медленно, в такт барабанной дроби, он стал подходить к крепостной стене, стал подниматься по лестнице. Шведы опешили. Они смотрели на смельчака, боясь стрелять. А Барабыка продолжал бить в барабан, продолжал подниматься по лестнице.

И вдруг все зашевелилось, задвигалось. Русские снова бросились на штурм. Снова раздались выстрелы, полетели камни, полилась смола.

Барабыка вскочил на крепостную стену. Кругом свистели пули, с Бабата сбило шляпу, от горячей смолы затлел кафтан. А он стоял на самом верху и бил в барабан.

Тра-та-та! Тра-та-та!

А оттуда, с той стороны стены, несся зычный голос генерала Горна:

— Шведы, за господу бога и короля вперед!

Однако поздно. Русские овладели стеной. Вот их все больше и больше.

А наверху по-прежнему стоит Барабыка и что есть силы бьет в барабан. Потом забрасывает барабан за спину, сует палочки за пояс, хватает ружье и, задрав полы горящего кафтана, прыгает вниз.

Русские врываются в Нарву.

А внизу гремит голос Горна:

— Шведы, шведы, позор вам, шведы!

ШПАГА ГЕНЕРАЛА ГОРНА

Был у Бабата дружок из солдат. Странную имел фамилию — Перец. Молчит, молчит Перец, а потом возьмет да такое скажет! Все норовил про царя Петра дурное сказать.

А тут еще Бабат его вконец разозлил. Как вернулся Бабат от царя, так и стал хвастать, что Петр ему и ружье выдать приказал, и награду пообещал.

— Чему радуешься? — перебил Перец Бабата. — Нашел отца-благодетеля! Он тебе ружье рад всунуть. Дура, царь — он и есть царь. Думаешь, ты ему нужен? Силушка твоя нужна. Чай, немало на его совести нашего люду. Вон она, царская милость, — говорил Перец и задира лбу. Там попереки волосатой спины ровными рядами шли красные рубцы. — А за что? — спрашивал Перец. — За то, что правду сказать не побоялся.

И уж какой раз за этот поход начинал рассказывать Перец о том, как взбунтовались в его родном селе мужики, а царь прислал солдат и приказал всем батогов всыпать. А кто виноват, что мужикам на деревне жрать нечего? Вестимо, он, царь.

— Так ведь то не царь, а бояре виноваты, — пытается возражать Бабат.

— Ишь ты, «бояре»! — передразнивает Перец. — А царь — он кто, мужик? Царь — он и есть первейший боярин. От него все в государстве зависит.

— Так-то оно так... — соглашается Бабат.

А сам свое думает: «Как же так, чтобы царь — и был нехороший!»

Так бы и думал Бабат, да произошла такая история.

Спрыгнув с крепостной стены, Бабат побежал к Нарвскому замку. Здесь, на валу, отделявшем старый город от нового, он повстречал генерала Горна.

Подбежал Барабыка к генеральской лошади, схватил за уздцы, закричал Горну:

— Сдавайся!

Признал генерал раскосые глаза Барабыки, схватился за шпагу. Хорошо, отскочил Бабат в сторону. Потом выбрал удобный момент, прыгнул и ухватился за рукоятку генеральской шпаги. Ухватился, держит и снова кричит:

— Сдавайся!

Так и держатся они вдвоем за одну шпагу. В это время подскакал к ним русский полковник Чамберс.

— Брось! — закричал полковник на Барабыку. — Не пристало рядовому чину у генерала шпагу брать! Отдай сюда!

А Барабыка словно окаменел, пальцы разжать не может. Разозлился тогда Чамберс, ударил Бабата по лицу. Пошатнулся Бабат, упал. Так и досталась генеральская шпага полковнику Чамберсу.

А тут как раз проезжал Петр с генералами.

— Что за шум? — спросил.

Чамберс и доложил ему: мол, рядовой чин, а у генерала шпагу отнять пытался, да и офицерского приказа не выполнил.

— Раз так, — сказал Петр, — всыпать ему батогов за такое дело.

Уехали генералы. Остался Барабыка один. А в это время, откуда ни возьмись, Перец.

— Ну что, — говорит Перец, — видал, каково нашему брату? Вот она, царская милость.

А Бабату и сказать нечего. Стоит, моргает раскосыми глазами. Хоть и злой мужик Перец, а все же и в его словах правда есть.

ЗА СЛАВУ РОССИЙСКУЮ

Бой кончился. Петр и Меншиков верхом на конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы. Ссутулив плечи, Петр грузно сидел в седле и устало смотрел на рыжую холку своей лошади. Меншиков, привстав на стременах, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону и приветственно махал шляпой встречным солдатам и офицерам.

Ехали молча.

— Государь, — вдруг проговорил Меншиков, — Петр Алексеевич, гляди, — и показал рукой на берег Наровы.

Петр посмотрел. На берегу реки, задрвав кверху ствол, стояла пушка. Около пушки, обступив ее со всех сторон, толпились солдаты. Взобравшись на лафет с ковшом в руке, стоял сержант. Он опускал ковш в ствол пушки, что-то зачерпывал им и раздавал солдатам.

— Государь, — проговорил Меншиков, — смотри, никак, пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои!

Петр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

— За что пить будем? — спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

— За царя Петра! — несется в ответ.

— За Нарву!

— За славный город Санкт-Петербурх!

Петр и Меншиков поехали дальше, а вслед им неслоь.

— За артиллерию!

— За товарищев, животы свои положивших!

— Данилыч, — проговорил Петр, — поехали к морю.

Через час Петр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфортов. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

— Данилыч, — позвал Петр Меншикова, — а помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

— Помню.

— А Нарву?

— Помню.

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно. Верно, — поддакивает Меншиков.

— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить? Не грех, Данилыч?!

— Правильно, государь.

— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича!.. — выпалил Меншиков.

— Дурак! — оборвал Петр. — За море пить надобно, за славу российскую.

ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА

«Сколько стоит мальчик?» — «Какой нелепый вопрос! — скажете вы. — Разве мальчики продаются?! Разве можно торговать людьми!»

А ведь это было.

Было это во времена крепостного права, когда помещики могли продавать и покупать людей, как вещи.

В этой повести рассказывается о том, как жили в России сто пятьдесят лет назад.

Давайте мысленно перенесемся с вами в те времена.

Митя Мышкин — главный герой повести — мальчик, которого продали. Судьба его удивительна и необычайна.

Вместе с ним вы побываете у барыни Мавры Ермолаевны, попадете к графу Гущину, познакомитесь с девочкой Дашей, поедете на войну... Впрочем, не будем забегать вперед. Ведь обо всем вы узнаете, прочитав повесть.

Глава первая БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА

РОДНОЕ СЕЛО

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой — был парк и усадьба господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шел лес. Темный-темный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случилось. И вдруг...

Как сейчас помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

— Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушел. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чем-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только о чем говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недоброе.

— Тять, тять! — приставал Митька к отцу. — Скажи, что такое, а, тять?

Только отец стал какой-то недобрый, все отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

— Митяй, а вас продают! — закричали ребята. — И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька сначала и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

ПРОДАЛИ

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики.

И все разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и еще один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие — те, кто ведет торг.

Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот — зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков.

Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону — мать и отец, по другую — кривой Савва...

— Ты чуть что — реви, — поучает Савва Митьку. — Баре, они ох как слез не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продает закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

— Сегодня покупателей нет, — сказал Савва. — Мужик к осени не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять: ждет, когда повезут назад в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шел мужик. Борода нечесаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожил.

— Добрая баба! — заговорил, показывая на Митькину мать. — И мужик при ней. Баба смирная, работающая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

— Добрая баба... — опять начинает Грыжа.

— Но, но! — прикрикнула барыня. — Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой мы интересуемся.

Замялся староста, умолк: неудобно как-то мальчика одного продавать.

А барыня снова:

— Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждет, что скажет Грыжа. А кривой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слезы. Взвыл Митька, как под ножом, — даже Грыжа вздрогнул. А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подергала.

— Так сколько? — снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, — проговорил:

— Пять рублей.

— Что? Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

— Четыре, — скинул Грыжа.

— Три, — набавила барыня.

Однако Грыжа уперся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слезы, даже улыбнулся.

Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

— Ест много? — спросила Грыжу.

— Ест? — переспросил староста. — Да не, чего ему много есть. Мало ест, больше пьет воду.

— Так какой он мужик, раз ест мало, — сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

— Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом — у-у, что птенец прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

— Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечесаный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дернул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

— Дитячко мое! — запричитала. — Ох, люди добрые, сил моих нет... — Прижала к себе Митьку. — Не пущу, — кричит, — не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А бородатый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

— Ой, ой! — взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечесаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

КАК ЖИЛИ

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у нее всего один дом, десятина земли да две души крепостных — кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С нее и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом барыни был малый — в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И еще во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А

около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор березка, и висел на березке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльцо, кричала:

— Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила барыня по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на кухне возится. Затем Мавра Ермолаевна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

— Гусеньки мои, гусеньки! — выводила она старческим голосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный.

После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе.

Вслед за баней начиналось главное — барыня порола своих крепостных. Летом — прямо на улице, зимой — в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара размачивала в соленой воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым били Архипа.

Он неуклюже спускал с себя портки, задирали рубаху и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, — отсчитывала Мавра Ермолаевна, — два, три...» Двадцать ударов получал Архип.

Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре как бабе полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поерзывал распухшим задом по сиденью и все норовил привстать.

— Садись! — прикрикивала на него барыня. — Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать.

Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

РОЗГИ

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме.

Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

— Дядя Архип, а зачем розги?

— Пороть.

— Кого пороть? — удивился Митька.

— Кого? Вестимо кого: нас пороть, — ответил Архип.

— Так за что, дядя Архип?!

— Как — за что? — Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: — Для порядку. Ну, чтоб помнили свое место, чтобы барыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

— И меня бить будут?

— Ну, а чего бы тебя не бить? — отвечает Архип. — И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет.

Бросился туда, бросился сюда — нет, словно и не было.

Накинулась барыня на Архипа:

— За добром, ротозей, углядеть не можешь!

— Да тут они были, — оправдывается Архип и показывает на стену. — Они уже какой год тут висят, — и разводит руками.

Архип, Варвара, барыня — все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

— Брал розги? — спрашивает.

— Нет, — говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

— Врешь! — говорит барыня. — Брал. По лицу вижу, что брал.

А Митька все больше краснеет. Краснеет, но молчит. Решает: не отдам, и все.

Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну, а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумачков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

ГУСИ

Страшно Митьке в гусятнике. Сидит, замер, не шелохнется. И гуси спокойно лежат на своих местах, словно бы Митьку не замечают.

Но вдруг гуси ожили. Вытянул гусак шею, зашипел: «Ш-ш, ш-ш!» За ним зашипели и остальные. Испугался Митька, поднялся. Тогда и гусак поднялся. А за гусаком, как по команде, все стадо. С испуга мальчик бросился к двери, забарабанил что было сил кулаком.

А в это время на улице как раз барыня была — уезжала в церковь.

Подошла барыня к двери, спрашивает:

— Одумался?

Не признается Митька, только колотит в дверь и кричит:

— Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

— А где розги спрятал? — спрашивает барыня.

Молчит Митька.

— Раз так, — сказала Мавра Ермолаевна, — пусть гуси тебя съедят.

Села барыня в телегу и уехала. Стучит Митька в дверь. Никто не отвечает. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке все ближе и ближе...

— Кыш! — закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

— Кыш, кыш! Вот я вас! — отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы. Схватил тогда Митька палку и ударил по жожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька еще больше. Потом успокоился, прилег и заснул.

И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо.

Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные». Подходит Митька к коту, хочет погладить. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и впрямь стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись все же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет. Сунула руку под перину — розги!

Била Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мертвым. И снова пороли Митьку. На этот раз долго и больно.

ВАЛЕНКИ

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в каморке при баньке. А потом взяла барыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у нее в услужении.

Целый день барыня Митьку то туда, то сюда...

Только и слышится:

- Митька, в погреб сбегай!
- Митька, половик стряхни!
- Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет барыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устанут, а Мавра Ермолаевна все не засыпает.

Наконец заснет. Свернется и Митька, как щенок, калачиком Только закроет глаза, слышит:

- Митька, воды подай!
- Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у барыни бессонница начнется. И опять Митьке не спать. Требуется барыня, чтобы Митька ей разные истории рассказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про серого волка, и про господ Воротынских, и про старосту Степана Грыжу. А барыня — давай еще.

Днем-то барыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горох растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трет горох перебирает пшено.

А как-то легла барыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

- Да смотри, — говорит, — не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг заснул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верха остались. От горелого проснулась и барыня.

- Митька! — закричала. — Митька, чего горелым пахнет!

Прибежала Мавра Ермолаевна, смотрит — у Митьки в руках одни верха от валенок.

И снова Митьку били. Всыпала ему барыня розог и приговаривала:

- Тебе что, ночи мало? Тебе еще и днем спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

ДОРОГА

И стало Митьке невмочь. Забьется куда-нибудь, плачет. Родную Закопанку, отца, мать, кота Ваську вспомнит.

Тяжело Митьке...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровник, под стойлом. Потом стал дорогу выспрашивать осторожно. Заговорил вначале с Архипом.

— Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далеко? — спросил Митька.

— Далеко, — ответил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и еще раз сказал: — Далеко-о!

— А наше село Закопанка еще дальше? — опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и ответил:

— Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

— Село Чудово? — переспросила она. — Есть такое село. Только далеко ли оно, не ведаю. Я дале трех верст отсель не бывала. Ты спросил бы у Архипа — он человек знающий.

Понял Митька, что и от Варвары проку не будет, решил выведать про дорогу у самой Мавры Ермолаевны.

Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

— Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идет?

— На мельницу, — сказала барыня.

— А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не ответила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела.

Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

— Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

Митька растерялся.

— Так я так, барыня... — начал Митька.

— Я те дам «так»! — перебила Мавра Ермолаевна. — Ты у меня смотри, опять розог захотел?.. Архип, Архип! — позвала. — Дай-ка розгу, я покажу, какая дорога куда ведет.

А через несколько дней барыня, зайдя в коровник, нашла Митькины сухари.

Подивилась барыня, а потом поняла.

И снова в этот день Митьку били. Отлеживался он в баньке, стонал и все выговаривал:

— Убегу... убегу...

Присаживалась к нему Варвара, по голове гладила.

— Ить, родненький, — говорила, — и куда ты отсель побежишь? Дороги отсель тебе нету.

Глава вторая ДАША

ГРАФ ГУЩИН

Чтобы попасть в поместье графа Гущина, надо было из села Чудова ехать три версты полем, а потом еще десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать еще две версты по старинному парку, по липовой, ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда вырастал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гущина — Барабиха. А кругом Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зеленым ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И села, что раскинулись кругом, словно жуки расползлись, были графские. И люди, что жили в этих селах, — тоже графские. Двадцать тысяч душ крепостных имел граф Гущин. Да и имение у Гущина не одно. Были графские земли еще под Смоленском и под Орлом, а в Питере, на Невском проспекте, стоял высокий, с каменными львами при входе дом Гущина. Здесь-то и жил сам граф. А в Барабиху наведывался всего раз в год. Приезжал осенью или зимой. Жил несколько дней и опять уезжал в Питер.

Все остальное время старшим в Барабихе был управляющий Франц Иванович Нейман. Лет десять назад, будучи послом в Пруссии, граф Гущин привез тамошнего кучера Франца Неймана с собой в Россию. Нейман был расторопен, услужлив. Граф подумал и назначил немца своим управляющим.

Вместе с графом съезжались в Барабиху человек до тридцати разных господ. Устраивались развлечения. Каждый год новые. То охоту на медведей придумают, да еще так, чтобы обязательно живых изловить. То кулачные бои меж мужиками, да так, чтобы непременно кого-нибудь насмерть. То санные катания. А вместо лошадей впрягут в розвальни молодых парней и девок и наперегонки заставляют бегать. Потом призы вручают тому, кто пришел первым. Только призы давали не тем, кто вез, а тем, кто сидел в розвальнях и погонял.

А тут сообщил граф своему управляющему, что приедет на Новый год. И к приезду нужно организовать театр. Граф писал, что артистов пришлет из Питера. А

управляющему наказывал, чтобы он набрал из местных мужиков и баб людей, склонных к пению и играм на инструментах, и чтобы к его приезду был в имении свой хор и оркестр. Однако о театре и о музыке немец имел понятие малое.

То-то задал граф Гушин задачу своему управляющему!

ДУДКА

Говорила Варвара, что не уйти Митьке от Мавры Ермолаевны. А получилось иначе. Только не так, как он сам думал.

По весне, как только появилась на лугу трава, барыня приставила Митьку к новому делу — пасти гусей.

Сделал Архип Митьке дудку. «Это, — сказал, — для каждого пастуха вещь первейшая». Варвара сшила торбу для хлеба, напутствовала: «Только смотри далеко от гусей не отходи. И упаси боже, чтоб в графские хлеба не зашли! Не ровен час, увидит сам Франца Иваныч, ужо тогда тебе будет».

А про немца Митька уже слышал, и не раз, и все недоброе.

«Этот Франца, — говорил Архип, — скупее свет не видывал. Он лошадям и то корм сам отсыпает».

«Немец-то антихрист, — шептала Варвара. — В церковь не ходит, постов не блюдет».

И чуть что, так пугала Митьку:

«Вот барыня продаст немцу — будешь знать!»

Пасти гусей Митьке нравилось. Угонит их лугом подальше от дома, развалится на траве. Гуси ходят, траву щиплют, а Митька на дудке играет. И так наловчился, что Архип только головой качал: «Ить и здорово это у тебя получается!»

И вот однажды — дело уже летом было — угнал Митька гусей лугом почти до гушинского парка. Сел на бережку, заиграл на дудке и не заметил, как гуси зашли в графские овсы. А в это время с горки от графского имения спускался на дрожках управляющий Франц Иванович и увидел гусей и Митьку.

— О майн гот![9] — воскликнул немец, повернул лошадь и съехал на луг.

Вылез из дрожек, стал к Митьке красться. Переступил раз, два... и вдруг замер.

А Митьку ровно кто дернул. Обернулся — немец! Дудка сама из рук вон. А тут еще увидел гусей в овсах и совсем оробел. Вскочил — бежать!

— Стой, стой! — закричал немец. — О, ты есть музыкант!

Отбежал Митька в безопасное место, остановился. Взглянул — немец ничего такого дурного не говорит, а в сторону гусей даже не смотрит.

— Иди сюда! — манит немец. — Я есть не злой человек.

Поколебался Митька, потом подошел, однако встал так, чтобы чуть что — сразу бежать.

— О, ты есть музыкант! — снова сказал управляющий. — Ты чей есть? — спросил.

— Барыни Мавры Ермолаевны, — ответил Митька.

— Гут, — протянул немец. — Зер гут.

Потом нагнулся, поднял с земли дудку, покрутил в руке, усмехнулся. Порылся управляющий в кармане, достал кусок сахара, сунул Митьке; сел на коня и уехал.

Посмотрел Митька на сахар, хотел сгрызть, а потом спрятал в карман. Решил: как убежит — матери принесет гостинец. А про себя подумал: «Говорили — немец злой. Вовсе он и не злой».

НЕМОЙ

Долго торговался немец с Маврой Ермолаевной. Наконец выменял Митьку на два мешка овса и старую графскую перину Перина и решила все дело. Уж больно хотелось барыне поспать на графском пуховике!

Привел немец Митьку в небольшую избу, сказал: «Здесь есть твой дом». Глянули на мальчика четыре женских глаза — два молодых, недобрых, два подслеповатых, старых, от которых повеяло домашним теплом.

Изба, куда привел управляющий Митьку, стояла тут же, на господском дворе. Жили в ней дворовая девка Палашка и тетка Агафья — барская повариха.

Вначале Митька всего боялся, а больше всего девки Палашки. Уже в первый вечер, когда ложились спать, Палашка стала кричать:

— И кой черт этого кутенка сюда сунули!

Хорошо, заступилась тетка Агафья.

— Тише! — крикнула она. — Чай, не своей волей.

И погладила Митьку по голове.

— Не бойсь, — приговаривала, — не бойсь, соколик!

А потом, когда Митька познакомился с дворовым мальчишкой Тимкой Глотовым, то узнал, что от девки Палашки никому прохода нет. «Она немцу про всех доносит», — говорил Тимка.

Тимка рассказал Митьке и про другие дела, про то, что немец горькую пить любит. А как напьется, всех бьет и по-черному ругается. Рассказал Тимка и про ночного сторожа, деда Ерошку. Митька еще в первую ночь слышал, как кто-то все около их окон в колотушку бил. Это и был дед Ерошка. «Он трус, — говорил Тимка. — Всю ночь крутится возле вашей избы — это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки, и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всем слушался. А еще Тимка рассказал про господскую псарню и про негома, что за псами ходил. Тимка водил Митьку посмотреть на негома.

Глянул Митька — и мороз по коже прошел. Зарос человек, как медведь, а ноздри — нет ноздрей, одни клочья болтаются.

— Что это? — спросил Митька.

— Разбойник, — ответил Тимка. — Вот ему ноздри и выдрали.

— Эй, немой! — крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, неуклюже взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка — раз! — и убежал. Митька не успел. Подскочил немой к нему, схватил за грудки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.

— А-а! — закричал Митька.

А немой ничего не сделал; отпустил Митьку и ушел.

Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала его в бок.

— Цыц, поганец! — кричала. — Сила нечистая чтоб тебя забрала!

АРТИСТЫ ПРИЕХАЛИ

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Менее чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудово на базар ездил, в соседние поместья заглядывал, графские деревни исколесил — и набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как и обещал граф, прибыли в Барабику артисты. Встречать прибывших высыпала вся дворня.

— Глядь, штаны-то какие, штаны! — кричал дед Ерошка и показывал на клетчатые, узкие, внизу со штрипками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

— Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? — хохотала девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущенно улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать приехавших пришел и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под которого выглядывала полосатая юбочка. На голове — Митька никак понять не мог — ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видывал. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в штанах со штрипками.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька все ходил около барского флигелечка, где разместили артистов, — надеялся встретить. Да ему не везло. В первый день прогнала девка Палашка. На второй Митька чуть не попался на глаза самому немцу.

И все же Митька девочку подкараулил. Припрятался как-то в кустах, а когда та проходила, выскочил. Выскочил, да и сам испугался.

— Ты что? — спросила девочка.

А у Митьки язык словно дома остался.

— Ты что? — повторила девочка. — Как тебя звать?

— Митька я, Мышкин.

— А я Даша, — сказала девочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

— А я тебя еще в первый день за приметил, ты в шали была!

— Да какая это шаль! — засмеялась Даша. — Это шляпка называется.

Митька смутился. Однако Даша улыбнулась. И мальчик опять ободрился.

— А хочешь, я тебе поместье покажу? — спросил он.

— Хочу, — ответила Даша.

Митька ходил, словно летал на крыльях. Сводил Дашу на конный двор, подвел к псарне, показал, где господские амбары, а потом повел в парк и всю дорогу про жизнь в имении рассказывал. И про деда Ерошку, и про Палашку, и про немца.

— А еще, — зашептал Митька, — у нас немой есть. Федька. Он разбойник. Ему ноздри выдрали.

Даша слушала внимательно, и Митьке было приятно.

— А этот высокий — он кто тебе, папаня? — спросил Митька, когда они возвращались домой.

— Нет, — ответила Даша. — Это Роланд.

— Кто? — переспросил Митька.

— Рыцарь Роланд, — повторила Даша. — Это роль у него такая.

— А мамка и папка у тебя тоже артисты? — спросил Митька.

— Да, — ответила Даша. — Только их продали князю Трегубову.

— Как — продали? — удивился Митька.

— Взяли да и продали, — ответила Даша. — Крепостные мы — вот и продали.

У Митьки от удивления даже рот приоткрылся.

— Как так: артисты — и крепостные? — усомнился он.

— Конечно, крепостные, — ответила Даша.

— Все крепостные? — переспросил Митька.

— Да.

— И тот, что штаны в клетку?

— Да.

А Митька все смотрел на Дашу и не верил: артисты — и вдруг крепостные!

УШЕЛ

Жил Митька на новом месте, а все о своем думал — бежать. И снова стал собирать сухари на дорогу. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказал про свой план. И про сухари рассказал.

— Вот здорово! — воскликнула Даша. — А куда ты побежишь, Митя? — спросила.

— В Закопанку, домой, — ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок не ушел. Назначил другой — не ушел тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

— Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождлся Митька вечера, лег на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

— Ты что, поганец, не спишь? — крикнула девка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал еще немного, потом соскользнул тихонько с лежанки, на цыпочках подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил армяк — и на улицу.

Думал Митька, что девка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка — за ним. Подходит, смотрит — мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это были. Только Митька мешок под мышку, а Палашка его за руку — хватить! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дернул было

руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула девка, выпустила Митьку. А он за сухари, через забор, мимо конного двора, за плетень — и в лес.

Ушел Митька.

ПОГОНЯ

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

— Франца Иваныч! — будит. — Франца Иваныч!

Встрепенулся немец.

— Вас ист эс? — забормотал на своем языке.

— Митька бежал! — тараторит девка Палашка. — Митька бежал!

— Какой Митька? — не может взять в толк немец.

— Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у барыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.

— Так что есть Митька? — опять спрашивает немец.

— Утек, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шел лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом все ближе и ближе... Побледнел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут ветки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки... Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» — бьется тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел — попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролез метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушел куда-то в сторону. Митька облегченно вздохнул. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забегали по кустам — то там, то тут... И вдруг повернули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полез выше. И вдруг — хрусть — обломился сучок! Митька хват за другой — и тот хрусть!

— А-а-а! — заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждет, когда псы вцепятся.

А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызжут слюной, но не трогают. Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит — а перед ним Федька — драные ноздри!

Замычал Федор на псов, ударил одного арапником — те приумолкли. Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, еще страшнее. Федор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошел тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шел и все думал, что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Федора не так уж боялся, но стыдно было Даши. «Ну, скажет, и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет Привел Федор Митьку на псарню, отвел в свой закуток, расстелил рядно, показал: мол, ложись, и дал краюху хлеба.

Ушел куда-то Федор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Федор сюда привел, и чего они окружным путем шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька, уснуть не может.

«ВОТ ТЫ ГДЕ!»

— Вот те Франца всыплет! — кричала девка Палашка на Федора. — Мало тебе ноздри пообрывали, бока еще пообломают!

А Федор мычал и что-то руками показывал.

— Не догнал, Франца Иваныч, — докладывала утром Палашка немцу. — Утек, поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумел, пошумел немец и плюнул. Пригрозил всыпать и Палашке и Федору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Федор его выдавать немцу. Живет Митька на псарне день, живет два. Федор еду ему приносит. Вечером присядет, по голове потреплет. Постепенно стал Митька привыкать к немому. А все-таки как-то боязно... Вспомнит, как дразнили Федора, и самому неловко.

Дней через пять повел с самого утра Федор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Федоровой каморке, вышел в сарай, где стояли собачьи клетки: решил размяться. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в каморку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Иванович, а за ним девка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клетку, но Палашка как закричит:

— Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за шиворот, вытащила на середину сарая.

— А-а... — протянул немец. — Вот ты где!

— Тут, тут! — тараторила девка Палашка. — Я же говорила, Франца Иваныч, что немой наврал. Неспроста немой с кухни-то похлебку воровал. Я-то заметила. Ить, думаю, и зачем это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых — связали Митьку. А через час, когда вернулся Федор, скрутили и Федора.

Пороли виновных тут же, на псарне. Били арапниками. Федора — двое взрослых мужиков, Митьку — Палашка.

— Ирод, — кричала Палашка, — вот тебе, будешь знать, как честных людей обманывать! — и во всю силу врезала тяжелым арапником по худым Митькиным плечам.

Митька только ежился и вздрагивал.

— Не кричишь? — приговаривала Палашка. — Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

«А ОН ВОВСЕ И НЕ СТРАШНЫЙ!»

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит, рядом на корточках сидит девочка. Признал Митя — Даша, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

— Митя, — сказала, — жив?

— У-у, — промычал Митька.

— А мы-то уж думали... — Даша не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тетка Агафья.

— Ну, жив, соколик? — спросила. — А твоя-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, говорит, все я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтерка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Федор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька все лежит. И ходят к нему то Даша, то тетка Агафья, то обе разом. И Федор, чуть свободная минута, здесь же рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует — что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тетка Агафья, и Митька — к ней.

— Тетка Агафья, — говорит, — а дядя Федор, он вовсе и не страшный.

— Не страшный, не страшный, соколик! — отвечает тетка Агафья. — А чего ему быть страшным? Ты слушай его, он, Митька, человек добрый, таких еще поискать нужно.

— А чего он немой? — спрашивает Митька. — И ноздри чего у него драные? Разбойник он? Он человека убил?

— Что ты, что ты, бог с тобой! — замахала руками тетка Агафья. — Какой он разбойник! Все бы такими были! — Потом наклонилась к Митьке и зашептала: — Ты про мужицкого царя слышал?

— Про Емельку Пугачева? — спросил Митька. — Которому руки и ноги рубили?

— Какой он тебе Емелька! — повысила голос тетка Агафья. — Емелиан Иванович он! — И снова зашептала: — Федор-то был у Пугачева своим человеком. А как разбили Пугачева, схватили и Федора. Пытали, а потом разодрали ноздри и язык отрезали. Вот без малого пятнадцать лет такой он и есть. Ты его люби, Митя, — он человек хороший, — уходя, еще раз сказала тетка Агафья.

А вечером пришел Федор и присел на лежанку, Митька доверчиво улыбнулся, уткнулся ему в живот лицом, как, бывало, к матери, и стал гладить рукой по спине. И Федор своей шершавой рукой Митьку гладил. И сидели они молча весь вечер...

Около месяца пролежал Митька. И все эти дни Даша бегала на псарню. Приносила поесть, новости рассказывала. А вечером садились они с Федором к Митьке на лавку. Смотрел Митька на Федора, смотрел на Дашу, и было ему так хорошо, как в родной Закопанке.

КАК СКРИПЕЛ СНЕГ

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег по-хозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ноги на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уж не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тетке Агафье на кухню — помои вытаскивать.

Нравилась Митьке эта зима. Хоть и мороз пошаливал и ветрено было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута, бежит к Даше. Позовет Тимка Глотов Митьку с собой играть, а он: мол, не могу, занят, тетка Агафья не отпускает. А сам — к Даше. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. «Цок, цок», — щелкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, щелкают орешки, на Митьку с Дашей поглядывают. Подмигнет Митька белкам, свистнет — те врассыпную.

А как-то ушли Митька и Даша далеко-далеко. Шли, взявшись за руки, тащили за собой санки — надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

— Садись, Даша.

Даша села. Митька вез санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами — хрусть, хрусть!

А потом они съезжали с гор. Даша крепко держалась за Митьку и вскрикивала от страха. Санки подпрыгивали на буграх, и тогда сыпучими хлопьями взлетал из-под полозьев снег. А внизу санки переворачивались, ребята летели в пушистый сугроб и весело смеялись. Потом отряхивались и снова бежали на гору.

И вдруг Даша остановила Митьку, сказала:

— Митя, не хочу я... Не надо больше так. Не заходи больше ко мне.

Митька оторопел.

— Задрознили меня, Митя. Невестой зовут. И немец ругается, говорит: «Играть на театре тебя купили, а не для других дел». Не заходи, боюсь я...

Митька ничего не ответил. Шли домой молча. И Митя уже не вез Дашу, а шли они рядом и вместе тащили санки, санки казались тяжелыми, ноги отяжелели, и снег хрустел уже вовсе не радостно, а зло и скрипуче, словно отругивался.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Обиделся в тот день Митька. Не забегал больше к Даше и старался на улице не встречать. И флигелек актерский обходил стороной. Словно вовсе и не было Даши.

А время шло и шло. И чем ближе к Новому году, тем быстрее, будто кто подгонял палкой. Артисты кончали последние приготовления, и вот наступил день генеральной репетиции.

Еще как-то раньше Даша говорила:

«Митя, как будет репетиция, ты приходи, обязательно приходи! Проберись в зал, там еще дверь с резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, виду не подавай!»

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил — и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду», — решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошел в зал, спрятался за штору; стоит, замер. Прошел час, а может быть, и два. У Митьки уже ноги отекают стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь — занавес. А на стенах и справа и слева висят портреты. Смотрят из золоченых рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной слышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошел управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену высыпали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды — у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через несколько минут он открылся снова.

Теперь Даша была в костюме мальчика. Она ходила за какой-то важной дамой и придерживала одной рукой подол ее длинного платья. В другой у Даши была шляпа с пером. В такт музыке Даша приседала и широко размахивала шляпой. Митька стоял как зачарованный.

Когда занавес открылся в третий раз, Даша была в наряде бабочки. Она носилась по сцене и легко подпрыгивала. А за ней бегал молодой принц и пытался поймать. Вот он почти настигал Дашу, и тогда у Митьки замирало сердце. Но Даша ловко выскользнула и убежала. Митька облегченно вздохнул. Наконец человек в костюме принца все же схватил Дашу за крыло. Легкое крылышко обвисло. Даша бежала теперь как-то боком, волоча ногу. Митька чуть не вскрикнул. Но вот Даша выпрямилась, широко раскинула руки и вновь закружилась. Митька успокоился. И вдруг Даша упала. Митька вначале не понял, нарочно или в самом деле. И лишь потому, как поднялся немец, как заругался на своем языке и полез на сцену, понял: не нарочно. Девочка встала, попыталась опять закружиться и снова упала. А немец уже поднялся на сцену и, держа в руке палку, шел к Даше. Девочка съежилась, замерла.

Немец подошел к Даше, занес палку. И вдруг:

— Не бей! Не бей!

Митька сорвался со своего места и несся к сцене. Он стал между немцем и Дашей:

— Не бей! Не бей!

И оттого, что появился вдруг Митька, Даша испугалась еще больше. Но немец уже забыл про девочку. Он потянулся к Митьке. Тогда Даша вцепилась в Митькину руку и повлекла его за собой к выходной двери — прямо на улицу. Они бежали сами не зная куда, Митька и Даша-бабочка в легком тюлевом наряде. А на улице трещал мороз и дул пронизывающий декабрьский ветер.

И вдруг Митька остановился.

— Даша! — окликнул он. — Даша!

А девочку трясло — то ли от холода, то ли от испуга. Митька обнял ее, худенькую, бледную, взял на руки, приподнял. Даша не сопротивлялась. Она обхватила его руками и вдруг заплакала. Заплакала тихо, про себя, как, бывало, Аксинья, Митькина мать, плакала.

А на улице бегали артисты, дворня, и на псарне истошно завывали собаки. Когда появился Митька с Дашей на руках, все расступились.

Митька подошел к актерскому флигелечку. Толкнул дверь, переступил порог и положил Дашу на кровать.

Даша открыла глаза. Посмотрела на Митьку и сказала то, от чего у Митьки дыхание сперло:

— Митя, ты хороший! Ты смелый, Митя...

ДАША ЗАБОЛЕЛА

Митьку немец не тронул — ждали господ. Но легче от этого Митьке не стало.

Заболела Даша. На следующий день начался у нее жар. Приехал доктор, послушал, покачал головой, сказал: застужены легкие.

Целыми днями Митька не находил себе места. Все норовил пройти к Даше, но его не пускали. В окна пытался заглядывать, да окна завешены.

— Все из-за тебя! — журила тетка Агафья. — Из-за твоей дурости.

И Митьку от этого как огнем жгло.

За три дня до Нового года приехали господа. А потом стали съезжаться гости. Собралось карет до двадцати. А Митьке все равно — даже и не взглянул. Доложили графу про болезнь Даши. Пришлось ставить другое представление. Вызвал оркестрант Митьку, сказал, что и ему придется теперь на дудке играть. Два дня сыгрывались. А вечером Митька бегал к домику Даши и, пока хватало сил, все вокруг флигелечка топтался. Выходила тетка Агафья (она теперь у Даши дежурила), гнала Митьку спать.

— Шел бы, соколик, домой, — говорила. — Ну что ты как неприкаянный!

А потом сжалится и пустит Митьку на часок в сенцы. Сидит Митька, все о Даше думает.

СТРАШНОЕ

Страшное случилось под самый Новый год. Шло представление. Митька сидел в последнем ряду оркестра — с дудкой ближе и не полагалось. Сидел Митька и ничего не видел, не слышал. По дороге в господский дом забежал он к тетке Агафье. Достал Митька тряпочку, развернул и вынул сахар, тот, что немец ему дал и что он берег для матери.

— Даше это гостинец, — сказал Митька и протянул сахар тетке Агафье.

А та вдруг заплакала:

— Снова приезжал дохтур, — зашептала, — ох, худо Даше, ох, худо!

Сидит Митька, играет на дудке, а у самого одна мысль: «Да ша, Даша...» Никак не может себе простить Митька, что застудил Дашу.

Играет Митька, а что кругом творится, не понимает. Подает оркестрант ему какие-то знаки — не видит. «Громче, громче играй!» — шепчет сосед, а он не слышит. Толкают Митьку в бок, а он словно из камня скроен. Ноеет у Митьки душа: «Даша, Даша...»

Не помнил Митька, как кончился спектакль. Господа хлопали, актеры кланялись, а он тихонько вышел на улицу и побежал к Дашиному дому.

Около дома тихо и пустынно. Дверь приоткрыта. Вошел Митька в сенцы, встретился с теткой Агафьей. Удивился: не останавливает его тетка Агафья, не удерживает. Вошел в комнату.

На лавке лежала Даша, тихая, спокойная. Глаза закрыты. В руках Митькин сахар зажат. Остановился Митька, замер. И вдруг видит — у Дашиного изголовья свечка. Колышется легкое пламя, поднимается чад. Посмотрел Митька на свечку — понял.

— А-а! — заголосил он и бросился к Даше. — Даша! — кричит. — Даша! Встань, Даша!
— И льются по Митькиным щекам слезы и падают на одеяло. — Даша, Даша!

Вернулись артисты. Входили в комнату, осторожно крестились. Стали полукругом.

— Увести бы мальчонку надо, — сказал кто-то.

— Пусть сидит, — ответила тетка Агафья. — Пусть плачет. От слез оно легче бывает.

Потом подошла к Митьке, погладила по голове, зашептала:

— Пошел бы ты спать, соколик! Спать! — и осторожно подталкивает Митьку к двери.

Вышел Митька на улицу и побрел. Где бродил Митька, никто не знает. Да и сам он не помнит. Только в конце концов пришел к своему дому.

— Опять шлялся! — набросилась на него девка Палашка.

Потом посмотрела на лицо, осеклась: лицо у Митьки стало страшным. Испугалась Палашка, оставила Митьку в покое. Плюхнулся Митька на лежанку, уткнулся носом в рукав и снова заплакал. Вздрагивают худенькие Митькины плечики, стонет душа: «Даша, Даша...»

И в это время вдруг дед Ерошка забил в колотушку. Раз, два, три... двенадцать.

Наступил Новый год.

ПОЖАР

Среди ночи Митька вышел на улицу.

Сквозь легкий зипун сразу пробил мороз. «Вь-и-ть», — просвистел ветер. Надвинул Митька покрепче шапку и двинулся к дому управляющего. Немец ложился спать. В окне горела свеча. Управляющий разделся, задул свечу, лег. Митька выждал время, подошел к двери, задвинул скобу и для надежности привалил колодой.

Потом пошел на конный двор, взял охапку соломы и положил под дверь. Принес вторую и положил под угол дома, со стороны окна.

Огонь вспыхнул сразу. Языки пламени лизнули крыльцо, занялся угол.

Прибежал дед Ерошка.

— Пожар! — закричал он истошным голосом.

На улицу стали выбегать дворовые.

Появился Федор.

Протирала глаза, не понимая, в чем дело, заспанная Палашка. Никто и не обратил внимания на Митьку. От крика проснулся немец. Бросился к двери, забил кулаками и дико закричал. Люди не двигались с места.

Тогда вышла вперед тетка Агафья.

— Все же человек, — сказала она, — побойтесь бога! — и пошла к двери.

Но ее опередил Федор.

В руках у него оказался кол. Он влетел на крыльцо, стал спиной к двери и грозно замычал. Все замерли. И только выскочила девка Палашка.

— Ирод! — завопила она. Бросаясь к Федору, вцепилась в его кудлатую бороду. — Ирод! — кричала. — Убивец!

А немой лишь мычал, еще сильнее прижимая дверь плечами и неловко отбиваясь от девки Палашки. И по озаренным окнам металась огромная тень немца.

Митька постоял, постоял, потом повернулся и пошел к скотному двору. Там он перелез через изгородь и стал подниматься в гору, в сторону леса.

На взгорье он остановился, взглянул на усадьбу. Там высоко в небо поднимались языки пламени. Потом разлетелись в стороны искры. Это рухнула крыша. И в то же время в господском доме вспыхнул свет: господа проснулись. Митька еще раз посмотрел на усадьбу и вошел в лес.

Глава третья ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК БЕГЛЫЙ

По тракту из Москвы в Петербург мчался на тройке молодой офицер. Мчался офицер по срочным делам, даже в новогоднюю ночь ехал. Верстах в трех от почтовой станции, что возле села Чудова, ямщик вдруг осадил лошадей. Слез с козел, нагнул.

— Что там? — крикнул офицер из санок.

— Мальчонка, никак... — ответил ямщик. — Замерз, должно быть. Морозище-то какой!

— Ну, давай его сюда, — сказал офицер и приподнял укрывавшую ноги доху.

Положили мальчонку на дно санок, в теплое место. Отогрелся он, отошел, шевельнулся.

Приоткрыл офицер доху.

— Ты кто? — спрашивает.

Молчит найденыш.

— Ты кто? — повторил офицер.

— Митька я, Мышкин, — ответил мальчонка.

— Мышкин! — усмехнулся офицер. — Да как тебя сюда занесло?

— Беглый небось, — ответил за Митьку ямщик. — По всему видать, беглый.

— Н-да, — произнес офицер. — Так что же нам с тобой делать?

— Да что делать! — ответил ямщик. — Сдадим его, ваше благородие, на станции — там разберутся.

Впереди как раз мелькнул огонек. Санки подъезжали к селу Чудову. Соскочил ямщик с козел, отбросил с ног офицера доху.

— Вылазь и ты, беглый, — сказал Митьке.

Офицер пошел на станцию, ямщик замешкался у лошадей, а Митька — раз! — и в сторону.

Вышел офицер со смотрителем станции, а Митьки и след простыл.

— Тут был, — стал оправдываться ямщик. — И куда он девался? Утек небось, как есть утек. Шустрый такой, не зря что беглый.

— Бог с ним, ваше благородие, — сказал смотритель. — Много их тут, беглых, шатается.

Двинул офицер ямщика по затылку рукой и опять ушел в дом. Угнал и ямщик лошадей. А Митька в это время сидел за сугробом в придорожной канаве, не зная, как быть. И вдруг видит — подают новую тройку. Вышел офицер, сел в санки. Тогда Митька выпрыгнул из канавы, догнал санки и пристроился сзади на полозьях.

Резво бегут свежие кони, разлетается из-под полозьев снег, взлетают санки на ухабах — только держись! Держится Митька, слететь боится. Под дохой сидеть было тепло, а теперь холодно. Жметса Митька, трет ладошкой щеку, а сам чувствует — замерзает. И не стало у Митьки больше сил сидеть сзади. Покрутился, покрутился и стал пробираться по саночным распоркам к сиденью. Долез, смотрит — офицер спит.

Приподнял тогда Митька край дохи — и шмыг в санки! И сразу стало тепло, хорошо. Свернулся калачиком и заснул. Проснулся Митька оттого, что кто-то тормозит его за плечо. Открыл сонные глаза. Смотрит, над ним стоит офицер.

— Ты как здесь?

Митька все и рассказал. Засмеялся офицер.

— Вот я тебя сейчас властям сдам! — говорит, а у самого на лице улыбка.

Понравился, видать, офицеру Митька.

Чувствует Митька, что офицер про власть просто так, чтобы припугнуть, говорит.

Повел офицер Митьку на станцию. Накормил и опять спрашивает:

— Так что же нам с тобой делать?

— Возьми с собой, барин, — произнес Митька.

— С собой! — усмехнулся офицер. — В Питер?

— Возьми, барин! — просит Митька. — Да я тебе все, что хошь, буду делать. На дудке играть буду!

— На дудке? — переспросил офицер. — Ну разве что на дудке, — и опять улыбнулся.

Ночь была новогодняя. Выпил офицер чарку, потом вторую. В глазах появились веселые огоньки.

Может, если бы не выпил офицер в эту ночь лишнюю рюмку, так бы и остался Митька на большой дороге. Да от вина человек добреет. Взял гвардейский офицер с собой Митьку в Питер.

В ПИТЕРЕ

И началась у Митьки новая жизнь. Живет он в самом Питере на Невском проспекте, у поручика лейб-гвардии императорского полка Александра Васильевича Вяземского.

Гвардейский поручик Митьке нравился. Молод, весел поручик. Ростом высок, статен, а как наденет парадный мундир — глаз не оторвешь. А главное, Митьку не обижает. И Митька в лепешку готов разбиться, лишь бы угодить поручику. Кофе научился варить. Сапоги чистил так, что они за версту блестели; за табаком бегал, парик расчесывал. Был Митька вроде как денщик.

А еще Митька бегал на Литейный проспект, к дому генерал-аншефа[10] Федора Петровича Разумовского и там через девку Аглаю передавал для генеральской дочки от гвардейского поручика записочки и приносил ответы. Нравилось это Митьке. И дочка генеральская нравилась. Стройная, белокурая, не то что деревенские девки.

А еще Митька любил, когда поручик про войну рассказывал. Здорово рассказывал! У Митьки даже дух захватывало.

Пробыл Вяземский на войне год. Воевал с турками, к Черному морю ходил, реку Рымник переплывал, на стены турецкой крепости лазил.

Слушает Митька. А самому кажется, что это вовсе не поручик Вяземский, а он, Митька, вплавь через реку Рымник перебирается, лезет на стену турецкой крепости и гонит турка к Черному морю.

— Ну как, пойдешь в солдаты? — спрашивает поручик.

— Пойду, — отвечает Митька.

А вечерами, бывало, собирались у поручика товарищи. В карты начинали играть. Митька и здесь в услужении: вино разливает, пустые бутылки на кухню относит. Потом поручик заставлял Митьку на дудке играть. Играет Митька — все смеются. И Митьке весело. Нравились Митьке поручиковы товарищи. Шумят, кричат, все молодые, шпорами звенят. А потом Митька двери за каждым закрывает и каждый дает Митьке по полкопейки. Проводит Митька гостей — поручика укладывает спать: стянет сапоги, мундир снимет, уложит Вяземского в постель и одеялом еще прикроет.

Останется Митька один. Наденет на себя гвардейский мундир, шпоры прикрепит, шпагу нацепит. Сядет Митька за стол, нальет рюмку вина, подымет, выпьет.

Эх, и жизнь! Нравилась эта жизнь Митьке.

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ

Заспорили как-то поручик Вяземский с драгунским майором Дубасовым, кто важнее: офицер гвардейский или армейский.

— Гвардия есть опора царя и отечества! — кричал Вяземский. — Гвардии сам Петр Великий положил начало.

— Опора, да не та, — отвечал Дубасов. — Гвардейские офицеры — одно только название, что гвардия. Сидите в Питере, на балы ходите. А кто за вас отечество защищает, кто кровь проливает? Мы, армейские офицеры.

Обозлился Вяземский, полез в драку. Только Дубасов был умнее — драться не стал, а бросил к ногам поручика перчатку: вызывал Вяземского на дуэль — стреляться.

Узнал Митька о случившемся, думает: «Как так, из-за такого дела — и стреляться? Мало ли на селе мужики спорят. Так ежели из-за каждого спора стреляться, скоро и живых не останется».

Достал поручик ящик с пистолетами, почистил, щелкнул Митьку по носу и поехал за секундantom.

Лег поручик в этот день раньше обычного. Лег и сразу заснул.

А Митьке не спится. «Как это так? — думает. — Завтра стреляться, а он хоть бы хны».

Утром, еще не рассвело, приехал за поручиком секундantom.

Оделся поручик, умылся, выбежал на улицу и сел в возок.

— А как же я? — остановил его Митька.

— Что — ты? — говорит поручик. — Сиди дома, вари кофе. Через час буду. — Потом подумал, добавил: — А коли беда случится, поезжай, Митька, в Рязанскую губернию, разыщи поместье Василия Федоровича Вяземского, скажи: мол, так и так. У него и останешься. Понял?

— Понял, — ответил Митька, а самому про это и думать страшно.

И стал Митька ждать поручика. Ждет час, второй, третий. Нет поручика. «Ну, — решил Митька, — убили».

А вечером поручик вернулся. Весел, насвистывает что-то. Бросился Митька к нему.

— Ну как? — спрашивает.

— Что — как?

— Ну, дуэль эта самая...

— А, дуэль! — усмехнулся поручик. — Что дуэль... Застрелил я его. Вот и все. — И щелкнул Митьку опять по носу. — Только утром это еще было.

А у Митьки от этих слов как-то и радость прошла. «Чего стрелялись? — думает. — За что человека убили?»

НА ВОЙНУ

Не сошла поручику дуэль с рук.

Про убийство майора Дубасова узнала сама императрица Екатерина Великая. Приказала она разжаловать поручика из гвардейских офицеров и направить в действующую армию.

А в это время как раз война с турками шла. Русские осадили турецкую крепость Измаил. Под Измаил и послали Вяземского.

И стал он теперь не гвардейский офицер, а просто поручик армейский.

— Плохи наши дела, — сказал поручик Митьке. — Опять на войну. Да нам не привыкать! На войне еще интереснее.

И Митька думает: интереснее. А все же из Питера уезжать жаль. Да и не знает Митька, что с ним будет. Говорит поручику:

— А что со мной будет?

— Поедешь, — отвечает Вяземский, — в Рязанскую губернию.

— Во те раз! — опешил Митька. Смотрит на поручика, чуть не плачет.

Походил, походил, а потом подошел к Вяземскому, говорит:

— А возьми меня, барин, с собой!

— Как — с собой? — удивился поручик.

— На войну, — отвечает Митька.

— На войну?

— На войну.

— Так что ты там будешь делать?

— Турка бить буду, — говорит Митька.

— «Турка»! — расхохотался поручик. А сам подумал: «Может, и взять?»

И вот помчались поручик и Митька через всю Россию на перекладных от Балтийского до самого Черного моря. Менялись тройки, летели версты, проносились села и города. Митька сидел важный: Митька на войну ехал.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, тянулся вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

— Отступить надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.
— «На зимние квартиры!»! — передразнил Суворов. — «Домой!»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил идет. Нет дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом новая жизнь.

Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать! Давай снова!

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться. «Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент».

Несколько раз Митька бегал смотреть Суворова. А как-то Суворов приметил Митьку и спрашивает:

— Что за солдат?

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка! — отчеканил Митька.

— Ай-яй! — удивился Суворов. — Солдат, говоришь?

— Так точно, ваше сиятельство! — ответил Митька. К этому времени Митька уже научился рапорт как следует отдавать.

Посмотрел Суворов на Митьку, подивился, говорит:

— Ну, раз солдат, так другое дело. Солдатам у нас почет. — Снял Суворов свою шляпу и низко Митьке поклонился.

Только дело на этом не кончилось. Вызвал, оказывается, в тот же день Суворов поручика Вяземского и приказал Митьку домой отправить. Загрустил Митька. Да и поручик привык к мальчику, отпускать не хочется. Тянули они с отъездом. А чтобы Суворову и генералам на глаза не попадаться, сидел Митька больше в палатке, все выходить боялся.

Между тем русская армия подготовилась к бою. Суворов послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал ответил: «Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил».

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм.

«ВСТАВАЙ, БАРИН!»

В ночь на 11 декабря 1790 года русские пошли на приступ.

Отдернул Митька полог палатки, стал смотреть. Палатка как раз так стояла, что из нее крепость была видна. Только сейчас была ночь, туман, и Митька ничего не видел. Лишь слышал гроыханье пушек и ровный гул солдатских голосов.

А когда наступил рассвет, Митька разглядел, что русские уже прошли ров, поднялись на крепостной вал и по штурмовым лестницам лезли на стену.

Шла стрельба. Над крепостью поднимался дым. На стене, один к одному, словно воробьи на изгороди, сидели турки. А вокруг крепости — и прямо перед собой, и слева, и справа, куда хватал глаз, — видел Митька, как двигалось, как колыхалось и плескалось со всех сторон огромное солдатское море. И казалось Митьке, что это вовсе не солдаты и Измаил не крепость, а гудит перед ним, перекачивается и воет огромный пчелиный рой.

И вдруг внимание Митьки привлек русский офицер. Опередив других, офицер уже был почти на самой стене. Он ловко карабкался по лестнице, взмахивал шпагой и что-то кричал. Присмотрелся Митька — и вдруг признал Вяземского.

Вот поручик пригнулся, вот снова выпрямился... Вот свалил выстрелом высунувшегося из-за стены турка...

— Ура! — закричал Митька. — Ура!

А поручик уже на стене. Еще никого нет, а Вяземский там. Стоит, машет шпагой. Сбило с поручика шляпу, сорвало парик. Развеваются по ветру русые кудри. Отбивается поручик от турок и снова что-то кричит и кричит. И вот Вяземский уже не один, рядом с ним русские солдаты. Прыгают солдаты по ту сторону стены.

И вдруг видит Митька, как поручик хватается за бок. Роняет шпагу... Минуту держится... Потом приседает, неловко поворачивается и падает вниз.

— Барин, барин! — кричит Митька, выбегает из палатки и бросается к крепости.

Подбегает к стене, хватается за штурмовую лестницу.

— Ты куда? Смерти захотел?!

Митька не ответил. Кто-то схватил его за ногу.

— Пусти, дяденька! — Митька выдернул ногу и кошкой полез вверх.

Влез, глянул вниз — и чуть не вскрикнул. Там один на одном, крест-накрест и просто так лежали побитые солдаты: русские, турки — все вместе. А совсем рядом в узких, запутанных улицах Измаила шел бой и неслись крики... Страшно стало Митьке; хотел повернуть назад, потом перекрестился, закрыл глаза и прыгнул внутрь крепости.

Крадется Митька у самой стены, смотрит, не видать ли поручика. И вдруг видит: из-под убитого турка торчит знакомый сапог и шпора знакомая. Подбежал Митька, отвалил турецкого солдата, а под солдатом лежит поручик Вяземский.

— Барин, барин! — закричал Митька. — Вставай, барин!

А Вяземский лежит, не шелохнется. Приложил Митька ухо к груди поручика — дышит. Тихо, но дышит. Обрадовался Митька и опять свое.

— Вставай, барин, вставай! — трясет Митька поручика за плечо.

А Вяземский словно и не живой.

Взял тогда Митька поручика за ворот мундира и по земле потащил из крепости. Тяжело мальчишке — в поручике пудов до пяти, — но тащит. Плачет, но тащит. У самых ворот столкнулся Митька с Суворовым.

— Ты как здесь? — удивился Суворов.

— Да я... — начал было Митька и растерялся. Стоит, вытирает слезы.

Посмотрел Суворов на Митьку, на раненого.

— Поручик Вяземский? — спрашивает.

Митька кивает головой.

— Тот, что крепостную стену первым взял?

Митька опять кивает.

Крикнул Суворов солдат, приказал унести героя. А Митьку подозвал к себе, отодрал за ухо и сказал:

— Беги вон, и чтобы духу твоего тут не было.

МЕДАЛЬ

Два дня и две ночи просидел Митька в санитарной палатке, у постели поручика Вяземского. На третий день поручик пришел в себя, признал Митьку. А еще через день пожаловал в палатку Суворов.

Узнал Митька Суворова — спрятался. Поручик было привстал.

— Не смей! Лежать! — крикнул Суворов. Подошел к постели Вяземского. — Герой! — сказал. — Достоин высочайшей награды. — И спрашивает: — А где твой денщик?

— Так я, ваше сиятельство, отправил его в Рязанскую губернию, — отвечает Вяземский.

— Давно?

— Давно.

— Так, — говорит Суворов. — Дельно, хорошо, когда офицер исправен. Похвально. А то ведь вралей у нас — о-о — сколько развелось!

— Так точно, ваше сиятельство! — гаркнул поручик и думает: «Ну, пронесло!»

А Суворов вдруг как закричит:

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, живо ко мне!

Притаился Митька. Не знает, что и делать. А Суворов снова подает команду.

Выбежал тогда Митька:

— Слушаю, ваше сиятельство! — и отдает честь.

Улыбнулся Суворов.

— Дельно, — говорит, — дельно! — Потом скомандовал «смирно» и произнес: — За подвиг, подражания достойный, за спасение жизни российского офицера, жалую тебя, солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, медалью!

Подошел Суворов к Митьке и приколот медаль.

Митька стоит, руки по швам, не знает, что и говорить.

А Суворов подсказывает:

— Говори: «Служу императрице и отечеству».

— Служу императрице и отечеству! — повторяет Митька.

— Дельно, — говорит Суворов, — дельно! Добрый из тебя солдат будет!

Потом повернулся Суворов к Вяземскому, сказал:

— Думал я тебя представить к высочайшей награде, а теперь вижу: зря думал. Негоже себя ведешь, поручик: приказа не выполняешь, командира обманываешь.

Покраснел поручик, молчит. И вдруг блеснули хитринкой глаза, и выпалил:

— Никак нет, ваше сиятельство!

— Что — никак?

— А как же я мог приказ выполнить, — говорит Вяземский, — коль дороги назад не было?

— Ай-яй! Не было? — переспросил Суворов. — Может, и вралеи не было?

— Дорога солдату домой, — ответил Вяземский, — через Измаил ведет. Нет дороги российскому солдату домой иначе!

Посмотрел Суворов на поручика, крикнул, ничего не ответил. А через несколько дней пришел приказ простить Вяземскому дуэль с Дубасовым и отправить назад, в Питер. Видать, понравился ответ поручика Суворову.

Простились поручик и Митька с армией. И ехали они опять через всю Россию на перекладных от самого Черного до Балтийского моря. И снова менялись тройки, снова летели версты, снова проносились села и города.

Митька сидел гордый и медаль щупал. Солдат с войны ехал.

ПРОЩАЙ, ВЯЗЕМСКИЙ!

— Митька, друг ты мой, никогда тебя не забуду, никому не отдам! — говорил Вяземский.

Появился вскоре у поручика новый товарищ — капитан Пикин. Взглянул Митька на капитана: глаза навывкате, нос клювом, губы поджаты, на всех смотрит косо и даже ходит не как все, а как-то боком, правое плечо вперед.

Соберутся, как бывало, у поручика приятели. Все смеются, кричат. А капитан сядет в стороне, молчит, не улыбнется. Начнут офицеры про политику спорить, про дела государства говорить, заведут речь о мужиках: мол, неспроста мужики волнуются, так и жди нового бунта. А капитан спорящих прервет, скажет: «Мало с них шкуру дерут! Мало помещики порют — вот и распустились мужики! Вон Митька твой — и не поймешь, где холоп, где барин».

Заговорят офицеры про войну, про Измаил, Суворова вспомнят. А капитан и здесь слово вставит: «Суворов выскочка, счастливый, в сорочке родился. Вот и везет».

«И чего это терпит его поручик?» — думает Митька. А терпел Вяземский капитана потому, что любил Пикин играть в карты. Уж никто не хочет, а капитан играет. На картах они и сдружились.

Как и раньше, собираются у поручика молодые офицеры, да только Митьке уже перестали казаться хорошими прежние вечера. Митька уже и на дудке играет не так охотно, и вино разносит с опаской. Боялся Митька Пикина: чуял, что беда от него пойдет.

Так оно и случилось.

Сели как-то офицеры играть в карты. Вошли в азарт. Играли до полуночи и все проигрались. В выигрыше был лишь один капитан Пикин. Разошлись другие по домам, а капитана поручик не отпускает.

— Играй, — говорит, — еще.

— Как же с тобой играть, — отвечает капитан, — ты уже все проиграл!

А поручик:

— Нет, играй.

Отказывается Пикин.

— Играй, — настаивает поручик. — В долг, — говорит, — играть буду.

— Нет, — возражает Пикин, — в долг не играю, хватит.

Понял Митька, что дело плохим кончится, подошел к поручику, говорит:

— Барин, спать пора.

А поручик резко оттолкнул Митьку и опять к капитану:

— Ставлю мундир!

Ну, и снова проиграл Вяземский. Вошел поручик в еще больший азарт. Смотрит по сторонам, на что бы еще сыграть.

А Митька опять подходит, говорит:

— Барин, спать пора.

Посмотрел поручик на Митьку, блеснул в глазах огонек, и вдруг говорит капитану:

— Вот на Митьку ставлю.

Митьку словно огнем обожгло.

А капитан Пикин снова сдает карты и приговаривает:

— Что ж, Митьку так Митьку. Вот он у меня узнает, кто холоп и кто барин!

Сыграли, и снова проиграл поручик.

— Митька! — закричал Пикин. — Собирай свои вещи, да медаль смотри не забудь. Будешь у меня при медали сапоги чистить.

Митька не отозвался.

Встал капитан, вышел на кухню: смотрит, а Митьки не видно.

Вбежал Вяземский:

— Митька!

Никто не отзывается.

— Митька! — снова закричал поручик.

А Митьки словно и не было.

Ушел Митька.

Смотрит Вяземский — только дверь на улицу слегка приоткрыта да лежит в углу забытая Митькой дудка.

Глава четвертая ДОБРЫЙ БАРИН

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Третий день кривой Савва жил в Питере. Привез Савва из Закопанок соленые огурцы, продавал ведрами.

— Огурцы соленые! Соленые-моченые! Кому соленые? — надрывал он глотку.

Да только мало кто покупал. Огурцов на базаре и без того хоть пруд пруди.

На четвертый день с самого утра Савва опять стоял около своих кадок — отмерял огурцы. А рядом с бочками лежала большая краюха хлеба. Савва по куску от нее

отламывал и ел. Вдруг видит — чья-то рука тянется к краюхе хлеба. Схватил он руку. Обернулся — мальчишка. Посмотрел — Митька.

Признал и Митька кривого Савву — растерялся.

— Жив! Ить те жив! — вскричал Савва. — Ух, радость-то какая! А мы тебя похоронили. Еще в тот год узнали, что ты от господ убег. А потом сказывали: уже по весне нашли в лесу замерзшего мальчишку. Так мы думали... Ан нет, жив-таки!

И рассказал Савва Митьке и про отца, и про мать, и про всю Закопанку.

— Жизнь-то в Закопанке совсем расстроилась, — говорил Савва. — Распродали господа мужиков. Старосту Степана Грыжу — так и того продали. А родителей твоих, — говорил Савва, — сосед, князь и енерал Юсуповский, купили. Помещик-то у них добрый. А наши-то господа совсем разорились. Лесок, что по ту сторону речки, продали. Землицу, что от старой баньки шла, тоже продали. И из дворовых всего два человека осталось — девка Маланья да я. Кривой — никто не берет. Эхма, было времечко! — закончил свой рассказ Савва. — Другие нонче пошли времена.

— А вы тут чего, дядя Савва? — спросил Митька.

— Как — чего? Я теперь на месяц кажин раз в Питер езжу. Барыня посылают. Пшено вожу, редьку, огурцы. Оно дороже выходит... Да ты о себе расскажи, о себе.

Митька рассказал.

— Ить дела! — проговорил Савва. Потом подумал, сказал: — Митька, завезу-ка я тебя до родителей. Вот уж радость будет! А там, глядишь, князек ваш тебя и выкупит. Вот и заживете все вместе!

Всю дорогу Митька только и думал, что об отце и матери.

Ехали по талому снегу. Бурлили ручьи. Светило солнце.

И Митьке было легко и радостно.

— Дядя Савва, — спрашивал Митька, — а кот Васька жив?

— Жив, жив, — отвечал Савва. — Чего ему не жить!

— Дядя Савва, а барин, он добрый, выкупит?

— Выкупит, — отвечал Савва. — Вот крест — выкупит!

Как и обещал, привез Савва Митьку домой.

— Аксинья! — позвал. — Аксинья! Принимай гостя.

Выбежала Аксинья, увидела Митьку, онемела от счастья. А потом как заголосит, как заплачет! Схватила Митьку, целует...

— Ох ты, мой родненький! — причитает. — Похудал... Ох ты, мой ненаглядный.

Вышел Кузьма, посмотрел на сына, признал не сразу.

— Что стоишь? — крикнула Аксинья. — Чай, сын прибыл... Митя, Митенька! — и снова заголосила.

На шум выбежал кот Васька. Посмотрел на Митьку, мяукнул; подошел, выгнул спину, задрал хвост и стал тереться о Митькины ноги.

— Признал, признал! — воскликнул Савва. — Ить ты, паршивец, признал!

А Митька стоял, вытирая рукавом намокшие глаза. И не знал, плакать или смеяться.

Митька был счастлив.

БЛАЖЕННЫЙ

Князь Гаврила Захарович Юсуповский был генералом русской армии. Под Фокшанами генерал получил тяжелое ранение в голову, вышел в отставку и поселился в своем новгородском имении. Занялся генерал хозяйством. Усадьбу привел в порядок, дом перестроил. Накупил дворовых, тягловых мужиков прикупил. Выписал садовника из Питера и повара. И пошло генеральское хозяйство в гору. Барин был добр. Мужиков не обижал, на пасху и рождество гостинцами баб одаривал, а в день святого Гаврилы раздавал всем по пять копеек медью и бочку браги выкатывал.

Только стали мужики вскоре замечать за барином какие-то странности. Забываться стал временами, на себя всякое наговаривал. То возьмет в рот кинжал, бегает по двору и кричит: «Турок я! Турок!» То положит на порог голову и заплачет: «Пугачев я, Емелька, рубите мне, вору и разбойнику, буйную голову!» А еще, когда грянет, бывало, гром, бледнел барин и начинал шептать: «Война, война, снова турка в поход идет!»

В день приезда Митьки побежал Кузьма к князю, бросился в ноги.

— Не откажи, барин! — просит. — Уж пожалей, откупи сынка у графа Гущина!

Рассказал Кузьма генералу про Митьку, стоит на коленях, просит.

— Вот оно как! — удивился генерал. — На войне, говоришь, был?

— Был, был! — зачастил Кузьма. — Медаль с той войны привез.

— Ме-даль? — протянул генерал.

Приказал князь привести к нему Митьку.

— Падай, падай барину в ножки! — подталкивает Кузьма Митьку.

А Митька по-солдатски отбил шаг, подошел к генералу и докладывает:

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин прибыл!

У Кузьмы от удивления скула отвалилась. «Ну, все испортил», — решил.

Оказывается, нет. Взглянул генерал на Митьку, сказал: «Вольно». Потом обошел вокруг Митьки, осмотрел со всех сторон, медаль пощупал и ответил: «Ладно. Откуплю».

Кузьма бросился целовать барскую руку. А генерал вдруг как закричит: «Не трожь, не трожь, сейчас взорвется!» Отскочил Кузьма, стал неловко кланяться и пятиться к выходу.

— Что с ним, тять? — спросил потом Митька.

— Блаженный, — ответил Кузьма.

И вот снова живет Митька в родительском доме. И снова помогает отцу и матери.

А вечером все соберутся в светелке. Отец что-то стругает, мать веретено крутит. А на печи сидит кот Васька и, как прежде, смотрит на Митьку хитрым взглядом. И всем хорошо. И мирно трещит лучина, и от каждого вздоха, словно живое, колыхается яркое пламя.

КАРТЫ

Неделю Митька прожил спокойно, а потом вызвал его к себе барин.

— Давай, — говорит, — играть в карты. Я тебя этому искусству враз обучу.

Вначале стал генерал Митьке карты показывать.

— Это, — говорит, — двойка, это тройка, это семерка. Так что старше, — спрашивает, — двойка или семерка?

— Семерка, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Молодец!

Потом стал объяснять картинки.

— Это, — говорит, — валет, это дама, это король. Кто старше?

— Король, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Ну, дело у тебя пойдет.

Потом объяснил генерал про масть. Трефь и пика — черные, бубен и червь — красные.

— Трефь и пика — черные, — повторяет Митька, — бубен и червь — красные.

И стал генерал учить Митьку играть в «подкидного дурака». А чтобы было интереснее, договорились бить проигравшему по носу тремя картами.

Вначале Митька только проигрывал. Набил ему за эти дни барин нос так, что нос стал у Митьки вроде красной свеклы. И так пристрастился генерал бить картами, что игре еще и конец не пришел, а он уже приготовится и приговаривает:

— Вот я тебя сейчас! Будешь знать, шельмец, как со мной в карты играть!

А когда лупил, тоже приговаривал:

— Так тебе и надо, так тебе и надо! Не берись играть, коль не умеешь.

Но вот наступил день, когда Митька выиграл.

— Как это так? — проговорил генерал. — Ты, шельмец, небось карты подмешал?

А Митька ничего и не подмешивал. Так оно само вышло. Ну, и пришлось генералу подставлять свой нос.

Митька бил осторожно.

Опять сыграли. Барин проиграл снова. И снова Митька бьет по генеральскому носу. Только теперь Митька осмелел и бьет посильнее. И третью партию проиграл барин. На этот раз Митька ударил во всю силу.

Начал барин кипятиться. А чем больше он кипятится, тем и играет невнимательнее. И стал у генерала нос краснеть. Видит барин — дела плохи. И как Митька выиграл снова, схватил палку и Митьку по мягкому месту — раз, два! «Ты, — говорит, — шельмец, плутуешь».

И только Митька выигрывает, барин за палку и бьет. Вернулся Митька домой — весь зад в синяках. Лег спать, думает: «Проиграл — плохо, выиграл — плохо! Пойми ты ее, барскую душу!»

Решил Митька на следующий день больше у барина не выигрывать, поддаваться. Все же по носу, решил, не так больно.

А генералу, видать, понравилось бить Митьку палкой. Решил он тоже поддаваться и за каждый выигрыш его драть. Блаженный был генерал.

Вот сели они играть на следующий день. Митька поддается, и генерал поддается. Так они и играют в «дурака» на проигрыш. И все Митька проигрывает. Хотел барин Митьку палкой бить, а теперь, выходит, нельзя: нужно картами по носу. А это генералу уже наскучило.

Пытается барин проиграть, а все не получается. Разозлился тогда генерал, крикнул на Митьку:

— Пошел вон! Не умеешь играть, а лезешь!

С той поры они уже в карты не играли.

«ИМПЕРАТРИЦА»

Прожил Митька еще неделю спокойно. А потом его снова кличут к барину.

— Будешь, — говорит генерал, — за императрицу Екатерину Великую.

Удивился Митька, думает: как же это он будет за императрицу?

А барину пришла в голову блажь, что должна к нему приехать царица в гости. В это время как раз через Новгород из Петербурга в Москву царица ехала. Все вокруг только об этом и говорили. Вот и решил генерал всех удивить. Сшили Митьке женский наряд. А на следующий день прошел по селу слух, что в гости к генералу едет сама императрица Екатерина Великая. Собрали к господскому дому мужиков и баб. Разложили на крыльце ковер. Ждут. И вот карета въехала. Сам барин выбежал

«императрицу» встречать. Мужики и бабы упали на колени. Никто и не обратил внимания, что карета господская, а на месте кучера свой же мужик, дядя Игнат, сидел.

Открыл генерал дверцу кареты, поклонился, а из кареты выходит Митька.

Ахнули мужики — ну и блажь...

А барин взял «императрицу» под руку и повел в дом. Митька идет, путаются ноги в юбке. Привел барин Митьку в зал, а там стол накрыт. Усадил генерал Митьку.

— Ваше величество, — говорит, — не откажите принять нашу убогую трапезу.

Ест Митька, барин ему вина наливает.

А после еды генерал говорит:

— Ваше величество, извольте в ваши апартаменты проследовать.

И повел барин Митьку по комнатам в спальню. Идет Митька, пошатывается. Смотрит, а в спальне уже кровать приготовлена.

— Приятной ночи, ваше величество! — сказал генерал и удалился.

А Митька от вина опьянел, так в царицыном наряде и залез под одеяло.

Спал в эту ночь Митька крепко. Проснулся утром, потянулся, вспомнил вчерашний день — самому смешно стало. А в это время вдруг открывается дверь, входит барин. Посмотрел барин на Митьку.

— Ты что тут, поганец, делаешь?

— Императрица я, — говорит Митька.

— Что? — заревел генерал. — «Императрица», паршивец? Вот я тебе дам «императрицу»!

Понял Митька, что прошла у генерала блажь, вылез из-под одеяла — и бежать! Да запутался в юбках.

Схватил его барин и давай лупить. Бьет и приговаривает:

— Вот я тебе покажу «императрицу»! Мужик, а бабой прикидываешься! Имя монаршее позоришь!

Еле вырвался Митька.

А вечером Митьку опять позвали в господский дом. И снова он был за Екатерину Великую. Когда отвел генерал Митьку в спальню, он ложиться не стал, а потихоньку убежал из барского дома.

На следующий день Митька ждал, что генерал позовет. Однако за Митькой никто не прибежал. Ни в этот день, ни на другой, ни в третий... Видать, прошла барская блажь.

«АТЬ, ДВА, ЛЕВОЙ, ПРАВОЙ!»

В третий раз генерал вспомнил про Митьку к концу лета.

— Ты на войне был? — спросил барин.

— Был, — ответил Митька.

— Медаль получил?

— Получил.

— Так приходи завтра, да по всей форме! Посмотрим, какой из тебя солдат.

Пришел Митька, и начались с этого дня учения. Является Митька с самого утра.

Генерал уже одет — в мундире, при погонах и шпаге. Ждет. Выходят генерал и Митька во двор, начинаются учения.

— Смирно! — кричит генерал.

— Так, — говорит генерал, — верно.

Потом подает команду: «Направо, шагом марш!» Дойдет Митька до конца двора — генерал кричит: «Кругом!» Поворачивается Митька. И так до самого обеда ходит Митька по двору от одного угла до другого. А генерал идет рядом: «Выше ногу, шире шаг! Ать, два, левой, правой! Ать, два, ать, два!»

А после обеда другие учения.

— Ложись! — кричит генерал.

Митька ложится.

— Встать!

Митька встает.

— На пузе ползи!

Митька ползет. И так до самого вечера.

Намучается Митька за целый день — сил нет. А с утра все снова. Через неделю Митька все команды выучил. Тогда генерал приказал собрать деревенских ребят. И теперь они с Митькой оба стали вести учения. Поначалу ребятам нравилось. С самого утра Митька их строил. Потом выходил генерал. Митька кричал «смирно» и докладывал:

— Ваша светлость, рота к учению построена.

— Вольно! — говорил генерал.

И начинались занятия. Да только вскоре ребятам все надоело, не все стали являться.

Заметил генерал — перекличку приказал делать. А для неисправных в курятнике устроил гауптвахту. Да только ребятам на гауптвахте нравилось больше, чем животами тереть господский двор. Там и отсиживались.

Тогда отменил генерал гауптвахту и всыпал непослушным розог.

А вскоре и ребят показалось генералу мало. Приказал он, чтобы собирались взрослые мужики. И вот с самого утра толпится на барском дворе человек до тридцати мужиков. Строит их барин по росту, и начинаются учения.

— Ать, два! Ать, два! Левой, левой! — снова командует генерал.

Дело как раз летом было. На поле стоят неубранные хлеба, зерно осыпается. А мужики от одного конца до другого господский двор меряют. Научились мужики ходить, как настоящие солдаты, да только богаче от этого не стали.

Мужики — на Митьку: «Все из-за тебя, из-за твоей медали!» Возненавидели мужики Митьку.

А тут генерал стал поговаривать, что пора и в лагеря ехать и там учинить настоящие маневры. Разбить мужиков на две группы и устроить войну.

Видит Митька — дело плохо, не простят мужики ему этой затеи, и сказал как-то барину:

— Ваша светлость, а как же на войне без пушек быть?

Посмотрел генерал на Митьку, сказал:

— Правильно. Отпишу-ка я письмо самому любимцу императрицы, светлейшему князю Потемкину. Он меня помнит — пришлет.

Написал, а ответ никак не приходит. Пока его ждали, генерал и забыл про военные учения. И опять стало спокойно.

КОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО

Прошел год. Мало что изменилось за это время в жизни Митьки Мышкина, повзрослел разве что на год. Зато прежние его господа, помещики Воротынские, совсем разорились. Усадьбу продали, сами в Москву уехали. А кривого Савву и Маланью продали за долги князю Юсуповскому. Стал теперь Савва от князя в Питер и Чудово на базар ездить.

И вот как-то захватил Савва в Чудово с собой Митьку. И здесь, в скотном ряду, повстречали они тетку Агафью.

— Митька! — закричала она. — Соколик ты мой, Митька! Да, никак, ты? — Она обхватила мальчика и крепко прижала к себе. — А мы-то...

— Знаю, тетка Агафья, — говорит Митька, — помершим считали.

— Считали, считали, соколик!

Тетка Агафья водила Митьку по базару, купила ему пряник, вздыхала и все слезу рукавом смахивала.

— Да чего ты, тетка Агафья! — успокаивал ее Митька.

— Ох, как вспомню, как вспомню!.. Так ты ничего, при родителях, значит?

— Да, тетка Агафья.

— Дашу-то помнишь?

— Помню.

— А Федора?

— Помню, тетка Агафья.

— Так засудили Федора — ушел на каторгу.

— Как — засудили? — вырвалось у Митьки.

— Ой, не говори, соколик! Немца-то порешил немой, а дом поджег. Сам признался. А девка Палашка — типун ей на язык — потом все на тебя наговаривала.

— Тетка Агафья, — вдруг сказал Митька, — не дядя Федор, я немца поджег.

— Да что ты! Да бог с тобой, соколик! — замахала руками тетка Агафья.

— Я, — повторил Митька.

Ни единого слова не обронил Митька обратной дорогой. Сидел ястребом. За эти годы Митька почти что и забыл про графский дом. Прошло, как сон. И было ли это? Может, и не было.

Дотемна просидел в тот день Митька над обрывом реки. Уставился на воду, смотрел в одну точку. Смотрел — и вставала перед ним та далекая новогодняя ночь. Дым, люди, языки пламени и немец. Бегаёт немец из угла в угол, бьется в закрытую дверь. А на крылечке стоит Федор, большой, широкоплечий, с дубиной в руке.

А потом Митька увидел другую избу, ту, где актеры жили. Кровать. Свечу, что горела ровным пламенем. Дашу. Смотрит Митька на воду, а Даша, словно живая, перед ним стоит. Стоит и улыбается, как тогда, когда они в первый день свиделись.

Сколько сидел Митька над рекой, неведомо. Только уж стало смеркаться, когда проходил берегом реки Митькин отец. Увидел сына, позвал. А тот не откликается. Подошел Кузьма к нему, положил руку на плечо.

— Митя! — позвал снова.

А Митька ничего не слышит. Сидит как замороженный, все в воду смотрит.

СЧАСТЛИВОГО ТЕБЕ ПУТИ, МИТЬКА!

Пообещал барин откупить Митьку, да позабыл. Вспомнил уже через год, летом. Послал генерал к графу Гущину своего управляющего, а когда тот вернулся, вызвал Митьку.

Шел Митька к господскому дому, а у самого тяжесть какая-то на душе. И небо было серое, и полыхали где-то зарницы, и истошно петухи голосили. А у самого подъезда увидел Митька тележку — точь-в-точь как у немца Неймана была.

«Откуда такая?» — подумал.

— Э, — произнес генерал, когда вошел Митька, — да ты, говорят, смутьян!

— Говорят, в графском имении дом сжег и ихнего управляющего, немца, погубил. Было такое дело? — спрашивает генерал.

— Было, — отвечает Митька.

Генерал поднял брови, с удивлением посмотрел на Митьку, как будто бы впервые видит.

— Э, да ты на самом деле смутьян! Иди сюда. — И повел Митьку в соседнюю комнату.

Вошел Митька — и замер. Смотрит — стоит в комнате солдат, а рядом с ним девка Палашка.

— Он, он! — закричала Палашка. — Ирод, убивец! — бросилась она к Митьке.

Митька — в сторону. А барин его раз — и за руку: «Стой!» Рванулся Митька, а генерал опять: «Стой!» Схватил тогда Митька стул, поднял над головой, закричал:

— Уйди, барин! Уйди — не пожалею!

— Ах, злодей! — взвизгнул генерал, но остановился. А потом как закричит: — Хватай его, вяжи!

Бросились к Митьке солдат и Палашка, а он к окну, только — бемц! — звякнули стекла. Распахнулись от удара створки. Выпрыгнул Митька на улицу, прямо во двор, как раз к самым дрожкам. И в это время грянул гром, прошумел грозным раскатом. Вздогнули кони, забили копытами. Митька — в возок, схватил кнут и полоснул лошадей во всю силу. Те взвились и понеслись к выходу. А ворота закрыты. И вдруг одна створка открылась. Вторую-то уже кони с размаху вынесли сами. Пролетая, увидел Митька кривого Савву.

Выбежали генерал, Палашка и солдат на дорогу, а Митька уже далеко. Только шарахаются из-под колес замешкавшиеся куры да остался у самой дороги раздавленный гусь. Промчались кони через село, перемахнули вброд речку, вынесли на бугор и, поднимая пыль, понеслись полем.

— Утек! — кричала Палашка. — Снова утек.

И опять грянул гром. Блеснула молния. Генерал побледнел, схватил солдата за руку, зашептал:

— Турка, снова турка войной идет... — потом как закричит: — Смирно! Из всех орудий пли!

Солдат растерялся. Схватил ружье, стрельнул. А девка Палашка вдруг умолкла, разинула рот и не знала, куда смотреть: то ли на барина, то ли туда, где на поле, на самом бугре, все еще держалась пыль, и кони — эхма, господские кони! — уносили злодея и ирода Митьку Мышкина.

Прощай, Митька! Счастливого тебе пути и большой удачи!

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРИШАТКИ СОКОЛОВА

Из повести «История крепостного мальчика» вы узнали о безвыходной, трагической судьбе крестьян во времена крепостного права.

Не раз подымались крестьяне на борьбу против дворян и помещиков. Но, плохо вооруженные, плохо обученные, они терпели поражения от правительственных войск.

В 1773 году вспыхнуло новое крестьянское восстание. Его возглавил смелый донской казак Емельян Иванович Пугачев. Это была самая настоящая война трудового народа против своих угнетателей и царицы Екатерины Второй. Больше года сражались отважные пугачевцы. Они одержали много славных побед, взяли много крепостей и городов. Но сил опять не хватило. В конце 1774 года восстание было подавлено. Пугачев схвачен, посажен в железную клетку и привезен в Москву. Здесь Пугачева казнили.

Прошло почти двести лет. Но память о великом народном вожде не забыта.

Вот и эта повесть посвящена Пугачеву. В ней вы подружитесь с маленьким отважным пугачевцем Гришаткой Соколовым, мальчиком, который вместе со взрослыми сражался и погиб за свободу.

Глава первая ФАНТАЗИИ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Гришатку Соколова привезли в Оренбург в начале 1773 года.

Жил Гришатка с отцом, с матерью, с дедом Тимофеем Васильевичем и сестренкой Аннушкой в селе Тоцком. За всю свою жизнь дальше Тоцкого не был. А тут на тебе — в Оренбург собирайся!

Село Тоцкое большое, приметное. Около сотни дворов, четыреста душ жителей. Божий храм на пригорке. Погост. Речка журчит Незнайка. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом барского управителя отставного штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Избы. Овины. Село Тоцкое и люди, живущие в нем, принадлежали оренбургскому губернатору генерал-поручику немцу Ивану Андреевичу Рейнсдорпу. Он здесь хозяин всему, судья и всему повелитель.

Из тоцких крестьян набиралась в губернаторский дом прислуга: камердинеры, повара, лакеи. В Оренбург в услужение к барину был привезен и Гришатка.

Глянул губернатор на мальчика.

— Гут, гут,[11] — произнес. — Иди-ка сюда, — поманил он пальцем Гришатку. — Подставляй свой голова.

Гришатка подставил.

Взял губернатор трубку и чубуком Гришатку по темени стук-пристук. Стал выбивать о голову мальчика пепел. Посыпалась табачная труха, а следом за ней вылетел огонек. Припек он Гришатку.

— Ай! — не сдержался мальчик.

— Фи, какой, — поморщился генерал. — Так и знал — дурной он есть, твой голова. — И для первого знакомства отодрал Гришатку за ухо.

ВАВИЛА И ДРУГИЕ

Поселился Гришатка на первом этаже губернаторского дома в каморке у Вавилы Вязова.

Вавиле лет двадцать. Он истопник и дровокол здешний. Под лежанкой у него топоры и пилы, в каморке мрак, сырость.

Познакомился Гришатка и с другой барской прислугой. С парикмахером Алексахкой. Озорник Алексахка. В первый же день зазвал он Гришатку к себе в парикмахерский кабинет и завил мальчика.

То-то было для всех потехи.

Повстречался Гришатка и с кухонной судомойкой теткой Степанидой.

— Ой, ой, Ванечка мой из гроба явился, — заголосила Степанида. — Родненький, кровинушка ты моя. — И ну обнимать, целовать и ласкать мальчика. — Ванечка! Ванечка!

Гришатка опешил. Потом-то узнал: лет десять тому назад засек до смерти Степанидино сына Ванечку барский управитель Хлыстов. С той поры и впала Степанида в головную болезнь — всех детей за Ванечку принимала.

Затем прибежали дворовые девки — сестры Акулька и Юлька.

— Ох, ох, из Тоцкого! — заверещали они. — Как там папенька наш, как там маменька. Ох, ох, приехал из Тоцкого!

Познакомился Гришатка и с дедом Кобылиным. Как и все, дед тоже из Тоцкого. И его, как Гришатку, привезли однажды в Оренбург. Только было это давным-давно.

Состоял Кобылин при губернаторе в камердинерах и лакеях, а потом, по преклонности лет, был удален от барских покоев и определен в водовозы. Возил он с реки Яика воду в генеральский дом для всякой хозяйственной надобности.

Была у старика и другая обязанность: пороть крепостных. Здорово это у него получалось. Врежет плеткой, словно саблей пройдетя.

— У меня талант к этому, — хвастал Кобылин. — Тут в замахе все дело.

Дед принял Гришатку добром. Завел разговор про Тоцкое.

А что рассказать Гришатке? Село как село. Недород четвертое лето. По весне голодуха. Смертей — что грибов в урожайный год.

Барский правитель Хлыстов больно лютует. Нет на него управы.

— Так, так, — поддакивает старик, а сам: — Знаю Хлыстова. Исправно ведет хозяйство. Мужичку всыпать, так это же не в помех. Откуда, думаешь, недород? Людишки ленятся — отсюда и недород. Помирают, говоришь, мужички. Эх-эх, воля на то господня.

Стал дед наставлять Гришатку уму-разуму.

— Наш-то барин — генерал и губернатор, ты смотри ему не перечь. Скажет: «Дурак», отвечай: «Так точно, ваше сиятельство». Съездит тебя по уху — лови, целуй барскую ручку. Так-то оно спокойнее, — объяснял дед Кобылин.

Рассказал Гришатка деду про встречу свою с генералом.

— Эка беда — голову припек, — ответил старик. — А ты улыбайся, словно это тебе в радость. Мал ты, Гришатка, глуп. В жизни приладиться главное. Слушай меня, в люди, даст бог, пробьешься — в лакеи, а то и выше, в самые камердинеры.

Через несколько дней Гришатку снова крикнули к генералу.

Губернатор лежал на мягком диване, на персидском ковре, раскуривал трубку.

— Нагни свой голова, — приказал генерал.

Гришатка нагнул, думал, что Рейнсдорп снова трубку начнет выбивать о темя. Однако на этот раз барин выдал ему увесистого щелчка.

— О, крепкий есть твой голова, — произнес губернатор.

Вечером у Гришатки произошел разговор с Вавилой. Поговорили о господах. Рассказал Гришатка дровоколу про трубку и про щелчок.

— Немец, как есть немец, — заявил Вавила. — У него что ни день, то новые в голове фантазии.

«КУ-КА-РЕ-КУ!»

Прав оказался Вавила.

Немало бед принял Гришатка из-за этих самых барских фантазий.

Началось с того, что Рейнсдорп решил просыпаться чуть свет, вставать с петухами. А так как петуха в губернаторском доме нет, то генерал приказал быть за голосистую птицу Гришатке.

Явился мальчик чуть свет к дверям губернаторской спальни.

— Ку-ка-ре-ку! — завопил.

Спит губернатор.

— Ку-ка-ре-ку! — заголосил еще громче Гришатка.

Не помогает.

Кукарекал, кукарекал Гришатка, голос себе сорвал.

Хоть плачь — не просыпается барин.

Позвал Гришатка на помощь Вавилу. Вместе они кукарекают. Хоть из пушек пали, спит, не просыпается генерал-губернатор. Часов в одиннадцать наконец проснулся.

— О майн гот! — закричал генерал. Схватил он Гришатку за ухо. — Не разбудил. Не разбудил. Ты есть приказа не выполнил.

— Я же будил, — начинает Гришатка. — Вот и Вавила. Сон у вас очень крепкий, ваше сиятельство.

— О, русише швайн,[12] — вскипел генерал. — Их бин золдат.[13] Их бин золдат. Я человек военный. Мышь хвостом шевельнет — я уже есть на ногах. Муха летит — я уже слышу.

Смешно от такого вранья Гришатке.

— Да вас хоть из пушек буди, ваше сиятельство.

— Что!! — заревел генерал. — Кобильин, Кобильин! Всыпать ему плетей.

Тащат Гришатку на кухню. Всыпает Кобылин ему плетей.

ГАННИБАЛ

Вздумалось Рейнсдорпу иметь при себе арапчонка. Вспомнил генерал про царя Петра Первого, что у того арапчонок был — себе захотелось. А откуда в Оренбурге и вдруг африканец, и губернатор опять за Гришатку. Вымазали мальчика сажеей, Алексашка снова завил ему кудри, дали в руки опахало — веер на длинной палке. Ходит Гришатка следом за Рейнсдорпом, опахалом помахивает.

Стал генерал величать Ганнибалом Гришатку, так же как и Петр Первый своего арапчонка звал.

Потешается дворня:

— Ганнибал, как есть Ганнибал!

И вот как-то в губернаторском доме был званый прием. Стали съезжаться гости.

Поставил генерал Гришатку с опахалом в руках недалеко от парадного входа. Пусть, думает, когда входят гости, смотрят они на этакое чудо, смотрят и ему, Рейнсдорпу, завидуют.

Приходят гости, смотрят, завидуют.

— Это есть Ганнибал, — объясняет губернатор каждому. — Из Африки он есть привезенный. Большая сумма гельд на него трачен.

Все шло хорошо.

Но вот какая-то дама, увидев необычного мальчика, всплеснула руками:

— Ай, какой чудный! Ай, какой милый! Ай, какой черный! Как тебя звать?

Растерялся Гришатка.

— Гришатка я, Соколов, — брякнул.

Подивилась дама, протянула к Гришатке руку, взяла пальцем за подбородок.

На пальце осталась сажа.

Ойкнула от неожиданности дама, а затем рассмеялась. Подняла она палец высоко вверх, хохочет и всем показывает.

Сконфузился генерал Рейнсдорп, покраснел, однако тут же нашелся:

— Дорогой господа, я вас сделал веселый шутка. Шутка. Веселый шутка. Ха-ха!

— Ха-ха! — дружно ответили гости.

Кончился званый прием. Разъехались гости. Кликнул барин Гришатку.

— Зачем ты есть паршивый свой рожа ей подставлял? А?! Как ты посмел Гришайтка сказать. А? Кобыльин! Кобыльин!

И снова Гришатку тащат на кухню. Снова Кобылин всыпает ему плетей.

ВЕЛИКИЙ ГИПНОТИЗЕР

Побывал как-то Рейнсдорп в Петербурге. Повидал там гипнотизера. Насмотрелся, как тот людей усыпляет, как в человеческое тело иглы стальные вкалывает.

Вернулся генерал в Оренбург, вызвал Гришатку.

— Я есть великий гипнотизер, — заявил.

Усадил он Гришатку на стул.

— Спи, спи, спи, — шепчет.

Не хочется вовсе Гришатке спать. Да что делать! Прикидывается, что засыпает.

Доволен губернатор — дело идет. Вот он какой ловкий гипнотизер.

Взялся за иглы. Кольнет. Не выдержит, вскрикнет Гришатка.

— Не ври, не ври. Не болит, — покрикивает генерал. И снова иглами тычет.

Намучился, настрадался Гришатка. Возвратился к себе в каморку. Тело от укулов мозжит. Голова кружится.

Шел Гришатка и вдруг увидел деда Кобылина. Заблестели озорством глаза у мальчишки. Побежал он назад к генералу.

— Ваше сиятельство, а старика Кобылина вы сможете усыпить?

— Что? Кобылина? Могу и Кобылина.

Позвали к генералу Кобылина. Усадил он деда на стул.

— Спи, спи, — шепчет.

Исполняет старик барскую волю, делает вид, что засыпает.

— Гут, гут, — произносит Рейнсдорп. Потирает от удовольствия руки. Взялся за иглы.

Увидел старик иглы — взор помутился.

Нацелился генерал, воткнул в дедово тело одну иглу, приготовил вторую.

— А-ай! — заорал старик. — Батюшка, Иван Андреевич, не губите.

— Ты что, ты что, — затопал ногой генерал. — Не болит, не болит. Я есть великий гипнотизер.

— Болит, ваше сиятельство! — кричит Кобылин. Рухнул на пол, ловит барскую руку, целует.

Сплюнул генерал от досады, отпустил старика Кобылина.

— Ох, — вздыхал Кобылин, возвращаясь от генерала. — И кто это надоумил барина, кто подсказал? Шкуру спущу со злодея.

Гришатка стоял в стороне и усмехался.

ТОЦКОЕ

Весна. Солнце выше над горизонтом. Короче ночи, длиннее дни.

Село Тоцкое. Ранний рассвет. Слабый дымок над избами. Пустынные улицы. С лаем промчался Шарик — дворовый пес купца Недосекина. Вышел на крыльцо своего дома штык-юнкер Хлыстов. Зевнул. Потянулся.

Все как всегда.

И вдруг.

Видит Хлыстов, бегут к нему мужики. Один, второй, третий. Человек двадцать. Подбежали, шапки долой, бросились в ноги.

— Батюшка, пожалей. Не губи, батюшка!

Оказывается, Хлыстов приказал собрать с крестьян недоимки. Задолжали крестьяне барину. Кто рубль, кто два, кто зерном, кто мясом. Недород, обнищали крестьяне. В долгах по самую шею.

— Подожди, батюшка, — упрашивают мужики. — Подожди хоть немного — до нового урожая.

— Вон! — закричал Хлыстов. — Чтобы немедля! Сегодня же! За недоимки избы начну палить.

И спалил дом Серафима Холодного.

С этого и началось. Взыграла обида в мужицких душах. Ударила злоба в кровь.

— Бей супостата!

— На вилы, на вилы его! — кричал Серафим Холодный.

— В Незнайку, в Незнайку, вниз головой, — вторила Наталья Прыткова, нареченная генеральского парикмахера Алексашки.

— Рушь его собственный дом! — кричали другие крестьяне.

Хлыстов едва ноги унес. На коня — и в Оренбург к барину и губернатору.

Для наведения порядка была отправлена Рейнсдорпом в Тоцкое команда солдат во главе с офицером Гагариным. Прибыли солдаты в село.

Сгрудились мужики и бабы. У кого вилы, у кого косы, у кого дубины в руках.

Вышел вперед Серафим Холодный.

— Детушки, — обратился к солдатам. — Вы ли не наших кровей. Вам ли...

— Молчать! — закричал офицер Гагарин. — Пали в них! — подал команду.

Стрельнули солдаты. Бросился народ кто куда, в разные стороны.

На земле остались убитые. В том числе сразу и мать и отец Акульки и Юльки, девица Наталья Прыткова, Серафим Холодный и Матвей Соколов — родитель, отец Гришатки.

Два дня на селе пороли крестьян. Затем команда уехала.

Похоронили крестьяне убитых. Притихли.

МЕДОВЫЙ ПРЯНИК

В губернаторском доме ждали возвращения команды офицера Гагарина.

Переполошилась прислуга. Соберутся группками, шепчутся.

— Погибло Тоцкое, побьют мужиков солдаты, — произносит Вавила Вязов.

— Наташа, ягодка, убереги тебя господи, — поминает невесту свою Алексашка.

— Офицер Гагарин — служака: и виновному и безвинному всыплют солдаты, — переговариваются между собой камердинеры и лакеи.

— Ох, ох, — вздыхают Акулька и Юлька, — всыплют солдаты.

И только один старик Кобылин словно бы рад нависшей беде.

— Пусть, пусть надерут им солдаты спины. Пусть знают, как лезть на господ.

Ждут возвращения Гагарина.

Ждут день. Два. Три.

И вот Гагарин вернулся. Разнеслась по дому страшная весть. Взвыли Акулька и Юлька. В слезах весельчак Алексашка.

Гришатка навзрыд.

— Тятка, — кричит, — родненький! Тятка, миленький. Как же теперь без тебя. Как же мамка и Аннушка. Как же дедушка наш Тимофей Васильевич. Тятка, тятенька!

Понял Рейнсдорп, что команда офицера Гагарина наделала в Тоцком лишнего. Решил задобрить свою прислугу.

Акульке и Юльке выдали на кофты яркого ситчику, Алексашке рубль серебром. Гришатке медовый пряник.

— Благодетель. Заступник. В ножки нашему барину, в ножки ему, — поучает дворовых старик Кобылин.

Только никто, конечно, к барину не пошел. Смотрит Гришатка на пряник.

— Тятка, — плачет, — тятенька!

— Наташа, ягодка, — голосит Алексашка.

— Папенька, папенька наш, маменька, маменька! — бьются в слезах Акулька и Юлька.

Э-эх, жизнь подневольная, жизнь горемычная! Скажите: будет ли время доброе? Наступит ли час расплаты?

Глава вторая СОКОЛ И СОКОЛЕНОК ЦАРСКИЕ ЗНАКИ

Царь, царь объявился. Народный заступник. Государь император Петр Третий Федорович.

Слухи эти осенью 1773 года ветром пошли гулять по Оренбургу. Говорили, что император чудом спасся от смерти, более десяти лет скитался в заморских странах, а вот теперь снова вернулся в Россию. Здесь он где-то в Оренбургских степях, на реке Яике. А главное в том, что император горой за всех обездоленных и угнетенных. Что мужикам несет он землю и волю, а барам петлю на шею.

— Быть великим делам, — шептались на улицах и перекрестках оренбургские жители.

Рад Вавила. Рад озорник Алексашка. Рады Акулька и Юлька.

— За Ваню, за Ванечку отомсти, — шепчет Степанида.

Однако нет-нет — долетают до Гришаткиных ушей и такие речи:

— Не царь он, не царь, а простой казак. Пугачев его имя. Пугачев Емельян Иванович. Родом он с Дона, из Зимовейской станицы.

Вот и дед Кобылин:

— Смутьян он, смутьян, а никакой не царь. Царя Петра Третьего Федоровича уже двенадцать лет как нет в живых. Разбойник он. Вор. Самозванец. На дыбу его, на дыбу!

Смутился Гришатка: а может, и вправду он вовсе не царь.

Однако тут одно за другим сразу.

То Вавила Вязов сказал, что в городе появилась писаная от царя-батюшки бумага.

— Манифест называется, — объяснял Вавила. — А в том манифесте: жалую вам волю-свободу, а также всю государственную и господскую землю с лесами, реками, рыбой, угодьями, травами. Во как! А снизу собственноручная подпись — государь император Петр Третий Федорович. Выходит, он и есть царь настоящий, раз манифесты пишет, — заключил Вавила.

А на следующий день Гришатка бегал на торжище и подслушал такие слова.

— Доподлинный он государь, — говорил какой-то хилый мужичонка в лаптях. — Как есть доподлинный. У него на теле царские знаки.

— Доподлинный он государь, — докладывал вечером Гришатка Акульке и Юльке. — У него на теле царские знаки.

— Ох, ох, — вздыхали Акулька и Юлька, — царские знаки.

ВСКОЛЫХНУЛСЯ ЯИК

Запыхали огнем Оренбургские степи. Всколыхнулся Яик. Из дальних и ближних мест потянулся на клич царя-избавителя несметными толпами измученный и измордованный барами люд.

Пала крепость Татищево, пала Нижне-Озерная. Без боя сдалась Чернореченская. Хлебом-солью встретили царя-батюшку Сакмарский казачий городок и татарская Каргала.

Огромная армия Пугачева подошла к Оренбургу. Обложили восставшие крепость со всех сторон. Нет ни выхода из нее, ни входа.

Забилось тревожно Гришаткино сердце. Свернется он вечером в комок на своей лежанке, размечтается.

Эх, скорее бы уж царь-батюшка взял Оренбург. Освободил бы его, Гришатку. Вернулся бы мальчик домой в свое Тоцкое.

Берегись, управитель Хлыстов! Не пожалеет его Гришатка. Сполна за всех и за все отомстит: и за отца, и за Ванечку, и за Акульку и Юльку, за Серафима Холодного, за Наталью Прыткову. За всех, за всех. Никого, ничего не забудет.

Смыкаются глаза у Гришатки.

— Господи, помоги ты ему, нашему царю-батюшке, — шепчет Гришатка и засыпает.

Заснет, и видится мальчику сон. Будто повстречал он самого государя императора Петра Третьего Федоровича.

Царь верхом на коне. В дорогом убранстве. Красная лента через плечо.

«Ах, это ты Гришатка Соколов, — произносит царь. — Тот самый, о голову которого генерал Рейнсдорп выбивает трубку. Наказать генерала. А Гришатку взять в наше вольное казацкое воинство. Выдать ему коня, пистолет и пику».

И отличается Гришатка в сражениях. Слава о нем идет по всему Оренбургскому краю, птицей летит через реки и степи.

Взыгрались во сне мысли у мальчика. Приподнялся он на лежанке, будто всадник в седле.

— Ура! Царю-батюшке слава! Вперед!

Проходил в это время мимо Вавилиной каморки дед Кобылин. Услышал он странные крики. Открыл дверцу. Увидел Гришатку. Понял, в чем дело. Подошел Кобылин к Гришатке, ремнем по мягкому месту — хватить!

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Оренбург — грозная крепость. Это тебе не Татищево, не Нижне-Озерная. С ходу ее не возьмешь. Семьдесят пушек. Крепостной вал с частоколом. Ров. Бастионы. Солдаты.

— Ах, негодяй! Ах, разбойник! — посылал Рейнсдорп проклятия. — Ну я тебе покажу.

И вот как-то тащил Гришатка в кабинет к губернатору трубку. Открыл дверь и замер. Генерал важно ходит по комнате. У дверей — стража. В центре — человек огромного роста. Голова у человека взлохмачена, борода спутана. На теле лохмотья. На лбу и щеках «вор» выжжено. Нос выдран, одна переносица. На ногах тяжелые железные цепи.

«Колодник», — понял Гришатка.

— Так вот, братец, — говорил генерал, обращаясь к страшному человеку, — я тебе решил подарить свобода.

Колодник растерялся. Стоит как столб. Не шутит ли губернатор.

— Да, да, свобода, — повторил генерал. — Ты хочешь свобода?

— Батюшка... Отец... Ваше высокородие... — Слезы брызнули из глаз великана. Гремя кандалами, он повалился в ноги Рейнсдорпу.

— Хорошо, хорошо, — произнес генерал. — Подымись, братец. Слушай. Пойдешь в лагерь к разбойнику Пугачеву. Как свой человек. Будто бежал из крепости. А потом, — губернатор сделал паузу, — ножичком ему по шее — чик, и готово.

— Да я его, ваше превосходительство, — загудел молодчик, — в один момент. — Он взмахнул своими богатырскими руками. — Глазом не моргну, ваше сиятельство.

— Ну и хорошо, ну и хорошо, — зачастил губернатор. — Ты мне голову Вильгельмьяна Пугачева, а я те свободу. — Потом подумал. — И денег сто рублей серебром в придачу. Ты есть понял меня?

Колодник бросился целовать генеральскую руку:

— Ваше высокопревосходительство, понял, понял. Будьте покойны. Да он у меня и не пикнет. Ваше высоко...

— Ладно. Ступай, — перебил губернатор.

Когда стража и колодник ушли, Рейнсдорп самодовольно крякнул и поманил к себе Гришатку.

— Мой голова, — ткнул он пальцем себе в лоб, — всем головам есть голова. Такой хитрость никто не придумает, — и рассмеялся.

«ПОСМАТРИВАЙ! ПОСЛУШИВАЙ!»

— Посматривай! Послушивай!

— Посматривай! Послушивай!

Ходят часовые по земляному валу, перекликаются. Оберегают Оренбургскую крепость.

Раскатистый смех Рейнсдорпа еще долго стоял в ушах у Гришатки.

— Убьет, убьет колодник царя-заступника. Господи милосердный, — взмолился мальчик к господу богу, — помоги. Удержи злодейскую руку. Пошли ангелочка, шепни о беде в государево ушко. Помоги, господи.

Молился Гришатка господу богу, а сам думает: «Ой, не поможет, не поможет господь!» Вспомнил Гришатка тот день, когда увозили его из Тоцкого. Тоже молился. Не помогло. Да и здесь, в Оренбурге, молился. И снова напрасно. Вернулся Гришатка к себе в каморку мрачнее тучи.

Уже вечер. Ночь наступила. Не может Гришатка уснуть. Заговорить бы с Вавилой. Да вот уже третий день, как Вавилу ночами угоняют вместе с солдатами чинить деревянные бастионы. Некому Гришатке подать совет.

И вдруг, как вспых среди ночи: бежать, немедля бежать из крепости! Опередить колодника. Явиться к царю первым, рассказать обо всем. Мальчишка даже подпрыгнул на лавке.

Вскочил Гришатка, стал надевать армяк. От возбуждения и спешки трясется. Никак не может просунуть локоть в рукав.

Наконец оделся, вышел на улицу. А там: взвыл, заиграл над городом ветер. Ударил мороз. Загуляли снежные вихри. Начиналась зима.

Гришатка поежился, а сам подумал: «Ну и хорошо. Это к лучшему. Оно незаметнее». Решил он пробраться на вал — и через частокол, через ров на ту сторону.

Пробрался. Прижался к дубовым бревнам. Прислушался. Тихо.

Полез он по бревнам вверх. Добрался до края. Перекинул ноги и тело. Повис на руках. Поглубже вздохнул, зажмурил глаза. Оттолкнулся от бревен. Покатился Гришатка с вала вниз, в крепостной ров. То головой, то ногами ударится. То головой, то ногами.

Наконец остановился. Поднялся. Цел, невредим. Только шишку набил на затылке.

Глянул Гришатка на крепость. Нет ли погони. Все спокойно. Лишь:

— Посматривай! Послушивай!

— Посматривай! Послу-у-ушивай! — несется сквозь ветер и снег.

ГОРЫНЬ-ПЕЛЕНА

Взыграла, разгулялась вьюга — метель по всему Оренбургскому краю. Темень кругом. Ветер по-разбойному свищет. Жалит лицо и руки колючими снежными иголками.

Третий час бредет Гришатка по степи. Как слепой телок тычется в разные стороны. Думал: только бежать бы из крепости, а там враз государевы люди сыщутся. А тут никого. Лишь ветер да снег. Лишь вой и гоготание бури.

Продрог, как снегирь, на ветру мальчишка.

— Ау, ау! — голосит Гришатка.

Крикнет, притихнет, слушает.

— Ау, ау! Люди добрые, где вы!

Жутко Гришатке. Сердце стучится. Озноб по телу. И чудятся мальчику разные страхи.

То не буря гуляет по полю, а ведьмы и разные чудища пустились в сказочный перепляс. То не ветер треплет полы кафтана, а вурдалаки хватают Гришатку за руки и ноги. Присвистнула, пронеслась в ступе баба-яга. Помелом провела по лицу Гришатки.

— Господи праведный, помоги. Не оставь, — шепчет мальчишка. — Геть, геть, нечистая сила!

Где-то взвыла волчица. Оборвалось Гришаткино сердце. Покатилось мячиком вниз. Повалился мальчонка на землю. Щеки в ладошки. Носом в сугроб. Не шелохнется.

Навевает метель на Гришатку горынь-пелену, словно саваном укрывает.

Встрепенулся мальчишка. Голову вскинул, ногами в землю, тело пружиной вверх.

И снова идет Гришатка. Снова ветер и снег.

— А-ау! А-ау! — срывается детский голос. Покидают силы Гришатку.

И вдруг — присмотрелся мальчонка: у самого носа снежный бугор — неубранный стог залежалого сена.

— У-ух! — вырвался вздох у Гришатки.

Вырыл мальчишка в стоге нору. Залез. Надышал. Согрелся. Заснул, засопел Гришатка.

ПОПАЛСЯ

Проснулся Гришатка от шума человеческих голосов. Кто-то тронул мальчика за руку.

Открыл Гришатка глаза. Стог разворочен, рядом солдаты.

— Малец, гляньте — малец!

— Ну и дела!

— Откуда ты? — загомонили солдаты.

Подошел офицер.

— Мы его вилами, ваше благородие, чуть не пришибли, — доложили солдаты.

Был ранний рассвет. Буря утихла. Глянул Гришатка: солдаты с вилами, рядом телеги. Одна, вторая, до сотни телег. Слева и справа по полю стога. За стогами — ба, совсем рядом ров и вал Оренбурга!

Заплутал Гришатка в темноте и по вьюге, закружился в степи, думал, что ушел далеко, а выходит, заночевал у самого города.

Ночью же за сеном явились солдаты.

Вот и попался Гришатка.

Привезли мальчика назад в Оренбург, доложили Рейнсдорпу.

— Бежал, — набросился губернатор.

Чует Гришатка беду. Стал что есть сил и ума изворачиваться.

— В ров я сорвался.

— Сорвался?

— На вал я, на бревна полез, — зачастил Гришатка. — Уж больно схотелось на степь посмотреть... А ветер как дунет. Легкий я, ваше сиятельство. Не удержался... Вот и шишку набил, — повернул мальчик к генералу затылок.

Смотрит генерал — верно, шишка.

— Дурной, как есть дурной твой голова, — произнес губернатор, однако не так уж строго.

Распорядился он всыпать Гришатке плетей и бросить в подвал на пятеро суток. Этим дело и кончилось.

Врезал дед Кобылин по тощей Гришаткиной спине, приговаривал:

— К разбойнику надумал бежать. К нему, к злодею. Меня не обманешь. Вот, вот тебе за государя, вот тебе за императора.

ПОКЛОН ОТ САВЕЛИЯ ЛАПТЕВА

Сидит Гришатка в подвале. День. Второй. Третий.

— Не убежал, не убежал, — сокрушается мальчик. — Эх, как там царь-батюшка. — И думы одна страшнее другой пугают Гришатку: — Убил, убил, зарезал его колодник.

На четвертый день втащили в подвал к Гришатке побитого солдата.

— Пить, пить, — стонал мученик.

Гришатка сунулся к стоящей тут же бадейке, дал напиться солдату.

Глотнул тот воды, постонал и забылся. Часа через три солдат пришел в себя, глянул на мальчика.

— Кто такой?

— Гришатка.

— За что же тебя, дитяtko?

Не знает Гришатка, как и сказать. Посмотрел на солдата — ни стар, ни молод. Брови густые. Вдоль правой щеки пальца в четыре шрам. Глаза, кажись, добрые, а там кто его знает. Осторожен Гришатка.

На всякий случай решил соврать:

— Убег я из крепости. На хутора. К мамке. Словили.

— А-а, — протянул солдат.

Около часу они молчали.

— Значит, убег, — переспросил солдат. — К мамке?

— Эге, к ней к самой.

Опять помолчали.

— К мамке, значит, убег, — начинает снова солдат.

«Чего это он? — обиделся Гришатка. — Пристал, как репей к собаке».

А солдат придвинулся к мальчику и продолжает:

— Вот что: будешь снова бежать, так ступай к Сакмарским воротам. Встретишь стражника — рыжий такой и с бороды, и с усов. Как огонь — рыжий. Рындиным зовется. Шепнешь ему единое слово: «ворон». Он из ворот тя и выпустит. Вот так-то. — Солдат перешел на шепот: — А как повстречаешь батюшку государя императора Петра Третьего Федоровича, то пади ему в ножки и скажи: «Поклон те, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева». Понял — от Савелия Лаптева. А-а, — застонал солдат.

Не ожидал Гришатка таких речей. Опешил. Подумал.

— Дяденька, — наконец обратился к солдату, — я не к мамке бежал. Я...

Однако солдат отвернулся к стене и больше не молвил ни слова.

САКМАРСКИЕ ВОРОТА

Зима. Забелело кругом. Иней на ветках. Сугробы. Дед Кобылин переставил свою водовозную бочку с колес на сани.

Вышел Гришатка из заключения — первым делом помчался к валу. По-прежнему ходят дозорные. Пушки в сторону степи дулами смотрят. Город в тревоге. Никаких перемен.

«Жив, жив царь-батюшка, — соображает Гришатка. — Убегу, сегодня же убегу. Дождусь темноты — к Сакмарским воротам. Увижу рыжего с бородой. Шепну ему слово «ворон» — и поминай как звали».

Не собьется теперь Гришатка с пути. Небо чистое. Ночи звездные. Разъезды царя-батюшки гарцуют у самого города.

Стало смеркаться. Собрался Гришатка, помчался к Сакмарским воротам. Подходил медленно, не торопясь, вытягивал шею — здесь ли стражник, что Рындиным зовется.

Нет Рындина. Все стражники у ворот то ли черные, то ли вовсе безусые и безбородые.
— Эх! — вздыхает Гришатка. — Видать, соврал Лаптев про рыжего человека... А может, смена не та?

Переждал, перемучился мальчик еще один день. Снова явился. На сей раз подошел поближе. Глазеет. Тут он, тут он, с бородой, рыжий. Рванул мальчишка вперед, как вдруг чья-то рука за шею Гришатку хватить.

Вскрикнул, рванул Гришатка. Однако рука, что петля, еще туже зажала шею.

Повернул человек Гришатку к себе лицом. Глянул Гришатка — Кобылин.

— Ты зачем здесь, паршивец. Ась?

И снова Гришатку били.

— Душу по ветру пуцуй! — кричал дед Кобылин. — Кишки размотаю! — И бил Гришатку с такой силой, словно и впрямь убийство задумал.

«ЧЕСТЬ ИМЕЮ»

Старик Кобылин ездил за водой на Яик либо перед рассветом, либо когда упадет темнота. Это чтобы «разбойники» не приметили.

Отлежался Гришатка день, второй после побоев, опять за свое. Э-эх, птахой небесной взмыть бы из крепости!

Ночь. Лежит, думает думы свои Гришатка. И вдруг рукой с размаху по темени хлоп.
«Бочка деда Кобылина, бочка!»

Поднялся Гришатка, армяк на плечи, к Вавиле под лавку. Где тут топор? Вышел Гришатка во двор и сторонкой-сторонкой к дедовой бочке. Пощупал днище, крепкое

днище. Пристроился мальчик, давай выламывать нижние доски. Трудился, трудился, отбил. Просунул голову, плечи — в размер, все пролезает.

Приладил Гришатка доски на старое место, вернулся домой.

«Ой, не уснуть бы! — думает мальчик. Лежит, не спит, дожидается раннего часа. — Ну, — решает, — пора».

Явился он к бочке. Приподнял доски. Залез. Притих.

Неудобно в бочке Гришатке. Холодно. На досках намерзла вода.

Прошел час, а может быть, более. Терпит Гришатка. А мысли пчелиным жалом: вдруг как не поедет сегодня старик за водой.

Но — чу! — хлопнули двери. Раздались шаги. «Он, он», — забилося Гришаткино сердце.

Вывел дед Кобылин коня, стал запрягать.

— Но, но, ленивый! — покрикивает.

Запряг, взгромоздился на сани. Тронулись.

Лежит Гришатка тихо-тихо. Не шелохнется. Дышит не в полный придых. Подбрасывает санки на снежных выбоинах. Скрипнет льдом и деревом бочка. Качнет Гришатку — мальчик руки в распор. Эх, не наделать бы шуму!

Прошло минут десять.

— Наше почтение! — слышит Гришатка человеческий голос. Понял — городские ворота.

Загремели засовы. Ржаво пискнули петли. Бросило сани на последней колдобине. Впереди простор Оренбургской степи.

Переждал Гришатка немного, стал оттягивать доски. Глянул в просвет. Темень, тихо кругом. Лишь скрип-скрип из-под полозьев. Лишь чвак-чвак из-под конских копыт.

Ну, с богом! Изловчился Гришатка, из бочки наружу — прыг!

Прощай, Оренбургская крепость! Честь имею, генерал-поручик Рейнсдорп!

«ПУТЬ-ДОРОГА КУДА ЛЕЖИТ?»

Прошел Гришатка версту, вторую. Забресжил рассвет. Легко на душе у Гришатки. Остановится, кинет взглядом в сторону крепости и снова вперед. Идет он размашистым шагом. Версты ему нипочем.

Впереди замаячил казачий разъезд. Рванули кони навстречу путнику. Момент — и рядом с Гришаткой. Обступили удалые наездники мальчика.

— Кто будешь?

— Откуда?

- Путь-дорога куда лежит?
- К его царскому величеству государю императору Петру Третьему Федоровичу.
- Ух ты!
- К нам, значит.
- Пополнение жалует!
- А зачем тебе к государю императору?

Запнулся Гришатка, думает: сказать или нет про колодника. Ответил уклончиво:

- По секретному делу.
- Ого!
- Скажи-ка на милость!
- Он на тятку, на тятку в обиде. Тятка его отодрал. С жалобой шествует к батюшке.
- Брось зубы скалить, — оборвал балагуров высоченный детина с огромной серьгой в оттопыренном ухе. — Ступай сюда! — крикнул Гришатке. — Сказывай.

Подошел Гришатка, подтянулся к уху с серьгой и зашептал про злой умысел оренбургского губернатора.

- Гей, казаки! — закричал высоченный. — Назад, в Берды, к государю!

Подхватил он Гришатку, усадил на коня к себе за спину. Вздрыбились кони, в разворот и ветром по чистому полю. Вцепился Гришатка в казацкий чекмень. Держится. Со страха глаза прикрылись. Дух перехватывает. Сползла на затылок Гришаткина шапка. Лицо что каленым железом прожгло. Ух ты, казацкая удаль!

Конники вступили в Берды. В Бердской слободе ставка Емельяна Ивановича Пугачева. Здесь же «царский дворец» — огромный дом, пятистенок. Резное крыльцо, ступени. На крыльце стража — государева гвардия. Молодцы на подбор, один к одному — богатыри русские.

Поравнялись с крыльцом казаки. Высоченный спрыгнул с коня. Подхватил, поставил на землю Гришатку. Потом подошел к страже, доложил что-то. И вот уже Гришатку ведут во «дворец». Переступили порог — сенцы. Впереди дубовая дверь.

Замер Гришатка.

- Ступай, — толкнув дверь, скомандовал стражник.

ОСТАНОВИЛАСЬ В ЖИЛАХ ГРИШАТКИНЫХ КРОВЬ

Входя в комнату, Гришатка зажмурил глаза. Он, царь-государь, поди, в бархате, в золоте. Не ослепнуть бы — оберегался Гришатка. Вошел мальчик в горницу и сразу бух на колени. Прижался лбом к половицам.

Лежит, не шевелится Гришатка, ждет царского слова.

— Ух ты, старый приятель! — кто-то пробасил над Гришаткой. Голос противный, Гришатке знакомый.

Вскинул мальчик глаза — господи праведный: тот самый колодник без носа перед Гришаткой.

Только не как тогда у Рейнсдорпа, не в цепях, не в лохмотьях, не со спутанной бородой. Волосы у каторжника гладко причесаны, на плечах новый зипун, искалеченный нос под тряпицей.

Растерялся Гришатка: ни взад, ни вперед, ни в крик, ни в призыв. Остановилась в жилах Гришаткиных кровь. Сердце остановилось.

«Опоздал, опоздал, вот на столечко опоздал. Совершил свое черное дело разбойник».

Но вот скрипнула дверь из соседней комнаты. Вошел человек. Смотрит Гришатка. Красный кафтан. Генеральская лента через плечо. Пистолеты за поясом. Волосы на голове подстрижены по-казачьи — горшком. Черная борода. Глаза чуть вприщур, ясные, но с хитринкой.

«Он, он, царь император», — кольнуло Гришатку.

Бросился он к вошедшему человеку.

— Государь, — завопил, — берегись, государь!

Прижался мальчик к Пугачеву, словно собой заслонить собрался.

— Стреляй, государь, стреляй! — тычет Гришатка рукой на колодника. — Он из Оренбурга. Рейнсдорпом он послан.

Однако Пугачев не торопится.

— Откуда ты, дитятко?

— Стреляй, государь!

— Зачем же стрелять, — улыбается Пугачев. — Соколов это. Хлопуша по прозвищу. Повинился во всем Хлопуша. Не поднял руку на государя. Милость мою заслужил.

— Жизни не пожалею, — гаркнул колодник.

Опешил Гришатка, моргает глазами.

— Вот так-то, — произнес Пугачев. — А ты-то откуда такой?

— Из Оренбурга он, государь, — ответил вместо Гришатки Хлопуша.

— Да ну?! Ты что же, бежал?

— Бежал, — признался Гришатка.

Покосился он еще раз на Хлопушу и рассказал Пугачеву, как было.

— В бочке? Ну и дела! Хоть мал, а хитрец, вижу. А чего это у тебя волосы на голове прожжены?

Поведал Гришатка, как Рейнсдорп выбивал о его голову трубку.

— Ах, злодей! — воскликнул Пугачев. — Ну я до него доберусь. А как звать тебя, молодец?

— Соколов я, Гришатка.

— Соколов? — переспросил Пугачев. Повернулся к Хлопуше: — И ты Соколов.

— Так точно, ваше величество, — гаркнул колодник. — Соколов Афанасий.

— Ну и дела, — усмехнулся Пугачев. — Выходит, и Сокол ко мне прилетел, выходит, и Соколенок.

Глава третья ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ НА НОВОМ МЕСТЕ

Прошло три дня. Обжился Гришатка на новом месте. Оставили его тут же, при «царском дворце». Только не наверху, а внизу, в пристройке, на кухне у государевой поварихи Ненилы.

— Заходи, располагайся, — сказала Ненила. — Чай, и место и миска тебе найдутся.

Постригли Гришатке голову вокруг — по-казацки. Хлопуша притащил полушубок.

Ненила где-то достала новые валенки. Хоть и велики валенки, хоть и плохо держатся на ногах, зато точь-в-точь такие же, как у самого царя-батюшки, — белые, кожа на задниках.

Стал Гришатка гонять по слободе. Слобода большая. И с каждым днем все больше и больше. Валит сюда народ со всех сторон. Наскоро ставят новые избы, роют землянки. Людей словно на торжище. Казаки, солдаты, татары, башкиры.

Одних мужиков — хоть море пруди.

Бежит Гришатка по бердским улицам.

— Привет казаку! — кричат пугачевцы.

— Ну как генерал Рейнсдорп?

— Скоро ли крепость сдастся?

Вернется Гришатка домой. Накормит его Ненила. Погрееется мальчик и снова к казакам и солдатам.

Знают в слободе про Гришатку все: и как он был за голосистую птицу, и как в Ганнибалах ходил, и как выбивал губернатор о Гришаткино темя трубку.

Знают про Тоцкое, про лютое дело офицера Гагарина. И про Вавилу знают, и про парикмахера Алексашку, про Акульку и Юльку, про деда Кобылина.

Известнейшим человеком на всю слободу оказался Гришатка.

«Дитятко», — называет его Ненила.

— Ух ты, прибег. Царя заслонил. Жизнь свою ни в копейку, — восторгается Гришаткой Хлопуша.

— Казак, хороший будет казак, — хвалят мальчика пугачевцы.

СИНЬ-ДАЛЬ

Утро. Мороз. Градусов двадцать, но тихо, безветренно.

Поп Иван, священник пугачевского войска, приводит вновь прибывших в Берды к присяге.

Крыльцо «царского дворца». Ковер. В кресле сидит Пугачев. Рядом, ступенькой ниже, в поповской рясе поверх тулупа, свечкой застыл священник Иван. Лицо ястребиное, строгое. Перед крыльцом полукругом человек триста новеньких. Среди них и Гришатка. Все без шапок. Кто в армяке, кто в кацавейке, кто в лаптях и онучах, лишь немногие в валенках.

— Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь всемогущим богом... — начинает густым басом священник Иван.

— Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь... — в одну глотку повторяют стоящие.

— Я, казак войска государева... — шепчет Гришатка.

— Клянусь великому государю императору Петру Третьему Федоровичу служить не щадя живота своего до последней капли крови, — продолжает поп Иван.

— Клянусь великому государю... — разносится в морозном воздухе.

— Служить до последней капли крови, — повторяет Гришатка.

Проходит четверть часа. Присяга окончена.

Пугачев подымается со своего места, кланяется в пояс народу.

— Детушки! — Голос у Пугачева зычный, призывный, Гришатку аж дрожь по телу берет. — Молодые и старые. Вольные и подневольные. Русские, а также разных иных племен. Всем вам кланяюсь челом своим государевым. Царская вам милость моя, думы мои вам и сердце.

— Долгие лета тебе, государь, — несется в ответ.

— Детушки, — продолжает Емельян Иванович. — Не мне клянесь, себе клянесь. — Голос его срывается. — Делу великому, правде великой, той, что выше всех правд на земле. В синь-даль вас зову, в жизнь-свободу. Иного пути у нас нетути. Не отступитесь же, детушки, не дрогните в сечах, не предайте же клятву сею великую.

И из сотен глоток, как жар из печи:

— Клянемся!

— Клянемся!

— Клянусь! — шепчет Гришатка.

«УФ!»

— Гришатка, Гришатка, — позвала Ненила. — Собирайся, с государем в баню пойдешь.

Собрался Гришатка. Ух ты, не каждому от бабушки подобная честь!

Баня большая, с предбанником. Фонарь с потолка свисает.

Маленькое оконце в огороды глядит.

Липовая скамья. Полка-лежанка. Котел с кипящей водой. Рядом второй, поменьше — для распаривания березовых веников. В нем квас, смешанный с мятой. Груда раскаленных камней для поддавания пара.

Раздевался Гришатка, а сам нет-нет да на государево тело взглянет. Вспомнил про царские знаки. Видит, у Пугачева на груди пониже сосков два белых сморщенных пятнышка. «Они, они», — соображает Гришатка.

Заметил Пугачев пристальный взгляд мальчика, усмехнулся:

— Смотри, смотри. Тебе такое, конечно, впервой.

Зарделся Гришатка.

— Это царские знаки?

— Так точно, — произнес Пугачев. — Каждый царь от рождения имеет такие.

— Прямо с младенчества?

— Прямо с младенчества. Как народилось царское дите, так уже и сразу в отличиях. Вот так-то, Гришатка.

Мылись долго. Пугачев хлестал себя веником. То и дело брался за ковш, тянулся к котлу, в котором квас, смешанный с мятой. Подцепит, подымет и с силой на раскаленные камни плеснет. Шарахнутся вверх и в стороны клубы ароматного пара. Квасом и мятой Гришатке в нос.

Мылся Гришатка и вдруг вспомнил, что забыл он передать великому государю поклон от Савелия Лаптева. Бухнулся мальчик на мокрый пол Пугачеву в ноги:

— Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

— Что?!

— Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

— Встань, встань, подымись!

Встал Гришатка, а Пугачев посмотрел куда-то поверху Гришаткиной головы и о чем-то задумался.

Было это давно, в 1758 году, во время войны с Пруссией. Донской казак Емельян Пугачев находился в далеком походе. Молод, горяч казак. Рвется в самое пекло, в самую гущу боя. Вихрем летит на врага. Колет казацкой пикой, рубит казацкой шашкой. «Бестия, истинный бестия!» — восхищаются Пугачевым товарищи.

Сдружился во время похода Пугачев с артиллерийским солдатом Савелием Лаптевым. Соберутся они, о том о сем, о жизни заговорят. Пугачев — о донских казаках. Лаптев — о смоленских крестьянах. Сам он родом оттуда. И как ни говори, как ни рассуждай, а получается, что нет жизни на Руси горше, чем жизнь крестьянина и казака-труженика.

«Эх, власть бы мне в руки, — говорил Пугачев. — Я этих бар и господ в дугу, в бараний рог крутанул бы. А мужику и рабочему люду — волю-свободу, землю и солнце. Паши, сей, живи, радуйся!»

«Ох, Омелька, быть бы тебе царем, великим государем», — отвечал на это Савелий Лаптев.

«Эка куда хватанул, — усмехнулся Пугачев. — Да разве может так, чтобы царь — и вдруг из простого народа?»

«Не бывало такого, — соглашался солдат. — Прав. Не бывало. Да мало ли чего не бывало...»

Потом судьба разлучила друзей. Прошли годы...

— Так как, говоришь, Лаптев сказал? — обратился Пугачев к Гришатке.

— Поклон тебе, великий государь... — начинает мальчик.

— Стой, стой, — прервал Пугачев. «Великий государь! — произнес про себя и подумал: — Одобряет, выходит, Лаптев. Не забыл старое. Царем величает. Ну что же, царь так царь. Держись, Емельян Иванович». — Эй, Гришатка! — закричал Пугачев. — Залезайка на лавку. А ну, давай я тебя по-царски.

— Да я сам, ваше величество.

— Ложись, ложись, говорю. Не упорствуй.

Намылил Пугачев Гришатке спину, натер бока до пурпурного цвета мочалой. Взялся за березовый веник. Заходило под взмахами Гришаткино тело. Разыгралась, забились в сосудах кровь.

— Вот так, вот так, — усмехаясь, приговаривает Пугачев. — Чтобы болезни и хвори к тебе не пристали. Чтобы пули тебя не брали. Чтобы рос ты, Гришатка, как дуб среди степи. Чтобы был ты не раб, а казак!

Потом Пугачев подхватил в бадейку воды. Отошел, хлестанул на Гришатку. Гришатка захлебнулся и фыркнул:

— Уф!

ШАПКА

Собралось в Берды до трех тысяч простых крестьян — мужиков-лапотников. Они-то и ружья в руках никогда не держали. Многие пики не видели.

Приказал Пугачев для крестьянской части своего войска устроить учения.

Вели занятия сразу же за слободой на открытом месте. Бегают мужики в атаку. Учатся пикой владеть, в казацком седле держаться.

Тут же неподалеку установлено три щита, и на них мишени. По мишеням из ружей идет пальба.

Около стрелков крутится Гришатка. Интересно ему. Стоит смотрит.

Стараются мужики. Пугачев заявил, что лучшему стрелку будет с его царской головы шапка. Шапка дорогая, мерлушковая, с малиновым верхом. То-то бы угодить в самое яблочко.

Однако дела стрелков плохи. В щит еще кое-как попадают. А вот о большем не думай.

Намучились, намерзлись крестьяне. Стали роптать.

— Ружья кривые. Мишени далекие. На морозе руки дрожат. Попробовал бы тут сам царь-батюшка в яблочко стрельнуть.

А в это время Пугачев прибыл проверять, как идут учения, и услышал крестьянские речи.

Подъехал Емельян Иванович к стрелкам. Увидев царя, крестьяне попадали ниц.

— Встаньте, — приказал Пугачев. — Тут воинский плац, а не государевы палаты. Тут пригиб не мне, а умельцам делай.

Поднялись мужики.

— Ружья, значит, кривые?

Замялись крестьяне.

Слез Пугачев с коня.

— Ну-ка, подай сюда кривое ружьецо-то.

Подали Пугачеву ружье.

Вскинул Емельян Иванович стволину. Приклад к плечу, палец к курку — бах!

— Попал, попал! В самую отметину! — заголосили крестьяне.

Взял Пугачев второе ружье — во вторую мишень. Взял третье, вскочил на коня и с ходу, с рыси — в третью. И снова в самую середину, снова навывлет.

Поразевали крестьяне рты. Остолбенели от такого умельства. И Гришатка разинул рот. «Ай да стрелок! Ай да царь-батюшка!»

Подъехал Пугачев снова к крестьянам.

— Ну как, детушки, ружья кривые или глаз ваш косит?!

— Глаз, глаз, государь! — закричали крестьяне.

— То-то, — рассмеялся Пугачев. — Как же нам с шапкой, детушки, быть?

— Твоя шапка, твоя! — кричат вперебой крестьяне. — Тебе полагается. По закону. По справедливости.

— Эн, нет, — говорит Пугачев. — А ну-ка выходи, кто смелый.

Нет смелых. Боятся стрелки при царе попасть в полный конфуз.

В это время Пугачев заметил Гришатку.

Сунул Пугачев ему в руки ружье.

— Стреляй!

Прицелился Гришатка. Руки дрожат. В глазах туман. Однако послушаться государя боится. Стрельнул.

— Попал, попал! — взвыли мужики. — Ух ты, в самую тютельку, в самое яблочко.

— Ух ты! — не удержался и сам Пугачев. Снял он со своей головы шапку. — На, получай!

Растерялся Гришатка, как быть, не знает.

— Бери, бери! — гудят мужики. — Государь жалует.

Взял Гришатка шапку, надел, утонул по самые уши. А когда приподнял шапку, то Пугачева рядом уже и нет. Лишь снег от конских копыт клубится.

САНИ

— Эх, мало, мало у нас пушек! Ружей мало. Пороху бы нам побольше! — сокрушается Емельян Иванович.

Затеял Пугачев разные хитрости. То среди ночи подвезут казаки под самый Оренбург охапки сена и распалят костры. В крепости подумают, что это подошла пугачевская армия, и откроют страшный огонь из пушек.

— Так-так, — посмеивается Пугачев. — Хорошо. Ядер у них тоже не тысячи. Пусть, пусть постреляют.

Потом стали выманивать из крепости воинские отряды.

Для этого поступали так. Подойдет пугачевский разъезд поближе к городу. А основные силы в стороне, в засаде.

Увидят в крепости, что отряд мал, откроют ворота. Вылетят конники. Пугачевцы же делают вид, что отступают. Заманивают они неприятеля. Подведут солдат к задуманному месту. А там — раз! — выскочили из засады товарищи. И неприятельский отряд либо в плену, либо порублен.

Однако в Оренбурге вскоре догадались про пугачевские хитрости.

Сколько ни ездят казаки к Оренбургу, как ни кричат, ни выманивают осажденных — никакого успеха.

Тогда Пугачев приказал запрячь в сани тройку добрых коней.

Оделся и сам поехал.

— Батюшка, да куда же ты? — взмолились пугачевские помощники. — Да видано ли дело, чтобы сам царь — и вдруг вроде как за приманку. Да пожалей ты себя. Не царское это дело. А вдруг как убьют!

— Не убьют, не убьют, детушки, — отвечал Пугачев. — Не убьют. Я замороженный. Ружья нужны нам, ружья. Нельзя нам без них.

И вот тройка у самого города.

Промчался Пугачев взад-вперед вдоль оренбургского вала.

— Эй, солдатушки! — закричал. — Вам ли против своего законного государя идти. Рушь господ, открывай ворота.

— Пугачев! — понеслось по крепости.

Подумал Рейнсдорп: «Вот так удача!»

— Эй, верховые наружу!

И снова открылись ворота, снова погоня.

Мчат царские санки лихо, во весь опор. Кони как птицы. Шеи вперед, гривы по ветру, ногами по снежному месиву цок-перецок.

Промчит Пугачев саженой сто — двести, приостановится. Подпустит погоню поближе. И снова плеткой коней.

Почуяли верховые недоброе. Остановились. Отстали. Решили вернуться назад.

— Эх, эх, пропали ружья! — сокрушается Пугачев.

Снова заворачивает он коней к Оренбургу. Снова взад-вперед у самого вала. И снова за ним погоня. И так несколько раз.

Добился все же своего Емельян Иванович, заманил правительственный отряд до задуманного места.

Выскочили пугачевцы, изрубили отряд.

— Хорошо, хорошо! — говорит Пугачев. — Вот и ружьишек штук тридцать. Да и сабли, да конская сбруя. Эхма, не царское оно, конечно, дело этак по капельке! Да ведь и море капелькой полнится.

ШАШКИ

Пугачев любил играть в шашки. Играл со своими командирами. А тут как-то надумал сыграть с Гришаткой.

— Главное, — поучал Пугачев, — чтобы в дамки пройти. Дамка, она всему полю хозяин.

Конечно, поначалу Гришатка проигрывал Пугачеву. А потом наловчился.

И вот как-то сложилась игра так, что Гришатка первым и в дамки пролез, и шашек у него на доске больше.

Струхнул Гришатка: «А ну как царь-государь рассердится».

Сделал он вид, будто бы не замечает, что дамкой следует бить, то есть сделал Гришатка фука.

Понял Пугачев Гришаткину хитрость.

— Э, нет! — говорит. — Ты не хитри. Не гни перед сильным шапку. Бей! Не зевай! Шашки, они тем хороши, — стал рассуждать Емельян Иванович, — что тут, как на войне, словно бы ты полководец. Умен — победил. Недодумал — тебя побили. Вот так-то, Гришатка.

Однако потом, когда они кончили игру и Гришатка выиграл, Пугачев вдруг заявил:

— Побил ты меня, Гришатка. Царя своего побил. Не стыдно тебе?

Смутился Гришатка, не знает, что и ответить.

А Пугачев опять укоряет:

— Побил, побил, не пожалел...

Краснел Гришатка, краснел. «Как же это понять царя-батюшку?! — И вдруг: — Э, была не была!»

— Так ведь тут как на войне... Бей! Не зевай!

— Молодец, ой молодец! — рассмеялся Пугачев. Посмотрел он пристально на Гришатку, потрепал по голове. — Башковитый. Эх, жить бы тебе в добрые времена! — Пугачев задумался. — Вот возьму власть, учиться, Гришатка, тебя пошлю. Там в Испанию или Голландию, к немцам али к французам. И станешь ты у меня первейшим человеком в науках. Про Ломоносова, чай, слыхал? Ломоносовым будешь.

«Добрый царь-батюшка, — подумал Гришатка. — Добрый. Зазря я его обыграл».

КАРАТЬ ИЛИ МИЛОВАТЬ

К Пугачеву в Берды прибыла группа крестьян вместе с своим баринном. Притащили помещика на суд к государю.

И вот снова крыльцо «царского дворца» как тогда, во время присяги. Кресло. Ковер. Пугачев в кресле.

Пугачев начинает допрос. Обращается то к мужикам, то к помещику:

— Ну как, детушки, лют был барин у вас?

— Лют, лют, уж больно лют, царь-государь, продыху от его лютости не было! — кричат мужики.

— Ну, а ты что скажешь, господин хороший? — обращается Пугачев к помещику.

Молчит, не отвечает помещик.

Пугачев опять к мужикам:

— А бил ли вас барин, руку к телу прикладывал?

— Бил, бил, батюшка! Собственноручно. Кожа, поди, по сей день свербит.

— Так, — произнес Пугачев и снова к помещику: — Не врут, правду сказывают мужики?

Молчит, не отзывается барин.

Лицо у Пугачева начинает багроветь. На скулах желваки проступают. Вздвухается шея.

— А не забижал ли он стариков и детушек малых?

— Забижал, забижал, великий государь. Ой, как забижал! Васятку Смирнова до смерти запорол батогами. Федотку Краснова посохом покалечил. Старика и старуху Раковых, о господи, в мороз босыми гонял по снегу. Не выжили, померли Раковы.

Нечего сказать в оправдание барину. Понимает он, что не миновать ему лютой казни.

Но вдруг Пугачев смягчился, согнал с лица своего суровость.

— А может, и добрые дела есть у вашего барина? Может, забыли вы, детушки?

Видит помещик такое дело.

— Есть, есть добрые дела! — закричал он что есть силы. — Я на пасху всем по копейке жалую. На великий пост богу за души усопших поклоны бью.

— Так, так, — подбадривает Пугачев.

— Я и за вас помолюсь, — слукавил помещик, — за ваше величество...

— Да, — усмехнулся Пугачев, — вижу, и вправду много добрых дел на твоей душе. Так как же, детушки, — обратился к крестьянам, — карать мне вашего барина или миловать?

Мужики враз, как по команде, бросились Пугачеву в ноги:

— Карать, карать, батюшка. На виселицу его, дых ему в передых.

Пугачев привстал во весь рост, глянул на согнутые спины крестьян, перевел взгляд на помещика, потом на стражу свою.

Тихо. Все замерли. Ждут царского слова.

— Бог не осудит. Вздернуть! — взмахнул Пугачев рукой.

— А-ай! — завопил помещик. — Разбойник! Злодей!

— Ба-атюшка, благодетель, заступник! — кричали крестьяне.

«ПРЕШПЕКТИВНАЯ» ТРУБА

У Пугачева имелась подзорная труба.

Любил Емельян Иванович глянуть в нее — далеко видно.

Вот и сейчас. Гришатка крутился в царевой горнице. А Пугачев, приложив подзорную трубу к глазу, рассматривает, как казаки где-то на краю Бёрдской улицы устроили драку.

— Ах, паскудники, ах, лешие! — ругается Пугачев. Крикнул караульных: — Там казаки дерутся. Разнять да всыпать зачинщикам!

То-то будет зачинщикам! Пугачев строг к непорядкам.

— Что это у тебя, государь? — спросил Гришатка, показывая на трубу.

— Инструмент оптический, — ответил Пугачев. — «Прешпективная» труба называется.

— А чего в ней видно-то?

— Все, что пожелаешь, — сказал Пугачев. — Хоть край света, хоть завтрашний день.

— Да ну! — не сдержался Гришатка. — И Тоцкое?

— Можно и Тоцкое.

Пугачев приложил трубу снова к глазу, всмотрелся и говорит:

— Вон деревеньку вижу. Церковь на взгорке. Погост. Каменный дом с крылечком.

— Так это же Тоцкое! — закричал Гришатка. — Дом управителя нашего штык-юнкера Хлыстова.

— Вон девоньку вижу. С косичкой. Маленькая такая. Букашечка, — продолжает Емельян Иванович.

— Так это же Аннушка, Аннушка, сестренка моя!

— Вон деда старого вижу. С клюкой, с бородой в пол-аршина.

— Так это же дедушка наш, дедушка Тимофей Васильевич!

Потянулся Гришатка к трубе:

— Дозволь, дозволь, государь, глянуть.

— Смотри, — произнес Пугачев.

Вцепился Гришатка в трубу, ну и, конечно, никакого Тоцкого не увидел. А просто выросла перед ним крыша соседнего дома, только так, словно бы кто ее передвинул к самому Гришаткину носу.

Понял Гришатка, что Пугачев пошутил. Однако виду не подал. Понравилась ему пугачевская выдумка про магическую силу трубы.

Через несколько дней он снова выпросил у Пугачева трубу, а потом еще и еще раз. Ляжет Гришатка на лавку, один конец трубы к глазу, второй в потолок. Лежит смотрит, и возникают перед мальчиком Тоцкое, и Оренбург, и Москва, и Питер, и весь белый свет. И раскрывается перед ним та самая синь-даль и жизнь-свобода, про которую рассказывал Емельян Иванович. Нет на земле ни бар, ни господ. Не слышно стопа мужицкого. Не видно плача сиротского. Земля, и леса, и горы — все это не барское и не панское, все это работника-труженика. Эх, и жизнь: чудеса и сказка!

Заинтересовался Пугачев, чем это занят мальчишка.

— Чем ты там занят?

Рассказал Гришатка Пугачеву про то, что видел.

— Да ну! — подивился Емельян Иванович. — Синь-даль, жизнь-свободу... — Задумался. — Эх, кабы труба не соврала! Да-а-а, зажили бы людишки на белом свете!.. А может, оно так и будет, Гришатка. Ась? Труба ведь не простая, труба — «прешпективная».

НА УРАЛ

Полюбился Хлопуше Гришатка, с самой первой встречи понравился.

Мало того что раздобыл он мальчику полушубок — как-то горсть леденцов принес, потом рубаху синего цвета, наконец притащил Нениле для Гришатки бараний бок.

— Ты что, сдурел? — набросилась стряпуха на великана. — Что, его тут голодом морят, не поят? Чай, при особе самого императора кормится...

«Безносый-то опять приходил, — рассказывала потом Ненила мальчику. — Видать, люб ты ему, Гришатка».

А тут как-то явился Хлопуша с казацкой саблей.

— На, получай!

Разгорелись глаза у Гришатки. Вот это подарок!

— Что, — закричал Пугачев, увидев у мальчика саблю. — Кто сие баловство придумал?!

— Пусть, пусть позабавится дитяtko, — стал упрашивать Пугачева Хлопуша. — Мальчонка же он, государь. Не забижай ты его. Они, мальчонки, все до ружья охотники.

Осталась сабля у мальчика.

Нацепит ее Гришатка, по слободе бегаёт. Сабля длинная, по снегу волочится.

— Атаман, как есть атаман! — кричат со всех сторон пугачевцы.

Нехватки в пушках, ядрах и порохе по-прежнему не давали Пугачеву покоя. «Эх, Урал, Урал-батюшка, вот бы куда податься! — размышлял Пугачев. — Прямо бы на самые железоделательные и оружейные заводы».

И вдруг нежданно-негаданно явились к Пугачеву с Урала три заводских человека.

— Государь, ждут, ждут тебя на заводах. И пушки, и ядра будут. Снаряжай-ка своих людей.

На один из заводов, на Петровский, в поселок Авзян решили послать Хлопушу.

Выслушал Хлопуша царское слово:

— Слушаюсь, батюшка.

— Ну, с богом! Ступай.

Хлопуша ушел, однако через несколько минут снова явился.

— Ну что тебе?

— Дозволь, государь, мальчонку с собою взять.

— Какого мальчонку?

— Гришатку, ваше величество.

— Да ты что, в своем ли уме, Хлопуша?

— В своем, в своем, государь. Да отпусти ты его. Ему ж в интерес. Он же мальчонка. Они, мальчонки...

Пугачев рассмеялся. Подумал. Махнул рукой.

— Ладно, быть по-твоему. Забирай, Соколов-Хлопуша. Да береги ты его, — добавил строго.

— А как же!

Уехал Гришатка.

Глава четвертая ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ГАЛИЯ

В Авзян Хлопуша торопился как мог. Шутка ли сказать, у него государственное поручение. Сам царь-батюшка, отправляя в поход, так и сказал: «Государственное».

— А главное, — наставлял Пугачев, — привези мне мортиры. Хоть две штуки. Чтобы навесным огнем можно было стрелять по Оренбургу.

Хлопуше в сопровождение было придано пять казаков. Ехал с ним и заводской человек с Авзяна, низенький, маленький мужичонка по имени дядя Митяй.

Хлопуша и казаки едут верхом на конях. Дядя Митяй и Гришатка — по-барски — в санках.

То и дело к Гришатке подъезжает Хлопуша:

— Не холодно тебе, дитяtko?.. Не голодно?

На четвертый день пути отряд остановился ночевать в башкирском сельце Иргизла. Хлопуша решил здесь дать и людям и лошадям отдых. Устроили дневку.

Хлопуша, дядя Митяй и Гришатка расположились в одной юрте. Казаки — в других, по соседству.

Юрта большая, занавесками перегороджена.

Уселись ужинать. Уплетает Гришатка навар из бараньего мяса, поднял глаза кверху. Смотрит — из-за занавески выглядывает девочка. Волосы на голове черные-черные. Косички свисают. Глаза шустрые-шустрые. Из стороны в сторону бегают.

Увидела девочка, что Гришатка ее заметил, — юрк за занавеску.

Опустил Гришатка глаза. Переждал минуту, опять поднял. Видит — снова торчит из-за занавески с косичками голова. Вот опять скрылась.

Весь ужин Гришатка только и занимался тем, что глаза то в миску, то в сторону занавески, то в миску, то в сторону занавески. Даже шея заныла. А девочка то спрячется, то наружу, то спрячется, то наружу. Даже рука, что дергала занавеску, устала.

На следующий день с утра Гришатка возился около санок. Вдруг слышит — за спиной кто-то пронесся верхом на лошади. Повернулся Гришатка — знакомая девочка.

Промчалась девочка в одну сторону. Развернула коня. Промчалась мимо Гришатки в другую. Потом еще и еще раз.

У Гришатки аж дух захватило. Ну и девчонка!

Наконец девочка сбавила прыть. Осадила коня рядом с Гришаткой. Спрыгнула ловко на снег. Остановилась, смотрит на мальчика.

— Как тебя звать? — обратился Гришатка.

Молчит девочка. Видимо, не понимает русскую речь.

Стал Гришатка тыкать рукой: мол, звать как тебя, девчонка?

— Га-ли-я, — наконец протянула девочка.

— А я Гришатка, — проговорил мальчик, затарабанив пальцем себе в грудки.

— Гри-шат-ка, — повторила девочка. Потом зачастила: — Шатка, Шатка, — и улыбнулась.

— Да не Шатка, а Гришатка, — стал поправлять мальчик.

Однако девочка его не слушала и повторяла свое:

— Шатка. Шатка. Шатка.

Гришатка махнул рукой.

Девочка стала с любопытством рассматривать висящую на боку у мальчика саблю, и Гришатка сразу же оживился. Он вытянул наполовину клинок, потом полностью. Взмахнул, описал полукруг и с победоносным видом вскинул снова его в ножны.

Девочка не удивилась.

Гришатка повторил все снова.

И опять Галию это не поразило.

Огорчился Гришатка, думает, чем бы еще похвастать. Вспомнил про шапку. Теперь она не спадет ему на глаза. Ушила ее Ненила. Снял мальчик шапку, крутит в руках, начинает объяснять Галие, что это шапка не простая — с царской она головы, а он, Гришатка, заслужил ее за меткую стрельбу из ружей. Гришатка ого-го какой целкий!

— Пах, пах! — объясняет мальчик. — Фу ты, какая бестолковая. Пах, пах! — вскидывает он руки на манер словно стреляет.

Но вот девочка закивала головой, побежала в дом, через минуту вернулась — в руках дробовое ружье.

— Ну, поняла наконец-то.

Протянула Галия Гришатке ружье — хотел же, так стрельни.

— Куда бы стрельнуть? — рассуждает Гришатка.

А Галия схватила с его головы шапку и подбросила вверх. Вскинул Гришатка ружье — бах! Мимо.

— Тьфу ты!

Тогда ружье взяла Галия.

«Ах, так! — думает Гришатка. — Ну на — промахнись и ты». Подбросил он шапку высоко-высоко. Ушла та в небо метров на двадцать. На секунду повисла. Растопырилась зонтом и снова к земле.

В это время раздался выстрел.

Не задела дробь мерлушковые бока, не затронула — угодила в самый малиновый верх. Вышибла. Только его и видели.

— О-ох! — вырвался вздох у Гришатки.

На следующий день с рассветом отряд Хлопуши покинул сельцо Иргизлу. Едет Гришатка, голове холодно. Прикрывает он темя рукой, сокрушается:

— Эх, эх, и чего хвастал! Чего не сдержался. Царскую шапку испортил. Ну и девчонка!

ДЯДЯ МИТЯЙ

Гришаткину беду первым заметил дядя Митяй:

— Э, чего там у тебя? Чего руку-то тянешь и тянешь?

Подъехал Хлопуша. Всплеснул руками:

— Дитяtko, да где это ты?! Где же верх твой малиновый?

Гришатка молчал, не признавался. Однако потом рассказал.

— Ах она такая, разэтакая! — гудел великан. — Да как она посмела заbijать государева человека? Ах, ах! Ну, мы ей покажем!

— Да я сам виноват, — пытался защититъ Галию Гришатка.

Однако Хлопуша не слушал его.

— То-то я смотрю: глаза у нее так и бегают, так и бегают. Да ты не горюй, Гришатка. Мы тебе на шапку новый поставим верх. Еще лучше будет. Желаеть — атласный. Желаеть — парчовый. Хочешь, садись верхом на коня, — неожиданно предложил Хлопуша.

Поменялись они местами. Рад Гришатка до смерти. Вот научитъ ездить верхом — берегись, Галия!

В отличие от Хлопуши, дядя Митяй оказался на редкость сварлив. То ему сено в санках плохо подмощено, то кони тихо бегут, то Гришатка все время вертится.

— Непокойный я очень, — сознавался дядя Митяй. — Душа у меня в раздражении. А почему? Жизнь извела, Гришатка.

Дядя Митяй хотя ростом и мал и с виду хил, зато по рукам сразу видать — человек рабочий. Руки у него широкие, совками, цепкие. И аппетит хороший. На первой же остановке умял целую баранью ногу и не крякнул. Куда только лезет?

— Наголодались мы на заводах, — смущаясь, объяснял дядя Митяй.

На восьмой день к вечеру, проехав с начала пути без малого триста верст, путники приблизились к поселку Авзяну.

— Тут он и будет, Петровский, рода Демидовых, наш, стало быть, завод, — сообщил дядя Митяй.

За эти дни отряд Хлопуши вырос до ста пятидесяти человек. То в степи к нему примкнуло сорок человек конных башкир, то, откуда ни возьмись, появилась целая толпа безоружных крестьян, потом в лесу, уже почти у самого Авзяна, присоединилось человек пятьдесят углежогов.

— Пстой с людишками тут, — предложил дядя Митяй Хлопуше. — Заночуй. А я вмиг слетаю в Авзян, упредить надобно.

Утром дядя Митяй вернулся.

— Сполнено, — заявил он Хлопуше. — И пушки есть, и мортиры — целых три штуки, и ядра в большом количестве. И людишки работающие нас ждут. Вот так-то.

— Благодарствую, — произнес Хлопуша.

ВЕЧНООТДАННЫЕ

Заводской люд встретил Хлопушу торжественно. И не только потому, что он был посланцем самого царя императора, но и потому, что сам Хлопуша произвел на всех огромное впечатление.

— Ух, батюшка, да и ты-то порченый! — кричали люди, завидя безносое лицо Соколова. — Видать, и тебе не сладко пришлось в жизни.

— Не сладко, не сладко, работнички, — отвечал Хлопуша. — Да что было — прошло, миновало. Нынче все круто в другую сторону. Царь Петр Федорович, долгие лета ему, нынче всех нас, сырых и битых, великий заступник. Ура царю-батюшке!

— Ура! — кричали работники.

Собралось их на заводской площади тысячи две. Изможденные, лица в дыму и копоти. Одежонка — рвань. Стоят, смотрят воспаленными глазами на огромную фигуру Хлопуши, ловят каждое слово.

Тут же на площади был оглашен манифест Пугачева. Говорилось в нем, что царь-батюшка дарует рабочим людям всякие вольности и шлет им свое царское благословение.

И снова «ура» всколыхнуло воздух.

В общей толпе Хлопуша заметил группу людей, закованных в цепи. Все людишки, как тень, а эти и вовсе: кожа да кости. Не человеки, а слезы.

— Что за народ? — обратился Хлопуша к дяде Митяю.

— Это вечноотданные, батюшка.

— Какие еще вечноотданные?!

— А это те, батюшка, которых вместо вечной ссылки в Сибирь сюда — к нам на завод. До конца своих дней так в цепях им и маяться. Из них многие к тачкам прикованы. Так и спят, так и работают. О, господи!

Нахмурилось лицо у Хлопуши.

— Эй! — закричал. — Кто здесь вечноотданные, выходи-ка сюда!

Загремели люди цепями, потянулись к Хлопуше. Собралось их человек пятьдесят.

— Люди вечноотданные, — забасил Хлопуша. — Мученики и перемученики. — Голос его сорвался, из глаз проступила слеза. — Люди без роду и племени. Отцы и братья. — Голос Хлопуши снова окреп, понесся могучим гулом. — Быть вам отныне не вечно униженными, быть вам вечно свободными. На веки веков. Эй, кузнецы! Живо! Немедля оковы долой!

— Батюшка, избавитель! — бросились колодники в ноги Хлопуше.

Потом Хлопуша устроил суд над управителем Авзяно-Петровского завода. Под одобрительный гул толпы управитель был тут же повешен.

На следующий день Хлопуша стал проверять заводское хозяйство. Приказал показать ему-mortиры и пушки.

И вдруг выяснилось — исчезли куда-то-mortиры. Обыскали весь завод. Нет их, словно и не было.

— Были, были они! — уверяет дядя Митяй. — Как я в ночь приходил — были. Их, никак, управитель куда запрятал.

— Эх ты, рано вздернули управителя! — сокрушался Хлопуша.

А вечером на Хлопушу свалилась вторая беда. Пропал куда-то Гришатка.

— Да был он, был! — разводил руками дядя Митяй. — Туточка все время крутился.

— Не уследил. Не усмотрел! — ревел Хлопуша. — Дитячко! Где же ты, дитячко?

БАДЬЯ

С Гришаткой случилось вот что. Крутился, крутился он возле Хлопуши и дяди Митяя, ходил, ходил по заводу, потом надоело. Пошел он бродить по улицам Авзяна. Тут его и окружили мальчишки:

— Глянь, глянь, шашка висит!

Разговорился Гришатка с ребятами. Шашку достал из ножен. Рубанул залихватски направо, налево.

Разинули авзянские ребята рты:

— Настоящая!

Дивятся мальчишки. Это тебе не Галя. Приятно Гришатке.

Принялся Гришатка про шапку хвастать. Рассказал, что шапка с царской головы. Что за меткую стрельбу шапка ему досталась. А верх (пока нового верха у шапки не было,

Хлопуша наскоро стянул мерлушковые бока ниткой) это Гришатка прострелил влет, чтобы доказать одной глупой девчонке свое умельство.

Не отстают от Гришатки ребята, ходят за ним по пятам.

— А у нас рудники есть, — вдруг заявил кудлатый, конопатый мальчишка. — Глубокие!

Побежали они смотреть рудники. На шахтах в этот день и в прошлый работы не было. По случаю приезда посланца от государя прекратил работу Авзянский завод. Подошли ребята к одной из шахт. Большая дыра в землю уходит. Над дырой, как над колодцем, на подпорках большое бревно. На бревне веревка намотана. С другой стороны веревки — бадья.

— Это для спуска вовнутрь, — стал объяснять конопатый. — Руда-то, она под землей. Саженой в полсотни. Там ее добывают, потом на завод.

Заглянул Гришатка в дыру — ничего не видно.

— Хочешь, мы тебя враз! — вдруг предложил конопатый.

Поколебался Гришатка. Да неудобно отказываться. Где же, скажут, твое геройство.

— Хочу!

Залез он в бадью. Стали ребята его спускать. Раскручивается веревка, что намотана на бревне. Придерживают ребята бревно, чтобы не очень оно вращалось.

Вот спустили Гришатку на треть, на половину, на две трети. Совсем немного осталось. И вдруг не удержали бревно ребята. Завращалось оно быстро-быстро. Не ухватишь, не остановишь. Раскрутилась веревка. Бадья внизу о породу — бах!

Обмерли ребята.

— Вытягивай, вытягивай назад! — завопил конопатый.

Стали мальчишки выкручивать из шахты бадью. Торопятся. Выкрутили. Пусто в бадье.

— Побился! Побился!

— Эй, эй, отзовись! — кричат ребята в дыру. — Отзовись!

Тихо. Нет никакого ответа.

Страшно стало ребятам.

— Перестреляют нас казаки! — закричал конопатый. — Повесит безносый. Тикай по домам — и молчок!

Поразбежались ребята.

ЗАБЫЛСЯ

Страшную ночь пережил Хлопуша. То казалось ему, что Гришатку убили, то — что ушел, заплутал Гришатка в лесу и там загрызли его волки или медведи, то вдруг чудится

Хлопуше Гришаткин голос. Великан срывался со своего места и стремглав выбежал на улицу.

— Найдется, найдется мальчонка, — успокаивал Хлопушу дядя Митяй. — Тута он, тута. Да куда ему деться? Не провалился же он под землю. Жив, помяни мое слово — жив!

Гришатка и вправду остался жив.

При ударе бадьи о грунт мальчик вылетел из нее наружу, стукнулся головой о какой-то камень и на время лишился сознания.

Когда Гришатка пришел в себя, была уже ночь. Мальчик привстал, пощупал руки и ноги. Боли нет. Кости целы. Лишь в голове гул и непонятная тяжесть. Гришатка принялся звать на помощь. Никто призыва его не слышал. Слева и справа от мальчика виднелись какие-то углубления. Это начинались штреки и штольни — специальные ходы, которые вели в глубь шахты. Кругом темно, сыро.

Гришатка подумал и сделал несколько шагов по одному из коридоров: «А вдруг где-то там впереди есть выход?» Коридор то суживался, то расширялся, время от времени его пересекали другие переходы. Гришатка сворачивал то налево, то направо; наконец он уперся в стену. Мальчик устал. От сырого и неприятного воздуха голова стала еще более тяжелой, и Гришатка чувствовал, как кровь ударяет в виски. Дышать становилось трудно.

Гришатка не выдержал и присел. Он машинально провел рукой по земле и вдруг натолкнулся на непонятный предмет — что-то длинное, круглое, отверстие в середине. Рядом второй такой же предмет, чуть в стороне — третий.

«Так это же пушки, это мортиры! — понял Гришатка. — Ах, вот куда запрятал их управитель!» Мальчик вскочил и помчался назад. Он спотыкался, падал, подымался, снова бежал. Сколько прошло времени, Гришатка не помнил. Он очумело тыкался то в одну, то в другую сторону. Наскакивал на стены, ударялся о какие-то балки и перекрытия. Наконец, полностью обессиленный, он опять опустился на землю. В нос снова ударил едкий, противный запах. Гришатка зевнул и забылся.

«ТУТ ОНИ, ТУТ»

После бессонной ночи Хлопуша казался чернее тучи. Страшно глянуть, страшно подойти к человеку.

Облазили казаки, башкирцы и сам Хлопуша вдоль и поперек весь завод, опросили всех жителей, на конях выезжали в лес и в степь. Никаких следов, ни слуху ни духу. Словно и вовсе не приезжал на завод Гришатка.

И вот, когда, казалось, все надежды потеряны, в избу к Хлопуше ввалился плечистый, бородатый детина. Бросился в ноги.

— Не гневись, батюшка.

— Подымись, работный человек, — произнес Хлопуша.

Детина поднялся.

— Батюшка, сыскался, сыскался твой... — пришедший детина запнулся, — сынок, значит.

Хлопуша вскочил, схватил детину руками за грудки, потрянул:

— Да где же он, говори!

— Играли, играли мальцы, — заторопился детина. — На руднике, на шахте. Да упустили бадью. А в бадье он, он самый — твой, значит. Мальцы с перепугу молчали. А потом Санька — мой, значит, взял и признался. Я его, батюшка, уже отодрал батогом, значит. Конопатый он у меня, до баловства дюже прыткий. Не гневись, батюшка.

К руднику Хлопуша мчал с лошадиной прытью, только пятки сверкали. Подлетел, сразу полез в бадью.

— Да куда ты, батюшка? — пытался остановить великана дядя Митяй. — Да ты тут постой, тут. Мы без тебя.

— Крути! — крикнул Хлопуша сбежавшимся людям.

Спустили Хлопушу.

— Гришатка! Дитятко! Гришатка! — кричит великан.

Тихо. Нет мальчика.

Бросился Хлопуша в подземные коридоры. Следом за ним спустились другие. С факелами, с фонарями в руках. Расползлись люди в разные стороны.

— Гришатка, Гришатка! — несется со всех сторон.

— Гришатка, дитятко! — перекрывает всех голос Хлопуши. Носится, мечется он по коридорам и переходам, словно ветер-буря в непогоду.

И вот наконец великан различил маленький, съежившийся комочек — детское тельце.

— Дитятко, дитятко! Родненький. Сынок! — задыхался от счастья Хлопуша. Подхватил он Гришатку на руки. — Головушка моя, рученьки, ноженьки!..

Гришатка с трудом приоткрыл глаза.

— Дядя... Афанасий...

— Я, я! — заревел Хлопуша, и слеза за слезой забила глаза.

Потащил он Гришатку к свежему воздуху, к выходу.

— Стой, стой, — прошептал Гришатка.

Хлопуша остановился.

— Мортиры.

— Что — mortarы? — не понял Хлопуша.

— Тут они, тут.

— Да ну? — только и молвил Хлопуша.

СИЛА К СИЛЕ

В тот же день mortarы были извлечены на поверхность.

— Они, они, — говорил дядя Митяй. — Они, голубушки. Самые.

Хлопуша стал торопиться с возвращением назад в Берды к Пугачеву.

Пушки и mortarы срочно устанавливались на колеса. На телеги грузились ядра. В заводских погребах нашелся и порох.

Пока Хлопуша был занят заводскими делами, наблюдать за Гришаткой он поручил башкирцу Хакиму.

Уедет мальчик вместе с Хакимом в степь за завод. Учит башкирец Гришатку в седле держаться, ездить шагом, рысью, в галоп. Гришатка смекалист и ловок. Он уже может и с коня на всем скаку прыгнуть, и не слететь, если конь вздыбится, и удержаться в седле при конском прыжке через рытвину или канаву. Где нужно, Гришатка привстанет на стремянах, где нужно, к шее лошадиной прижмется.

— Якши, якши, — хвалит Гришатку башкирец.

Потом Хлопуша отсыпал Гришатке пороху и выдал с полсотни пуль. Казак Ферапонт Узловой соорудил для Гришатки мишени и два дня с утра до самого вечера заставлял мальчика пулять в цель. То из положения «стоя», то «с колена», то «лежа». А затем «с ходу», с коня, как тогда стрелял сам Емельян Иванович. Настреляется Гришатка, прокоптится от дыма и пороха, набьет плечо от ружейной отдачи. Зато радость так и светится в глазах у Гришатки. Теперь не случайно, а как по заказу влетают Гришаткины пули тютелька в тютельку в самое яблочко.

— Умелец, умелец, — хвалит Гришатку казак Ферапонт Узловой.

А перед самым отбытием из Авзяна Хлопуша приказал испробовать целость пушек. И Гришатке было разрешено выстрелить из mortarы. Поднес Гришатка к стволу запал. Гаркнула mortarа во весь свой пушечный дых — слушай, сбегайся народ, смотри на нового артиллериста.

Наступил час отъезда.

Многие из работных людей хотели присоединиться к Хлопуше. Однако он отобрал всего пятьдесят человек.

— Нельзя, нельзя, — отвечал остальным. — У батюшки людишек хватает. Пушек, ядер, ружей у него мало. Вы уж тут потруждайтесь. В сем ваша главная сила. Вы да мы, — добавил Хлопуша. — Сила к силе — двойная сила!

— Потруждаемся, батюшка, потруждаемся! — кричали рабочие.

Хлопуша оставил за старшего на заводе дядю Митяя.

— Ну, прощайте!

— С богом, с богом, Афанасий Тимофеевич!

КОСИЧКИ ВРАЗЛЕТ

Гришатка теперь ехал не в санках, а по-казацки — верхом. Пришпорит он сивку-бурку — своего удалого коня, вихрем по степи промчится. Смотрит, любуется на Гришатку Хлопуша.

В башкирском сельце Иргизле Хлопуша снова устроил дневку.

— Ну, где твоя Галя? Вот мы сейчас ей покажем.

— Дядя Афанасий, — взмолился Гришатка.

— Ладно, ладно, сынок.

— Шатка, Шатка! — закричала Галя, увидев мальчика. Закричала и покраснела.

Снова ели навар из бараньего мяса, долго сидели в юрте, вели разговоры. На сей раз Галя не пряталась за занавеску. Она то исчезала куда-то, то возвращалась вновь, приносила на огромных мисках-подносах еду. А Гришатке подсунула такой здоровенный кусок жирного мяса, что и дядя Митяй с таким бы не справился.

На следующий день Гришатка и Галя сели верхом на коней и уехали в степь. Хотел было Гришатка похвастать девочке про стрельбу и про пушку. Однако сдержался.

Ехали они рядом. Тихо кругом. Кони идут копыто к копыту, головы опустили. Хорошо Гришатке. Как-то радостно на душе. Начинает он рассказывать Галие про Хлопушу, про царя-батюшку, потом про Тоцкое, потом про синь-даль и свободу.

Слушает девочка, словно бы понимает. А может, и понимает.

Пропадали они до самого вечера. А где ездили, Гришатка не вспомнит. Не видел мальчишка дороги. Лишь лошадиные холки. Лишь стремена и уздечки. Да косички, косички вразлёт...

Вечером Галя взяла у Гришатки шапку и вшила ему новый верх. Правда, не парчовый, не атласный, а из простого сукна зеленого цвета. Глянул Гришатка — ну и верх! Лучше, лучше прежнего. Поклянется Гришатка, что лучше!

Наутро обоз Хлопуши тронулся дальше в путь.

Галя у дороги стояла грустная и долго-долго махала рукой.

— Прощай, Галя! — прокричал Гришатка.

— Шатка, Шатка! — приносил в ответ ветерок шепоток. — Ша-а-тка!

Глава пятая ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

КАР-ГЕНЕРАЛ

Роста малого. Ноги тонкие. Руки тонкие. Большеголовый. Глаза как у зайца — в разные стороны. Волосы торчком, с медным отливом. На щеке бородавка, на подбородке другая. Это Кар. Кар-генерал.

Едет Кар по завьюженной Оренбургской степи. Спешит на выручку к осажденному Оренбургу, к другу своему генералу Рейнсдорпу.

Разбить и схватить Пугачева — таков приказ генералу Кару.

Мороз. Ветер. Сидит Кар в открытом возке. Засунул руки в дамскую муфту. От мороза и ветра ежится. Растянулись походной колонной солдаты. И им на морозе холодно. «Эх, полушубки бы нам, сапоги валяные. Ради чего страдаем!»

Едет Кар, рассуждает: «При одном появлении моем разбегутся злодеи. Войско у меня регулярное. Ружья и пушки. Молодцы гренадеры. Схвачу Пугачева — новый чин и награда».

Вдруг шевельнулся легким облаком снег на горизонте. Впереди, с боков, сзади. Из снега выросли всадники. Криком и гиком наполнилась степь.

Выпрыгнул Кар из санок:

— К бою! Становись! Стройся! Пушки вперед!

Построились солдаты. Ружья наизготовку. Пушки вперед.

Все ближе и ближе пугачевские конники.

— Ух ты, несметная сила!

— Братцы, гибель пришла! — понеслось в генеральском войске.

— Молчать! За матушку царицу! Из пушек пали! — кричит разъяренный Кар.

Стрельнули пушки. Понеслись ядра и злая картечь в сторону наступающих. Молодцы пушкари, точен солдатский глаз. Да только не дрогнули пугачевцы. На месте погибших — сразу же новые, словно нет никаких потерь.

— Их смерть не берет!

— Их великие тысячи! — зарокотали снова солдаты.

— Бей, пали! Бей, пали! — не унимался Кар.

Кричит, а сам нет-нет да на санки свои посмотрит. Кони быстрые, санки легкие. В случае чего, спасут они генерала.

Еще ближе придвинулись пугачевцы. Теперь уже не только конные, но и пешие на виду. Двигутся, движутся, движутся. Не остановишь восставших рать.

— Отходи! Отступай, братцы! — понеслось по солдатским рядам. — Сдавайся царю государю Петру Третьему.

Зашевелилось Карово войско. Врассыпную солдаты. Кто в плен, кто в сторону недалекого леса.

Прыгнул Кар в свои генеральские санки. Эх, эх, пропадай чины и награды!

Отъехал генерал версты три. Остановился, перевел дух. Вдруг невесть откуда появилась ворона. Поравнялась она с генеральским возком, растопырила крылья:

«Кар-р!»

«Свят, свят», — закрестился генерал с перепугу и снова плеткой коней. Да так, что дамская муфта из санок вон.

«СЛУШАЮСЬ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО!»

Ждал генерал Рейнсдорп генерала Кара. Не прибыл на помощь Кар-генерал.

Ждал генерал возвращения Хлопуши, не вернулся Хлопуша.

Понял губернатор, что колодник его провел.

— Русише швайн, — ругнулся.

Стал Рейнсдорп думать о том, как все же покончить ему с Пугачевым.

— Вот что. Позвать ко мне старика Кобылина.

Явился Кобылин.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

— Хочешь сто рублей серебром и медаль от царицы?

— Желаю, ваше сиятельство.

— Ну и хорошо, собирайся.

— Куда, ваше сиятельство?

— В лагерь к злодею.

Понял старик зачем, в глазах помутилось.

— Да я же стар! — взмолился Кобылин.

— Ничего-ничего. Так оно даже и лучше есть.

— Да я и кинжала ему в ребра не всуну.

— Не надо, не надо кинжал. Ты ему — яду.

— Яду?! Так стариковские руки мои дрожат.

— Что?! — заревел генерал. — Руки дрожат? Плетей захотелось? О, доннерветтер, всыпать ему плетей.

Понял старик Кобылин — выбора нет.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

ЧЕСТЬ И ПРИВЕТСТВИЕ

Вот так радостный день у Пугачева! То-то удача! И Кара разбили, и вернулся Хлопуша. Порох, ядра, пушки привез. Мортиры — целых три штуки. И привет от работного люда. Дружбу-союз с Урала. И Гришатка вернулся. Герой! Без него — как знать, может, и не было бы здесь-mortиры.

— Ну, Соколов-Сокол, уважил, уважил! Исполнил, как есть, мое государственное поручение. Ну, Соколов-Соколенок, порадовал!

Произвел Пугачев Хлопушу в полковники.

— Ну, а тебе какую награду? — обратился к Гришатке.

Подумал Гришатка:

— Мне бы, батюшка, в Тоцкое...

И вот едет Гришатка в Тоцкое. Сабля при нем. Шапка на нем. Пистолет настоящий за поясом.

Блестит, искрится на солнце снег. От яркого света глаза смыкаются. Прикроет Гришатка глаза. Вырастает, как в сказке, Тоцкое.

Сбежался, сгрудился народ. Встречают Гришатку жители. Честь ему кричат и приветствие:

«Ура! Ура! Соколов Гришатка приехал».

«Он у царя-батюшки в видных начальниках».

«То-то будет теперь Хлыстову».

Приятно от таких мыслей Гришатке. За спиной у него сундучок. В нем полушалок для матери, сарафан для сестрички Аннушки, для дедушки Тимофея Васильевича сапоги, козловые, новые, никем не ношенные.

Справа от Гришатки казак Ферापонт Узловой, слева — башкирец. Хаким. Специально посланы вместе с Гришаткой.

Резво бегут казацкие кони. Верста за верстой, верста за верстой — все ближе и ближе родимое Тоцкое.

Вот и оно. Божий храм на пригорке. Погост. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Вот и замерзшая речка, речка Незнайка. Вот и Шарик бежит. Стойте, буланые, стойте! Не торопитесь. Приехали.

Радостно бьется Гришаткино сердце. Встречай, выползай из хибарок, народ!

Но что такое? Наперерез путникам выбежала группа крестьян. С топорами, с вилами, с косами.

— Не шевелись! Кто такие?

— Мы здешние, здешние, тоцкие! — закричал во всю мочь Гришатка.

Смотрит мальчик — мужики незнакомые. Обступили они приехавших со всех сторон. Вышел вперед горбоносый, в треухе детина:

— Здешние, не здешние — слазь!

Схватились Ферапонт и Хаким за сабли. Гришатка руку быстрее к пистолету. Да где тут! В один момент набросились мужики на конных. Стащили на землю. Руки за спины. Скрутили, связали.

— Тащи их, тащи к командиру! — кричит горбоносый в треухе.

Потащили крестьяне.

Вот так встреча! Вот так честь и приветствие!

«УХ ТЫ! ОХ ТЫ!»

Приволокли мужики пленников к командиру. Втащили в каменный дом к Хлыстову.

Глянул Гришатка — Вавила!

Глянул Вавила — Гришатка!

— Ух ты!

— Ох ты!

Смотрят мужики остолбенело на Вязова. Горбоносый почесал за ухом. Понимает, что вышла промашка. Видать, и вправду не тех словили.

Рассказал Вавила Гришатке, в чем дело. Вот уже две недели, как он здесь, в Тоцком. Послал Рейнсдорп дровокола в Тоцкое за продуктами.

Трудно с харчами сейчас в Оренбурге. Приехал Вязов, а назад не вернулся.

Снова, как весной, заволновались тоцкие мужики. Избрали Вавилу своим командиром.

К тоцким присоединились крестьяне соседних сел и деревень. Организовался целый отряд. Волю всем объявили. Землю барскую стали делить. А вот теперь собираются идти в Берды к Пугачеву.

— Порядок у нас строгий, — объяснил Вавила. — Охрана. Вы уж не сердитесь, что так получилось, — обратился он к Хакиму и Узловому.

— А как же Хлыстов? — задал вопрос Гришатка.

— Повесили, повесили, вздернули. Да ты-то мамку видел? Эй, позвать Соколову! — крикнул Вавила.

Прибежала Гришаткина мать, взвыла при виде сына:

— Кровинушка, родненький, дитятко!

Плачет, не верит своим глазам.

— Он, он. Он самый, тетка Лукерья, — улыбается Вязов.

Примчалась сестренка Аннушка. За ней дед Тимофей Васильевич.

За ними соседи и просто тоцкие жители. Набился хлыстовский дом до отказа.

— Гришатка, Гришатка! Ух ты! И стрижен на казацкий манер, и пистолет, и сабля, и шапка, гляди, мерлушковая!

Пришлось Гришатке до позднего вечера рассказывать всем про Берды, Оренбург и Пугачева.

Пробыл мальчик в Тоцком три дня. На могилку ходил к родителю. Вволю поплакал. Повидал своих старых дружков и приятелей. Удадь свою в стрельбе показал. Похвастал про Авзянский завод.

Но вот пора и назад к царю-батюшке.

— Вот что, — сказал Вавила. — Едем все разом.

Собралось Вавилово войско. Кто конно, кто пеше, кто в санках. Присмотрелся Гришатка. Ба — и дед Тимофей Васильевич тут же! В новых, привезенных Гришаткой козловых сапогах.

— Да куда же ты, дедушка?!

— Молчи, молчи, — оборвал старик. — К нему, к амператору. В войско казацкое.

— Да ты же старенький, дедушка.

— Эка скажешь! — обиделся дед. Тряхнул бородой. — Стар, да умел! Я еще при царе Петре Первом со шведами бился...

Но тут подбежала Гришаткина мать:

— Ах ты, старый, ах ты, глупый, ах душа твоя беспокойная! Да кто же в такой мороз и в козловых сапогах! Не смеши народ. Сиди, дед, дома.

И Аннушка вцепилась в дедов армяк.

Остался дед Тимофей Васильевич.

Уехало крестьянское воинство.

— Эх, эх! — еще долго сокрушался старик. — Как они там без меня! Хватит ли без меня у них силушки?

БОЖИЙ СТРАННИК

Вернулся Гришатка в Берды — новостей целый ворох.

— Ой, что тут было, что тут было! — докладывала ему Ненила. — Дружка твоего словили.

«Какого это еще дружка?» — подумал Гришатка.

— Ну, того, того самого, что тебя плетками драл, что в водовозах у губернатора.

— Деда Кобылина?!

— Его, его самого. Он царя-батюшку травить собирался.

Рассказала Ненила, что появился старик Кобылин в слободе под видом божьего странника.

— На молебен, все говорил, иду. Из Сибири в далекий град Киев, в Киево-Печерскую лавру. Все за нашего царя-батюшку помолиться там обещался. Я ему еще сухарей на дорогу дала и баранины кус зажарила, — призналась Ненила. — А он, ох, ох, душонка его бесстыжая, мне же в котелок, где уха для государя варилась, взял и подсыпал отраву.

— Повесили? — поинтересовался Гришатка.

— Нет, нет! Отпустил его государь. Говорит: «Ступай в свой Оренбург. Не имею на тебя зла, потому что человек ты глупый и темный. Иди и подумай». Да еще этому супостату десять рублей пожаловал. Чудной наш батюшка. К людям доверчив. Воистину царская, святая у него душа.

Пожалел Гришатка, что не к нему в руки старик попался. «Ишь ты, царя-батюшку явился травить! Да я бы его, как Хлыстова, на одну перекладину!» — совершил свой приговор Гришатка.

ПОРТРЕТ

Сидел как-то Гришатка в царевой горнице.

Взял лист бумаги, карандаш и стал рисовать портрет Пугачева.

Нарисовал коня, на коне верхом царя-батюшку. Бороду нарисовал, генеральскую ленту, пистолеты за поясом. Снизу написал: «Царь-государь Петр Третий Федорович».

Посмотрел Пугачев на портрет, усмехнулся.

— Похож, как есть похож. Мастак ты, Гришатка. — Потом подумал и произнес: — А знаешь, Гришатка, я вовсе не царь.

Вылупил Гришатка на Пугачева глаза: «Ну и шутник батюшка. Право, такое скажет».

— Не царь, не царь, — повторил Пугачев. — А простой казак Пугачев Емельян Иванович. Вот так-то, Гришатка.

Лицо у Гришатки стало глупым-преглупым. Рот по-лягушечьи разинулся до ушей. Не знает, как и принять слова государевы.

— А как же царские знаки? — потянулся Гришатка рукой к груди Пугачева.

— Знаки? — Пугачев рассмеялся. — Так это с прусской войны. Картечины эти царские знаки мне припечатали.

Провалилась под Гришаткой земля. Голова закружилась. Думал, царь настоящий. А тут казак, да к тому еще и простой. Обидно до слез Гришатке. Смотрит мальчик на шапку свою, смотрит на валенки. Выходит, и шапка не царская, не царские валенки.

Бродил в этот день мальчик по Бердам, словно в воду опущенный.

А вечером под большим секретом рассказал о словах Пугачева Хлопуше.

— Эку новость принес! — рассмеялся Хлопуша. — Вестимо, не царь. Вестимо, Пугачев Емельян Иванович. Стал бы тебе настоящий царь воевать для народа землю и волю. Эх ты, Гришатка!

Смутился Гришатка.

— Царь наш батюшка, — продолжал Хлопуша, — тем и велик, что он сам из народа и что для народа он первый заступник.

— Так, дядя Афанасий, он же не царь!

— Как так — не царь? — оборвал Хлопуша. — Кто сказал, что не царь? Настоящий он царь!

Совсем замутилась Гришаткина голова. Вот так запутал Хлопуша!

— Царь он, доподлинный царь, — повторил Хлопуша. — Только не дворянский. Мужичкий он царь. Народом на царство венчан. Вождь он, Гришатка, народный. А сие выше, выше, чем царь. Понял?

— Понял, — произнес Гришатка. А сам подумал: «Выше, чем царь, — эка куда хватанул Хлопуша!»

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДЕДА КОБЫЛИНА

— Говоришь, отпустил?

— Отпустил, отпустил, ваше сиятельство.

Рейнсдорп хмыкнул. Смотрит он на деда Кобылина. Ой, что-то не так говорит старик. Не может губернатор понять, как это так, чтобы злодей Пугачев — и вдруг отпустил подосланного с ядом к нему человека.

Рассказал Рейнсдорп о возвращении Кобылина своей жене генеральше, другим генералам и офицерам.

«Да, — призадумались те. — Тут неспроста что-то».

— Ваше сиятельство, — вдруг произнес офицер Гагарин. — А не перекуплен ли ваш Кобылин?

Все повернулись к Гагарину.

— Мысль такую имею, — продолжал офицер, — что прислан он сюда Пугачевым с целью убить вас, ваше сиятельство.

Лицо у Рейнсдорпа вытянулось.

— Что?!

— Ему, наверное, и деньги злодей подсунул.

Бросились обыскивать старика. Нашли у Кобылина пожалованные ему Пугачевым десять рублей.

— Ох, ох! — хватался за сердце Рейнсдорп. — Сквозь строй его, сквозь строй шпицрутенами. Не жалея, до смерти.

Схватили деда Кобылина, содрали до пояса одежонку.

Построили роту солдат. Погнали старика под солдатские взмахи.

Сам Рейнсдорп идет тут же, рядом.

— Признавайся! Признавайся! — кричит.

— Нет, нет моей вины, — твердит, изнемогая под ударами, дед Кобылин. — Я ли вам не правдой служил, батюшка Иван Андреевич, ваше сиятельство? Я ли вам не слуга? Пожалей, смилостивись, батюшка!

— Молчать, молчать! Ты не слуга мне. Ты есть вор и разбойник!

— Пожалей, не губи! — стонет Кобылин.

— Так ему, так ему! Хлеще!

Теряет от боли старик сознание.

— Батюшка...

Не отзывается генерал.

И вдруг встрепенулось что-то в деде Кобылине, рванулся он к губернатору.

— Изверг!.. Губитель!..

Собрал старик последние силы, плюнул в лицо Рейнсдорпу и тут же упал как подкошенный.

Кончился дед Кобылин.

«НА ШТУРМ! НА СЛОМ!»

Приказ к штурму был дан неожиданно.

Вечером над Бердами стал подыматься туман. Разлился, разошелся он в разные стороны. Словно кто из огромной бадейки хлестнул молоком по степи.

— Готовьсь! Готовьсь! — понеслось от землянки к землянке, от избы к избе.

Зашевелилось, задвигалось пугачевское войско. Заржали, почуяв скорое дело, кони. Заиграли трубы и дудки. Забегали сотники и командиры.

Пользуясь темнотой и туманом, подтянули пугачевцы мортиры и пушки к самым стенам Оренбурга. Пугачев расставлял войска. Конных в засады, пеших за земляные выступы и в овражные пади. Перед пушками приказал из каменных плит выложить защитные стенки. Сам проверил готовность орудий.

Зарумянилось небо, стал голубеть восток. Туман отступал, неохотно потянулся в низины.

— Начинай с мортир. Пали! — скомандовал Пугачев.

Мортиры навесным огнем плюнули первые ядра. Залп, второй, третий.

— Так их, так их! Молодцы, детушки!

— Жарь, не стой!

— Целься! Ура! Ух ты, в дом к самому генерал-губернатору.

Гремит, захлебывается, рассыпается дробью барабанный бой над стенами крепости. Палит караульная пушка. Переполох и смятение в Оренбурге.

— Не трусь, не трусь! — кричат офицеры.

— Солдаты, равняйся!

— Канониры, к орудиям!

Тем временем Пугачев вывел из укрытия первую группу своих казаков и башкирцев. Рванулись они к крепостному валу.

— На штурм! На слом! — кричит Пугачев.

Вить, вить! — встретили их солдатские пули.

Бах! — врезалось в самую гущу ядро.

— Смелей, смелей, детушки! — подбадривает наступающих Пугачев. — Нам ли под пулями гнуться?! Нам ли шапки снимать?! На штурм! На слом! По-соколиному!

Подбежали наступающие к валу, залегли за откос горы. Передохнули. Дали залп по защитникам. Поднялись в полный рост и с криком двинулись дальше.

Бросился Пугачев в атаку, да с малыми силами. Поняли это оренбургские офицеры. Открыли городские ворота. Стал заходить солдатский отряд в тыл Пугачеву. А сверху, увидев подмогу, подняли такую пальбу, что даже вал содрогнулся.

Ясно Пугачеву, что победы не будет.

— Назад, назад отходи, детушки!

Отхлынули пугачевцы. Отошли за Яик в безопасное место.

НЕНИЛА ВСПЛЕСНУЛА РУКАМИ

Всю эту ночь Гришатку пугали страшные сны.

То вдруг явился генерал Рейнсдорп с трубкой в руке и снова бил Гришатку по темени. Потом появилась тетка Степанида. Она снова кричала: «Ваня, Ванечка!» — обнимала и прижимала к себе Гришатку.

Затем неожиданно всплыл губитель Гришаткиного отца — офицер Гагарин.

Гагарин не один, вместе с солдатами. Вскинули солдаты ружья, направили на Гришатку.

«Пали!» — командует офицер.

Гришатка вскрикнул, заметался во сне. Подошла Ненила.

— Дитяtko, дитяtko, не жар ли с тобой? На бочок, на бочок повернись, дитяtko.

Мальчик успокоился, но вскоре началось все снова. Опять Рейнсдорп, опять Степанида, снова Гагарин. И вдруг — Пугачев:

«Кто забижает Гришатку?»

Исчезают Рейнсдорп и Гагарин. Остается одна Степанида. Смотрит мальчик, а то вовсе не Степанида, а Гришаткина мать.

«Царь наш, заступник!» — бросается женщина к Пугачеву. «Не царь он, не царь, — кричит Гришатка, — а простой казак Пугачев Емельян Иванович!»

Лицо Гришаткиной матери становится строгим, смотрит она на сына укоряющим взглядом.

«Царь он, царь он, Гришатка!»

И вдруг врывается голос Хлопуши:

«Царь он народный! Вождь и заступник!»

И снова голос Гришаткиной матери:

«Вождь и заступник!»

Гришатка проснулся. Стоит у постели Ненила.

— Дитяtko, я кашу тебе приготовила.

Вскочил Гришатка:

— Тетка Ненила, а где... где царь-батюшка наш?

— Уехал, уехал, Гришатка, Оренбург с казаками уехал брать.

В это время на кухню к Нениле ввалился еще по первой встрече знакомый Гришатке казак, тот высоченный, с серьгой в оттопыренном ухе.

— Сей минут из-под Оренбурга. Ух и сеча! Ух и сеча! Сам царь-батюшка водил казаков и башкирцев на приступ. Людишек много, оружия мало у нас. Неосторожен царь-государь. В самое пекло лезет. Ты, Ненила, доглядай за Гришаткой, наказал император.

— Ох, ох! — вздыхала Ненила. — Тут-то догляжу. Как они там, родные?

Принялась Ненила угощать казака варевом. А Гришатка незаметно полушубок на плечи, пистолет из-под подушки за пояс и на улицу — шмыг.

Подбежал он к коню, на котором прискакал казак из-под Оренбурга. Ногу в стремя, на спину — скок, пятками в лошадиное брюхо — трогай!

Взвился лихой скакун с места галопом.

Выбежали казак и Ненила.

— Стой! — закричал казак.

— Ох ты, дитятко! — всплеснула руками Ненила.

«КРОВИ ЧАСТИЦА НАРОДНОЙ»

К исходу дня Пугачев начал новую атаку на Оренбург. На сей раз в конном строю.

— За мной, детушки!

Взяли казацкие кони в карьер. Вмиг промахнули открытым полем.

Вот и ров, вот и вал.

— На штурм! На слом! — привстав в стременах, кричит Пугачев.

И снова градом навстречу картечь, снова несмолкаемым гулом бабахнули ружья.

Ударил пуля Пугачева в левый рукав — отлетел клочок от полушубка, словно перо из птицы.

Ударил другая пуля в правый рукав — обожгла чуть повыше локтя.

— Не трусь! — кричит Пугачев. — Дело святое, правое. Смерть не страшна. Слазь с коня! Валом кати на вал!

Однако казаки не успели выполнить приказ Пугачева. Сверху, с вала, посыпались на пугачевцев солдаты. Врезались они в ряды конных, разыграл рукопашный бой.

Заработали казаки пиками, саблями. Крошит Пугачев солдат. Не подставляй головы, береги плечи! Удар у Пугачева пудовый. Сабля острая. Раз — взмах, два — взмах! Не шути с государем.

— Емелька! Это Емелька! — кричат царские солдаты и, словно к магниту, лезут к отважному всаднику.

— Неразумные! Сирые! — кричит Пугачев. — Так-то своих встречаете?! — И снова саблей во весь богатырский мах.

Бьется Емельян Иванович, мышцы как сталь, лицо в напряжении. Зрачки как маятник — в разные стороны бегают. На взлохмаченной бороде сосулька повисла.

Метнул Пугачев глазами налево — рядом верхом на коне Гришатка.

— Прочь! — взревел Пугачев. — Откуда ты, глупое! Эй, казаки, оттащить Гришатку в безопасное место!

Собрался Гришатка отъехать подальше от Пугачева, да вдруг заметил, как из-за крепостной стены из-за огромных бревен высунулось бородатое лицо солдата. Поднял солдат ружье, целит прямо в грудь Пугачеву.

— Берегись, берегись, государь!

Однако Пугачев то ли не услышал Гришаткиного крика, то ли не понял, в чем дело. Как был, так и остался на старом месте.

Сощурил бородатый солдат левый глаз. Момент — и нажмет на ружейный курок.

И вдруг Гришатка что есть мочи ударил коня. Дернул за узду так, что у лошади в губах кровь проступила.

Взмыл, привстал конь на задние ноги. Прыгнул вперед, заслонил Гришаткой и собой Пугачева.

Свистнула солдатская пуля. Ударила мальчика. Выпустил Гришатка из рук поводья. Осел, словно кто к земле потянул. Качнулся и рухнул с коня на снег.

— Гришатка! — закричал Пугачев. Он рванулся к мальчику, спрыгнул на землю, подбежал. — Гришатка, Гришатка!

Враз несколько казаков окружили Гришатку и Пугачева.

— Дитяtko, — тормозит Пугачев Гришатку. — Дитяtko!

Смотрит мальчик полузакрытыми глазами на Пугачева, смотрит, ничего не видит, не слышит. Не дышит Гришатка. Отжил, отгулял свой недолгий мальчишеский век Соколов-Соколенок.

— Гришатка! Гришатка! — кричит Пугачев.

Расстегнул Пугачев полушубок Гришаткин. Рванул залитую кровью рубаху — у самого сердца рана навывлет.

Вдруг что-то зашуршало в руках Пугачева. Потянул он — бумага. Развернул — пугачевский портрет, тот самый, что рисовал как-то Гришатка. Конь. Пугачев. Генеральская лента. Пистолеты за поясом. Снизу надпись: «Царь-государь Петр Третий

Федорович». Только надпись теперь перечеркнута. И вместо старой поверх нее новая — во весь разворот листа: «Пугачев Емельян Иванович — вождь и заступник народный».

— Дитяtko! Сокол! — взревел Пугачев. — Крови частица народной. Кровушка. — И слеза, огромная слеза, размером в горошину, поползла по заросшей щеке Пугачева и тут же, застыв на морозе, повисла серебряной, стонущей каплей.

ПОЛЕ, ОГРОМНОЕ ПОЛЕ

Поле, огромное поле. Только что вырытая в промерзшей земле могила. На краю ее — маленький гроб с Гришаткой. Вокруг — огромной толпой притихшие люди.

— Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего, отрока Соколова Григория, и сотвори ему вечную па-а-амять! — вытягивает прощальную молитву священник Иван.

Он, по привычке, в поповской ризе поверх тулупа. Только лицо на сей раз не ястребиное, не строгое. Как-то сморщилось лицо у попа Ивана. Служит он панихиду, а сам нет-нет да носом потянет. Забивается нос, в глазах проступают слезы.

И голос сейчас у него тихий, и губы почти не шевелятся, словно бы вовсе и не он те слова произносит, а льются они откуда-то сами и несет их ветер из дальних далей.

Поп Иван подает команду. Все медленно опускаются на колени и, сотрясая притихшую степь, трижды повторяют за священником:

— Вечная па-а-амять.

Четверо казаков поднимают гроб и опускают его в могилу.

По приказу Пугачева гремит прощальный салют из пушек.

Опять тишина, и вдруг!..

— Гришенька, родненький! — взорвал немоту плачущий голос Ненилы.

— Дитяtko, сокол! — крик-стоном метнулся хрип из груди Хлопуши.

И следом сотни людей:

— Ушел, ушел! Улетел! Закрылись очи твои соколиные.

— Детушки, детушки, — перекрыл человеческий плач дрогнувший бас Пугачева. Он пробился к самому краю могилы, поднялся на бугор из открытой земли. — Неверно. Неверно! Жив он, жив Соколенок! Соколам вольное небо. Ширь им, простор им и вечность. — Пугачев вскинул руки, простер их вверх в синеву, к небу. — Здесь он, здесь он, наш Соколенок!

Все невольно подняли головы к небу. И хотя не было там ничего, но всем вдруг ясно представилась вольная птица. Она кружилась, махала крылом, издавала призывные крики. Она то взмывала, то падала вниз и манила, манила людей...

А голос Пугачева крепчал и крепчал, наливался медью, гудел, словно колокол в час набата.

— Соколам вечная слава! Соколам жить да жить! Не забудет смелых русский народ. Внуки и правнуки нас не забудут.

Люди притихли. Хлопуша вытер слезу рукавом.

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец. — Ты и ружья не подыметь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в теплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинёт легкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, еще никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студеную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов добился своего. Он окреп и вскоре поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провел в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил ее фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боев и сражений провел Суворов. В каждом из них он был победителем.

О славных победах великого русского полководца Александра Васильевича Суворова и героизме русских солдат вы и узнаете из этих рассказов.

Глава первая ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ ПАКЕТ

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого. Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александрю Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

«БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником. В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары, — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ТУРТУКАЙ

Слава Суворова началась с Туртукай.

Суворов только недавно был произведен в генералы и сражался под началом фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского против турок. Румянцев был заслуженным военачальником. Одержал он немало побед над противником. Однако эта война поначалу велась нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

— Одним глядением крепостей не возьмешь, — возмущался он робостью графа Румянцева.

И вот, не спросив разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнав и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришел приказ Румянцева повернуть назад. Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказаний.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь, — говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стишков фельдмаршал обиделся, — перешептывались третьи.

Слухи о расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй. Защитила она Суворова.

«Победителя не судят», — написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся к войскам и через несколько дней одержал новую победу над турками.

СУВОРОВ СТОЯЛ В КИНБУРНЕ

С небольшим отрядом казаков и солдат Суворов стоял в Кинбурне. Важной была крепость. Слева — Черное море. Узкая песчаная коса впереди. Справа — Днепровский лиман. Не допустить турок в Днепровский лиман — задача Суворова.

Пятьдесят шесть турецких судов и фрегатов подошли к Кинбурнской косе, открыли огонь по русским.

Окончили турецкие корабли обстрел, стали высаживать отборные войска на берег. Боялись турки Топал-паши[14] — так прозвали они Суворова. Даже французских офицеров призвали к себе на помощь.

Вывел Суворов навстречу врагу небольшой гарнизон своей крепости, начал неравный бой.

Бьются русские солдаты, не щадя живота своего. То тут, то там на коне Суворов.

— Алла! Алла! — кричат турки.

— Ура! Ура! — не смолкают русские.

Идет отчаянный бой, кипит рукопашная сеча.

В разгар сражения картечь ударила в грудь Суворова. Потерял он сознание, свалился с коня.

— Топал-паша убит! Убит! Убит! — пронеслось в турецких рядах.

Осмелели турки, с новой силой бросились в битву.

Подняли между тем казаки генерала, промыли рану соленой водой. Пришел Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бой, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Алла! Ура! — несется над берегом.

Прошел час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не смей! — закричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубахи и к войскам.

Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнет шпагой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли теряет сознание. Снова придет в себя, снова «ура», и снова на казацкие плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня и на бугре, на высоком месте, — так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадеры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погнали турок и французских офицеров назад, к Черному морю. Немногие добрались до своих кораблей. А те, что добрались, распустили слух, что Суворов убит в Кинбурне.

Однако от ран Суворов скоро оправился и еще не раз о себе напоминал.

БИТВА ФОКШАНСКАЯ

С русскими против турок сражались австрийцы. Дела у австрийцев были неважны, и им грозил разгром под Фокшанами.

Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь пришел Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией принц Кобургский немедля прислал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а затем подумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдет. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

— Суворов богу молится, — заявили посыльному.

Через час прибыл новый посыльный.

— Суворов ужинает, — отвечают ему.

Прошел еще час, и снова прибыл посыльный.

— Суворов спит, — объяснили австрийцу. — Наказал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привез письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, — писал Суворов. — Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришел, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не упускай, ура! А коль не придешь, ударю один», — пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так — без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

— Нельзя было, — объяснял Суворов. — Нельзя иначе. Австрийцы — они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждет Суворова, думает — русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошел. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник — это река. У ее берегов собралась огромная, стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шелковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик: прибыл из русского лагеря. Принес разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий государь за победу.

С мыслями о наградах великий визирь заснул. И вдруг на рассвете, сквозь радостный сон, Юсуф-паша услышал дикие крики:

— Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки — в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться невыносимо.

— Какие русские?! Откуда русские? — кричит визирь.

А русские уже и слева и справа, бьют и в лоб, и с боков, и с тыла. Теснят растерявшихся турок. «Ура, ура!» — только и несется со всех сторон.

— Стойте! — кричит визирь. — Сыны аллаха! Стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолел турецкую армию великий страх.

Схватил тогда визирь священную книгу — Коран, стал заклинать трусов.

Но и слова о боге не помогают.

Приказал тогда визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Забыли солдаты и визиря и аллаха. Бегут как стадо баранов. «Аман![15] — вопят. — Аман!» Сбивают и давят друг друга.

— Скоты! — прошептал потрясенный визирь.

Оставил он и Коран и пушки, подхватил полы парчового своего халата и, пока не поздно, бросился вслед за всеми.

Любил Суворов стремительные переходы. Нападал на неприятеля неожиданно, обрушивался как снег на голову.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил ведет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

МИШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и ее пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребет копытом. Не конь, а огонь.

Подошел Суворов слева, подошел справа. И Мишка повел головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришелся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчен, опечален Суворов — и Мишка насупится, шагом идет, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нем приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конем, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живется в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучше Мишки все-таки не было.

ДЕРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехнулся Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Илловайский. — А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики. Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, — оправдывался Илловайский.

— «Дерзость»! — кричал Суворов. — Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя, — говорил Суворов. — При лошадях он безопаснее.

«УБИТ ПОД ФОКШАНАМИ»

На переходе к Фокшанам одна из колонн пехотного Смоленского полка попала под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнем валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите, — просит, — ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет. А в это время обе колонны догнал Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стоите! Вперед! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство, — стал оправдываться подполковник, — так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказанья своего генерала.

Посмотрел Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

— Какого генерала?! — воскликнул Суворов. — Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

— Убит. Убит, — повторил Суворов. — Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул ее в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Просьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы, — говорил он. — Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

— А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

— Убит. Убит под Фокшанами.

«ГДЕ Ж ЭТО ВИДАНО...»

Где же это видано, чтобы кавалерия атаковала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А все же много нашего брата гибнет, — заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно без смертей.

— Так-то оно так, — соглашался солдат, — а все же, если подумать...

— Чего же тут думать?

— А вот, к примеру: засел неприятель в окопах, держится, пока до него добежишь, сколько людей навалит. А ежели на конях — раз, и в момент в окопах.

Смеются солдаты. Где ж это видано, чтоб на конях — и в окопы.

— Ты что же, умнее самого Суворова? — говорят.

— Зачем же умнее? Это я так, к слову, — засмутился солдат.

А в это время Суворов проходил по лагерю и подслушал солдатский разговор. Подошел он к спорщикам.

— Как звать? — обратился к рябому солдату.

— Остап Капелюха.

— Родом откуда?

— Малороссийский, ваше сиятельство, из-под Чернигова.

— Так, говоришь, чтобы кавалерия атаковала окопы?

— Так точно, ваше сиятельство.

Улыбнулся Суворов.

На следующий день при атаке турецкого лагеря Смоленский полк натолкнулся на окопы противника. Пошли солдаты в атаку, однако турки подняли страшную стрельбу, и смоленцы отпрянули. Несколько раз ходили в атаку солдаты, да все неудачно. Хоть и недалеко до окопов, метров всего полтора, однако идти солдатам по ровному месту. Пока бегут — турки их щелкают, словно зайцев.

К Смоленскому полку прибыл Суворов. Видит — зазря погибают солдаты.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперед! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смоленцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добились противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невпопад:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братцы.

И верно. Не в первый раз уже применял Суворов конную атаку на окопы врага. Удалась атака и в этот раз.

ТУРЕЦКИЙ ШТАНДАРТ

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: впереди — турецкий штандарт.

Остановился поручик Вицин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак, турки идут в наступление?

А штандарт колышется поверх кукурузных стеблей и все ближе и ближе.

— К бою! — скомандовал Вицин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсем рядом.

— Вперед! Ура! — закричал поручик.

Бросились солдаты вперед.

А навстречу им русский солдат выходит — турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

— Штандарт откуда?

— Как звать?

— Какого полка?

Рассказал солдат, что звать его Гавриилом Жакеткой, что солдат он первой роты Смоленского полка, турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несет командиру.

— Ай да Жакетка, — смеются солдаты. — Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вицин солдату, как разыскать командира Смоленского полка. Пошел солдат дальше своей дорогой. А рота убыстрила шаг — и вдогон неприятелю.

Сто турецких знамен захватили русские в битве на Рымнике.

Штандарт, взятый Гавриилом Жакеткой, был первым.

РОССИЙСКИЙ СОЛДАТ

Преследуя турок, гренадер Дындин увлекся боем.

Бежит Дындин, колет штыком, бьет прикладом.

— Аман, аман! — кричат турки.

Отбежали с версту. Повернул кто-то из турецких солдат голову, видит — всего-навсего один российский солдат сзади.

Закричал турок своим братьям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Алла! — кричат. — Алла! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдается. Пырнул штыком одного турка, пырнул второго, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, приглушили прикладами. Очнулся Дындин в воде.

Прихватив пленного, турки вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только все тело жжет, в костях ломит, голова кругом. Закрыв солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву гренадера, советуются между собой, что делать дальше.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не тащить, а отрезать солдатскую голову и принести, как трофей, начальству.

Подошел турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотел рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил гренадер, вырвал ружье.

Опешили турки. Что за чудо: ожил солдат — и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка — ударил штыком. Догнал второго — и тоже штыком. Еще один турок бросился в воду.

И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бьет направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Смотрят — на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись — так это же Дындин!

— Дындин, Дындин! — позвали товарища.

Шевельнулся герой.

— Жив, жив! — закричали солдаты радостно и бросились к нему.

Подняли они гренадера на руки, отправили к санитарной повозке.

— Десять турок! — восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. — Молодец! Ой какой молодец! Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шесть, давай нам десять на одного: всех побьем, повалим, в полон возьмем — коль такой солдат в российских войсках имеется.

ПЕРВЫЙ

Вечером после победы у Рымника Суворов шел по русскому лагерю.

Смотрит — у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит — у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят. Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь гренадер Гагин, — говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хотин, — поправляет его второй.

— И не Гагин, и не Хотин, а Знамов, — уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хотина, и Знамова — пусть скажут сами. Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают у Гагина.

— Нет, — отвечает Гагин. — Первым был Хотин.

— Нет, не я, — отвечает Хотин. — Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов, — так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хотин.

Порадовался Суворов солдатской скромности, подошел он к гренадерам.

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

— Марш спать! — прикрикнул на офицеров. — Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату. И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубаху. Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну, — думает, — пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнес. — Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

ПЕРЕХОД

Двигается суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдавите передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь навывкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от четкого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов — доволен. Не остановилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

СПОР

Как-то между солдатами начался спор — прав или не прав Суворов, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пенкин и рядовой Кривокорытов.

— А что, — говорит Пенкин, — прав Суворов. В быстроте вся сила. Быстрота и натиск решают дело.

— Так-то оно так, — соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал свое: — Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

— Мало что отстают, — возражал Пенкин. — Пусть лучше десять отстанут, зато сто победят.

— Ишь ты — десять отстанут! — не унимался Кривокорытов. — А может, эти десять самые смелые.

— «Смелые»! — усмехнулся капрал. — Кто же это тебе сказал, чтоб смелые — и вдруг позади!

И другие солдаты поддержали капрала:

— Прав Суворов: лучше устать, но победить!

— Ну, как хотите, — сдался Кривокорытов. — А мне торопиться некуда. Мне мое здоровье важнее.

И действительно, на всех маршах солдат отставал. Армия уже и закончила переход и вошла в дело, а бывало, и разбила противника, а Кривокорытов и другие вроде него еще где-то в пути, обозными клячами тащатся.

— Эх, несдобровать тебе, Кривокорытов! — говорил Пенкин солдату. — Помяни: отстающего бьют.

Так оно и случилось.

Привел Суворов русские полки стремительным маршем к Рымнику, к лагерю Юсуф-паши. Прошли солдаты единым махом восемьдесят верст, разгромили турецкую армию.

Кончился бой. Стали товарищи разыскивать Кривокорытова. Нет солдата. Принялись ждать. Ждут день, ждут два — не приходит солдат.

На третий день Кривокорытов нашелся. Поленился, отстал, отбил солдат в пути, наскочил на турецкий разъезд и был насмерть врагами изрублен.

Похоронили солдаты товарища, перекрестились. Эхма, ни за что ни про что, через глупость свою, сложил гренадер неразумную голову!

ПАЛОЧКИ

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что, — отвечал Пень, — кровь проливаю, себя не жалею. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в маленький турецкий городок. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам, видит — выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец, — окликнул Суворов, — сюда!

Подбежал Пень.

— Откуда гусак?!

Замаялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашелся:

— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На, говорит, служивый.

— Так и дала? — усмехнулся Суворов.

— Дала, дала и еще приходиться велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьем, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

— Значит, сама дала и еще приходиться велела! — обозлился Суворов.

— Так то не она, другая дала, — стал выкручиваться Пень. — Молодая.

— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома выбегает молодая турчанка и тоже к солдату.

Подскочила, затараторила на своем языке, руками машет и причитает.

Суворов турецкий язык знал, понял, что турчанка говорит о шелковой шали. Протянул он руку к солдатской пазухе — вытащил шаль.

Потупил Пень глаза, понял, что быть расплате. Крикнул Суворов солдат, приказал взять мародера под стражу.

Вечером перед воинским строем виновного разложили на лавке и стали всыпать шомполами.

Врезают солдаты воришке, а Суворов стоит рядом, приговаривает:

— Жителя не обижай — он тебя кормит, не обижай — он тебя поит. Так ему. Так ему. Еще, еще! — командует Суворов. — Пусть хоть палочки дурь выбьют. Палочки тоже на пользу, коль солдат нечист на руку. Солдат — защитник жителя. Солдат не разбойник!

СУП И КАША

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов. — Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж, — отвечают генералы, — мы подождем. Вот-вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство, — успокаивали его армейские интенданты, — новую шинель сошьем. Лучшую.

— Нет, нет, — отвечал Суворов. — Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в наскоке на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

— А где он? Жив тот Осман? — заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача — пойти излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

— Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! — кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

— Так они, ваше сиятельство, сами.

— «Сами»! — пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

— Чего это наш фельдмаршал? — спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.

— Шинель, — отвечал Иван Книга.

— Ну так что?

— Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

МОСТЫ

Войска Суворова сражались в Италии. Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты.

Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдают французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились саперные офицеры.

— Молчок, — приложил палец ко рту Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по ее течению и переправил, где вброд, где по понтонам, на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают — мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

ЗАМАНИВАЙ

На реке Треббии разгорелась кровопролитная битва с французами.

Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубахе, со шпагой в руке.

В самый разгар битвы один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин.

«Ну, гибель пришла!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

— Заманивай! Шибче! Так, правильно! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

— Чудо-богатыри!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперед!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

— Вперед! — не умолкает Суворов. — Богатыри! Неприятель от вас дрожит! — И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой ловко, ой как ловко Суворов все дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже был далеко от этих мест, ястребом сидел на коне и снова зорко следил, все ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Треббии. Победа была суворовской — полной.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любуется.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин — смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — все, как надо, указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

— Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

«Я САМ ПРИНЕСУ СВОЮ ГОЛОВУ»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»[16] и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

— Помилуй бог, два миллиона ливров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошел по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — произнес, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамена, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить. Поразбежались!

ГОВОРУН

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золоченую резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завел разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

— Минуточку, минуточку. Я вам еще одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчиненных. Вызывает к себе офицеров и начинает рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, то и им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощекий, во вторник — поручик Куклин, в среду — капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали, тратили время и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

— Зачем мне карета? — заупрямился было Суворов. — Донской конь — лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, все готовился к встрече с Суворовым.

А сам Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге.

Тогда Суворов по поводу кареты и ее хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащенную его карету взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ, и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уж больно хочется ему заговорить с Суворовым. Просидел генерал молча минут десять и все же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин еще минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси, господи, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский. — Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книги читал французские. Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И все-то ему у французов нравится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во

Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, — ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов. — Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

— Ах, прости, прости старика, запомятовал.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерам. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все, — говорит.

— Все, ваше сиятельство, — докладывают офицеры.

— Нет, не все, — повторяет фельдмаршал. — Тут еще один французишка не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство! — кричит. — Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

— Нет ошибки, — отвечает фельдмаршал. — Не русский ты.

— Русский, — утверждает поручик. — Русский. И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

— Мало что во Пскове рожден. Мало что матушка да батюшка русские, — говорит Суворов. — Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить. Подумал Суворов, сказал:

— Ладно, так уж и быть — оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Всю свою солдатскую жизнь Прошка провел в денщиках у Суворова. Любил похвастать Прошка близостью к великому полководцу. Начинал так: «Когда мы с фельдмаршалом бивали турок...» Или: «Когда мы бивали прусских...»

— Ну, а ты здесь при чем? — смеялись солдаты.

— Как — при чем! — обижался Прошка. — Как же без меня? Да если бы не я...

И Прошка не врал. Составляя планы сражений, Суворов любил «посоветоваться» со своим денщиком.

— А как ты думаешь, Прошка, — спрашивал Суворов, — не заслать ли нам драгун[17] в тыл к неприятелю?

— Заслать, заслать, непременно заслать, — соглашался Прошка.

— А как ты думаешь, не направить ли нам генералу такому-то сикурс?[18]

— А как же — направить, непременно направить, — одобрял Прошка.

Не раз Прошка спасал Суворова от верной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним нужен глаз да глаз. Неотступен Прошка — словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошел ко дну — Прошка, не мешкая, бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прошка тут как тут — подводит нового рысака.

А сколько раз выхаживал Прошка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжелым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и остановилась в затылке. Пулю вырезали. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался все время встать.

Ни доктора, ни генералы не могли успокоить Суворова.

И снова нашелся Прошка.

— Не велено, не велено! — покрикивал он на больного.

— Кем не велено?! — возмущался Суворов.

— Фельдмаршалом Суворовым, — отвечал Прошка.

— О, фельдмаршала надобно слушаться. Помилуй бог, надобно слушаться, — говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прошке медаль. При этом было указано, что Прошка награждается «за сбережение здоровья великого полководца».

Медалью Прошка страшно гордился и, когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграничкими моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается князь Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось. Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава вторая ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодарить!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза, — вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит поверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне басурманская речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

«ПАХУЧКА»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещерский. Одет офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колен. Напомажен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званый обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул. — Пахучка!

— Что? — не понял Мещерский.

— Духи, говорю, — произнес Суворов, — пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

— Полтысячи золотых, — с гордостью ответил Мещерский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатиться ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне — собой любуется: вот он, мол, какой — и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам. Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через овраги и перелески. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и все приговаривает:

— Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещерский уже понял, в чем дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит он на щегольской наряд, понимает — ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шелковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жесткое казачье седло до крови натер себе ноги.

Вернулся щеголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня — едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подает. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», — подумал Суворов.

И не ошибся.

Вскоре с поручика сошел питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца?[19]

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крякнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат! Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звезд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту, — и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал. — Ну, уж на третий раз, — решил фельдмаршал, — я своего добьюсь: поставлю в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фронт[20] и гаркнул:

— Виктория, ваше сиятельство!

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый, — произнес Суворов, — скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та, — не раздумывая ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и восхищался:

— Помилуй бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

САПОГИ

В чине генерал-аншефа Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдаленном участке Суворов передоверил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, перепоручил это своему помощнику — майору. Д майор, в свою очередь, — молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдаленную крепость. Приехал. Посмотрел — работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это! — закричал. — Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил все на майора: мол, майор во всем виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да, — произнес Суворов, — вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры — ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свои сапоги. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всем виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдаленная крепость.

МОНАСТЫРСКИЕ СТЕНЫ

Однажды сержанты и суворовские офицеры проводили с солдатами учения около монастыря. Глянули офицеры на высокие монастырские стены.

— На штурм! — раздалась команда.

Солдаты опешили.

— На штурм!

Солдаты закричали «ура» и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дело. Забились в темные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончили офицеры учения, похвалили солдат за проворство, построили, повели в казармы.

На следующий день вновь повторились учения. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи по привычке к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи им не хочется. Видать, понравилась солдатская удаля: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, — думает, — все дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Не знал настоятель, что это по приказу Суворова штурмовали солдаты монастырские стены. Выхватил Суворов шпагу, вскинул над головой, указал на стены:

— Чудо-богатыри, ура! Вперед! Во славу отечества!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Питер. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушел на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Спасибо за учения, спасибо за монастырские стены.

ПО-СУВОРОВСКИ

В поле недалеко от казарм капрал Казанского пехотного полка вел занятия со своими солдатами по-суворовски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Ученье свет, а неученье тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат ученый?

— За ученого трех неученых дают.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — произнес капрал, — верно. — И перешел к занятиям по рукопашному бою.

Сам показал. Потом повторяли солдаты.

— Коли! Правильно. Коли! — выкрикивал капрал. — Пуля дура, штык молодец! — выкрикивал по-суворовски он при этом.

Начался дождь. Однако капрал солдат не распустил.

— За мной! — закричал. — Вперед! — И побежал через поле, через овраг к речке. — Живей, живей! — подгоняет солдат и опять по-суворовски: — Голова хвоста не ждет. Храбрый впереди, трусишку и назад убивают!

Подбежали к реке. Капрал бух в воду — и на тот берег. И солдаты за ним. Вылезли, смотрят — один поотстал. Бьется на быстрине, тонет.

— Назад! — закричал капрал. — Сам погибай, а товарища выручай! В воду!

Вытащили неумельца солдаты. Стоят, переводят дух.

— Устали? — усмехнулся капрал.

— Устали, — сознались солдаты, но тут же гаркнули по-суворовски: — Трудно в ученье, легко в бою!

— Молодцы! Правильно! — похвалил их довольный капрал.

Слухи о занятиях солдат в Казанском полку дошли до Суворова. Порадовался фельдмаршал, что солдаты суворовскую науку осваивают. Решил он узнать фамилию лихого капрала. Написал письмо командиру полка. Вскоре пришел ответ:

«Фамилию, ваше сиятельство, указать не могу. У нас что ни капрал — каждый ведет занятия по-суворовски».

ГОСПИТАЛЬ

— Не люблю госпиталей, — говорил Суворов. — Тот их любит, кто не радеет за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек больных.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам.

Зашел в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся, — наконец произнес какой-то солдатик.

— Позвать сюда провиантмейстера,[21] — приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным... — начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А еще?

— Капустой.

— Так, — произнес Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

Вошел Суворов во вторую палату.

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они поотмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса,[22] — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

Пошел Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие еще раненые? — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось тухлой капусты. Кутайсов и другие офицеры стали собственноручно проверять снаряды и пушки.

Прошелся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пустые. Вместо прежней тысячи человек с трудом сорок больных насчиталось.

Ходит Суворов — доволен. Не любил фельдмаршал госпиталей.

НА СЕСТРОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путем по битой проселочной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хороши карабины. Осмотрел штыки — хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков.

«И чего это, — думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего, — ответил Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего еще привязался!» — думает мастер.

— Ступай, — говорит, — служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя — попадет.

Суворов ушел.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше чем среднего.

— Худощав?

— Худощав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком впереди?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

РТИЩЕВ-УМИЩЕВ

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю «немогузнаек», — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядом на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск вперед, имеющее целью уничтожить противника, — отчеканил Козлятин.

— Дельно, дельно, — похвалил Суворов. — Правильно. А что такое супренировать? — спросил у капитана Проказина.

— Супренировать, ваше сиятельство, — ответил Проказин, — это значит напасть неожиданно, застать неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

— Дельно. Дельно, — снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал: знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит улыбается, а сам Суворову все время на молодого поручика Ртищева показывает.

— Это, — говорит, — самый знающий в полку офицер. Умница!

Дошла очередь и до Ртищева.

— А ну-ка, скажи мне, Ртищев, — произнес Суворов, — что такое есть ретирада?[23]

Замаялся поручик и вдруг...

— Не могу знать! — выпалил.

Все так и ахнули. Ну, все дело испортил. Офицеров подвел. Командиров полка опозорил.

Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

— Немогузнайку подсунули! — закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

— Так что такое есть ретирада?

— Не могу знать, ваше сиятельство. В нашем полку такое слово никому не известно. Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Славный полк — Фанагорийский. Значит, никто не знает?!

— Так точно, ваше сиятельство.

— Вот уж не думал, что проклятый немогузнайка доставит мне столько радости! — прослезился Суворов. — Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

ВРАГ

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги.

Как-то пришел Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов. — Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберемся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепешкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть еще.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнес Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошел секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот таинственно, шепотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнес Суворов.

СТОРОНИСЬ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

- К фельдмаршалу срочно, к Суворову!
- Уехал Суворов, — объяснили курьеру.
- Куда?
- В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

- Здесь Суворов?
- Уехал.
- Куда?
- В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

- Здесь Суворов?
- Уехал.
- Куда?
- В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

- Здесь Суворов?
- Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра взвзлет.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прошка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любит. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише! — прикрикнул Суворов и снова любит: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удасть!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удасть. За русскую душу. За молодечество!

БАРИН

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова. Несколько тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова крестьяне с нетерпением ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дожидаться приезда Суворова, прийти к нему и все рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

— Как звать? — обратился фельдмаршал к первому.

— Денис Никитин.

— Про что жалоба?

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашел он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

— Правильно выпорот, — сказал Суворов, — на барское рот не разевай.

— Так сноп же подгнивший. Завалющийся. Ему же все равно пропадать...

— Не твое дело, — прервал Суворов. — За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? — обратился ко второму мужику.

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

— Шапку не снял перед Балком, ваше сиятельство.

— Шапку снимай, — ответил Суворов. — Правильно сечен.

— Так я же не заметил. Без злого умысла, ваше сиятельство.

— Впредь замечай. Будет наука. Ну, а ты? — обратился к горбатой старухе.

— Сечена, батюшка, сечена, — зашамкала та, — недоимки у меня: три рубля двадцать копеек.

— Помилуй бог, — воскликнул Суворов. — Три рубля двадцать копеек! Верни. Немедля верни.

— Так где же их взять?

— Корову продай.

— Так нет же коровы.

— Займи.

— Так у кого же занять?!

— Ступай, — прекратил разговор Суворов. — Верно сечена. За недоимки управляющему наказ и впредь батогами жаловать.

Больше жалобщиков не нашлось. Расходились мужики разочарованные.

— Барин, как есть барин! — говорили они.

НЕВЕСТЫ

Приехал как-то Суворов под Владимир в свое имение Ундол, прошелся по улице, повстречал группу парней:

— Женаты?

— Нет, ваше сиятельство.

— Почему не женаты?

— Так невест на селе нет.

Вызвал Суворов управляющего, стал кричать:

— Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

— Невест же нет на селе.

— Купить невест, — распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы свое хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности — барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри, — наставлял Суворов. — Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил — и в Ундола. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранно.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

— Становись!

Стали по росту.

Подошел к невестам, согнал с телег:

— Становись!

Невесты построились.

— На-пра-во!

Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.

— Шагом марш! Под венец. В церковь! — скомандовал Суворов и сам пошел первым.

Тут же молодых оженали. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девчат по росту. И сразу стало все на свое место.

Суворов остался доволен. Женил. Доброе дело сделал. А о том, понравились ли друг другу женихи и невесты, и не подумал. Барин. И молодые смолчали: барская воля — надобно слушаться.

КОНЬКИ

Мало кто в те времена на коньках катался. А вот Суворов катался.

Живя зиму в Ундоле, фельдмаршал каждый день ходил на замерзший пруд, проводил там часа два, а то и три сряду.

Пристрастился ходить на пруд вместе с Суворовым и мальчишка Федька Ухов. Вначале просто ходил, смотрел. А потом смастерил для себя коньки из старой железки. Видит фельдмаршал — шустрый мальчишка, принялся его обучать.

— Не робей. Не робей! — наставляет Суворов.

А Федька вовсе и не робеет. Только ноги у него разъезжаются.

— Стой так. Держись прямо, — объясняет Суворов. — Шаг левой. Шаг правой. Пошел. Живее. Живее, давай!

Заторопится Федька — бух, и на спину.

Смеется Суворов.

Подыметса мальчишка, отряхнет снег, закусит губу и опять за учение. Упрямый Федька.

— Шаг левой! Шаг правой! — командует Суворов. — Пошел. Живее. Живее. Давай!

Неделю мучился Федька. Падал. Шишки себе набил. Однако своего добился. Держится на ногах крепко, хотя и бегаёт пока тихо.

Мчит впереди Суворов.

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит Федьке.

Отстает Федька.

Прошла еще неделя. Мальчишка освоился. Не уступает теперь Суворову.

Прошла третья неделя, и Федька стал обгонять фельдмаршала. Обгонит:

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит барину.

Напрягается Суворов изо всех сил, пыжится, однако обогнать Федьку уже не может.

Все чаще и чаще к пруду стали собираться другие мальчишки. Сгрудятся, смотрят, как фельдмаршал и Федька бегают. Весело им смотреть на Суворова, радуются, что свой барина обгоняет. Смеются.

Обидно стало Суворову, стал отгонять он мальчишек. Отойдут те, а потом незаметно снова к пруду приблизятся. Снова смеются. Злится Суворов.

— Пошли вон! — кричит на ребят.

Надоело это Суворову. Стал он тогда выбирать такое время, чтобы Федьки поблизости не было. Видит — нет Федьки, схватит коньки, скорей на каток. Пробежит по пруду круг-другой, смотрит — и Федька тут, словно из-под земли вырос. И снова бегут ребята. Снова смеются.

Разозлился вконец Суворов, позвал управляющего:

— Знаешь мальчишку Федьку Ухова?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Так отвези его во Владимир и продай, — приказал Суворов. — Чтоб духу его тут не было!

Приказал Суворов, а потом передумал: все же понравился мальчишка своим умельством фельдмаршалу.

Остался Федька в Ундоле.

Через три года Суворов снова вспомнил о мальчике и приказал управляющему отдать его в ученики к железных дел мастеру.

Выучился Федька, вернулся в родную деревню и вскоре стал прославленным мастером на всю округу.

БОБЫЛЬ

В селе Моровки-Шушки, что находилось в Пензенских владениях графа Суворова, жил бобыль Григорий Нектов.

Дома не имел, жены не имел, родных тоже. Побирался он по селу — чем кто накормит, а то и вообще пропадал из Шушек, а где он скитался, толком никто не знал.

А тут подошел набор крестьян в армию. Во времена Суворова солдатская служба была долгой-предолгой — двадцать пять лет. Из семьи уходил работник надолго, навечно. Вот и решили шушкинские мужики: чего же думать, пусть-ка Нектов идет в рекруты.[24]

Суворов же страшно не любил отдавать своих крепостных в солдаты. Невыгодно. Завел он такой порядок: рекрутов покупать со стороны. Полцены вносил Суворов, вторую половину собирали сами крестьяне. Роптали мужики на денежные поборы, однако мирились. А вот на этот раз решили: зачем же им тратить лишние деньги, раз есть бобыль Гришка.

Стали мужики упрашивать старосту Ивана Агафонова, чтобы тот немедля же написал о Гришке Суворову.

Поначалу Агафонов уперся: а ну как барин начнет ругаться? Потом согласился: пользы же все равно никакой от Нектова. Принялся сочинять письмо. Писал хитро. Начал с того, что в Шушках второй год неурожай, что крестьяне пришли в скудность, денег на рекрута нет. Потом упомянул, что при покойном родителе рекрутов не покупали и что, мол, менять порядок не стоит. А уже в самом конце упомянул о Григории Нектове: мол, бобыль, делом не занят, бродяжничает, мол, его и отдать в солдаты.

Ждут в Шушках ответа от Суворова. Вот и прибыл ответ. Взял староста бумагу — в глазах потемнело.

«Рекрута немедля купить, — грозно писал Суворов. — И впредь покупать, иначе быть вам розгами битыми». Далее в письме наказывалось, чтобы Нектову всем миром

«завести дом, ложку, плошку, скотину и все прочее» и чтобы помогать Гришке до тех пор, пока хозяйство его не наладится. А в конце... «Раз Нектов до сей поры бобыль, — писал Суворов, — то главный ответчик — староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 ден».

— Бог ты мой, — вскричал Агафонов, — бобыля Гришку — да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне.

— Ну что, что там в письме, чего барин в нем пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов. — Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью... — заскулил староста. — Все из-за вас, проклятое семя! — набросился он на крестьян. — Сгною!.. Засеку!.. По миру пущу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать.

Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завел им дом, ложку, плошку, скотину и все прочее.

И не стало с той поры в Шушках бобыля Гришки. А в солдаты ушел рекрут, купленный за общий крестьянский счет, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

КОМУ КАК У ГОСПОД ЖИВЕТСЯ

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики.

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живется.

— У нас барин крут. Крут, не зря что фельдмаршал, — заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?

— Парней и девчат обженил без разбору.

— Ну, а еще?

— Мальца Федьку хотел продать.

— Еще?

— Еще рекрутов покупать заставляет.

— Ну и крут! — засмеялись крепостные других господ. — Вы уж молчите. У вас барин как барин. Хороший бариин у вас. Дай бог и нам бы такого. — И принялись рассказывать о своей жизни.

Крепостные помещика Псарова — про то, как их барин три раза в году — в покров, рождество и на пасху[25] — всем мужикам и бабам учиняет поголовную порку.

— Это чтоб барскую руку помнили, чтобы боялись, — объясняли псаровские крестьяне.
— Вот кто уж крут, так это наш барин: виновных — на цепь, недовольных — в солдаты, за недоимки — в темный подвал на хлеб и ржавую воду.

— Подумаешь, Федьку хотел продать! — заговорили крепостные помещицы Водолеевой. — Того хоть за дело, за озорство, а наша барыня — так ни за что ни про что этих мальцов, словно цыплят, на торг возами вывозит. Не терпит барыня детского крику. Дворовых девок, так тех, о господи, едва у кого народилось дите, топить, как котят, понуждает.

— А наш барин, — вмешались в разговор крестьяне князя Пирятина, — по весне трех егерей заперол до смерти. А за что? За то, что те ненароком во время охоты подстрелили борзую. Сука поправилась, а мужиков — на погост.

Долго шумели на базарной площади мужики. Говорили всякое. И про то, как мрут крестьяне от разных болезней, и что избы у всех не избы, а бог знает что, и что дети растут не учены, и что сами мучены-перемучены и нет уже больше сил терпеть измывательства и гнуть мужицкие спины ради бар и господской прихоти.

Возвращались суворовские мужики к себе в Ундол, вспоминали разговор на базарной площади, думали: «Да, пожалуй, наш барин совсем хороший. Хоть и фельдмаршал, и граф, и князь, а все же жить при таком можно. Упаси нас бог от других господ».

ШКОЛА

Несколько лет Россия жила без войны. Войска Суворова стояли на одном месте.

Обзавелись за это время солдаты семьями. Понародились дети. Вот и решил Суворов организовать для солдатских детей школу. Организовал и сам стал вести в ней занятия.

Собралось вначале в школу двенадцать ребят и подростков. А через несколько дней пришла девочка — Нюта. Ребята стали смеяться: девчонка — и в школу! Язык показывают. Дразнят.

Только зря смеялись ребята. Нюта оказалась не глупее других.

— Сколько дважды два? — спросил Суворов.

Сидят ребята, морщат лбы, соображают.

— Четыре! — выпалит Нюта.

— Молодец! Правильно, — скажет Суворов.

Потом вызывает ребят к доске, заставляет писать разные слова. Выбирает трудные:

— А ну-ка, Рындин, напиши мне слово «еще».

Выйдет Рындин, подумает, напишет «ищо».

— Так, — произнесет Суворов. — А ну-ка, Лаптев, ступай ты.

Выйдет Лаптев, напишет «исчо». Мучаются ребята с упрямым словом. «Есчо», «ище», «исче» — по-разному пишут.

— Неверно, неверно, — говорит Суворов. — Ну-ка, Нюта, ступай к доске.

Выйдет Нюта и крупными буквами выведет: «Еще».

— Вот теперь правильно, — скажет Суворов и похвалит Нюту.

Или устроит Суворов урок географии:

— Где река Дон?

И снова ребята морщат лбы. Один на Волгу покажет, другой на Днепр, третий вообще бог весть куда заберется. Зато Нюта подойдет к карте, схватит указку и сразу в нужное место ткнет.

Вот и назначил Суворов Нюту старшей над классом. Обидно стало мальчишкам: девчонка — и вдруг старшая! Побыли они несколько дней в подчинении у Нюты, а потом Рындин и Лаптев обратились к Суворову с жалобой от всех ребят.

— Да, — произнес Суворов, — ваша правда. Нехорошо это. Не дело. Не пристало парням у девочки быть в подчинении. Только ведь по заслугам Нюта за старшую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Рындин.

— У нее голова больше, — произнес Лаптев.

— Неверно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдет.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудреные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «еще»?

— Через «е», «щ», «е»! — хором кричат ребята.

— Сколько дважды два?

— Четыре!

— А трижды три?

— Девять!

— Молодцы! Правильно! — хвалит Суворов.

Пришло время сдержать Суворову данное слово. Решил он назначить старшим над классом вместо Нюты Рындина.

Только ребята вдруг запротивились:

— Пусть остается Нюта.

— Нюта!

— Нюта! — понеслось с разных сторон.

Усмехнулся Суворов, порадовался. Хоть и малые ребята, а поняли, что прав был Суворов, назначив Нюту за старшего, что лучшего старшего им и не надо.

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат, — ответил фельдмаршал.

— Откуда идешь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это еще про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет, — говорит Суворов, — не знаю.

— Какой же ты солдат, — усмехнулся Санька, — раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!»

Бегал Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не брешы, не брешы, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое случиться, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил за собой, как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

ШУБА

Подарила императрица Екатерина Вторая Суворову шубу. Сукно заграничное. Мехом подбита. Воротник из бобровой шкуры. Хорошая шуба. Однако Суворову она ни к чему. Даже в самые лютые морозы фельдмаршал одевался легко, по-солдатски.

Спрятал бы ее Суворов на память в сундук, да только наказала царица фельдмаршалу с шубой не расставаться. Тогда Суворов пошел на хитрость.

Стал он возить за собой Прошку. Сидит Суворов в санках, рядом с фельдмаршалом — Прошка, важно держит в руках царскую шубу. Идет Суворов по улице. Следом за ним Прошка — в руках шуба.

Может быть, так до самой смерти своей и таскался бы Прошка с шубой, если бы вдруг кто-то не донес про суворовское непослушание императрице.

Разгневалась Екатерина Вторая, приказала позвать Суворова.

— Ты что же! — говорит. — Тебе что же, милость царская не по нутру?

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — По нутру, матушка. По нутру. Премного обязан.

— Ослушником стал! — укоряет царица. — Волю монаршую попираешь!

— Никак нет, — оправдывается Суворов. — Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчуку, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донес. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прошка специально приставлен... Прошка! Прошка! — позвал фельдмаршал.

Входит Прошка — приносит шубу. Рассмеялась царица.

— Ладно, — сказала, — бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Повесил Суворов шубу в дубовый шкаф. Там и висела шуба.

ПРО КОРМ И ХВАСТЛИВЫХ ПОМЕЩИКОВ

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей. Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко всему постоянно надоедали местные помещики. Приезжали посмотреть на Суворова, и каждый непременно приглашал фельдмаршала в гости.

Ездить же Суворов по гостям не любил и всем отвечал:

— Не могу. Не могу. Занят!

Приезжали помещики на тройках, четверках. Кони у всех резвые, сытые. Каждый пытался похвастать, пустить пыль в глаза — вот, мол, какой он богатый. А помещик Сопелкин приехал даже на целой восьмерке лошадей, запряженных цугом. Решил всех превзойти. Подумал: такому-то Суворов уж не откажет.

Глянул фельдмаршал на сопелкинскую восьмерку, задумался и вдруг действительно согласился.

На следующий день приказал Суворов собрать со всей армии восемьдесят самых тощих лошадей и запрячь их цугом в одну коляску. Запрягли. Уселся Суворов в коляску, поехал в гости.

Растянулся фельдмаршальский поезд на полверсты. Переступили первые пары через ворота сопелкинской усадьбы, а коляски с Суворовым еще и не видно — где-то за бугром тащится. Забили армейские кони весь барский двор — повернуться негде.

Понял помещик насмешку Суворова, однако смолчал. Распорядился развести коней по конюшням, пригласил фельдмаршала в дом.

Целую неделю гостил Суворов у Сопелкина. Съели за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сена, разжирили, поправились.

Простился Суворов. Уехал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли ответ от губернских начальников?

— Плохи дела, ваше сиятельство, — отвечают Суворову. — Нет ответа от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поехал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ездил к Шляндину, потом к Утконосову.

Другие помещики заволновались. Поняли — разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал все ездит и ездит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии еще долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

«ПУДРА — НЕ ПОРОХ...»

После смерти Екатерины Второй русским царем стал ее сын, Павел Первый.

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали. Нет ни

геройства. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, еще немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— «Букли»! — буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не смененную фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнес свою знаменитую фразу:

— Пудра — не порох, букли — не пушки, коса — не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! — и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

СУВОРОЧКА

Была у Суворова дочь — Наташа. Души не чаял Суворов в своей Наташе. В каких бы дальних походах ни был, всегда вспоминал о ней, писал частые письма, называл «душа моя», «милая голубушка», а друзьям говорил: «Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи».

Но вот Наташа выросла, была принята при царском дворе, закрутилась на разных балах и званых приемах и совсем забыла отца.

Грустил Суворов в одиночестве. Особенно загрустил, будучи в ссылке в селе Кончанском. Редко-редко приходили сюда письма из Питера.

А тут привязалась к Суворову девочка Катя Калашникова. Ходила Катя с Суворовым в лес, навещала Мишку, суворовского коня, жившего здесь в «отставке», лазила на гору Дубиху, где среди старых дубов и елей стояла маленькая сторожка, в которой любил отдыхать и работать Суворов.

Идут фельдмаршал и Катя, ведут разговор.

— Ты старенький, — говорит Катя.

— Какой же я старенький? — возражает Суворов. — Я молод. Смотри... — и прыгает, словно мальчишка, через овраг.

Катя смеется.

— Ты седенький, — говорит.

— Не сед я, а рус, — отвечает Суворов и молодецки встряхивает реденькими своими кудрями.

— У тебя морщинки на лбу.

— Какие же это морщинки? — отшучивается Суворов. — Это лихие шрамы.

— Ты не у дел, — заявляет Катя.

— Как не у дел! Вот и неправда, — уже серьезно скажет Суворов.

Возьмет девочку за руку и поведет в лесную сторожку. Переступит Катя порог — кругом книги и карты. Глянет на карты, а там планы боев и сражений. Хоть и жил Суворов в изгнании, да времени зря не тратил, готовился к новым походам.

К осени Суворов оборудовал одну из комнат кончанского дома под зимний сад. В лесу выкопали они вместе с Катей молодых сосенок, берез и елок, посадили их в кадки, установили в комнате. Потом с кончанскими мальчишками наловили синиц, снегирей и щеглов. Назвали комнату «птичьей горницей».

Любил Суворов сживать в «птичьей горнице». Приходила сюда и Катя. Сдружились они с фельдмаршалом. Вместе следили за птицами, давали им воду и корм, чистили комнату. А потом Катя садилась поближе к Суворову, и тот принимался рассказывать ей удивительные истории и забавные сказки.

Но вот случилась беда. Заболела Катя тяжелой болезнью — оспой. Заболела и не поправилась. Осиротела «птичья горница».

Сразу же по весне Суворов выпустил птиц на волю. А сосенки, березки и елки наказал высадить рядом с Катиной могилкой. Деревца разрослись. Появилась рощица. Часто приходил сюда Суворов, молча стоял и о чем-то думал. Может, о Кате. Может, и о Наташе. А Наташа по-прежнему ездила по разным вечерам и балам и совсем перестала писать в Кончанское.

НИКОЛЕВ

В селе Кончанском Суворов находился под надзором обедневшего помещика Николева.

Доставалось Суворову от Николева. Строго соблюдал Николев режимные правила: письма вскрывал фельдмаршала, доносил о тех, кто посещал опального полководца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние села.

Едва Суворов куда-нибудь собирается: «Не велено, ваше сиятельство, не велено!» — кричит Николев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николев тут как тут, возьмет лукошко, идет следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался!»

Николев гордился своим положением.

— Служба у меня немалая, — говорил он крестьянам, — сам фельдмаршал у меня в подчинении.

— Правда. Правда твоя, — соглашались крестьяне. — Может, тебе еще и награду дадут за усердие.

При таких словах Николев широко улыбался.

— А что? — отвечал. — Может, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Павел Первый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

— Есть, есть, ваше величество, — ответил Суворов. — Великая просьба имеется.

Говори.

— Был у меня в Кончанском надзиратель, — произнес Суворов, исправно, ваше величество, свое дело вел: письма читал, в Питер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николева.

Глава третья ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД АЛЬПИЙСКИЕ ГОРЫ

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо-солдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут пообмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут еще несколько — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдём дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошо, — произнес фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмутились солдаты.

— Русский все одолеет. Русскому все нипочем! — ответил Суворов. — Прощайте. — Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

Зашумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

ИДУТ СОЛДАТЫ, ВЕДУТ РАЗГОВОР

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша гибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалы. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — несется со всех сторон.

— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы!

Удержались солдаты. Отступили французы.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша гибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Сторонись! — несется команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша погибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда. Нет провианта.

Помрачнели солдаты. Насупились. Идут, опустили солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно, —

затянул чей-то голос, —

От покоя удаленно. Ой лю-ли, ой лю-ли, От покоя удаленно.

Приободрились солдаты. Затянули ремни потуже. Повеселели. Идут. Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом на коне, смотрит, любитесь.

— Братцы! — кричит Суворов. — Не страшны нам горы Альпийские. Не страшны нам французишки близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким Все на свете победим. Ой лю-ли, ой лю-ли, Все на свете победим!

Двигается. Двигается. Двигается. По горным вершинам, по темным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Двигается. Двигается. Двигается. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

ТУЧА

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропа ведет к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу. Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного маневра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

— Ну, с богом, — перекрестил их Суворов.

Поползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Поднялись уже до самых вершин, да только были замечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают — не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский хохолок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

— Шибче, шибче спускайся! — кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты — наплывает из-за гор на Сен-Готард черная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

— Побьются в тумане, — бранится Суворов. — Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут:

— Ну как, не вернулся князь Петр?

— Нет, не вернулся еще, — докладывают Суворову.

Прошло еще несколько минут.

— Ну как, не вернулся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура».

Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несется на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевает Суворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперед! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждет. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на

голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Петр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эн нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — и расцеловал генерала.

ЧЕРТОВ МОСТ

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдает десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Бросились первые смельчаки на мост, но тут же свалились, сраженные пулями, в пропасть. Бросилась новая группа героев. Достигли пролома. Не перепрыгнешь пролом. Остановились. Скосили меткие французские стрелки русских героев. Ринулся новый отряд. Снова погибель.

Остановилась атака.

Сидит Суворов верхом на казацком коне, смотрит на мост, на солдат, на вражеский берег. Понимает: сколько ни бегай солдаты — не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечает фельдмаршал метрах в ста от дороги — стоит невесть для чего построенный здесь сарай. «Разобрать бы сарай, связать бревна и перебросить через пролом», — соображает Суворов. Только подумал, смотрит — от других отделяется тощий солдат, что-то машет товарищам и несется к сараю. Бросились вслед гренадеры, взобрались на крышу, стали растаскивать бревна.

Наблюдает Суворов, видит: снимает тощий солдат поясной ремень. За ним и другие снимают. Связали, стянули ремнями солдаты бревна, подняли, поволокли к пролому.

«Мудрая голова», — подумал фельдмаршал о тощем солдате. Доволен Суворов солдатской смекалкой.

Поравнялись солдаты с мостом. Выпь, вьить! — засвистели французские пули.

Залегли смельчаки за бревна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся.

Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжелые бревна. Лег он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись бревна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — еще на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! — кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили бревна — к пролomu. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на бревнах, повернулся к своим, машет рукой. Развевает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдаёт непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренaдеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несется в ущелье.

Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чертов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мохов, Кирилл Мохов, ваше сиятельство. Гренaдер Апшеронского пехотного полка, роты капитана Лукова.

— Удалец! Удалец! — восхищается Суворов. — Переправу навел, мост соорудил. Богатырь! Витязь! Позвать удальца!

— Мохов! Мохов! — зовут солдаты.

Не откликается Мохов.

Лежит солдат на дне пропасти. Не слышит. Не видит.

Свалили солдата французские пули. Разбился о камни. Не бьется больше смелое сердце солдатское.

Погиб гренaдер, а слава осталась.

Соберутся солдаты, начнут вспоминать бои и походы, вспомнят Чертов мост. Вспомнят Чертов мост — вспомнят и Мохова:

— Если б не Мохов, если б не он — не видать нам победы. Доброе слово и память ему великая.

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ПОГОН

Идут войска, пробиваются через новые горы, через новые перевалы. Прорвались к Муттенской долине — тут роковая весть: полки, к которым торопился Суворов, разбиты.

Французский полководец Массена бросил теперь основные силы против Суворова. Силы неравны. У Массена в четыре раза больше солдат, чем у Суворова. И все же Суворов решил первым начать атаку.

Словно горная лавина, обрушились русские на французов. Полки Апшеронский и Азовский, казаки генерала Грекова врезались в противника с такой силой, что французы не выдержали и побежали.

Мечется Массена среди своих войск, кричит, пытается остановить. Не помогает. Бегут французы, давят друг друга, зажали в своей толпе самого Массена.

— Стойте! Стойте! — кричит генерал.

Вместе со всеми врезался во французские ряды и капрал Махотин. Видит — генерал на коне. Стал Махотин пробиваться к Массена. Пробился и сдернул Массена с коня. «Ну, братец, теперь не уйдешь. Теперь я тебя под мышку!» Радуется Махотин и вдруг видит у самого своего носа неприятельский штык. Кто-то из французских солдат бросился на помощь своему генералу. Отбил Махотин штык, повалил, пришиб прикладом француза. Повернулся опять к Массена. А тот уже на коне. Рванулся капрал к генералу. Ухватился рукой за плечо. Соскользнула рука. Пришпорил коня Массена. Вынес рысак генерала из битвы.

— Держи! Держи его! — кричит Махотин.

Да где уж! Быстрее ветра уходит Массена. Стоит капрал, смотрит сожалеючи вслед. Стоит и не замечает, что у самого в зажатой руке генеральский погон. Посмотрел на руку — правда погон.

Стыдно стало капралу, что упустил Массена. Решил про погон никому не рассказывать. А потом после битвы все же проговорился.

— Так ты же герой! — закричали солдаты.

Дивятся, рассматривают солдаты генеральский погон. Потом поднялись, пошли, рассказали ротному командиру, командир — генералу, генерал — Суворову.

На следующий день перед войсками был объявлен приказ фельдмаршала о производстве Махотина в офицеры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился.

А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон. Вот если б он живого Массена привел.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

— Так если ваша воля на то, — произнес и пригнулся.

Поманил Суворов капитана.

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаешь быть генералом?

— Не смею просить. Все от бога и вашего сиятельства, — гаркнул полковник.

— Ступайте принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — произнес Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов еще долго не мог успокоиться.

— «За какие заслуги!» — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

РОТА КАПИТАНА СМЕЛОГО

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличились больше других.

Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай, — послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апшеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона», — утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова», — доказывают четвертые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьется истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого, вот кто был первым, — ответил солдат.

— Рота капитана Смелого, — доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — произнес фельдмаршал.

После перехода через Чертов мост Суворов снова поинтересовался, кто был первым. Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришел, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выяснять героев.

— Рота капитана Смелого, — услышал Суворов опять в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты, шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чертовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первой рота капитана Смелого.

— Ах, вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну, ступай, еще раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, — а рота есть. Как же, есть! Она и в Апшеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, — перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты!

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на перевале — все в первых.

Вот кто-то из солдат и придумал про роту капитана Смелого. Выдумка солдатам понравилась.

Стали они с той поры самых отважных называть этим именем.

Так и пошло.

Отличатся апшеронцы.

— Так это же рота капитана Смелого! — кричат солдаты.

Отличатся азовцы.

— Рота Смелого!.. Смелого!.. Смелого!.. — несется в войсках.

Отличатся гренадеры Багратиона или казаки Грекова, а солдаты опять свое:

— Рота Смелого. Ей почет, ей и слава.

Понравилась Суворову солдатская выдумка. Стал и он по-солдатски. Зайдет разговор, кого посылать на опасное дело.

— Посылайте достойных, — говорит фельдмаршал. — Богатырей. Лучше всего тех, кто из роты солдатского капитана.

НОВЫЕ БАШМАКИ

Оборвались в пути солдаты. Изодрали мундиры, избили башмаки на горных дорогах. Стынут солдаты от холода. Жмутся на ночевках к кострам, греют озябшие руки и спины.

Не лучше других и Прохору Груше. Мундир — решето. Башмаки без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в тело.

Обвяжет Прохор тряпками ноги. Пройдет версту, от тряпок — мочала. Залатает мундир. К вечеру — снова ребра наружу.

Измучился солдат: жизнь не мила, небо с овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его на привале.

— Эхма! Видать, оступился, сорвался в пропасть, — перекрестились солдаты.

А утром Прохор явился. Глянули приятели — не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундир, башмаки новые.

Мундир и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундир. Ай да мундир! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

— Ногу задери, ногу! — просят солдаты.

Подымет Прохор ногу. Ну и башмаки! Из ременной кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

— Вот так обнова! — восхищаются солдаты. — Век бы ходить по камням и стуже.

— Где достал? — понеслись голоса.

— Никак, дружков нашел, французов!

— Тещу завел, — смеются солдаты.

Рассказал Прохор, что ходил он к французскому лагерю, подкрался, снял часового — вот и разжился.

Завидно стало солдатам. В следующую ночь уже несколько человек отправились за добычей. Однако назад никто не вернулся. Французы усилили караул и перебили пришельцев.

Так и остался Прохор Груша один во французской обнове.

Походил день, второй, а потом неловко стало солдату. Среди своих и словно не свой. Словно среди простых петухов — пава.

Не рад уже Груша теплу и удобству. Не мил ему ни французский кафтан, ни башмаки из ременной кожи. Стал он предлагать трофеи товарищам: одному башмаки, другому мундир.

Отказываются, не берут, не хотят солдаты.

— Ты раздобыл, ты и носи, — отвечают Прохору.

Говорят солдаты без зла, без зависти, просто неудобно им брать дорогой трофей у товарища. А Груше кажется, что солдаты его сторонятся, что из-за этих, будь они прокляты, башмаков и мундира теряет Прохор верных друзей и приятелей.

Прошел еще день. Проклял Груша французский наряд. Снял мундир, снял башмаки, связал бечевой. Раскрутил и запустил в бездонную пропасть.

Солдаты шумно обсуждали поступок Прохора Груши.

— Дурак... — проговорил кто-то.

— Эх ты, мышиный помет, — оборвали его солдаты. — Правильно сделал. Молодец Груша. Желает как все.

— Молодец! — подтвердил седоусый капрал. — Может, и погорячился Прохор, да, видать, душа у него солдатская.

САЛО

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба! — вздыхают солдаты. — Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить — тут впору одному бы наесться.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию, — предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашел первым, — возражает второй.

— Нет, так — чтоб каждому, каждому! — кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то произнес:

— Братцы, а я думаю так, отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу. Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало?! — подивился тот. — Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прошка. — Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

— Раненым?! Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают. — Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнес — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! — и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешептывались они по пути. — Вон как благодарил. Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«ВИЖУ!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков. — Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица.

Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдём дальше. Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин. Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдём дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают, — и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга.

— Вижу!

— Ай да Кожин. Ай да молодец. Ай да глазастый! — кричат солдаты. — Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню, — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«РАЗРЕШИТЕ ПОСТРАДАТЬ...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропа. Подойдешь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офицеров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает второй. — Надо вперед.

— Ну, а куда вперед?

Солдат задумался.

— Туда, — показал пальцем в долину.

— «Туда»! — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

— Братцы, — вдруг произнес плечистый парень из апшеронцев, — а что, ежели...

Солдаты повернулись к нему.

— У нас в деревне, — стал вспоминать парень, — ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чем сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — «На чем сидишь»! Да тут от тебя и мокрого места не останется...

— Тут как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, все же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лежа, может, и получится.

— Можно и лежа, — соглашается парень.

И снова заспорили солдаты. Одни за то, что получится, другие — что в этом деле верная гибель.

— Эхма! — вздохнул парень. — Была не была! — Скинул шапку, бросил о камни. — Разрешите, — говорит, — пострадать за православный народ.

Перекрестился парень, ружье под мышку — и к пропасти. Лег на спину.

— Ты куда? — подбежали солдаты.

— Разрешите пострадать... — повторил парень и отпустил руки.

Летит парень, переворачивается то с боку на бок, то через голову. Ударяется о камни. Сюртук растрепало, ружье выпало.

Смотрят солдаты, а у самих мурашки по телу. Пролетел парень еще метров сто и вдруг перестал катиться. Поднялся, замахал товарищам.

— Жив! Жив! — закричали солдаты.

— Бра-атцы! — раздается снизу далекий голос — Смелей, бра-атцы!

Зашумели солдаты. Задвигались. Бросились к пропасти. Один, второй, третий...

Вскоре вся русская армия кончила спуск. К вечеру того же дня солдаты достигли города Иланц.

Альпийский поход был закончен.

— Ну и ну! — поражались австрийские генералы. — Оленьими тропами — и провести целую армию!

— А что, — улыбался Суворов. — Там где олень пройдет, там и солдат пройдет. Где олень не пройдет, так и там российскому солдату пути не заказаны.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка. — Тут все ясное. Генералиссимус надо разуместь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в драных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и все слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высоченного солдата.

— Вот этот, — показал на приземистого седоусого капрала. — Вон они, — обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал, — произнес мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

ПТИЦА-СЛАВА

Рассказы об Отечественной войне 1812 года

Год 1812. Огромная, полумиллионная армия французского императора Наполеона I напала на нашу родину.

Наполеон был очень опытный полководец. Его армия считалась самой сильной в мире.

Много мужества, стойкости и великую сыновнюю преданность родине проявили наши деды и прадеды, защищая свою Отчизну.

О наших прославленных прадедах — героях войны 1812 года — и написаны эти рассказы.

Глава первая ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

ИДУТ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ

Год 1812. Лето. Мост через реку Неман. Граница России.

Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты. Сотрясает деревянные фермы солдатский шаг.

— Императору viva!

— Франции viva!

— Слава, слава, слава! — несется со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском коне, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застегнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближенных. Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с еще большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнес Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моем лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала.

— Отрастите русскую бороду, — издевается Наполеон. — Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалекого леса подымается солнце. Глянул маленький пламенеющий бугорок, ожег синеву, затем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар пожаром вкатился в небо.

Наполеон привстал в стременах:

— Вот оно, солнце Аустерлица![26]

— Императору слава!

— Франции слава!

— Вива, вива, вива! — несется со всех сторон.

Красные, желтые, синие — мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

КАКАЯ КУДА ДОРОГА

Под городом Вильной три гренадера попали в плен. О пленении русских узнал император Наполеон. Пожелал император французский посмотреть на русских солдат. Привели гренадеров. Наполеон с генеральской свитой стоял на холме у палатки. Слева дорога, справа обрыв, сзади еловый лес.

Смотрят солдаты: так себе человек. Невысокого роста. Лицо круглое. Щеки мясистые. Усов нет. Безбородый. В плечах широк, в поясе тоже — видать, отрастает брюхо. На ногах сапоги. Штаны в обтяжку. Треуголка верблюжьим горбом торчит. Правая рука на груди, сунута за обрез мундира. Соображают солдаты: никак, государь французский? Стали они во фронт.

Глянул император на солдатские лица:

— Русские?

— Так точно, ваше величество.

— Гренадеры?

— Так точно. Павловского гренадерского полка рядовые из первой роты.

Присмотрелся Наполеон к солдатам внимательней. Два молодых, чернобровых, третий совсем седой, медаль на груди.

— За что награжден, герой?

— За альпийский поход, за дело с Массеной.

— О!

— За взятие французского знамени в плен.

— Х-хм!

Неприятно Наполеону подобное слышать. Говорит он с издевкой:

— Как же ты такой боевой и вдруг к моим егерям попался?

— Бывает, ваше величество, — ответил солдат. — И сокол в силок влетает.

Усмехнулся Наполеон: не промах солдат, находчив. Интересно, как на другие вопросы ответит.

— Ну, а много ли войск у вашего императора?

— В нашей роте, ваше величество, двести душ.

— Да не в роте, в армии вашей?

— Да разве снежинки в метель считают? — загадкой ответил солдат.

Слово за словом идет разговор.

— Скажи, далеко до Смоленска?

— Как мерить. Гостю дорога близкая...

— Какими путями лучше идти к Москве?

— Царь шведский избрал Полтаву...[27]

Наполеон недовольно поморщил нос, на лице появилась суровость.

Чеканит гренадер Наполеону свои ответы, а сам молодым солдатам в сторону леса глазами косит.

— Ну, а дороги ты местные знаешь?

— Знаю, ваше величество.

— Так куда какая дорога?

— Сейчас объясню. Налево пойдешь, направо пойдешь, прямо пойдешь, куда ни пойдешь — назад не воротишься, — скороговоркой ответил солдат.

Насупился Наполеон. Задвигалась свита. Кто-то схватился за шпагу. Однако гренадер не дает им опомниться.

— Вон он, вон он, глядите! — закричал и вытянул руку к небу.

Подняли Наполеон и генералы глаза: что там такое?!

Небо как небо: синь да лазурь, белоснежным барашком одинокое облачко бродит, солнце, как печь, палит. Опустили они глаза. Смотрят, а русских солдат у палатки нет.

Пусто вокруг. Лишь чуть заметный след по траве волочится. Лишь трепыхнулись еловые лапы у края леса. Рассмеялся Наполеон. Потом вдруг нахмурился. Сел на коня и молча поехал к Вильне.

СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

— Что мы — зайцы трусливые!

— Что в нас — кровь лягушиная!

— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армии две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли: Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.

— Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно, — начал капрал, — дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами:

«Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк, — говорит лосенок. — Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберется мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосенка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защелкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк, — отвечает лось. — Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся», — ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защелкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал. Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намек.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

ТРОЙНАЯ СИЛА

Лежат у костра на привале солдаты: солдат Петров и солдат Егоров — солдат молодой и еще моложе.

— Сильны, сильны, басурманы... — вздыхает солдат молодой.

— Ружья у них хорошие, — вздыхает тот, что еще моложе.

— Когда бы французов числом поменьше, — опять начинает первый.

— Когда бы войска у нас побольше, — отвечает второй.

Размечтались солдаты:

— Вот если бы каждому из нас вдруг да тройную силу!

Наутро солдаты вступили в бой. Бьется солдат Петров в рукопашном бою. Сбил одного француза. Перевел дыхание. Вытер вспотевший лоб. Осилит второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блеснул перед грудью Петрова штык. Размахнулся солдат прикладом. Прикончил француза третьего.

Рядом бьется солдат Егоров. Сбил одного француза. Поправил ремни от ранца. Провел рукой по вспотевшей шее. Осилит второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блестит на солнце острый французский штык. Сторонись, не зевай, Егоров! Размахнулся солдат прикладом. Не стало француза третьего.

Кончился бой. Опять лежат у костра на привале солдаты. Солдат Петров и солдат Егоров: солдат молодой и еще моложе.

— Сильны, сильны, басурманы.

— Не говори.

— Когда бы французов числом поменьше.

— Когда бы войска у нас побольше.

— Кабы пушка была у каждого.

— Не говори.

Размечтались солдаты:

— Эх, кто бы нам силу тройную дал!

«ЗНАЙ СВОЕ ДЕЛО»

Генерал Багратион у Бобруйска направлял солдатский отряд в разведку.

— Только живо, — напутствовал Багратион, — суворовским маршем: туда и обратно.

Тронулись солдаты в путь. А чтоб не плутать, не сбиться с дороги, прихватили с собой местного мужика Агафона Охапку.

Оседлал Охапка свою лошаденку:

— Ну, служивые, не отставайте.

Идут солдаты, тащат ружья, походные ранцы. Впереди Агафон верхом на коне, побарски.

Едет он, повернется назад, глянет на солдатские лица:

— То-то, служивые, нелегка солдатская служба. Как же вам пеше за конным!

— Давай, борода, — отшучиваются солдаты. — Знай свое дело.

Идут солдаты версту, десять, пятнадцать верст.

«Эка сколько отмерили, — прикидывает Агафон. — Коню бы отдых, да и солдаты, поди, устали».

— Оно бы, служивые, отдых нужен.

— Давай, давай, борода, — посмеиваются солдаты. — Знай свое дело.

Прошли еще без малого десять верст. У Агафона на чем сидит уставать стало. Конь пошел вяло. Крутится мужик на седле, на солдат то и дело косится.

— Оно бы, служивые... — опять начинает Охапка.

Перебивают солдаты:

— Терпи, бородатый.

Прошли еще версты три. И вдруг заупрямился, остановился крестьянский конь. Слез Агафон на землю, от долгой езды шатается. Рассмеялись солдаты:

— Тебе что же, верхом наскучило?

— Променажу душа желает.

— Шило небось в седле?

— Ну вас к дьяволу! — огрызнулся Охапка.

Постояли солдаты минутку, тронулись дальше в путь. Тащится Агафон сзади, за узду коня волочет.

— Но-о, ленивый! Ноги твои еловые...

Выбивается мужик из последних сил.

Дошли солдаты до нужного места. Разузнали, что надо. Повернули назад:

— Ну, борода, собирайся.

— Помилуйте, братцы! — взмолился Охапка. — Коня пожалейте.

Улыбнулись солдаты:

— Ладно, сами назад дойдем.

Тронули, не мешкая, солдаты в обратный путь. Остался Охапка. Лежит на траве у дороги. Тело ломит, в ногах гудит.

— Эко дело, — качает головой крестьянин. — Коня загнали. Сам в мыле. Ну и солдаты!

КРИК В ТУМАНЕ

В белорусских сырых местах у реки Коноплянки сошлись на рассвете в низинке две гренадерские роты. Рота русских и рота французских солдат. Рукопашный взыгрался бой.

От реки потянулся туман. Придвинулся к месту боя. Осел, окутал, прикрыл солдат.

Бьется солдат Нерытов. Где свой, где чужой — разобрать трудно. То справа французская речь, то слева, то сзади, то спереди. И русские голоса то тут, то там, то

пропадут, то рядом совсем объявятся. Перемешались в бою солдаты. И вот показалось Нерытову, что русские дрогнули. Побежали рядом солдаты. Соображает Нерытов: «Э, если такое дело, тут и сам не плошай».

Увязался он за бегущими.

— Подождите, — кричит, — ребята!

Да где уж тут ждать. У страха ноги что крылья. Мчат гренадеры с оленьей прытью.

— Братцы! Родимые! — надрывает глотку солдат.

Страшно ему отставать. Однако чем громче кричит Нерытов, тем только солдаты бегут быстрее.

— Лешие... — ругнулся солдат. Прибавил он шагу.

Пробежали с версту. Хоть и взмок Нерытов до нитки, а все же догнал бегущих. Всмотрелся в солдатские спины: у русской пехоты мундиры темно-зеленого цвета, а у этих, о господи, — синие. «Так это ж французы», — понял солдат.

Совестно стало Нерытову. Ясно ему, кто из солдат дрогнул на месте боя. Понятно и то, почему не подождали его солдаты: он же русским криком врагов пугает. Развеселился от мысли такой солдат. Страх пропал, словно и вовсе такого не было.

Смышленным оказался Нерытов. Забежал он правее французов.

— Братцы! — кричит. — Тут они. Тут. Заходи, окружай, родимые!

Услышали французы крики правее, свернули с прямого пути. Опять забежал Нерытов, снова кричит. Опять повернули французы. Кончилось тем, что побежали французы в обратную сторону. Гонит их гренадер, не дает никуда отклониться. То с одной стороны забежит:

— Справа, братцы, справа!..

То с другой:

— Слева, братцы, слева!..

Бегут французы послушным стадом. Пробежали они версту. Вернулись к старому месту. Туман тем делом стал расходиться. Бой уже кончился. Строилась русская рота, собиралась в дальнейший путь. Вдруг видят солдаты: бегут французы. Схватили гренадеры ружья, забрали французов в плен.

Доволен Нерытов, что снова к своим вернулся. Смешался в солдатских рядах. Неловко ему в недавней трусости признаваться. Делает вид: мол, нигде я и не был. Поправляет свой ранец. Молчит.

Погнали русские пленных. Идут, удивляются:

— И чего прибежали? И как такое случилось? Непонятное что-то.

СОЛДАТ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Русские бились у Витебска.

Гренадер Федор Беда сражался вместе со всеми. Рядом с ним офицер Ардатов, рядом боевые товарищи.

И вдруг споткнулся, упал солдат. Ударила гренадера французская пуля в бок. Обожгла, вырвала клоч тела, ушла от ребра рикошетом в поле.

Подобрали санитары солдата. Отнесли к лекарям в палатку. Наложили Беде повязку на грудь, послали в команду для раненых. Только в команду солдат не прибыл. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры. Бьется Ардатов. Видят — рядом опять Беда.

Заприметил Ардатов героя.

Продолжается страшный бой. Не щадят живота своего гренадеры. Прошел час, и снова французская пуля достала солдата.

Вскрикнул, повалился на землю солдат. Кровь с головы на землю закапала.

Очнулся Беда снова в санитарной палатке. Промыли ему рану, перевязали бинтом голову, послали в команду для раненых. Только не прибыл в команду солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры с противником. Промокли солдатские рубахи от пота. Во рту пересохло. Синяки на плечах от ружейной отдачи. В ушах колокольный гул.

Смотрят солдаты — снова Беда тут же рядом в бою.

Заулыбались солдаты. Еще дружнее ударили по врагу.

К исходу дня гренадера ранило в третий раз. Пуля попала в ногу.

В третий раз попал солдат к докторам в палатку. В третий раз получил он приказ — немедленно в команду для раненых. Только не выполнил приказа солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту. Хромает, еле идет солдат.

Явился и снова вместе со всеми палит по французам.

Разинули рты солдаты. Подивился геройству Ардатов.

— Откуда ты родом такой?

— Где таких делают?

— Не из железа, случайно, куют?

Засмутился солдат.

— С Украины я, — произнес — Из-под Полтавы, с Ворсклы-реки. — Потом подумал и гордо добавил: — Солдат государства Российского.

РАЙ И АД

Утомился солдат в походе. Прилег под кустом на привале. Лег и крепко уснул. Не слышал солдат, как рота двинулась дальше.

Крепок солдатский сон.

Ночью тем местом бродила Смерть. Идет, шагает, костлявая, косу свою несет. Пристальным взглядом внимательно смотрит, считает погибших за день солдат.

Поравнялась Смерть с уснувшим солдатом, ткнула косой — не шевелится. Думает, помер, улыбнулась — и в общий счет.

Стали решать, куда назначить солдата — в рай или в ад. А так как грехов за солдатом особенных не было, выпала честь отправляться ему на небо.

Спустились ангелы и херувимы, забрали с собой солдата.

Прибыл солдат на небо, очнулся. Смотрит: места незнакомые.

«Видать, от части своей отбился», — соображает солдат.

Ходит он, плутает по облакам. Что такое? Ни поля, ни леса, ни речки, чтобы воды напиться.

— Эй вы, люди добрые! — начинает кричать солдат.

Явились ангелы и херувимы.

— Где я, любезные?

— В царстве небесном.

Вылупил солдат глаза от испуга.

«Боже, вот это попал! Эх, и будет мне от ротного командира. Унтер-офицер за отлучку шкуру с живого снимет».

— Помилуйте, отпустите! — взмолился солдат.

Переглянулись ангелы и херувимы. Впервые такое на небе.

— Отпустите! — кричит солдат. — Меня в роте товарищи ждут. Ротный меня заругает.

Расшумелся солдат на небе. Услышал господь:

— Что там такое? Кто там порядки райские нарушает?!

Доложили:

— Солдат.

Приказал господь бог привести солдата.

— Ты чем недоволен, служивый?

Струсил солдат при виде господя бога, а потом осмелел:

— В роту назад отпустите.

— В роту?! — усмехнулся господь.

— Ну да. Меня товарищи в роте ждут. Ротный меня заругает. Нельзя мне на небе. Отчизна моя в беде.

Присмотрелся господь, видит — не мертвый, живой перед ним солдат.

— Тьфу ты! — сплюнул господь с досады. — Снова напутали. Гнать его с неба.

Подбежали ангелы и херувимы, столкнули солдата вниз.

Летит, кувыркается с неба солдат. Заметили черти. Подхватили, потащили солдата в ад.

— Стойте! — кричит солдат. — В роту назад отпустите!..

Не слушают черти. Приволокли солдата к кипящим котлам:

— Раздевайся!

Привычен солдат к команде. Разделся.

— Залезай!

Забрался солдат в котел. Спустился в кипящую воду:

— Хоть кости свои попарю.

Заулыбался, замлел солдат.

Двигаются черти: «Ну и ну! Вот так грешник в котел попался». Тащат новые связки дров. Дуют сильнее на пламя. Вспотели рогатые. Видят, солдата огонь не берет.

— Эй, чего там расселся!

Вылез солдат:

— В роту назад отпустите.

— Ан нет, — отвечают черти. — Полезай-ка в студеную воду.

Окунулся солдат.

Видят черти — ледяная вода не берет солдата. Погнали на раскаленные камни. Камни ему нипочем. Голодом морят. И к такому солдат привычен. Подтянет ремень потуже, знай себе ходит по аду, пугает ружьем чертей:

— В роту назад отпустите!

Мучились, мучились черти с солдатом, другие дела забросили. Не хватает дьявольских сил. Обозлились рогатые:

— Черт с тобой! Ступай в свою роту.

Прибыл в роту солдат. «Рассказать или нет? — думает. Решает: — Лучше смолчу. Ротный еще заругает. Унтер за отлучку шкуру с живого снимет...»

ИСПАНСКАЯ КРОВЬ

Быстро идут французы. Пройдены Вильна, Свенцяны, Полоцк, Гродно, Новогрудок, Сморгонь. Растянулась французская армия. Верст триста по фронту. Верст триста вглубь.

Нелегко дается врагам Россия. Кони не выносят свирепых маршей — конский идет падеж.

Люди слабеют в походах — в армии тысячи хворых. Отстали в пути обозы: все меньше и меньше, плоше дневной рацион.

Вступают французы в русские села. Вот тут-то будет пожива. Хмуро встречают французов села. Ни людей, ни еды, ни тепла. Врывается враг в города. Вот тут-то будет пожива. Голые стены встречают французов, сиротливо стоят дома. Уходят от неприятеля жители. Увозят хлеб, поджигают сено, скот угоняют в леса.

Начинается ропот французов:

— Где же русское масло?!

— Где русское сало?!

— Одна лебеда!

Первыми взбунтовались испанцы.

Дело было в лесу. Три дня шумели холодные ливни, хлыстом бичевали солдат. Продрогли, промокли, простыли солдаты. Съели запас сухарей.

Окружают их мрачные ели. Тучи свинцовые давят. Сырость со всех сторон. Стали шептаться о чем-то испанцы. Вспоминают родимый дом: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира журчащий плеск.

— Куда мы идем?!

— Зачем мы идем?!

— Нет тут земли испанской!

В испанском отряде сто тридцать три человека. Сговорились солдаты. Решили вернуться домой. Взяли ружья, походные ранцы, по-солдатски построились в ряд.

— Стойте, куда?! — кричат французские лейтенанты.

Козырнули солдаты:

— Домой!

Зашагали испанцы.

— Стойте! Именем императора: стойте! — кричат лейтенанты.

Повернулись испанцы, дали прощальный залп.

Целый день пробирались на запад солдаты. Идут, Испанию вспоминают: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира ласкающий плеск.

Шагают испанцы. Не знают солдаты того, что грозный приказ уже отдан по армии.

Заслонили солдатам войска дорогу, перекрыли на запад пути.

Схватили испанцев, разоружили. Построили, бедных, в ряд:

— Каждый второй выходит наружу.

Вышел каждый второй. Подняли французы ружья.

— Именем императора: пли!

Грянули залпы.

Обагрила русскую землю испанская кровь.

ХЛЕБ-СОЛЬ

Решили французские офицеры сделать Наполеону приятное.

Знали они, что у русских такой обычай: встречать дорогих гостей хлебом и солью. Вот бы сюрприз императору.

Приступили французы к делу. Явились в село Прокоповичи, собрали крестьян, объяснили, в чем дело.

Жмутся крестьяне:

— Да село у нас бедное.

— Село невеликое.

— Барин к тому же сбежал.

— Но-но! — прикрикнули офицеры. — Обойдемся без барина.

Пошутукались крестьяне между собой:

— Ладно. Будет исполнено.

Прибыли офицеры на следующий день проверить, все ли в порядке. Смотрят — ни хлеба, ни соли нет. Набросились французы на мужиков. Разводят крестьяне руками:

— Да муки у нас для хорошего хлеба нет.

Ругнулись офицеры. Приказали из армейских запасов привезти муки в Прокоповичи.

Явились на следующий день. Смотрят — снова ни хлеба, ни соли. Разводят крестьяне руками:

— Соли, ваши благородия, не оказалось.

Ругнулись опять французы. Приказали доставить с воинских складов армейских соль.

Прибывают на третий день:

— Ну как, все ли готово?

Разводят крестьяне руками:

— С дровами, ваши благородия, худо. Нечем огня разложить.

Начинают французы терять терпение.

— Как — нет?! Лес же у вас под боком!

— Так ведь то барский, ваши благородия, лес.

— Барин же ваш сбежал.

— А вдруг воротится! Барин у нас того, строгий.

Что офицерам делать? Позвали солдат, отправили в лес, приказали рубить дрова.

Явились французы снова:

— Ну, каков получился хлеб?

Разводят крестьяне руками.

— Да что вы! — вскипели французы. — Плетей захотели? Жизни не жалко? За слушание — смерть!

— Воля ваша, — отвечают крестьяне. — Только ведь бабы наши все, как единая, хворые, некому хлеб испечь.

Замаялись офицеры. Уж и не рады, что придумали хлеб и соль. Пришлось им срочно вызывать армейского пекаря.

Наконец-то все в полнейшем порядке.

— Ну, — говорят они мужикам, — чтобы завтра быть чисто умытыми, чисто одетыми, девчатам ленты в косы вплести.

— Будет исполнено.

Прибывают французы на пятый день. Встречает их каравай испеченного хлеба. Запах душистый. Корка искристая. Рядом солонка стоит. Довольны офицеры. Побежали они по селу собирать крестьян. Только что же такое?! Пустое село. Осмотрели избы, сараи, овины — ни единого жителя. Ушли крестьяне целыми семьями в лес.

Разразились французы страшной бранью. Уж и так и этак поносят крестьян. Однако что же тут делать: не нести же самим хлеб и соль императору?

Сели они на коней. Едут лесной дорогой. Вдруг метнулись в испуге лошади. Грянули выстрелы. Полосанула из леса дробь: крестьянская хлеб-соль.

БУРГУНДСКОЕ

Против Наполеона сражалось тридцать казачьих полков. Приметны лихие казаки. Синие куртки, штаны с огневыми лампасами. Черная шапка с белым султаном. Пика, ружье. Конь боевой. Характер бедовый. Казацкая челка бугром торчит.

Боялись донских казаков французы. Увидят казацкие пики, услышат казацкие гики — сторонятся. Боялись французы. А вот лейтенант граф де ла Бийянкур не боялся.

— Хотите, я вам казака пригоню живого? — заявил он товарищам.

Усмехнулись французы.

Знают кавалерийские офицеры, что лейтенант вояка неробкий. Однако такое, чтоб в плен, да живого...

— Не верите? — обижается лейтенант. — Вот честь вам моя дворянская. Вот слово вам графское. Хотите пари?

Заклучили они пари. На ящик вина бургундского.

И вот лейтенанту представился случай. Смотрят французы: едет казак по полю. Едет себе, не торопится. Трубку табаком набивает.

Душа, добрый конь, Эх, и душа, до-обрый конь! —

плывет казачий напев над полем.

Вшпорил де ла Бийянкур коня, бросился казаку наперерез. Скачет, саблей до срока машет: руку свою проверяет.

Увидел казак француза, развернулся ему навстречу. Трубку за пояс, песню в карман, пику немедля к бою.

Подскакал лейтенант и прямо с ходу, привстав в стременах, саблей стук по казацкой пике. Разлетелась на части пика. Лишь древко в хозяйских руках осталось.

Не готов был казак к такому. Не о пике думал, голову оберегал. Удачен маневр лейтенантский: обезоружен казак.

— Сдавайся, сдавайся! — кричит де ла Бийянкур.

И снова саблю свою заносит. Понял казак, что дело с таким непросто. Отпрянул поспешно он в сторону. Смотрит, чем же с врагом сразиться. Ружье за плечом — сейчас не дотянешься, нагайка висит у пояса. Схватил нагайку казак.

Съехались снова они. Острая сабля в руках француза. Простая нагайка в казацких руках.

— Сдавайся! — кричит лейтенант.

— Сейчас, ваше благородие, — процедил сквозь зубы казак. Вскинул нагайку, в седле подался, но руке офицера хватить.

Вскрикнул француз. Разжалась рука. Выпал острый клинок на землю.

Присвистнул казак, привстал в стремях и начал хлестать француза. Бьет, приговаривает:

— Вот так-то, твое благородие... Вот так-то. А ну-ка, бочком повернись. Вот так-то. А ну-ка еще... Эх, главное место жаль под седлом укрыто!..

Видят французские офицеры, что их товарищ попал в беду. Помчались на помощь. Не растерялся казак. Схватил де ла Бийянкура за ворот мундира, перекинул к себе на седло, пришпорил коня и помчался к ближайшему лесу.

Опоздали французы. Скрылся казак в лесу. А лес для русского — дом родной. Как огня, боятся французы русского леса.

Остановились они, сожалеючи смотрят вслед.

— Э-эх, ни за что пропал лейтенант. Уехало наше бургундское.

БЕССТЫДСТВО

Лейб-гвардии его величества казачий полк шел в арьергарде барклаевских войск. Каждый день у казаков с неприятелем то большие, то малые стычки. Привыкли гвардейцы к опасной жизни. Каждый лезет вперед, норовит проявить геройство.

Под городом Витебском казаки созоровали.

Казачий полк стоял на одном берегу Двины. На другом, высоком, расположились лагерем французские кирасиры. Заметили гвардейцы у берега сторожевой пост неприятеля. Руки чешутся. Кровь играет. Вот бы кого побить. Только как же к врагам подкрасться? За версту все видит французский пост. И вот собралось человек десять. Расседлали они коней, разделись, взяли пики, ступили в воду, оттолкнулись от берега.

Казаки не без хитрости. Плынут так, что еле-еле чубы из воды виднеются. За гривы лошадиные держатся. За шеи лошадиные прячутся. Глянешь с противоположного берега: плывет табун расседланных лошадей — видать, от своих отбилсь.

Смотрят французы, довольны. Спустились они к реке. Поджидают живой гостинец.

Подплыли гвардейцы к чужому берегу. Почуяли. Почуяли землю. Вскочили. Схватили пики, перебили французский пост.

Расхрабрились совсем казаки. Мало им, что побили пост, решили ворваться к французам в лагерь.

Прыгнули на лошадей. Гикнули. Свистнули. Пики вперед: уступай молодцам дорогу.

Обомлели французы: что за чудо — голые всадники. Пронеслись казаки по лагерю, поработали пиками, развернули коней — и назад. Скачут, смеются:

— Я память двоим оставил.

— Мы с Гаврей троих прикончили.

— Я офицера, кажись, пырнул.

Весело озорникам. Только рано они смеялись. Поднялся по тревоге кирасирский полк. Помчались французы вдогонку. Зашли слева, справа. Погнали казаков на камни к крутому, словно стена, обрыву Двины.

Подскакали лейб-казаки к обрыву, придержали коней:

— Братцы, стена!

А кирасиры все ближе и ближе.

— Н-да, плохи наши дела.

А кирасиры все ближе и ближе.

Вот уже взлетели в небо тяжелые кирасирские палаши.

— Эх, погибать, так со славою! — выкрикнул кто-то.

Похлопал казак скакуна по гриве:

— Спасай, выручай, родимый!

Взвился конь на дыбы. Метнулся, заржал — и в воду с обрыва. Следом бросились остальные.

Дружна с удалцами удача. Никто не побился. Переплыли гвардейцы Двину. Ступили на берег. Прокричали:

— Привет французам!..

Бывший при полковом лагере штабной офицер возмущался:

— Голыми! Да по какому уставу! Его величества полк, и вдруг... Тут же конфуз для российского войска!

Доложил он Барклаю де Толли.

— Да, да, — соглашался Барклай. — А ну, садись-ка, пиши приказ: плетей казакам за бесстыдство, за геройство вручить медали.

ДВА КУРЬЕРА

Мчится курьер из Первой русской армии от генерала Барклая де Толли во Вторую русскую армию к генералу Багратиону.

Мчится курьер из Второй русской армии от генерала Багратиона в Первую русскую армию к генералу Барклаю де Толли.

Пробираются курьеры окружными дорогами. Объезжают французские сторожевые посты, обходят французские части. Стараются ехать то лесом, то балкой. Больше ночью и меньше днем. Мчатся офицеры навстречу друг другу, съехались на половине пути.

— Ну как у вас в армии Первой?

— Ну как у вас во Второй?

Разговорились курьеры. Каждому хочется геройством похвастать.

— А мы под Полоцком девятьсот французов пленили, — заявляет первый курьер.

— А у нас под местечком Миром атаман Платов с казаками устроил засаду и порубал без малого целый французский полк, — отвечает курьер второй.

— А у нас генерал Коновницын под Островной сразился с самим Мюратом.

— А наш генерал Раевский под Дашковской побил Даву.[28]

Спорят офицеры. Один другому не уступает.

— У нас солдаты самые смелые.

— Нет, у нас самые смелые.

— У нас генералы самые умные.

— Вот и неправда: умнейшие в нашем войске.

Чуть не подрались курьеры. Хорошо, что шел в это время лесом старик крестьянин. Остановили его курьеры:

— Рассуди-ка нас, старый.

Торопятся, перебивают один другого. Выслушал крестьянин.

— Да-а, — произнес.

Полез в карман. Достал яблоко, разрезал на две половины.

— Ешьте.

Съели курьеры.

— Ну, какая доля вкуснее?

Смотрят офицеры удивленно на старого. Что за нелепый вопрос! Оно же из единого целого. Как же так, чтобы вкус у одного яблока и вдруг оказался разный!

Не ясен курьерам намек крестьянский.

— Да-а, — произнес старик. Смотрит — над лесом сокол кружит. Соколиными крыльями машет. Указал крестьянин рукой на небо. — Какое крыло сильнее?

Смотрят офицеры удивленно то на сокола, то на крестьянина. Что за нелепый вопрос! Как же так, чтобы у сокола и крылья по силе вдруг оказались разные!

Опять не понимают офицеры намек крестьянский.

— Ты нам головы не мути!

— Зубы не заговаривай!

— Э-эх! — обозлился старик, выломил две хворостины. — А ну-ка, снимай мундиры, — и вновь за свое: — Посмотрим, какая больнее хлещет.

Переглянулись офицеры. Хотели обидеться. И вдруг рассмеялись. Дошло наконец до спорщиков.

А до всех ли из вас дошло?

«ГДЕ ЖЕ ОНИ, ГЕРОИ?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака.

Топот солдатских ног. Пушек звериный рев. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются и другие полки и роты. Не уступает в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Брызжет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер солдатской рубахой Заноза кровь, шуткой других забавляет:

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лежа целит, в врага стреляет:

— Братцы, вперед!

Бьются герои. Льется потоками кровь. К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром туманами. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гарева. Негде укрыться от палева. Бушует, мечется огненный водоворот, идет по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам все новые и новые части. Понимает Барклай де Толли — не осилить французов русским, ночью отдал приказ отойти войскам.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые версты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассадку.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай де Толли:

— Слава героям!

Переглядываются солдаты: «Кому это Барклай де Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам, — решают симбирцы.

— Видать, уфимцам, — решают волынцы.

— Видать, симбирцам, — решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам:

— Где же они, герои?

АФРИКА

Французы шли из Смоленска к Дорогобужу. Группа солдат во главе с молодым лейтенантом продвигалась вдоль днепровского берега. И вдруг из-за береговой кручи, из-за кустов и развесистых ив послышались выстрелы.

Один, второй, третий...

Без промаха бьют свинцовые пули. Что ни выстрел — французом меньше.

Приказал лейтенант остановить продвижение. Прижались солдаты к земле, открыли ответный огонь.

«Видать, значительный отряд, — соображает лейтенант. — Рота, а может быть, и больше». Стал он просить подмогу. Доложил по команде.

Явилась подмога. Прислали и пушку.

— Пушка, пали!

Грянула пушка. Пронеслось ядро по кустам, прошипело, волчком закружилось по круче. Второе ядро врезалось в старую иву. Расщепило, искалечило ствол. Качнулась, рухнула ива.

— Ура! — закричали французы.

Стреляют солдаты. Бьет, не смолкая, пушка. Идет настоящий бой.

— Целься сюда! — подает команду лейтенант. — Целься сюда! Левее, правее, еще правее...

Стреляют французы, а не знают того, что у Днепра в ивняке всего-навсего один русский солдат находится. Перебегает солдат от куста к кусту, от ивы к иве, стреляет из разных

мест — вот и кажется со стороны, что целый отряд сражается. До самого вечера шла перестрелка. Наконец русский солдат умолк.

— Франции viva! Императору слава! — закричали французы.

Доложил лейтенант начальству, что одержал он большую победу, уложил целую роту русских солдат.

Утром к этому месту прибыл сам генерал. Интересно ему взглянуть на побитых русских. Двинулись французы к берегу Днепра, под старые ивы. Идет лейтенант, сердце стучит. Думает: «Человек пятьдесят русских побил. — Потом поправляется: — Нет, сто». Ждет он наград за усердие.

— Там рота, целая рота легла, — докладывает генералу.

Вышли они к Днепру, идут по крутому берегу. Идут, да только русских не видно. Обошли берег и в одну и в другую сторону — всего один русский солдат валяется. Приник он к земле, словно в атаку бежать собрался.

— Ну где же ваша рота? — обратился генерал к лейтенанту.

Не может понять лейтенант, в чем дело. Где же действительно русские?!

— Тут они, тут они были. Видать, разбежались...

Усмехнулся генерал.

— М-да... Вот она, ваша рота, — ткнул рукой на русского егеря.

В тот же день о подвиге русского солдата доложили Наполеону.

— Один? — переспросил император. — С ружьем против роты солдат и пушки?

— Так точно, ваше величество.

— Лев, лев... — произнес Наполеон. Потом повысил голос и почти закричал: — Все они львы. Львы, а не люди. Не Россия, а Африка.

Глава вторая НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВОЕННЫЙ МАНЕВР

Нелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет. Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды в голову, раз в щеку. В одном из сражений Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», — идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберечь надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты. — Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда, — отвечает Кутузов. — Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов. — Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступить!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, — ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится — продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой!

— Что-то непонятное, — разводят они руками.

— Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Решил Кутузов объехать войска, посмотреть на боевые полки и роты. Взял он штабных генералов, тронулся в путь. Едет, встречает пехотный полк. Лежат на привале солдаты.

Увидели пехотные командиры главнокомандующего и генералов:

— Встать!

Повскакали солдаты, застыли, как сосны.

Подъехал Кутузов:

— Не надо, не надо. Пусть лежат, отдыхают солдаты. На то и привал.

Подивились пехотные командиры: впервые так, чтобы перед главнокомандующим и генералами не надо было вставать во фронт, — распустили они солдат.

Едет Кутузов дальше, встречает уланский полк. Расположился полк у какой-то реки. Сняли уланы мундиры, засучили рукава и штаны, коней боевых купают.

Увидели уланские командиры Кутузова:

— Стройся!

Бросили уланы своих коней, построились в ряд.

Подъехал Кутузов:

— Отставить! — И строго на офицеров: — Тут не мне — коню боевому внимание.

Едет Кутузов дальше, встречает артиллерийскую батарею. Пушки солдаты чистят.

Увидели главнокомандующего артиллерийские командиры:

— Становись!

— Разойдись! — еще издали крикнул Кутузов. Подъехал ближе, стал отчитывать командиров: — Не смей отрывать пушкарей от дела. Пусть солдаты пушки к боям готовят.

Объехал Кутузов немало полков и рот. И всюду одно и то же. Увидят офицеры Кутузова:

— Стройся!

— Отставить! — кричит Кутузов. — Тут война, не военный парад.

Поражаются армейские офицеры:

— Порядки какие-то новые!

Прошло несколько дней.

Войска стояли у города Гжатска. В какой-то избе собрались офицеры. Пьют вино, веселятся, играют в карты. Шум и крики, как дым при пожаре, из окон столбом валют.

Проезжал Кутузов мимо избы, услышал разгульные крики. Решил посмотреть, что там в избе творится. Слез он с коня, заходит в избу.

Увидели офицеры главнокомандующего, соображают: встать им, не встать, бросить игру или нет? Вспоминают наказ Кутузова, решают остаться на месте. Продолжают в карты себе сражаться.

Постоял, постоял Кутузов, покачал головой: «Да, неплохо усвоили наказ офицеры. Поняли, что к чему».

— А ну-ка, голубчики, — вдруг произнес, — коли время у вас свободное, там у ворот Серко мой с дороги стоит нечищенный. Ступайте к нему. Ступайте, голубчики. Да поживее! — прикрикнул Кутузов.

Опешили офицеры. Приказ есть приказ. Вскочили, помчались вон из избы. Дорогой разводят руками:

— Чтобы офицеру да чистить коня! Порядки какие-то новые...

КТО КАК ДУМАЕТ

Вечер. Штабная изба. Тускло горят две свечи. Кутузов сидит за простым крестьянским столом, подписывает приказы и распоряжения. Рядом вытянулся дежурный генерал, подает одну за другой бумаги. При каждой новой бумаге Кутузов обращается к дежурному с одним и тем же вопросом:

— Про что тут, голубчик?

Генерал докладывает.

— Так, так... — кивает головой Кутузов. Затем начинает читать. Читает долго, не торопясь. Если глянуть со стороны, можно подумать: не заснул ли главнокомандующий? Но вот Кутузов берет перо — гусиным в то время еще писали, — макает его в чернильницу и осторожно выводит подпись.

Над одной из бумаг Кутузов задержался особенно долго. Прочитал раз, второй, повел своим единственным глазом на генерала, наконец произнес:

— Не пойму что-то. Перескажи-ка, голубчик.

— Прощение, ваша светлость.

— Так.

— От помещицы Смоленской губернии Нащекиной Глафиры Захаровны.

— Так.

— Драгунские фуражиры скосили, ваша светлость, зеленый овес на поле помещицы. Владелица просит о возмещении убытков в размере сорока четырех рублей.

— Так, — произнес Кутузов, посмотрел на генерала. — Как же нам быть, голубчик?

— Мародерство, ваша светлость, — отвечает генерал. — Тут по всей строгости надобно. Под арест бы виновных.

Кутузов закивал головой, повернулся к своему адъютанту:

— А ты как, голубчик?

— Надобно извиниться перед графиней. Солдатам — шпицрутенов, ваша светлость.

Кутузов поднялся из-за стола, прошел в сенцы, открыл выходную дверь.

— Эй, братец! — окликнул стоящего у избы караульного. — Ступай-ка сюда.

Солдат нерешительно переступил порог, вытянулся:

— Слушаю, ваша светлость.

Объяснил Кутузов, в чем дело. Ждет, что же ответит солдат. Караульный замялся, переступил с ноги на ногу.

— Так что же, голубчик?

— Лес рубят — щепки летят, — гаркнул солдат. — Россию отдаем, неужто, ваша светлость, овсом скупиться!

Кутузов поднял глаза на солдата:

— Родом откуда?

— Деревенька Глушково. В семи верстах от Смоленска.

— Так деревня твоя под французом?

— Сожгли мужики деревеньку.

— Та-ак, — произнес Кутузов. — Ладно, ступай. — Повернулся к своим офицерам: — Слыхали?! Как же нам быть?

— Солдат — мужик, — заявил генерал. — Солдату чужого добра не жалко. Наш долг защищать дворянство.

— Дворянство — оплот царю и отечеству, — произнес адъютант. — Права графиня Нащекина, тут надобны строгости, в пример для других.

— Да-а, — протянул Кутузов, — «лес рубят — щепки летят...» — повторил он слова солдата, подошел к столу, взял в руки письмо, вновь прочитал, поморщился и вдруг разорвал на мелкие части. — Позорнейший документ для россиянина. Не смею в армейских делах хранить.

Затем Кутузов склонился к столу, открыл стоящий на нем деревянный ларец, отсчитал сорок четыре рубля из собственных денег, протянул адъютанту:

— На, отправь графине Нащекиной. Да отпиши, что главнокомандующим отдан специальный приказ и произведен с виновных строжайший взыск.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГУСЬ

Далеко прошли от русской границы французы. Без малого тысячу верст. Сколько их по пути побито! Тысячи в русской земле зарыты. Сколько вернется домой калек!

Начинают роптать солдаты:

— Куда нас ведут?..

— Нам бы отдых в Смоленске нужен...

— Нам бы дальше Днепра не ходить.

С каждым шагом врагу труднее. Обтрепаться успели солдаты. Голодно им в пути.

Попадется солдатам краюха хлеба — чуть ли не драка. Отобьют у крестьян скотину — прямо со шкурой ее едят.

Где-то за Вязьмой в Сычевском уезде ночевали солдаты у речки. Проснулись утром, видят — по лугу гусь здоровенный ходит. Как он сюда попал? Деревни кругом пустые. Крестьяне со скарбом давно в лесах. То ли птица отбилась от общей стаи, то ли просто был любопытный гусь: пришел посмотреть на французов.

Вскочили солдаты:

— Лови!

— Окружай!

— За лапу хватай!

Хоть гусь и не очень прыткая птица, а все же поди схвати! Заметался гусак по лугу. Шею тянет, шипит. Как парусами, крыльями хлопает. Тяпнул клювом за штаны одного солдата. Тяпнул за палец второго. Отбивается длинношей, ускользает из самых рук.

Проснулись от шума солдаты. Бегут на подмогу новые.

— Заходи к нему сзади!

— От речки гони!

— С фронта!

— С тыла!

— Давай во фланг!.. — как в настоящем бою, раздаются над лугом команды.

Как ни бился, все же попался гусь. Схватили его солдаты. Глаза разгорелись, рты приоткрылись, слюна течет.

На лугу оказались солдаты разных частей. Были французы, были пруссаки, итальянцы и даже из дальних кустов примчался житель вольного города Гамбурга.

Возник у добытчиков спор.

— Гусь наш, — говорят французы.

— Гусь наш! — кричат пруссаки.

— Гусь наш! — шумят итальянцы.

— Гусь мой! — вопит житель Гамбурга. — Я первым его схватил.

Сцепились солдаты. Ругань стоит над лугом:

— Прусское рыло!

— Итальянская швабра!

— Эй, француз, лягушку живую съешь!

Приехал на шум генерал. Прикрикнул, навел порядок.

— В чем дело?

Мнутя солдаты.

— В чем дело? — повторил генерал.

— Гусь... — отвечают солдаты.

Смотрят, а где же гусь?.. Нет, не видно, не слышно нигде пернатого. Лишь перо, как память о нем, в руках у одного из солдат осталось.

Пока шумели, ругались солдаты, гусь юрк между ног и к речке быстрее ходу. С лапы на лапу, с лапы на лапу, с берега в воду поспешно прыг. Отплыл, залез в камыши. Лишь глазом оттуда удивленно посматривает. Видать, и впрямь любопытный гусь.

МЕШОК С ДЕНЬГАМИ

Богатый мужик Дормидонт Проскуров стал торговать с французами.

У других крестьян французы ни за какие деньги ничего не достанут. Лучше сожгут крестьяне, лучше в реке утопят, лучше в лес волкам отнесут — лишь бы не французам.

А Дормидонт Проскуров — пожалуйста!

Видит он, что французы на деньги нескупы. Чего упускать момент, не трижды живем на свете.

Продал Проскуров

зерно,

сено,

корову,

козу,

распродав гусей и кур.

Мешок специальный завел. Деньги в мешок собирает.

Рассуждает: чего бы еще продать?

Вспомнил он о соленьях. Продает огурцы и капусту, грибов небольшой остаток.

Небывалый у Дормидонта Проскурова торг.

— А репу возьмете?

— Возьмем.

— А морковь?

— Возьмем и морковь, — отвечают французы.

Разбухает мешок с деньгами. Даже жмых Дормидонт перебивший продал. Наконец Проскуров продал последнее. В общем, ни с чем остался.

«Бог с ним, — решает. — Денег мешок. Я теперь на всю округу самый богатый. Раз в десять больше всего накоплю».

Был Дормидонт продавцом, стал теперь покупателем. Отправился верст за двадцать в не занятое французами село на базар. Ходит что гоголь.

Тут посмотрит, там приценится, и это и то пощупает.

Облюбовал

телку,

корову,

коня,

второго коня,

козу.

Ну и пригонит домой богатства!..

Вот и сошелся в цене. Начинает считать кредитки:

— Раз, два, три...

— Э, да ты подожди, постой... Они же фальшивые!

— Что! — заревел Проскуров. — Какие фальшивые? Они же французами плачены!..

Стал собираться народ. Стали смотреть кредитки. Так и есть, все, как одна, фальшивые.

А дело в том, что, отправляясь в Россию, Наполеон приказал напечатать фальшивых денег. Оттого-то французы и щедры.

Взвыл Дормидонт Проскуров. И туда, и сюда, к одному и к другому... Да только никто на фальшивые деньги продавать ему ничего не согласен. Вернулся домой он черней черноты. Есть хочется — никто не дает. Худеет страдалец бедный.

Наконец какой-то озорной мужичонка нашелся:

— Хочешь краюху хлеба?

— Давай!!!

— Только тащи свой мешок с деньгами.

Поскулил, поскулил Дормидонт, отдал мешок: есть хочется. «О господи, это за краюху-то и все-то мои богатства!»

Сожгли крестьяне фальшивые деньги.

Прошел день.

Снова Проскурову кушать хочется. Никто не дает. Никто не здоровается. Не желают знать крестьяне предателя.

Как же он жил? Да так вот и жил. Пока совсем не отощал и не помер.

Жалко? Нисколько.

ДЕЛИКАТНОСТЬ

Многие дворяне при подходе французов бросали свои имения и уезжали.

Однако были такие, которые и оставались. Не уехала и княгиня Затонская.

— Французы меня не тронут, — заявила княгиня. — Я во французском духе воспитана. Я романы на их языке читаю. Французы — сама деликатность.

Махнул старый князь рукой:

— Ну, как знаешь.

Взял и уехал.

Осталась одна княгиня, да девка при ней, Парашка.

Пришли французы под Вязьму. Какой-то отряд вступил и в имение князей Затонских.

Явились солдаты в дом выбирать ночлег для своего командира.

Прошли они длинным рядом различных комнат, облюбовали одну с окном к востоку.

Комната небольшая, зато уютная. Кровать белым как снег застелена. Запахи ароматные. Столик, духи на столике.

— Как раз нашему офицеру.

Подошли княгиня и девка Парашка.

— Это комната моя, — объясняет княгиня.

— Это комната ее сиятельства, — уточняет Парашка.

«Какое еще сиятельство!» — смотрят на женщин солдаты.

— Это комната для нашего офицера, — говорят они грозно.

А в это время офицер вошел в дом. Услышал он разговор о комнате, подошел, поклонился княгине.

— Пардон, — произнес, — мадам. Виконт де Ланжерон, — представился. Поцеловал княгинину ручку. — Убирайтесь! — крикнул солдатам. Шаркнул ногой перед девкой Парашкой. — Пардон, мамзель...

Просияла княгиня. Предлагает она офицеру остаться, выбрать любую из комнат.

— Хотите ту, что с балконом, или нет, лучше ту, что в китайском стиле.

— Господину офицеру лучше бы княжеский кабинет, — предлагает девка Парашка. — Там ружья висят и сабли.

— Не смею, — отвечает виконт, — нарушать ваш покой. Время военное, пересплю по-солдатски.

Сказал, опять поклонился и тут же вышел наружу.

Стоят княгиня с Парашкой.

— Вот это француз! Сама деликатность.

Решил офицер переночевать рядом с княжеским домом в селе.

Выбрал избу получше.

— Вот здесь, — указал солдатам.

Вошли солдаты в избу, минут через пять вернулись.

— Ваше благородие, там горница занята. Там восемь детей крестьянских. Мал мала меньше. Хозяйка больна — лежит в беспамятстве.

Глянул грозно офицер на солдат:

— Очистить избу немедленно!

Побежали солдаты.

Поздно вечером заглянула в село и девка Парашка. Встречает крестьян. Хвалится французским офицером, никак не нахвалится:

— Он ручку барыне поцеловал!.. Солдат из господского дома выгнал. По-кавалерски мне поклонился. И все говорил «пардон». Сие есть деликатность, — объясняла Парашка.

Чешут мужики свои бороды:

— Н-да, ворон ворону глаз не выклюет.

ЦАРСКИЕ ЛОШАДИ

В Екатеринославский драгунский полк поступило конное пополнение — 126 лошадей. Кони не простые, из царских конюшен. Сам Константин Павлович Романов, родной брат царя Александра, их для полка пожаловал. Правда, за плату.

— Повезло, — рассуждают драгуны.

— Кони небось в сажень. С трудом на таких залезешь.

— Кабы не война, видал бы ты этих коней!

— Ныне и царский род для войны не скупится.

Потом пошел разговор, почем за коней уплачено.

— По двести двадцать пять рублей серебром за штуку.

— Деньги немалые. Тройная, выходит, цена.

— Так ведь и лошади царские.

Прибыли кони. Столпились драгуны, стоят глазеют.

Кони какие-то странные. Ростом по грудь. Кожа к костям прилипла. Многие вовсе беззубые.

— Может, ошибка, — перешептываются драгуны.

— Царские, может, только еще в пути.

Ошибки не было. Пришел коновал. Стал проверять, здоровы ли кони. Порядок такой из веков в кавалерийских войсках. И вот — 45 оказались больными сапом. Чтобы не разносили заразу, тут же их пришлось пристрелить. 55 — не подходили по старости. Продали их немедля. С трудом по 40 рублей — где уж серебром, в бумажных рублях — ассигнациями.

Лишь 26 лошадей были причислены в полк. И то, честно сказать, с натяжкой.

— Да-а, — рассуждают драгуны. — Выходит, царский братец того... устроил обман-коммерцию.

— Как купец, гнилое подсунул.

— На войне поднабил карман.

— Не кони, выходит, хворые, — тихо промолвил какой-то солдат, — в царевом роду, видать, червоточина.

ГОСПОДИ, ПОМОГИ!..

Где-то в глуши, в смоленских лесах и чащобах, затерялся мужской монастырь.

Бьют монахи земные поклоны:

— Господи, помоги, уйми супостата, силу нашим войскам пошли!..

Бьют монахи земные поклоны. Молятся, молятся, молятся. Только не слышит их слов господь. Наступают кругом французы.

— Господи, не оставь! Помоги!.. — взывают монахи. Предают Наполеона они анафеме, беды всякие кличут, лютые кары ему сулят.

Однако господь, словно и нет-то его на небе, молчит и молчит. То ли спит, лежебока, на облаке, то ли просто, разбойник, ленится.

Нашлись среди монахов такие, которые сняли свои сутаны, надели мирское, ружья в руки вместо креста и влились в русское войско. А остальные остались. Продолжают у бога защиту вымаливать.

Просили, просили — не отозвался господь. Пришли в монастырь французы, какая-то конная часть.

Загадили кони подворье. Солдаты в погребках монастырских рыщут, в кельях песни свои кричат.

В испуге живут монахи. Днем с совками и метлами ходят — убирают конячий навоз. И лишь ночью, забившись в кельи, тихонько продолжают господу богу поклоны бить.

Приехал как-то французский полковник. Собрал он монахов.

— А ну молебен во славу императора Наполеона!

Замялись монахи, да что же тут делать. Побьют их французы. Кто же тогда господа бога будет просить о спасении, кто же будет поклоны бить?!

Отслужили монахи молебен в честь императора Наполеона.

— И впредь служить ежедневно! — отдал строгий приказ полковник.

— Слушаем, — пискнули черносутанники.

Так и служат теперь монахи. Утром — за здоровье императора, ночью — за упокой.

— Уйми ты его, супостата!.. — гнут монахи свои спины до десятого пота. — Лютые кары ему пошли!..

Да только не отзывается что-то господь.

То ли в просьбах господь запутался, то ли просто всевышний ленится.

«ВОЙСКО ВТОРОГО СОРТА»

По всей России в срочном порядке собирали для армии новых солдат. Из губернии Санкт-Петербургской, Московской, Нижегородской, из других губерний и мест России походным маршем шли они на войну. Крестьяне бросали свою соху, мелкие торговцы до лучших времен закрывали лавки. Обозники, каретники, плотники, горожане любых ремесел оставляли свой дом и труд. Называли новых солдат ополченцами.

Враг наступал. Для учений времени не было. Умел держать ружье, не умел — все равно, ты отныне есть боевой солдат.

— Братцы, в боях научимся!

Под городом Гжатском к регулярной русской армии присоединились сразу двадцать пять тысяч таких новобранцев.

— Эка сила какая прибыла! — подзадоривают новых солдат бывалые. — Что грибов в урожайный год. Значит, вас прямо в бой. Карасями на сковородку.

Ходят ополченцы, настоящим солдатам завидуют.

У солдат в разный цвет мундиры, панталоны в обтяжку, на ногах башмаки.

У ополченцев простые кафтаны, портки-шаровары, сапоги невоенного кроя.

У солдат шапки с султанами, кивера и кокарды.

У ополченцев просто фуражки.

У солдат ружья, штыки на ружьях.

У ополченцев ружье на троих.

— Вы рангом нас чуть пониже, — смеются солдаты. — Войско второго сорта.

Всюду вновь прибывшему меньший почет. Так и тут, на войне.

Под тем же городом Гжатском ополченцы имели первое «дело». Отличились они в бою. Отбили и в плен пригнали отряд французов. Сгрудились у пленных солдаты.

— Ты смотри!

— Ну и бороды!

— Ну и кафтаны!

Рады ополченцы, что их солдаты бывалые хвалят. Осмелели. Стали просить, чтобы каждому дали ружья.

— Не давать им, не давать ружья! — смеются солдаты. — Да они с ружьями всех французов в плен заберут, нам ничего не оставят.

Конечно, дали бы новым солдатам ружья. Да ведь ружей в армии не хватало, многотысячной стала армия. Ружья — они не грибы. Их в лесу под кустами не сыщешь. Ружья делать и делать надо. Да разве главное в ружьях? Ружье без солдата не стрельнет. Солдат и без ружья победит.

ГРИШЕНЬКА

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимовича — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!.. — опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону, — пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дите, как есть дите». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу, — повторил Кутузов. — Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженого роста.

Кутузов удивленно поднял глаза.

Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой наконец Кутузов. — Быть по сему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову. «При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

ТАТАРИН

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трех сосен.

Глянeshь отсюда налево — речки-певуньи крутой изгиб. Глянeshь направо — бежит дорога. Посмотришь вперед — поля и поля, необъятная даль России. Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания. Лежат, как в строю убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, тощие, полные, усатые, с пухом на месте усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты, как же им быть — татарин другой, не христианской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы того, не покарал бы господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой солдаты.

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе сражался. Погиб за Россию. Хоть и не христианская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по-христиански его в сторону. Пусть остается со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился.

Только хотел начинать отпевание, видит — лежит татарин.

Нахмурился батюшка:

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать, — повторил священник.

— Ваше преподобие, — полезли солдаты, — пусть остается.

Перекопилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел на солдат батюшка. — Хриstopродавцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское. В это время холмом мимо трех сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился.

— В чем дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чем дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь бога!..

— Ладно, ладно, — поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило. — Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал. Кутузов взял и сам замахал кадилом.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Много в русской армии разных полков. Московский пехотный, Московский драгунский, Полтавский, Смоленский, Елецкий, Иркутский, Литовский уланский, Ахтырский гусарский... Ингерманландский[29] драгунский полк.

Отходят войска от Гжатска, дорогой идут к Можайску.

Остановились ингерманландские драгуны на ночевку в селе Заболотном, расседлали коней.

Окружили драгун крестьяне:

- Откуда родом, служивые, будете?
- Новгородские.
- Вологодские.
- Из-под славного города Санкт-Петербурга.
- С Волхова.
- Из Ижорской земли.
- Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.
- Как так? — поразились драгуны.
- Да название больно у вас диковинное.
- Так не мы же его придумали. По губернии нашей значимся.
- Ясно, — протянули крестьяне.

Переночевали драгуны в селе Заболотном, на следующий день ночевка в новом каком-то селе.

Обступили драгун крестьяне:

- Откуда, служивые, будете?
- Новгородские.
- Вологодские.
- Из-под славного города Санкт-Петербурга.
- С Волхова.
- Из Ижорской земли.
- Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.
- Что, название больно диковинное? — усмехнулись драгуны.
- Нет, — говорят крестьяне. — Уж больно притко русскую землю врагу отдаете.

Смутились драгуны. Ну и крестьянский язык — режет острее бритвы.

- Так ведь это военный маневр, — повторяют слова Кутузова.
- Может, оно и маневр, — рассуждают крестьяне. — Только что же это за армия, если солдаты по-рачьи пятаются.

Обидно слушать такое драгунам. Едут они к Кутузову. Ни шагу назад, решают драгуны. Станем как пень. Хватит сеих маневров.

А Кутузов и сам уже выбрал место для битвы. К этому месту теперь и подходили войска. Разыскали солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, сил больше нет. Отмени военный маневр. Дай команду побить французов.

Улыбнулся Кутузов:

— Час пробил. Быть по сему. С богом, служивые!

Доволен главнокомандующий, что пыл боевой в войсках.

— Значит, бой! — зашумели солдаты.

— Бой! — ответил Кутузов.

— Ура! — закричали драгуны.

Едут драгуны к себе в деревню, везут долгожданную весть. Встречают крестьян у околицы. Кричат для задора:

— Чем же ваше село известно?

Село как село. Чем же оно известно? Ничем.

— Поп у нас рыжий! — выкрикнул кто-то.

— То-то! — смеются солдаты. — Быть ему черным от гари и дыма.

Обомлели крестьяне. К чему бы такие речи?

А драгуны опять с вопросом:

— Как величать деревеньку?

— Бородино, — отвечают крестьяне.

Глава третья БОРОДИНО

ПРОВАЛИЛАСЬ, КАК В ТОПЬ, ТИШИНА

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородина. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекie прадеды наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни! Знай! Не забудь!

Перед зарею, еще в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доезжая версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки Горки. Он еще с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Где-то вправо уходила река Колоча, образуя развилку с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Затем линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь верст далеко налево,

где за Семеновским ручьем и селом Семеновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи.

Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее ее, за селом Семеновским, были вырыты флешы — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флешы.

Правый фланг русских войск занимала армия Баркляя де Толли. Левый — армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьем бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом грузен Кутузов. Не вернешь молодые годы.

Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Гулко отдает земля в ночной тишине. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки.

Затем он подымается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завозились на ветлах. Конь под Кутузовым дернул траву копытом, тихо заржал.

Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из Кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Все светлее, светлее восток. Округа с холма словно в твоей ладони. Притихло, замерло все. Недвижны войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули раскаты пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

«ЭТО УДВОИТ СИЛЫ»

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона.

Место здесь самое опасное. Подходы открытые.

Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион, — ответил Кутузов. — Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил на левый фланг. Взять Багратионовы флеши, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь.

Три кавалерийских корпуса ринулись к русским флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте.

Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

— Это на одного генерала и столько-то маршалов, — шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идет атака. Упорны французы. Страх не знают французы. Лезет на флеши вместо убитых новый солдатский ряд.

— Bravo, bravo! — кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшиты не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги. Сошлись две стены. Бьются герой с героем.

Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперед. Лишь курганы растут и растут из солдат побитых.

Не стихает у флешей бой. Солнце все выше и выше. Вот уже и совсем высоко. Вот и в зените.

Не сдаются упрямые флеши. Как утесы, как скалы держатся.

Негодует Наполеон. Срывается план императорский.

Посылает он двести, триста, четыреста пушек.

Грозен приказ императора:

— Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

— Ну как, отступил Багратион?

— Нет, ваше величество.

ГДЕ ИСКАТЬ БАГРАТИОНА

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказы, распоряжения.

Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат, — любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он, — решают.

— Генерал вон там, — посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл, — слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время.

И лишь один Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит. Завидно другим посыльным. «Эка удачлив какой Воейков». Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто, — отвечает Воейков. — Князь Багратион самолично мне в том помогает.

— Ты головы нам не мути. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

— Секрет? Вот он, секрет, — показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В столах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков. — Где самое жаркое место?

Нашли офицеры.

— Вон там, — тычут поспешно пальцами.

— Туда и скачите, — ответил Воейков. — Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

НЕПОБЕДИМАЯ ШПАГА

Кирасир Адрианов во время Бородинской битвы был приставлен к Багратиону. Зрительную трубу подавал генералу, придерживал за уздцы коня, во фляге таскал ключевую воду.

Неотступен, как тень, кирасир Адрианов. Посматривает он на князя Петра, на горбатый орлиный нос («грузинец», — рассуждает солдат), на цепкие руки («такие шпагу не выпустят»), на ладную фигуру Багратиона («девкам на загляденье»).

Нравится Адрианову генерал. И за боевую удачу, и за то, как говорит с солдатами: все «братцы» или «ребята». И как воду из фляги пьет. Глотками большими, словно силу в себя вбирает. Но больше всего Адрианову нравится тот момент, когда, приподнявшись на стремях и вытянув кверху руку, голосом зычным, аж дрожь по спине, Багратион прокричит:

— В атаку!

Вот и сейчас. Вот уже генерал подался в седле. Вот-вот призывное крикнет. И вдруг... о пригорок вналет ядро. И в ту же секунду Адрианов решил, что привиделось. Из правой ноги генерала на землю хлынула кровь.

Осел генерал. Вцепился в поводья:

«Усидеть, усидеть. Виду войскам не подать».

Минута казалась годом. Качнулся Багратион. Без стопа повалился на землю. Подбежала генеральская свита. Стащили сапог. Мундир расстегнули. Отложили стальную шпагу.

Явился армейский доктор. Осмотрел, покачал головой:

— Осколок. Смертельно.

Кое-кто потянулся к шляпам. Вырвался стон у пожилого полковника. Адрианов пытался пробиться к Багратиону. Его оттеснили.

— Я же при генерале!..

— Ступай, ступай! — прикрикнули офицеры. — Больше не надобен.

«Убит, убит», — пошло по войскам.

И вдруг непонятное стряслось с кирасиром. Увидел он Багратионову шпагу. Секунду смотрел. Потом схватил — и навстречу французам. Добежал, пырнул одного, другого. Замерли офицеры. Затаили солдаты дыхание. Разит кирасир Адрианов врагов, лишь шпага на солнце сверкает Багратионова, непобедимая шпага.

НАСТОЙ ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ

В центре русских войск между левым и правым крылом возвышался курган — самая высокая точка на всем Бородинском поле. На кургане была поставлена русская батарея. Теперь, после гибели Багратиона, когда французам наконец удалось потеснить левый фланг, все их силы были брошены к центру. Курганная батарея оказалась главным местом сражения.

К полудню батарея дважды переходила из рук в руки. Упорство и с той и с другой стороны достигло предела. Под генералом Барклаем де Толли убита пятая лошадь. Не стихает страшная канонада. Ядра, словно плуги, вздымают землю. Градом по полю стучит картечь. Хрипят недобитые кони. Одиноким воплем раздалось чье-то рыдание. Неистово бьют барабаны. Черное облако дыма закрыло солнце. Французы опять потеснили русских. Стоит Кутузов на возвышенном месте у Горок, зорко следит за битвой. Подзорная труба в руках у Кутузова. Окружают его адъютанты, курьеры, посыльные. То одного, то другого манит к себе Кутузов:

— А ну-ка, голубчик, скачи на Курганную.

— Ступай-ка, батенька, в корпус Дохтурова.

— Разведай, братец, как дела у Раевского.

Мягко, без крика отдает приказы Кутузов. Все у него на счету: куда подвести резервы, какому генералу сменить позицию, к какому месту подвинуть пушки. Знает Кутузов, что в битве бывает всякое. Иногда и отступишь на шаг, зато после десять отмеришь вперед. Хладнокровен в бою Кутузов. Видит он, что французы теснят у Курганной русских. Однако не это в бою главнейшее. Победу в конце считают.

В это время влетает на холм генерал Вольцоген. Конь генеральский взмылен. Лицо генерала бледное. Уздечка в руках мелкую дробь выбивает. Осадил генерал коня.

— Отступаем, — кричит, — отступаем! Рушится, ваша светлость, центр!

Вольцоген был генерал не из храбрых, хотя на словах и бойкий. Недолюбливали его в армии. Недолюбливал и Кутузов.

Видит Кутузов, что центр действительно заколебался. Смотрит на это место, потом подымает взгляд на Вольцогена:

— Да что вы, голубчик, я ничего не вижу.

— Вот же, вот же! — кричит Вольцоген. — Взгляните, — и тянет подзорную трубу главнокомандующему.

Поднял Кутузов трубу, приложил к незрячему глазу, тому, что был выбит еще лет тридцать назад под Алуштой.

— Нет, — говорит, — ничего не вижу.

Понял Вольцоген хитрость Кутузова, промолчал. Повернулся он к месту боя. Смотрит, а там действительно отступление кончилось. Ударили наши солдаты в штыки, сами гонят французов. Усмехнулся Кутузов.

— Да вы, батенька, видать, стороны перепутали. Бывает, голубчик, бывает. Оно от усталости... — Подозвал адъютанта. — Генералу настой валерьяновый.

ЗАВТРАК ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

Пока Кутузов разговаривал с генералом Вольцогеном, у Курганной батареи произошло вот что. Сюда на помощь Барклаю де Толли с правого фланга по приказанию Кутузова прискакал генерал Милорадович. Как раз русские начали отступление.

Горяч Милорадович. Лихой, боевой генерал, суворовский. Не зря он послан сюда Кутузовым.

Кричит Милорадович что-то солдатам, глохнут, как в вате, в артиллерийском гуле слова. Решил генерал личным примером увлечь войска. Взял он с собой адъютанта и с места в карьер, галопом по полю навстречу французам. Влетел на пригорок, осадил скакуна, спрыгнул на землю.

— Распорядитесь, — командует адъютанту, — подать сюда завтрак.

Многое видел адъютант на своем веку, знал генеральскую лихость, однако такое... Стоит, растерялся.

Рвутся кругом гранаты. Картечь как дождем поливает — верная смерть.

— Завтрак подать! — кричит Милорадович.

Бросился адъютант выполнять приказание. Тащат генералу еду. Ухватил он утиную ногу, из фляги водой запивает.

Не стихает зловещий бой. Ядра бугор осыпают. Видят солдаты под огнем генерала.

— Господи, пищей, никак, занялся!

— Да ну!

— Ей-ей! Утиную ногу ест.

— Выходит, наши дела неплохи.

— Братцы, вперед!

Собрались солдаты с силами, бросились на французов. Этот момент и увидел с холма Вольцоген.

Уцелел под огнем Милорадович. Понял: не зря прискакал под пули. Отшвырнул недоеденный кус утятин. Снова вскочил на коня. Вернулся к своим полкам:

— Дружно, вперед! Герои!

Бьются, бьются солдаты. Огромным факелом пылает Бородино. Третий час после полудня. Кто сказал, что попятились русские?!

РУКА

Молодой офицер Бибиков, уходя на войну, мечтал о подвиге, о геройстве.

Прибыл Бибиков в армию, надеялся попасть в боевой полк. Однако судьба поступила иначе. Определили его офицером в штаб, для переписки разных бумаг и приказов.

— Какое же в штабе геройство... — вздыхает Бибиков. — Где же я подвиг здесь совершу, чем же имя свое прославлю!..

Прошло два месяца. Наступил день Бородинской битвы. Сражение было в самом разгаре. Пушки палили и с той и с другой стороны с такой силой, что не только голосов, но и ружейной стрельбы не было слышно. Бой шел за Курганную батарею. В это время Бибиков был послан к командиру одного из полков с приказом оставить свои позиции и срочно идти на помощь к генералу Раевскому.

Вскочил Бибиков на коня, помчался выполнять важное поручение. Рад, что наконец из штаба вырвался. Едет, все о подвиге думает.

Торопится Бибиков, знает — поручение срочное. Лихо мчит через гущу боя.

Разыскал он указанный полк, передает приказ командиру.

— Громче, громче! — кричит командир.

Заглушает канонада слова посыльного. Не может понять полковник, в каком направлении двигаться.

Привстал тогда Бибииков в стремях, протянул руку в нужную сторону. Только протянул, как просвистало, пролетело неприятельское ядро, ударило Бибиикова в самый локоть. Обломилась, отлетела, как хворостина, рука. Вскрикнул Бибииков от боли, стал валиться с коня. Падает, а сам понимает, что не передал он важный приказ полковнику. Собрал офицер последние силы — вторую руку в том же направлении тянет.

— К Курганной батарее, на помощь Раевскому... — прохрипел, упал и тут же лишился сознания.

Понял полковник. Снялись солдаты, пошли на помощь товарищам.

Весть о подвиге молодого офицера быстро прошла по русским полкам. Достигла она и Кутузова.

— Молодец! — прослезился Кутузов. — Отменный, видать, офицер. К награде его. В списки героев. На вечные времена — внукам в пример, Отчизне во славу.

Пришел в себя Бибииков только вечером, уже в санитарной палатке.

Смотрит на то место, где еще утром была рука, сокрушается:

— Как же я подвиг теперь совершу, чем же имя свое прославлю!..

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин. — Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала местом недавней схватки. Спустились кони в низину. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Словно бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

— О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объехать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперед! Мертвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза. Скорей бы проехать жестоким местом. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровавых подтеках. Кивер лежит в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы, — зачастил Епифанов. — С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал. — А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей слышит зов. Улыбка прошла по лицу капрала.

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка, кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал. Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несется с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил воин свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробыная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем еще не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем!

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так устали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрется Дуга:

— Да что я, дите какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат. — Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей, — отбивается Клим, — да что я — к откорму хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложит. — Дяденька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды, — простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идет по солдатским рядам.

Нет нигде, как в пустыне, воды.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно током прошло по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады, — кричит Дуга, — дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским понятно — неспроста побежал солдат. Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студеной, в разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, височную часть.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где?

Из сердца достал солдатского.

РЫЖИК

Родился он маленьким-маленьким, рыженьким-рыженьким, словно в беличью шубку одет. Поднялся на хилые ножки, удивленно глянул на белый свет и нежно заржал.

— Рыжик! — вырвалось у кого-то.

Так и остался лошадеенок при этом имени.

Прошло три года. Рыжик вырос, окреп. Не конь — загляденье. Шея тонкая, ноги стройные. Буйным ветром летит по полю.

Вскоре Рыжик попал на военную службу. Определили его в гусарский полк к самому командиру. Однако не понравился чем-то коню гусарский начальник. То ли годами полковник стар, то ли сердце имел недоброе. Не подпускает Рыжик к себе командира: бьет копытом, рвет удила.

Разозлился полковник, отдал коня своему адъютанту. Однако и тут неудача. То ли зелен-молод совсем адъютант, то ли душа у него нехрабрая. Не признает конь офицера, свечкой вздымает к небу.

Намучились в гусарском полку с конем. Наконец решили отчислить упрямца. Да только тут влились в русскую армию казаки генерала Платова. Казак Савостин и выпросил Рыжика.

Почуял Рыжик славную руку хозяина. Савостин лихой казак. Савостин всегда впереди. И Рыжик привык к почетному месту. Смирились другие кони, почтительно уступают ему дорогу.

Гордится Рыжик своим хозяином. И Савостин к Рыжику, как к лучшему другу. Сам его кормит, сам его поит. Сам чистит и гладит коня.

В самый разгар Бородинской битвы Кутузов отдал приказ казакам генерала Платова и кавалерийским полкам генерала Уварова быстрым маршем пройти по французским тылам, ударить противнику в спину.

Помчались лихие кавалеристы, с криком и шумом обрушились на неприятеля. Не ожидали французы русских в своем тылу. Завязался горячий бой. Дрогнула французская конница. Врезались казаки в ряды французской пехоты, прошлись, как ножом по маслу.

В это время Савостина ранило. Вылетел казак из седла, рухнул на землю.

Проскочил Рыжик с разгона сквозь французский заслон, остановился. Повел головой. Вначале тихо, потом громко заржал. Много тогда коней без седоков оказалось. Стали лошади собираться около Рыжика. Привыкли ходить за ним. Создался целый табун. Заметался по полю Рыжик — ищет хозяина. И другие кони за ним то в одну, то в другую сторону. Хоть лошади и без седоков, да в общей массе и они боевой отряд — завидя их, разбегаются враз французы.

Разыскал Рыжик Савостина. Взобрался казак на коня. Полетел догонять товарищей. Мчится Рыжик по полю, голову держит высоко-высоко.

Лихим назвать бы его, а не Рыжином. Да только клички даются с детства.

ПТИЦА-СЛАВА

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать.

Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица, — ответил солдат. — Она над боем всегда кружится. Кто схватит тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает. Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь, как устоять против конных, думает.

А кони все ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице. Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не оставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошелся всю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Все тише руки удар. Минута — и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Дают вразворот коней.

Казалось бы, все. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И все же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины. Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья Свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим.

Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почет!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Не видят солдаты. Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

«ДАЙТЕ МНЕ ГВАРДИЮ!»

Возвышенное место у села Шевардино. Здесь напротив центра русских позиций ставка Наполеона. Император был одет в серую походную шинель. Сидел на складном стульчике, то и дело смотрел в подзорную трубу. За все долгие часы Бородинской битвы он ни разу не покинул этого места.

Иногда Наполеон поднимался и начинал молча расхаживать из стороны в сторону. В самые напряженные моменты битвы сюда долетали русские ядра. Несколько раз они подкатывались к самым ногам императора. Наполеон не сторонился. Он тихо отталкивал их ногой, будто то были простые камни, помешавшие во время прогулки.

За спиной у Наполеона толпилась свита. За свитой находился военный оркестр. Исполнялись военные марши. За холмом в низине стояла французская гвардия — главный резерв императора. Генералы не узнавали своего императора. Куда-то пропала энергия Наполеона. Он был сумрачен, неразговорчив.

Император не узнавал своих генералов. Никогда он еще не видел столько тревоги на лицах своих подчиненных.

Генералы не узнавали своих солдат. Не то чтобы бились солдаты хуже, нет, геройства хоть отбавляй, да только никак не осилят русских.

Все было не так, как всегда. Много Наполеон одержал великих побед. Не знал себе равных.

Но здесь... Целый день не смолкает битва. А где же победа? Смешно и сказать — сто метров русской земли отбито.

Понимает Наполеон, что изменяет счастье ему военное. Сумрачен император французский.

— А что, если гвардию бросить в бой? — советуют генералы.

Бережет император гвардию. Не решается бросить в бой.

Подлетает к Наполеону маршал Даву:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Я принесу вам победу.

Поводит император отрицательно головой.

Несется к императорской ставке Ней:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Победа, ручаюсь, у ваших ног.

Не дает император гвардию.

Появляется маршал Мюрат, самый любимый французский маршал:

— Дайте мне гвардию!..

Отправляет назад император Мюрата.

Ясно Наполеону, что и гвардия здесь не осилит. А гибель гвардии — верная смерть.

Французы отбили Курганную батарею, но дальше не двинулись. Стоят перед ними России солдаты, не солдаты — стальная стена.

День потухал. Солнце катилось к закату. Отгремели орудия. Кончился бой. Завершился кровавый день. Каждая из сторон осталась на старом месте.

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собрались русские генералы. Идет военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать оставить Москву. Слова такие — ножом, топором по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу, — главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность. Главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клоч сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы. Россия ждет.

— С потерей Москвы, — тихо начал Кутузов, — еще не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибла Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю, — вновь повторил Кутузов, — отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

Глава четвертая КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА КЛЮЧИ

Наполеон подъехал к Поклонной горе. Поднялся конь на бугристое место — взору открылась Москва.

Шедшая за императором гвардия стала тесниться. Лезут солдаты вперед.

— Москва! Вот он, конец войне.

И опять, как тогда, при переходе через Неман:

— Слава! Слава! Слава!

— Императору viva!

— Франции viva! — несется со всех сторон.

Яркое солнце стояло в зените. Город, как чудо, лежал на своих холмах. Золотом крытые маковки церквей и соборов играли, светили, слепили глаза. Вот оно, русское диво.

Здесь, при въезде в Москву, Наполеон стал ожидать горожан с поклоном. Обычай такой — побежденным ключи приносить от города.

Наполеон не может скрыть торжества. Победа достигнута. Сейчас принесут ключи. Не сегодня-завтра русский царь Александр пришлет генералов, запросит мира. С новой славой вернется император в родной Париж.

И солдатам радость глаза закрыла. Смотрят на город: вот где квартиры, вот где отдых — покой, хлеба и мяса горы.

— Императору слава!

— Viva, viva, viva! — не умолкают солдатские крики.

Надел Наполеон любимый парадный наряд — мундир егерей гвардейских. Синий сюртук, белый жилет. В блеске, как хром, лосины.

Ожидает император послов. Важно, как победителю и подобает, взад-вперед по Поклонной ходит. Перчатки то снимет, то снова наденет. Платком проведет по лбу, сунет в карман, снова достанет. Шутка ли сказать — ключи от Москвы... Кому выпадало такое!

Проходит и час, и второй, и больше. Солнце уже не парит. В тучи ушел небосклон. В ногах и спине усталость. Император нахмурил брови:

— Что я — мальчишка? Сколько же можно ждать?!

Вдруг скачут офицеры, что были в Москве, в разведке.

— Ваше величество, жителей нет в Москве. За войском ушли горожане.

Сдвинул Наполеон треугольную шляпу:

— Что?!

— Город пуст.

— А ключи?!

Развели офицеры руками.

— Проклятье! — ругнулся Наполеон. Бросил в морду коню перчатки.

Думали французы: в Москве всему делу конец. Ошиблись. Настоящая война только теперь начиналась.

КОСТРЫ

Отступив из Москвы, Кутузов повел русскую армию по Рязанской дороге.

Тут же, не дав войскам остановки, вслед за русскими бросился маршал Мюрат.

Понял Наполеон, что Кутузов оставил Москву неспроста. Отдал ее как приманку. В сохранности русская армия.

— Хитрая лиса... Русская бестия! — ругается Наполеон. — Догнать, разгромить, уничтожить!.. — дает он строжайший приказ Мюрату.

Идет Мюрат по пятам Кутузова. Идет день, идет два... Взбивает пыль на Рязанской дороге. Остановится на ночь. Под самым носом полыхают русских биваков костры. Тут она — армия.

Проснутся французы утром — нет русской армии. И снова поход, снова вдогон. Ночью опять костры. Дымятся и слева и справа. Кажется, протяни только руку — и схватишь за горло русских солдат.

А утром опять никакого войска. Лишь головешки в кострах стреляют.

Несколько дней шел Мюрат по Рязанской дороге. Исчезла куда-то русская армия.

И правда исчезла. Отойдя от Москвы неполных два перехода, Кутузов неожиданно повернул всю свою армию резко на юг и проселочными дорогами, заметая следы, повел ее на Тульскую; передохнул и тронулся дальше, к старой Калужской дороге.

Догоняет Мюрат Кутузова по Рязанской дороге, а в это время русские совсем в другой стороне, обошли полукругом Москву, стоят на Калужской.

Идет Мюрат за ночными огнями. Не может понять, что это военная хитрость. Не армия жжет костры, а всего-навсего два казачьих полка, специально для этого здесь оставленных.

Стараются казаки. Разложат костры. Много костров. И дальше спешат. К новой ночи дрова припасают.

Не скоро раскрылась хитрость Кутузова. Вернулся Мюрат к Наполеону ни с чем.

В страшном гневе император французский. Забыв свой высокий императорский сан, как последний солдат ругается.

— Куль овсяный!.. Мозги лошадиные!.. — кричит на Мюрата. — Хитрая лиса... Русская бестия! — посылает проклятья Кутузову.

МОРЕМ ОГОНЬ КОЛЫШЕТСЯ

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо ее одеть. Наступила осень — о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлебом.

Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собою жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напьются солдаты — идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество, — обеспокоены французские маршалы и генералы, — опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... — умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице: «Это дорога в ад», — вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню — от Москвы пепелище.

Не город в руках французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провианты сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов. Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет?»

— Почему же мира не просят русские?!

Проходит три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

Едет маркиз Лористон к Кутузову. Сопровождает его в штаб-квартиру главнокомандующего поручик Орлов. Едет Орлов, говорит о погоде. Так наказал Кутузов. Ни о чем другом, только как о погоде. Это на всякий случай, чтобы офицер случайно секретов каких не выболтал.

Смотрит Лористон на округу:

— Удачные места под Тарутином.

— Погода сегодня хорошая, — отвечает Орлов.

— Говорят, у вас в войсках пополнение?

— Солнце словно бы летнее, а не осеннее, — опять о погоде Орлов.

Удивляется Лористон.

Приехал посол к Кутузову, передал привет от императора, завел разговор. Начал не сразу о мире. А с жалоб на то, что война эта какая-то странная. Нет бы, сражались армии, а то ведь крестьяне вступают в бой. Ведут же бои без правил.

— Простите, но это же лесные разбойники, — говорит Лористон.

«Эге, — думает про себя Кутузов, — молодцы мужички. Видать, хорошо насолили французам». А вслух:

— Ваша правда, генерал, — и вздыхает. — Да, распустились совсем крестьяне. Эка беда... Только ведь я крестьянами не командую.

— Зато казаки — люди военные, — продолжает о своем Лористон. — Но и они правил признавать не хотят.

«Молодцы казаки, — думает про себя Кутузов. — Сбивайте с французов спесь. Шкуру с него сдирайте». А вслух:

— Ох уж эти мне казаки, казаки... Я и сам не рад, что они при армии. В степях родились, деликатности не обучены.

Начинает Лористон бранить ополченцев. Мол, больно лютуют.

— Так это не войско, — отвечает Кутузов. — Сегодня они в строю, завтра опять разошлись по селам. Какой с ополченцев спрос!..

А сам про себя: «Молодцы ополченцы».

Ясна Лористону бесплодность его речей, стал говорить о мире.

Посмотрел Кутузов на Лористона:

— Я хоть сию секунду.

Обрадовался Наполеонов посыльный:

— Вот и наш император желает.

Развел Кутузов руками:

— Только я ведь всего солдат. Хожу под царем и богом.

— Но ваше слово... Ваш сан главнокомандующего...

— Я хоть сегодня, — опять повторил Кутузов. (А сам состроил в кармане фиг.)

Уехал ни с чем посыльный. Провожает его Орлов, опять говорит о погоде. Трясется Лористон в седле. Вид унылый, насупился. Рассмеялся Орлов:

— Ба, да оно ведь и вправду, видать, погода сегодня для нас хорошая!

ТАРУТИНО

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела у французов плохи. Дал под Тарутином бой. Опять загремели пушки. Скрестились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прапорщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнагтели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спаленный город:

— Вот она, наша страданица...

Дождик крапает осенний. Хотя и тепло и безветренно. Где-то раздался собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех поели!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мертвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешептываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетает из города. Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они в пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат развалины. Лишь цокот от конских ног в тишине, как в гробу, отдается. Понеслись всадники к центру Москвы. Доскакали до самой Ордынки, почти к Кремлю. Нигде не видать французов.

Попался какой-то старик.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привез согласия на мир Лористон. А тут еще бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод идет по армии. Что же, как в мышеловке, сидеть в Москве. Нет, пока есть силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой понесли долгожданную весть Кутузову. Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать, не жалея, Московский Кремль. К счастью, погибло немного. Пошедший дождь загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился.

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину:

— Спасибо тебе, Тарутино!

ВЫСШИЙ ПОЧЕТ

Весть о том, что Наполеон ушел из Москвы, как мяч о стенку, ударяла и отлетала. Верят — не верят в нее солдаты. Нужно верить — не верится.

— Ушел?!

— По собственной воле!

— Не может быть!

— Побожись!

Однако что же тут с правдой спорить. Все тут яснее ясного. Все тут белее белого. Ступай, посмотри Москву.

Собрались солдаты в круг, стали хвалить Кутузова:

— Ай да старик Кутузов!

— Кутузов — тертый калач!

— Кутузов — стреляный воробей!

— Провел, обхитрил... Как сурка, Бонапарта из первопрестольной выжил!

Слушает унтер-офицер солдатские разговоры.

— Эй, вы, какой же фельдмаршал вам стреляный воробей?

Смутились солдаты:

— Да это же к слову. Орел наш Кутузов!

Вспоминают солдаты, как уходили тогда из Москвы по Яузскому мосту и не кричали «ура» Кутузову, — совестно.

Еще роднее, ближе стал им теперь Кутузов. Все норовят увидеть фельдмаршала, исправить свою ошибку.

Куда ни покажется главнокомандующий — всюду «ура» и «ура». Ну, право, хоть сиди под замком в избе, не высовывай нос из штаба.

Но и этого мало солдатам. Собрались, явились к Кутузову:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, не гневись на нас, батюшка... Тогда у Москвы-реки...

Прослезился Кутузов:

— Ступайте. Нет на душе обиды. Я и сам бы тогда молчал.

Но опять беспокойны солдаты. Узнали они, что любит фельдмаршал уху с наваром. Куда-то ходили, где-то искали, наловили ему стерлядей. Пусть рыбкой себя побалуует.

— Ух ты, ушица!.. Откуда такая?! — поразился Кутузов.

Не спрашивай. Ешь, поправляйся, фельдмаршал Кутузов! Что ордена, что там награды... Высший выпал тебе почет.

ТИШКА И МИНЬКА

Оставив Москву, Наполеон пошел на Калугу. В Калуге — городе, войной не разоренном, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчет противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малого Ярославца разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начинают атаку русские. Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы. И так восемь раз. Город то и дело из рук переходит в руки.

Малоярославские мальчишки братья-двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленькое оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город.

Ушли и родители Тишки и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и снова в город. Интересно им посмотреть на взаправдашний бой.

И вот ребята стоят у оконца. Ребятам впервые — им все интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шел где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишки и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый. Брови черные, чуть с изгибом, словно не брови, а ворон раскинул крылья.

Следят ребята за офицером.

— Генерал, — шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик, — поправляет братишку Тишка.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Дети! — кричит офицер. — Штык ржавеет без дела. Солдат не солдат без победы. Вперед! — И первым идет в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекает на месте боя. Смешалась воедино французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно? — спрашивает Тишка у брата.

— Нет, — отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Все стихло. Валялись убитые. А ближе всех лежал молодой офицер. Видят ребята, что офицер штыком при атаке ранен. Лежит и тихо, протяжно стонет.

Переглянулись мальчишки.

— Его бы в подвал, — произнес осторожно Тишка.

— Эге, — согласился Минька.

Однако выйти наружу они боятся. Постояли ребята и все же набрались храбрости. Крадучись вышли на улицу. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжелый, — шепчет тихонько Минька.

— Так ведь харч офицерский, — соглашается Тишка.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к окнцу уже не ходили. Крутились все время около офицера. Воду ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал, где почище, клок и приложил к тому месту, где на офицерском боку виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. То по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменным. Уберегся он от пожара.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Как-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише... — уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, все обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — кругом безлюдье. Нет, нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что на Калугу ему не прорваться. Впервые в своей жизни император не решился на новый бой. Отдал приказ отступить войскам.

Вылезли ребята из подвала, вышли наружу. Смотрят — в город вступают русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкин и Минькин отец идет. Увидел он сыновей:

— Ах вы разбойники! Ах шелудивые!

Застыли Тишка и Минька. А отец недолго думая снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойняшки. Отец у них строгий. Другого нечего ждать. Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять, — полез Тишка, — а там раненый, — указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер, — прогнусавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника.

А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу, и там ему вручили медаль. К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель

города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чем, что это спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, ее рубить.

— Тут вам медаль. Одна на двоих, — заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазенки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки, — заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьей Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шел при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

СЛУЧАЙ, КОГДА НЕ НАДО БЫЛО КРИЧАТЬ «УРА»

— И зачем кричали «ура»? И как оно вырвалось? — сокрушались донские казаки.

— Это Нечипор, Нечипор... Он за это в ответе.

Молодой казак Нечипор Худояк и вправду первым победное крикнул.

На следующий день после битвы у Малого Ярославца Наполеон с небольшой группой офицеров и генералов ехал из штаба к своим войскам. Едет Наполеон, не торопится. Думы разные в голове. В это время на соседнем холме появился разъезд казацкий. Увидели офицеры и генералы конных, решили, что свой отряд.

А казаки сразу узнали французов. Вскинули пики, галопом летят к генералам.

— Ура! — кричит Худояк.

— Ура-а! — голоса другие.

Наполеон вздрогнул. Свита пришла в замешательство. Кто-то открыл стрельбу.

Все ближе и ближе лихие донцы. Кони, почуяв удачу, словно не мчат, а летят над полем. Режет утренний воздух тяжелый храп.

У Наполеона мурашки прошли по телу.

— Вот он, конец бесславный...

Сгрудилась, окружила императора свита. Каждый последний момент считает. Худо пришлось бы французам, да только тут, заслышав пальбу и крики, вдруг на помощь своим явились кирасирские эскадроны. Отогнали они казаков.

Долго не мог Наполеон позабыть об опасной встрече. Белость долго держалась в лице. Наконец успокоился, вызвал походного лекаря. Приказал он военному эскулапу немедля же изготовить смертельный яд. Не хотел император живым попадаться в плен. Стал носить в пузырьке отраву.

Стали теперь более осторожными офицеры и генералы.

Но больше всех неудачу этого дня переживали русские казаки.

— Упустили... Эхма, упустили!.. И чего кричали «ура»?.. И как оно только вырвалось!

ЗЛАЯ ВОДИЧКА

Как-то еще во время Бородинской битвы какой-то полковник, бывший в кутузовской свите, потянулся к фляге и выпил глоток, второй. Заметил Кутузов, и ему захотелось.

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Растерялся полковник. Во фляге была не водица, а чистый спирт. Не нашелся полковник, как же ему ответить, отдал покорно флягу. Поднес Кутузов флягу к губам, сделал глоток и чуть-чуть не задохнулся.

— Ух ты! — с трудом переводит дух. — Водичка какая злая.

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьем и терпим, ваша светлость.

Хотел фельдмаршал разгневаться на офицера. Однако полковник так ловко ответил, что вдруг остыл, рассмеялся Кутузов. Вернул он владельцу флягу и только пальцем ему погрозил.

Узнали другие офицеры, что Кутузов простил полковника. А у многих во флягах вместо воды было вино или спирт. Осмелели. Заметил это Кутузов.

И вот снова такой же случай. Теперь уже у Малого Ярославца.

Смотрит Кутузов на поле боя. Рядом крутится свита. И снова полковник, не тот, а другой, потянулся к армейской фляге. И снова Кутузов:

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Подбежал полковник, смело тянет фельдмаршалу флягу. Знает, что нужно ему ответить.

Поднес Кутузов флягу, однако не к губам на сей раз, а к носу. Понюхал:

— Спирт?

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьем и терпим, ваша светлость.

Отбросил Кутузов флягу. Подошел, взял офицера за ухо.

— Э, чужим умишком живешь! Слова повторяешь. Кто разрешил? — Пальцем сунул на флягу. — Что тут, питейный дом?!

Строг оказался Кутузов. Для острастки другим тут же приказал уволить полковника в тыл. К тому же без пенсии.

Струсил офицеры. Ты смотри, она и вправду водичка злая.

ДЕЛИКАТЕСНОЕ БЛЮДО

Отступает французская армия. Полк за полком, полк за полком. Бесславно идут к Смоленску. Самым последним отходит Мюрат.

Мюрат не только маршал французский, но еще и король. Было в Италии королевство — Неаполитанское. Захватили его французы. Отдал Наполеон королевство своему любимцу — Мюрату. Стал Мюрат королем. Ночевал Мюрат со своими полками у Можайска, в городе Верее. Подошли сюда русские. Решительным штурмом ворвались в город. Две тысячи французов было убито. Полторы тысячи сдалось в плен.

Вошли солдаты в тот дом, где ставка была Мюрата. Осмотрелись — нет, не видать Мюрата. Маршал сбежал. Бежала и свита. Покрутились солдаты, наиболее шустрые шмыг на кухню. Интересно, чем короли питаются. Яства, считай, заморские. Блюда невиданные, деликатесные...

На кухне плита распалена. Ножи, сковородки, кастрюли. Дозревает обед королевский. То-то попали солдаты вовремя.

Сгрудились они у плиты, крышку сняли с большой кастрюли. Наваром дыхнул пар. Ударили в нос непривычные запахи.

— Ну, что там, что там в сием сосуде?

— Уха из диковинных рыб?

— Из горных козлов солянка?

— Суп из нутра лебедей?

Запустили солдаты половник в кастрюлю, притихли — тащат здоровую кость, мясо при ней болтается.

— Оленины кус?

— Говядины кус?

— А может, что-то досель не виданное!

Вдруг видят солдаты — под лавкой лежит копыто. С подковой.

— Ба, да это же конь!

Потянули снова солдаты кастрюльный запах — конячий, смердячий дух.

Обалдели солдаты:

— Такое-то королю!

Бросились к печке. Тащат шипящий противень. Чудо какое-то жарится.

Смотрят солдаты:

— Братцы, так это же кот! Морда, гляди, кошачья!

Рассмотрели солдаты. И правда. Вот и хвост в стороне валяется.

Рассмеялись солдаты:

— Тощий кот и копыто! Ну, братцы, худо пришлось французам, раз такое к столу короля деликатесным выходит блюдом.

Отступает французская армия. Как зверь, огрызается. Сил у французов еще немало. Еды у французов мало.

Свечи едят вместо сала. Порох заместо соли. За конский навар дерутся.

Погнал их Кутузов по той же дороге, по которой наступали они к Москве. Места же здесь разоренные. Сами французы тому виной. Вот и прибыли дни расплаты.

Однако это только начало. Расплата еще впереди.

Глава пятая НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов. Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Петр.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова. Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваша светлость, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, — фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом уже тише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусаров и 80 казаков. Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разогнали идущую артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил, как слизнул, четырех французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова. Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в шнурках гусарских, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь. Глянул корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский, даже кушак крестьянский. Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеется Давыдов:

— Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

— Васильчиков, — пискнул Васильчиков.

Устал он с дороги, отправился спать. Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядом.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

— Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

— Внезапность, — отвечает Давыдов. — Какая позиция самая лучшая? — И опять отвечает: — Непрерывность в движении. В чем партизана главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот — походы, походы, переходы, ночевки в лесах.

То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле. Бои без плана, без всяких правил: то утром рано какое дело, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога. Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки теперь и той не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Еще в те дни, когда он исчез, в армии было целое дело.

Самовольство для офицера — серьезная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и строго добавил: — А за то, что вернулся, за это — вдвое.

НАГРАДА

Много прославленных имен среди командиров партизанских отрядов: офицер Сеславин, простой крестьянин Герасим Курин, рядовой гусар Федор Потапов, по кличке Самусь, сельский староста Стулов, солдат Еременко, отставной майор Емельянов — в прошлом крепостной крестьянин, ветеран суворовских войн, произведенный за геройство Суворовым в офицеры.

Как-то в какую-то итальянскую часть приехал из штаба Наполеона посыльный. Тут-то зашел разговор и еще об одном русском герое, о молодом штабс-капитане артиллерии Александре Самойловиче Фигнере.

Лихость в Фигнере потрясающая. Он и в бою всегда впереди, и в походах не знает устали, и на расправу с врагом жестокий, но и в разведку без страха ходит.

Фигнер даже в Москву к французам ходил, переодевшись, правда, крестьянином.

Много зла причинил Фигнер со своим партизанским отрядом французам. Слух об отважном штабс-капитане даже дошел до Наполеона. За поимку Фигнера император назначил большую сумму.

Приехавший к итальянцам из наполеоновского штаба офицер привез особую весть где-то здесь, в местных лесах, скрывается Фигнер. Заволновались итальянцы. И страшно, и вот бы прославиться — взять и поймать злодея. Вот бы сюрприз императору. К тому же... награда.

— Поймаем его! — кричат итальянцы. — В наших же жилах римская кровь!

Собрались одни офицеры. Рядовых с собой не брали. Не хотели делить богатства.

Подумал посыльный и тоже решил поехать. Интересно, что из того получится. А вдруг...

Тронулись итальянцы. Рыщут они по соседнему лесу. Нет, не видно партизанских примет. Направляются в лес, что подальше. И там все спокойно и тихо. Едут верст за десять в крутые балки. И там неудача.

Не хочется им возвращаться с пустыми руками домой. Да день на исходе. К тому же устали. И есть хочется. И дорога домой неблизкая.

«Да, пора бы домой», — понимает и Наполеонов посыльный. Да только в эту минуту что-то, как назло, за язык его дернуло.

— А не там ли они, вон за полем, в дубовой роще?

И офицеры о том подумали. Решили:

— Ну ладно, последний заход.

Дотащились они до дубовой рощи. И правда — вот он, свежий след от лошадиных копыт.

Поднялся дух в итальянцах.

— В наших жилах римская кровь! Вперед!

Втянулись они своей офицерской колонной в лес.

И вдруг слева и справа налетели на них партизаны. Крики, свисты, стрельба...

Туда итальянцы, сюда, да где там — они в окружении.

Согнали партизаны плененных в кучу. Стоят они, носы повесив. А где же тот, Наполеонов посыльный?

Смотрят — стоит он в первом ряду партизан, ручкой им нежненько машет:

— Приветствую вас, господа офицеры! Будем знакомы — штабс-капитан Александр Самойлович Фигнер.

СОЛДАТСКОЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь.

Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Пришел драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злостью мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится.

Лишь молодой рябоватый парень пошел за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково — там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом еще двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создадут отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся. Хотели тебя проверить, — схитрили крестьяне. — Стоящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали свое согласие быть у него в отряде. Это стало началом. Вскоре из всей округи свыше четырех тысяч крестьян собралось под командованием Ермолая Четвертакова. Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты — что полковник, — смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются. Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Эка приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Слушают звонную прелесть. Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел выходят уже отряды. Приказ — собратся сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой, — куда же палить, в какую же сторону! Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью, того, перелет.

Выстрел был первый, он же последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — все через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

ВАСИЛИСА КОЖИНА

Баба есть баба. Впрочем, не всякая.

Василиса Кожина была женой деревенского старосты. По-бабьи она проворная. В избе чисто, дети накормлены, скотина в хлеву в довольствии.

Да не только этим Кожина славилась. Муж у нее хоть и староста, да то ли с ленцой, то ли просто не очень проворный мужик. Вот и сложилось так, что по всяким делам крестьяне ходили не к старосте, а к женке ленивого Кожина.

Оказалась старостиха первой в селе фигурой.

Баба она дородная, баба она степенная. И посмотреть на такую приятно, и услышать умный совет. В общем, довольны крестьяне. Жаль, что женщин в старосты не избирают.

И вот накатила война с французами.

Бегут к Василисе крестьяне:

— Как же нам быть?

— Бить неожиданных, непрошенных, — отвечает им Кожина.

Смотрят мужики на нее недоверчиво. Не шутит ли баба?

— Что же мы — войско?

— А где ружья?

— Где сабли?

Короче, впервые совет Василисы был для крестьян ничто. Посмеялись, и только. Тогда собрала Василиса баб помоложе. Создался женский отряд. Без ружей, без сабель. Вилы, простые рогатины — вот все, чем богаты бабы.

Уходят крестьянки в соседний лес. Смеются крестьяне:

— Аники-воины!

— Бонапарту схватите в плен!

Впустую, конечно, ходили вначале по лесу бабы. Но вот наступил день, когда поймали они француза. Тянут трофей в село.

Глянули мужики, так и ахнули. Ходят вокруг француза, смотрят, не верят своим глазам:

— Гляди, настоящий!

— С усами!

— И сабля, смотри, была. И ружье!

Висит оно теперь на плече у Кожиной. Сабля у рыжей молодки в руках. Торжествуют сельские женщины:

— Ага!

— Не верили!

— Вот вам мужская работа!

— Ну, посмотрели? — спросила Кожина. — Теперь собирайтесь, очередь, значит, ваша.

— Подумаешь — раз повезло!

— Скопом штуку одну споймали.

— Ну меньше, ну больше одним — французская армия от этого, что ли, убавится?!

— Дурни! — ругнулась Кожина.

После первой удачи дело у женщин пошло успешнее. Второй, третий, четвертый француз попался.

Ружьишками женщины обзавелись. Василиса Кожина ходит теперь в шинели. Сабля гусарская сбоку висит.

Отводят женщины пленных в уездный город Сычевку. Слава о них гремит.

Задумались теперь мужики. Завидно им, глядя на женщин.

— Эх, зря мы тогда не поверили!

— И нам бы теперь почет.

Пересилили они мужское свое упрямство. Стали являться к Кожиной, проситься в отряд.

— Ну что же, надо подумать, — отвечает с улыбкой им Кожина. — Тут как присудит наш бабий сход.

Сход порешил мужиков принять. Давно ведь женщины этого ждали. Не бабье дело вести войну.

Хоть и не бабье, да все же мало кто из женщин оставил ружья. Огромный теперь отряд. Старшим по-прежнему Кожина. Мужики послушны во всем.

— Приказывай, матушка, слушаем.

— Бей до конца француза! Ныне это единый приказ.

Вот какая она, Василиса Кожина, русская женщина, храбрая женщина. Ее не то что на место старосты, Кожину хоть в губернаторы назначай, хоть в военный совет сажай.

ОПАСНОЕ МЕСТО

В белорусских непроходимых лесах под Оршей расположился партизанский отряд — крестьяне из ближних сел. Тут под Оршей они воевали, тут же в лесах и жили.

В отряде среди других мужичонка, по имени Петрусь, по фамилии Глебка. Он и выбрал-то это место.

— Хорошее место для вас я выбрал, — любил похвастать Глебка. — Можно по французам отсюда ударить, можно и снова сюда утечь!

Так крестьяне и поступали. Ударят по обозу, небольшому отряду французских солдат или по ф уражирам и снова в леса.

— Нет, все же хорошее место я выбрал, — не унимается Глебка.

А место-то, по правде говоря, было не очень хорошее. Болота кругом да топи. Мошка безжалостно ест. Нет бы выбрать где выше, где суше.

— Зато неприятель сюда не сунется, — рассуждает все тот же Глебка. — Сиди тут, как рыцарь в каменном замке.

— Твой замок одни болота.

— Болота для нас тут потверже камня, — отбивается Глебка. — А главное, можно всегда утечь. Любому из любого места можно всегда утечь, — философствует Глебка.

И вот однажды крестьяне было напали на какой-то обоз. Да тут подоспела французская полурота, и партизанам пришлось бежать. Добежали они до леса — думали, дальше француз не тронется. Однако полурота попалась отважная. Гнала она мужиков и дальше, шла по пятам и загнала в такие топи, что стой! Дальше вперед ни шагу. Тут, к счастью, спустился вечер. Французы тронуть крестьян не успели. Зато обложили со всех сторон — конечно, кроме той, где болото. Расположились солдаты на ночь. Противник надежно схвачен. Завтра ему конец.

— Ну вот тебе и твой замок! — кричат крестьяне на Глебку. — Рыцарь ты этакий... Вот тебе и утечь!..

— Да кто же думал! Француз какой-то чудной попался, — разводит руками Глебка. Он и сам понимает, что делу, поди, конец. Однако для храбрости и себе и другим: — Оно же, болото, не очень топкое.

Попробовали крестьяне — сплошная трясина. Шаг — и сразу по шею, два шага — катись с головой. Хотят они снова ополчиться на Глебку. Нет, не видно, пропал куда-то проклятый Глебка.

— Может, утоп?

А Глебка в это время пробирался все-таки по болоту. Сук у него длиннющий в руках. Щупает им трясины. С кочки на кочку, где бухнет по пояс, где еле удержится, и все же пролез.

С той стороны болота была деревня.

Поднял Глебка на ноги мужиков, объяснил поспешно, в чем дело. Набрали крестьяне сена, кладок и досок, пришли к опасному месту, соорудили шаткий настил. По настилу весь партизанский отряд и убрался из-под самого носа французов.

— Ну, говорил я, что можно любому всегда утечь! — опять торжествует Глебка.

Вырвались мужики из окружения. Осмелели. Думают, а что, если им самим теперь захватить французов. Мысль озорная, всем нравится. Обошли крестьяне болото сухими местами, взяли с собой мужиков из местной деревни, послали в другие, чтобы и те приходили на помощь. В общем, к рассвету все были на нужном месте.

Проснулись утром французы. Где же крестьяне?! А те у них за спиной. Вот уже и крики слышны, и самодельные пики пущены в ход, рогатины, косы, вилы. Правда, и ружей у мужиков с десятков, и две настоящие сабли. Заметались французы. Одни к трясине — тут их голубит верная смерть. Другие к крестьянам — навстречу им тянутся косы и вилы. Погибли французы.

Довольны крестьяне.

— Ну как?! — смеясь, обращаются к Глебке. — А говорил, что любому можно утечь!

МОТЯ

Отступают французы. Есть хочется. Нечего есть. Бродят французы по русским селам. Рыщут, где бы и чем поживиться.

Не забыта и деревня Ивановка. Недавно побывало здесь двадцать французских солдат. Сегодня явилось семеро.

Ходят французы по избам. Пусты закрома крестьянские. Скотина куда-то припрятана.

Явились они к деревенскому старосте, вцепились в белесую бороду:

— Отвечай, где зерно укрыто.

Разводит старик руками:

— Третье лето у нас недород.

— Недород?

— Недород.

Обозлились французы, хлесть старика нагайкой:

— Недород?!

— Недород!

— Ах ты мошенник старый! — кричат французы. — Не желаешь добром, силой сказать заставим.

Схватили солдаты деда. Швырнули, как сноп, на лавку Теперь уже двое стоят с нагайками.

Крутилась здесь Мотя — внучка упрямого старосты. Жалко ей деда, знает она, где зерно зарыто. Взлетели над спиной старика, как цепа в обмолот, нагайки. Зажмурилась Мотя:

— Стойте!

Остановились французы, смотрят на Мотю.

— Дедушка хворый. Не бейте. Я покажу.

— Ах ты душа окаянная, — сплюнул старик с досады, потянулся к печному ухвату.

Съежилась Мотя.

— Но, но, — вмешались французы. — А ну, собирайся! — командуют Моте.

Собралась девочка. Идет, от обиды и страха всхлипывает Вывела она французских солдат за околицу. Повела за бугор к оврагу.

Кусты над оврагом. Место укрытое. Пойди разыщи здесь зерно без Моти.

Спустились французы в овраг. Отмерила Мотя четыре шага от какой-то коряги, указала:

— Вот здесь.

Отложили солдаты ружья. Сняли мундиры. Лопаты в руки. Довольны французы: близка удача.

— А ну, не мешайся! — кричат на Мотю.

Роят французы. Потеют французы. Французы вовсю стараются.

А в это время там наверху, над краем оврага, из-за кустов высунулась чья-то бородатая голова. Следом за ней другая: улыбнулся Моте безусый парень, глазом хитро моргнул.

Смешно, хихикнуть хотела Мотя. Однако сдержалась.

Зашевелились кусты над оврагом. Поднялись крестьяне в свой полный рост. Один за другим прыгают вниз партизаны.

Минута, вторая — вповалку лежат французы. Руки вожжами скручены.

Идут партизаны домой. Гонят солдат французских.

— Эка, удачлива ты, Матрена, — хвалит девочку тот бородатый.

— Ахтеры вы с нашим старостой, — хихикает парень.

— Семь штук — дела нешутейные, — рассуждает «акой-то мужик.

— Подумаешь, семь, — улыбается Мотя. — Намедни их было двадцать.

Вот и все. Вот и рассказ про деревню Ивановку, про отважную Мотю, Мотю-Матрену — русскую девочку.

АРКАН

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрячутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут — не пройдет ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших. Подстерегут того, кто отстал, — аркан немедля ему на шею. И сразу к себе. Кляп ему в рот, пока тот не вскрикнул. И будь тут здоров, мусье. Как карась, на удю попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый, с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп во рту у него немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой еще пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Все ногами крестьян пинал. Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычевку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли еще по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали.

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза пороссячи! Дубы неотесанны! — не утихает казак. — А это что?! — и тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно, — наконец приостыл казак. — Есть ли чарка у вас вина?

— Это найдется.

Выпил казак, потрянул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, снова не этого схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий.

В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ БОРОВСКЕ

Приемный пункт для пленных французов в небольшом городке Боровске. С самого утра начинают тянуться сюда крестьяне. Доставляют свою добычу. Кое-кто приходит и с ночи — быстрее бы управиться. Дел у крестьян и помимо французов много. Вот мужики привели офицера. Вот крестьяне целый отряд пригнали. Две молодухи, смеясь и лузгая семечки, приволокли усатого егеря. Снова какой-то отряд. Старуха с ружьем и два гренадера. А вот пришагал мальчишка. Маленький-маленький — мужичок с ноготок. Тоже привел француза.

— Дитятко!

— Родненький!

— Да как ты его довел?!

Топырит мальчонка губы:

— Это уже второй.

— Ух ты!

— Ох ты!

— Да кто же его споймал?

— Я, — отвечает мальчишка.

Собрались крестьяне вокруг. Верят — не верят.

— А ну, Расскажи про геройство.

— Дуй!

— Не стесняйся!

— Бреши!

Обиделся было мальчонка. А потом рассказал:

— Мы с дедом его словили. Я и коза.

— Какая еще коза?!

— Манька, бодатая.

Интересно крестьянам.

— Ну, ну, поподробнее!

Оказывается, коза, привязанная к дереву у края дороги своим видом приманивала поотставших французов, а дед оглушал их дубиной. Первого даже до смерти.

— Хитры, хитры... — говорят крестьяне.

— Значит, и Манька вроде в героях.

— А дед, ты смотри, мужик еще сильный.

— Сильный, — соглашается мальчик. — Только он при одной ноге. В армии фельдмаршала Суворова при крепости Измаил покалеченный.

— Выходит, солдат. Понятно.

— Ну, а вести-то такого тебе не боязно?

— Он же связанный.

— А вдруг побежит.

— Убежит! — усмехнулся мальчонка. — А это вот что? — и показывает на самодельную пику.

— И ты бы пырнул?!

— Пырнул!

— Эка жестокости сколько в малом, — процедила одна из молодых.

— Да, обозлились сердца, — задумчиво бросил какой-то крестьянин.

— Мне ее дед смастерил, — снова заговорил о пике мальчишка.

— Да что ты все дед да дед. А где же твой отец?

— Убит на войне родитель.

ФРАНЦУЗСКАЯ ШАПКА

Агапка мечтал о французской шапке. Той, что носят гвардейцы: из медвежьего меха, с высоким красным султаном и медной бляхой. Отец у Агапки в партизанском отряде. Раздобыл он в каком-то бою долгожданный гостинец сыну.

— На, получай!

Напялил Агапка — загляденье, не шапка.

Помчался мальчик по сельским улицам. Видят его крестьяне, смеются крестьяне:

— Басурман бежит, смотрите!

Повстречались Агапке парни. Улюлюкают парни:

— Лови, окружай француза!

Попался Агапке Шарик.

«Тяв-тяв, тяв-тяв!»

— Однако, глупый какой ты, Шарик. Ты что, не узнал Агапку?!

Увидел Агапку гусь:

«Га-га-га, га-га-га», — тянет к мальчишке шею.

Отбился едва Агапка.

Примчался мальчик к дружкам и приятелям. Окружили его ребята.

— Дай поносить, Агапка.

Жалко Агапке. Шапка с султаном — такую ребятам!

Обозлились мальчишки:

— Француз. Бей, колоти француза!

Достается Агапке. Будь ты проклята, эта шапка!

ВАНЮШКА, МАРФУТКА, ФИЛЬКА И ТРОЕ ДРУГИХ РЕБЯТ

Собрались ребята, бродили по лесу. Было их шестеро: Ванюшка Валув, Марфутка, Филька и трое еще ребят. Осень. Ни ягод тебе, ни грибов, ни птичьих гнезд на деревьях. Чем бы сейчас заняться? Вот бы поймать француза.

Размечтались ребята.

Француз здоровенный, конечно, с усами. Лошадиные скулы. Глазищи большие, размером с кулак. Ружье при французе, походная сумка.

Представляют ребята, как ловят французов в плен.

— Заходи! — кричит Ванюшка Валув. — Окружай! Вали его наземь! Бей дубиной... Руки и ноги ему вяжи...

Ванюшка в компании старший. Исполняют ребята его команды. Вместо француза у них бревно.

Наигрались ребята, идут домой. Смотрят — под елкой, под сивой лапой, лежит настоящий француз.

Бредит солдат, лопочет что-то на своем языке. Глаза у него закрыты. Ружья при французе не видно. Нет и походной сумки. И совсем он безусый. И вовсе не страшный. Мундир весь изодран — сквозь дыры голое тело светит.

— Налетай! — закричал Ванюшка. — Вяжи ему руки и ноги...

Однако ребята не двинулись с места. Да и сам-то Ванюшка крикнул не очень бойко. В общем, пропала вдруг у ребят охота брать французского лежащего в плен.

Стоят, перешептываются:

— Помирает, видать, француз.

— Раненый?

— Голод небось измучил.

Стали ребята думать, как же им быть.

— Может, в село донести об этом?

— Правда, давай в село.

Только хотели бежать, да снова задумались.

— На вилы его мужики подымут.

— Топорами прикончат.

Жалко стало ребятам французского. Уж больно он стонет и мечется. Пусть помирает естественной смертью.

Вернулись в село, разошлись по домам.

Вошел Ванюшка в избу, на душе как-то тягостно. Все видит, как бредит в лесу француз. Он же с голоду там помирает. Покрутился Ванюшка с час — то на улице, то в огородах, даже к речке специально бегал, — никак не может забыть солдата. Наконец вернулся домой, сунул под одежку краюху хлеба, снова помчался в лес.

Растолкал он французского. Приоткрыл тот глаза. Хотел рвануться с испуга, да слаб — остался на месте. Тычет Ванюшка ему краюху. Увидел солдат, потянулся. Слеза из глаза непрошено капнула.

В это время Ванюшка услышат шорохи. Обернулся — мелькнула тряпица. Так это же бежит Марфутка.

Подбежала Марфутка, видит Ванюшку, страшно смутилась: хлеб у нее в руках.

Вслед за Марфуткой явился Филька. За ним и трое других ребят.

Словом, снова ребята вместе в лесу собрались, и каждый еду принес.

С этого дня и стали они приходить к французу. Соорудили ему шалаш, рядом притащили, Марфутка — ниток: зашить мундир. Завелась у ребят настоящая тайна. В селе — ни гугу.

Удивляются их родители. Где пропадают ребята?

— Да так мы... — уклончиво ответил Ванюшка.

— Я на хутор к подружке хожу, — заявит Марфутка.

— Да я тут, я все время у дома, — отвертится Филька.

— Мы в горелки в лесу играем, — скажут трое других ребят.

Стал француз поправляться. Явились как-то ребята. Смотрят — солдат кораблик из дерева выстругал. Весло кормовое к нему отдельно.

— Натё, для вас, — сует француз гостинец ребятам.

На следующий день вырезал им человечка. Человечек забавный — руками, ногами дрыгает. Веселит, как живой, ребят.

Стал француз подыматься. Даже ходить.

Явились ребята на третий день — нет в шалаше француз.

Ушел из тех мест солдат. Лишь кораблик и веселого человечка, как память свою, оставил.

Даже грустно стало ребятам. Вот так взял и ушел, ничего не сказал. Привыкли ребята к француз.

Вернулись домой опять невеселые.

— Да что тут с вами такое творится! — пристали снова родители.

Пожались, пожались ребята, а потом рассказали. Вначале Марфутка, затем Филька, затем трое других ребят. Даже Ванюшка и тот признался.

Рассказали про все: и про первую встречу, и о том, как, не сговорившись, хлеб ему потащили, и про слезы, что были тогда у француз в глазах, и как мундир зашивала Марфутка, и как шалаш ему строили. Потом отдельно про кораблик и забавного человечка.

Думали ребята, что будут в селе их ругать.

Однако крестьяне такую весть встретили как-то спокойно. Не журили ребят. А кто-то даже сказал:

— Ну что ж, дай ему господь дорогу добрую! Может, и он такой же, как мы, крестьянин.

Поражались ребята. Особенно на следующий день, когда те же самые мужики и в том же самом лесу трех новых французов подняли на вилы.

ШАПКУ ОБ ЗЕМЛЮ

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев.

Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, — правого. Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску. За чаем зашел разговор. Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы народ геройский, заявляют крестьяне. — Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

— Тут Невский еще сказал, — вспомнил безглазый, — прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина, — отвечают крестьяне. — Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил, разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

— И как там с землей? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли оно не предвидится.

— И земля, как была, — у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем.

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

ЧТО-ТО ТОПОРЩИТСЯ

Забелело. Выпал недавно снег. Идет по дороге отряд французский. Ремни у солдат подтянуты. Холод, конечно. Одежда летняя. Только холод еще терпим. Голод французов мучает.

Вдруг навстречу сани крестьянские по первопутку. Мужик на санях. Мальчонка лошадкой правит. Бежит лошаденка трусцой. Снег пока неглубокий. Хорош у полозьев накат.

Сани груженые. Что-то рядом укрыто. Что-то такое топорщится. Размечтались солдаты:

— Может, хлеба мешки печеного.

— Может, мясо отвозят в город.

— Вот была бы удача!

Смотрят на лошаденку. Лошаденка хоть роста среднего, не кавалерийский, конечно, конь, да неплохо, видать, откормлена. Так и просится прямо с санями в котел. Разгораются страсти солдатские. Криком кричит аппетит.

— Эх, не свернул бы мужик с дороги!

Да нет. Не чует беды лошаденка. Не чует беды мальчишка. Глупо сидит мужик. Скользят по ухабам сани. Все ближе и ближе. Солдатский спирается дых. Еще минута, и знай что хватай.

И вдруг... Развернулись, как в танце, сани. Хвостом повернулась к французам лошадь. Послушно застыла. Спрыгнул мужик на землю. Тянет с саней рядно.

— Берегись! — закричали французы. Схватили ружья.

Пушка на них глядит.

И вот — запал в руках у крестьянина. Мальчишки восторженный вид. Пламя. Грохот. Картечи свист. Ответно раненых стон протяжный. Дорога в телах побитых.

Дело сделано. Что есть силы летит лошаденка. Небо. Поле. Полозьев скрип.

БАСНЯ КРЫЛОВА

Капитан Ивлев из Петербурга привез газетку, в которой была напечатана басня «Волк на псарне» стихотворца Крылова.

Стали офицеры ее читать:

Волк, ночью думая залезть в овчарню, Попал на псарню.

Далее речь шла о том, как поднялась тревога. И вот уже:

Бегут: иной с дубьем, Иной с ружьем. «Огня! — кричат: — огня!» Пришли с огнем.

Взмолился волк, увидя свою погибель. Стал хитрить и ловчить. Уверять, что пришел он сюда вовсе не с целью разбоя. Клянется, что отныне он овцам друг. Что больше никогда трогать мирных отар не станет.

Посмотрел на разбойника ловчий:

...«Послушай-ка, сосед... Ты сер, а я, приятель, сед. И Волчью вашу я давно натуру знаю; А потому обычай мой: С волками иначе не делать мировой, Как снявши шкуру с них долой». И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

— Ба, да это же про французов! — кричат офицеры. — Про нашего главнокомандующего, Михаила Илларионовича. Он — ловчий. Слышали: «сед». Так это же наш фельдмаршал.

Схватили офицеры газетку, помчались к Кутузову.

— Батюшка, Михаила Илларионович! Басенка тут, в газете, про вашу светлость.

Взял Кутузов газету, не торопясь прочитал.

— Дельная басенка, дельная. Ты смотри — мастак Крылов, стихотворец. Только в сей басне один изъян.

— Нет изъяна! — кричат офицеры. — Все тут доподлинно верно.

— Вот и не все, — ответил Кутузов. — Про главное тут забыто.

Смутились офицеры.

— Главное в том, — произнес фельдмаршал, — что не ловчий выпустил гончих стаю. Мститель сам по себе поднялся.

Глава шестая ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА

РАМА

Солдат Жорж Мишле шел в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Самим императором это обещано. Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковер из памирской шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы еще, да тяжесть и так большая.

«Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мир. Готов я домой к отбытию».

А русские мир не просят. Что день, то французам все хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатались французы. Дай бог унести из России ноги.

Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует. Ковер из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А раму куда? Раму надел на шею. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

Гонят французоз русские. Армия бьет. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Рама тяжелая — полпуда в ней серебра, голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат ее казаки. Кутузов в боях добивает.

Все больше и больше отставших среди французоз. Плетется, как тень, Мишле. Отстает от своих солдат. Силы его покидают.

Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут когда наступали, Мишле раздобыл ковер. Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковер.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстается с вещами Мишле. Жалко до слез добытого. Плачет Мишле. Ружье незаметно бросил, ранец откинул. Однако раму упорно тащит.

— Да брось ты проклятую раму! — кричат упрямцу товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах Мишле расстаться. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шел ради этой серебряной рамы.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбился и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

РУЖЬЕ

Штабной офицер Хитаров, докладывая Кутузову о действиях русской армии, всегда преувеличивал наши успехи.

— Сегодня, ваша светлость, столько-то французских солдат побито. (А побито в два раза меньше.)

— При таком-то деле, ваша светлость, столько-то взято в плен. (А взято — дай бог половина.)

Заметил это Кутузов и как-то:

— Выходит, голубчик, мы с одной Бонапартовой армией справились. Почитай, взяли за другую?!

Смутился Хитаров, сбавил свой пыл. Однако прошло какое-то время, и опять за то же.

— Сегодня столько-то пушек у французов отбито. (А их вовсе в этот день не отбито.)

— А партизаны доносят, что три знамени взято в плен. (И тоже, шельмец, придумал.)

Разозлился Кутузов:

— Да как ты, голубчик, смеешь доносить мне, прости старика, столь беспардонную ложь!

И тут-то Хитаров признался:

— Не могу я, ваша светлость! Оно же хочется, чтобы скорее. Чувства во мне говорят патриотические.

Подивился Кутузов:

— Скорее?

Подумал. Позвал адъютанта:

— Подай-ка ружье.

Опять повернулся к Хитарову:

— А знаешь ли что, голубчик? Чтобы было оно быстрее — на, получай ружье и ступай-ка в маршевый полк немедля.

И тут же отдал приказ об этом.

НАГАЙКА

Кутузов никогда не расставался с казацкой нагайкой. Висела она у него через плечо, без всякого дела. Коня не стегал, руку на солдат не поднимал. Зачем же тогда нагайка?

Спросит об этом кто-нибудь у Кутузова.

— Пусть повисит, голубчик, пусть, — ответит Кутузов. — Даст бог, дело и ей найдется.

Наступили холода. По-разному одеты в частях солдаты. Там, где интенданты и офицеры заботливы, полки и роты в тепле. Там, где офицеры и интенданты с ленцой, мерзнут, бедуют солдаты.

Как-то приехал Кутузов в полк, где офицеры как раз ленивые.

Пошел фельдмаршал по ротам. Явился в одну: одежонка солдатская — старь, башмаки ни разу не чинены, форма к зиме не завезена. Посетил Кутузов вторую роту. И в этой роте все точь-в-точь как и в первой. То же самое в третьей роте.

Вернулся Кутузов в полковую избу, собрал офицеров:

— Как живете, господа офицеры?

— Бог милует.

— Как службу несете?

— Стараемся.

— Не холодно вам, господа офицеры?

— Согреты вашим присутствием, — льстиво отвечают ему офицеры.

Усмехнулся Кутузов. Видит — перед ним не только ленивцы, но и хитрецы к тому же отменные. Кряхтя, начинает снимать нагайку.

— Так, так... Ну, а солдаты чем же согреты?!

— Победями, ваша светлость! — гаркнули офицеры.

Кутузов остановился, глянул на офицеров. И вдруг передумал, снова надел нагайку. Находчивость офицеров поразила фельдмаршала. Решил он виновных простить.

— Виновны, — признались теперь офицеры, все еще с опаской поглядывая на нагайку.

— Будет исполнено.

— Ладно, ступайте, — сказал Кутузов. А сам подумал: «А все же хорошо, что нагайка висит. Гляжу, она и без дела инструмент бесполезный».

РУКАВИЧКИ

В русскую армию в виде пожертвований от населения стали поступать теплые вещи. Раскрывали в гренадерском полку посылку: три пары валяных сапог, шапка-ушанка, шапка крестьянская — малахай, поддевка, еще раз поддевка, портянок суконных, считай, десяток.

— А это что?

Смотрят солдаты — лежат рукавички. Маленькие-маленькие. Из козьего меха. Узором цветным расшиты. Детские.

Вот так тебе подарок!

Посылка пришла из-под Вологды.

Собирали крестьяне солдатский гостинец. Тащили свое добро.

— Солдату тепло как родная мамка.

— Солдату память вещей дороже.

— Не жалея, мужички, служивым!

— Как не помочь героям!

Крутилась девочка Маша Докукина. Не хочется ей отставать от других. И она горой за служивых. Взяла и сунула рукавички.

Достали солдаты гостинец. Не знают они про Машу. Решают: видать, по ошибке.

Однако нашелся умный солдат:

— Нет здесь ошибки. Давай-ка сюда.

Отдали ему гостинец.

Принял солдат. И сразу про дом, про деревню вспомнил, жену и своих ребят.

Интересуются другие:

— Ну, как рукавички?

— Хороши, — отвечает солдат.

Хоть и в кармане лежат рукавички, да греют они солдата.

РОТНЫЙ

На полпути между Смоленском и Оршей, под селением Красным, разгорелась новая битва с французами. Продолжалась битва четыре дня.

Началось с того, что французская гвардия потеснила отряды русских. А какая-то рота и вовсе оказалась в кругу французов. Гвардия слева, гвардия права, неприятель сзади и впереди. В роте три офицера. Старший из них ротный — в перестрелке убит.

Расстроилась рота. Не слышат команд солдаты.

Нет бы оставшимся офицерам взять на себя начальство. Да, видимо, оба они растерялись.

Остались солдаты без старшего. Рассыпались в разные стороны. Ожидает гибель солдат. Как тискаами, будут они раздавлены. А еще хуже позорный плен.

И вдруг вышел вперед солдат Семен Перегудов:

— Братцы, стой! Братцы, не трусь! Братцы, слушай мою команду!

Кричал Перегудов громко. Роста был он приметного. Различили его солдаты. Тут же собралась в кучу.

— Братцы! — кричит Перегудов. — Бей в одно место. Все разом. Ломись, как в закрытую дверь! На гвардию сыщется гвардия. Братцы, вперед! — и первым полез на французов.

Бросились вслед солдаты. И вправду пробились. Не то чтобы дверь — ворота чугунные вынесли б.

Вернулись солдаты к своим.

— Живы?!

— Да как вас господь помиловал?!

Смеются солдаты:

— Перегудова нам послал!

Узнал Кутузов про доблестный подвиг солдата:

— Командовал ротой?

— Так точно. Роту из плена спас.

Подумал Кутузов, назначил солдата и впредь командовать ротой.

Говорят фельдмаршалу адъютанты: мол, в роте и так офицеры есть. Им бы по праву вместо солдата пойти в повышение, раз так уж случилось, что ротный начальник в бою был убит.

— Ах, и офицеры в той роте были?!

— Так точно, ваша светлость. Были и есть...

— Нет, были, — прервал Кутузов. — Нынче нет таких офицеров. Остались они в окружении.

Как так?! Не могут понять адъютанты. Офицеры же вместе со всеми вернулись.

— Нет, — повторил Кутузов. — Вернулся лишь один офицер — Семен Перегудов. А те не вернулись, — и поправил повязку, что прикрывала правый, выбитый пулей глаз.

Четыре дня продолжались бои под Красным. На пятый день французы бежали.

КАЗАКИ ХОТЯТ ЖЕНИТЬСЯ

Когда казаки не схватили Наполеона под Малым Ярославцем, свою неудачу переживали не только они.

Сокрушался и сам донской атаман генерал Платов. Лестно ему, если бы вдруг такое случилось.

Решил атаман раззадорить своих казаков. Пообещал он за того из них, кто поймает Наполеона, выдать дочь свою и богатства большие в придачу.

Дочь у атамана красавица. Стройна и румяна. Соловьиным голосом песни поет. Живет в столице войска донского городе Новочеркасске. В Питере часто бывает. С самой царицей знакомство водит.

— Вот бы на ком жениться!

Взыграла казацкая лихость. Рыщут вокруг отступающих войск казаки, ищут свою удачу.

Только Наполеон не щегол, не белка. В силки не поймаешь. Орехом не подзовешь. Отходит Наполеон под защитой гвардии. Пойди подступись.

Нет, не видать казакам невесты, остывает казацкий пыл.

Понимает Платов, что малоярославская удача не повторится. Подумал и сбавил.

— Ладно, приведите любого французского маршала.

Опять казаки за дело. Целыми днями в седле трясутся где бы маршал какой попался.

Да ведь и маршалы тоже не перепелки. По полю одни не ходят. Трудна, непосильна такая задача.

И вдруг под городом Красным казаки набрали на обоз Даву.

Налетели со всех сторон. Окружили, побили стражу. А где же хозяин? Смотрят: вот он в кибитке — маршал и маршальский жезл. Схватили, торопятся к Платову.

Сияет казак Самодвига. Он первым схватил Даву. То-то будет донцу награда.

Примчались удачники к Платову. Глянул Платов на жезл — настоящий маршальский жезл. Все верно — его, Даву.

Жезл настоящий, а маршал поддельный. Не было Даву тогда при обозе. Приволокли казаки кого-то другого.

— Тьфу ты! — В досаде казацкие лица. Выходит — ничто старание.

Пуще всех огорчен Самодвига. Из-под носа ушла невеста. Чуть не плачет лихой казак.

— Атаман, Матвей Иванович! Поцеловать бы хотя красавицу...

Глянул Платов на казака. Жезл достать — дело тоже геройское.

— Ладно. Воротясь из похода.

Однако не пришлось молодцу целоваться с донской красавицей. Через день казака убило. Казак погиб, а жезл сохранился. Он и ныне в музее храним, как память о днях геройских.

«СЧАСТЬЕ ИМЕЮ»

Начальником штаба при Кутузове был генерал Беннигсен. Намучился с ним Кутузов.

Кутузов скажет одно — Беннигсен, словно назло, другое. Кутузов ругает кого-нибудь из офицеров — Беннигсен берет под защиту. Главнокомандующий награждает — начальник штаба чинит помехи.

Но главное было не в этом, а в том, что Беннигсен не столько помогал, сколько мешал успешным и правильным действиям русской армии.

То он настаивал, чтобы Кутузов сразу же после Бородина дал новую битву французам. Мол, нельзя оставлять Москвы. А дать битву — значило не видеть дальше своего носа, не думать о будущем. Таким и был Беннигсен.

Потом, когда только что отошли от Москвы, еще до Тарутина, Беннигсен снова за битву. Мол, смотрите, какой он, Беннигсен, великий патриот — так и рвется в бой с неприятелем. А о том, удачно ли место для боя и пора ли его давать, генерал и не думает. Честно говоря, генералом он был просто неважным.

Тут Кутузов впервые по-настоящему разозлился.

— Ладно, — говорит, — принимайте командование. А я уйду в рядовые. Берите весь штаб, ступайте, ищите место для боя.

Обрадовался Беннигсен, собрал генералов, помчался высматривать место для битвы.

Выбрал одно.

— Нет, — говорят генералы, — место плохое.

Выбрал новое место.

— Нет, — говорят генералы, — место совсем непригодное.

Выбрал третье, и это не лучше.

Ездил, ездил Беннигсен по разным местам, замучил штабных генералов. Нет ничего подходящего.

Вернулся понурый назад.

— Ну как? — спрашивает Кутузов.

Разводят генералы руками. Стоит Беннигсен сконфужен.

— В таком случае, я снова главный, — сказал Кутузов. — Будьте добры, выполняйте мои приказы.

Все знали, что Беннигсен просто завидует главнокомандующему. Отсюда во всем упрямство. Не любили в армии генерала. Зато Беннигсен был любимцем царя. Царь же ненавидел Кутузова. Он и назначил-то Кутузова на пост главнокомандующего лишь потому, что другого выхода не было, не имелось в русской армии второго равного Кутузову генерала. Весь народ тогда стал за Кутузова.

Зная отношение Александра к фельдмаршалу, Беннигсен писал царю на Кутузова разные недобрые письма — короче, шпионил и наговаривал.

Под Красным терпение Кутузова лопнуло.

Вызвал он Беннигсена:

— Генерал, у вас бледность я замечаю в лице. Вы болезнью какой-то страдаете.

«Какая бледность, какая болезнь?» — удивляется Беннигсен. Он и румян, и здоров, и аппетит у него хороший.

— Здоров я, ваша светлость.

— Нет, нет. Это вам кажется, — отвечает Кутузов. — Вам лечиться, батенька, надобно. Непременно лечиться. Немедля, прямо сейчас. Сию же минуту. Поезжайте-ка, друг мой, в Калугу. Там воздух для вас полезный.

И отправил его в Калугу. Тут же позвал адъютанта, потребовал лист бумаги и сел писать письмо государю.

«По случаю болезненных припадков генерала Беннигсена и по разным другим обстоятельствам, — писал Кутузов, — предписал я ему отправиться в город Калугу... — Фельдмаршал задумался. Написал: — О чем счастье имею вашему величеству донести».

В то время, обращаясь к царю, обычно писали «счастье имею» (мол, обратиться к вам). Вот и использовал Кутузов такую форму. А сам, конечно, имел в виду другое. Фельдмаршал был счастлив, что выпроводил наконец Беннигсена. Пусть себе ломает царь Александр голову, о каком тут счастье ведется речь.

ЧЕТЫРЕ ГУСАРА

Четыре гусара. Веселых гусара. Четыре друга отправились в русский поход. Смеялись гусары, шутили гусары:

— Подумаешь, русский поход!

Прошли они Неман, в Витебске бились, блуждали в смоленском огне.

Смеются гусары:

— Война есть война!

На Багратионовы лазили fleши.

Шутят гусары:

— Fleши есть fleши!

Однако время не знало шуток. Грозный приблизился час. Побежали французы домой.

Не унывают гусары. Четыре гусара. Веселых гусара. Старинных четыре друга.

— Домой так домой!

Голод пошел по войску. Крошки съестного нет.

— Что нам голод! — смеются гусары. Принялись есть лошадей.

Съели первую.

Трое едут четвертый идет пешком.

Съели вторую.

Двое едут двое идут пешком.

Съели третью.

Один едет — трое идут пешком.

Съеден последний конь. Остались они безлошадными.

Идут, не унывают гусары. Четыре гусара. Веселых гусара. Четыре надежных друга.

Однако чем дальше, тем хуже и хуже. Голод есть голод. Истомились мои гусары — хоть кости свои глодай.

Переглянулись гусары. Прошла минута. Прошла вторая. Может быть, больше. Кто их тогда считал?

И вдруг исчезли, пропали, как сон, гусары. Словно и вовсе их свет не видал.

Что за чудо?! Где же гусары? Четыре гусара. Веселых гусара. Верных четыре друга.

Съели друг друга гусары.

ИЗЫСКАННЫЕ МАНЕРЫ

Отступает французская армия. Снегом весенним тает. Редуют полки, исчезают роты. В батальонах — по двадцать душ.

После Красного без оглядки бежит неприятель.

Река на пути французов. Белорусских полей красавица — знаменитая Березина.

Берега низкие, ровные. Далекий открытый вид. Снегом поля занесены. Правда, река еще не замерзла. Льдины, как стаи, плывут.

Подошли, остановились французы. Надо строить мосты.

К Березине вместе с другими прибыл и Поль Шайно. Вот как сложилась судьба француза.

В России в те годы среди богатых дворян было модным приглашать для воспитания своих детей иностранцев. Чаще всего французов. У них манеры изысканны. Язык французский певучий. «Мсье и пардон, бонжур и плезир»[30] — вот какие слова приятные. Потянулся в Россию разный жадный на деньги люд. Брали всех без разбора — лишь бы француз. Явился и Поль Шайно. Был каретником он в Париже. В России стал гувернером.

Неплохо Шайно устроился. Сыт, обут, деньги хорошие платят. Живет под Смоленском в имении князя Нарышкина.

И вдруг война. Наступают французы. Победа идет за победой. Подумал Шайно: «Э, в такую минуту лучше быть в армии. Там скорее богатым станешь».

Вступил он во французскую армию. А так как солдатскому делу Шайно был не очень обучен, определили его в обоз. «Это ничего, — рассуждает француз. — Тут даже оно спокойнее. Будет к тому же богатства на чем везти». В общем, стал он опять каретником.

Приехал Шайно в Москву. А что случилось дальше, вам уже хорошо известно. Покатились французы вспять.

«Э, — соображает обозник, — дело недобрым пахнет». Взял и сбежал он из армии. Снова вернулся к себе под Смоленск. «Ну что ж, опять гувернером буду».

Да только ошибся Шайно. Встретили барские крестьяне его немило. Чуть не убили. Пришлось француззу брать ноги в руки, иными словами — бежать. У Березины и догнал он ушедшую армию. Строят французы мосты. Сидит Шайно дожидается. Скорей бы на правый берег.

Сгрудились у Березины остатки французской армии: недобитая гвардия, уцелевшие при кое-каких корпусах обозы, тысячи раненых, тысячи пообмороженных. Столпились солдаты, ждут.

И вот началась переправа. Мосты построены наспех. На чем только держатся! Доски шатаются. Перил — тех и вовсе нет.

Все жмутся к мостам. Все хотели бы в первую очередь. Да нет, пропускают вначале гвардию. Затем отбирают наиболее годных для боя солдат. Остальные — пока дожидайтесь. Идут по мостам солдаты, торопятся. Срываются крайние в воду. Моржами среди льдин ныряют.

Лезет на мост Шайно. Отгоняют его солдаты:

— Куда!

В наряде Шайно гражданском.

— Куда!!

— Я же француз! — голосит Шайно. — Я же ваш подданный. Я же солдат.

Не признают, не пропускают его солдаты.

В это время французов настигла русская армия. Наполеон отдал приказ немедля же сжечь мосты. Бросить остатки армии. Полыхнули мосты пожарищем. Остался Шайно и другие ни с чем.

Заметался Шайно, подлетает к русским:

— Я же ваш! Я гражданский... Я гувернер у князя Нарышкина.

Усмехнулись солдаты:

— Раз гувернер, так зачем же ты здесь!

Подняли ружья. Рванулся Шайно — и в воду с разбегу прыг. Где он погиб, никому не известно. Ближе к тому, ближе ли к этому берегу. Только не выплыл к своим француз. Много французов тогда погибло. И здесь, на земле, и там, в реке. В знаменитой Березине, белорусских полей красавице.

...На следующий день ударили страшной силы морозы.

ДВА ГРЕНАДЕРА

Лютует, лютует, лютует мороз. Страхи кругом летают. Сугробы — белым-бело — небо с землей ровняют. Ветер бьет шомполами по полю. Нелегкая выдалась доля: отбились от армии два гренадера. Сидят под сосной, замерзают.

Одеты солдаты во что попало. Давно обтрепались мундиры.

Продувает метель солдат. Мороз как штыком пыряет.

Замерзают, кончают свой век солдаты. Замерзая, вздыхают солдаты:

— Когда бы не эти метели...

— Когда бы не эти морозы...

И вдруг утихли метели. Пропали морозы. Зажурчали ручьи и реки. Солнце огнем взошло. Расправили плечи солдаты. Лица — под солнечный жар. Опалило солдатскую кожу. До боли в костях обожгло. Открыли глаза солдаты. Да это же ветер лютует и снег.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не лютый голод...

— Когда бы краюха хлеба...

И вдруг словно скатерть пришла самобранка. Под сосной у солдат еда. Хлеб, что в печке, румян набрался. Из котла вылезает каша. Сала огромный кус.

Рванулись к еде солдаты. Замерзшие тянут пальцы. Ледяная крупа в руках.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не русская сила...

— Когда бы не этот поход...

— Будь проклят! — кричат императору.

И вдруг из бури, из ночи-тумана бесшумно является Наполеон. Шляпа горбом — треуголка. Серый знакомый сюртук. Он глазами сурово поводит. Брови плывут к облакам.

Вскочили солдаты. Застыли солдаты.

Приблизился к ним император. По лицам наотмашь бьет.

Встрепенулись солдаты. Исчезла привычная шляпа. Не виден знакомый сюртук. То ветер гуляет по полю. Лица солдатские бьет.

Упали на снег солдаты. Буря кругом лютует.

Все реже и реже солдатские вздохи. Слова на губах замирают. Отбились от армии два гренадера. Лежат под сосной, замерзают.

СВАДЬБА

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изба-пятистенок. Столы и лавки в длинющий ряд. Место для плясок. Ведра с рассолом — для тех, кто начнет хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубаше небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вкруг избы все село собралось. Буйно идет веселье. Пьют за невесту.

— За жениховье здоровье!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

Идут полноверхие чары:

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца невесты!

— За, женихова родителя!

— За матерей! (И разом, и по отдельности.)

И вдруг:

— За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почетного места:

— Увольте, увольте! Я не жених, — и сам подымает чару. — За матушку нашу — Россию. За богатырский народ!

— За Россию! — кричат крестьяне.

Вернулся Кутузова в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье свое не беречь. — И в адрес крестьян с укоризной: — Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично, — ответил Кутузов. — К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть исконно в душе россиянина.

В ЛЕСУ НА ПОЛЯНЕ

В лесу на поляне, меж сосен и елей, присмотрели солдаты отличное место. К ночлегу готовятся русские.

Мороз. Без малого тридцать. Утоптали солдаты сугробы, отбросали от центра снег. Навалили огромных бревен. Пожаром дыхнул костер. Пламя мороз съедает.

Греют солдаты спины, греют солдаты руки, шинели, развесив, сушат.

Сварили солдаты щи, приготовили кашу. Достали ложки, уселись есть.

А в это время в той же округе блуждали по лесу, сбившись с дороги, остатки какой-то французской промерзшей голодной роты.

Огонь приманил французов. Вышли они к поляне. Застыли при виде костра и каши. Желудки готовы прыгнуть наружу.

Не удержался какой-то солдат. Бросился к русским. Миску схватил у крайнего и кинулся снова в лес. Однако увяз в сугробе. Схватили его солдаты, притащили к огню.

Француз тощий. Кожа да кости. Лишь глаза, как у зверя, огнем горят.

— Тьфу, басурман, лишь кашу мою испортил! — ругнулся тот, что лишился миски.

— Ладно, Куняев, в Париже отдаст, — шуткой ответил кто-то.

То ли больно жалкий вид у голодного, то ли от огня размякли сердца солдатские, то ли чуют — конец войне, только не тронули наши француза.

Усадили его к костру, дали миску и ложку.

— На, наедайся.

— Откуда ты взялся?

— Как леший тебя не съел?

Уплетает солдатскую кашу француз, как удав, не жуя, глотает. А сам в сторону леса рукою тычет.

Смотрят туда солдаты. Не видно им ничего — от огня в темноту. А из леса французам видно. Видят они, что русские пленного не обижают. Смелый опять нашелся. За ним третий, четвертый, пятый... Потянулись «французы к костру.

Разглядели их русские. Батюшки светы! Не люди идут, а тени. А одежонка!.. Один, как священник, в поповской рясе. Другой по-бабьи в платок укутан. У третьего ноги, что куль, в рогожах. Четвертый, как конь, — в попоне.

Поднялись солдаты. Что им с такими делать?

— Ладно, садись к огню!

— У, да вас тут человек пятнадцать!

— Может, и сам император из леса за вами выйдет?! — снова шутку роняет кто-то.

Накормили врагов солдаты. Что-то лопочут французы. Что не поймешь. Небось говорят спасибо.

Утром солдаты стали решать, что им с пришельцами делать. Как их считать? Казалось — за пленных. Да они же по собственной воле. Взять таких — какое же тут геройство.

Решали солдаты, решали.

— А ну их — пускай-ка себе идут!

Сообщают они французам.

Не уходят французы. Не верят.

— Да ступайте, ступайте!.. Лежачего русский не бьет!

— Куа? Куа?[31] — лопочут французы. Не верят в такое чудо.

Поднялся тогда Куняев, тот, чью кашу француз похитил:

— Да катитесь, мусью проклятые! Не стойте. Не злите солдатскую кровь, — и ругнулся. Да так, что французы сразу все поняли.

Подхватили они попоны свои и рясы.

— Мерси, гран мерси...[32] — И подальше от этого места.

Уходят остатки французской, чудом уцелевшей в России роты.

— Да, — переглянулись солдаты. — Выходит, и вправду близок конец войне.

НОВЫЙ ПОХОД

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что летом полгода тому назад.

Идут по мосту солдаты. Только не в эту — в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжата дудки. Знамен не колышется строй. Горстка измученных, крупца оборванных — чудом еще в живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

— Жива, — произнес седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Ба, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я, — отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеются солдаты. — Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелегко стал путь к победе. Будут ли помнить дела потомки... Немало пролито русской крови. Многих не счесть в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

— У-у-ура!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали, — признались солдаты. — Да ведь оно же конец похода.

— Нет, — говорит Кутузов. — Вам новый еще поход.

Смутились солдаты. К чему тут фельдмаршал клонит? А сами:

— Рады стараться! — Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвел он глазами войска. И голосом зычным (куда стариковская хрип девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России! — Кутузов приподнялся в седле. — Живые, мертвые — стройся! Героям новый поход — в века!

Примечания

1

Посадить в воду — вид казни: человека сажали в мешок и бросали в реку.

(обратно)

2

Тараруй — враль, лжец, болтун.

(обратно)

3

Их бин (нем.) — я есть.

(обратно)

4

Вас? (нем.) — Что?

(обратно)

5

Гельд (нем.) — деньги.

(обратно)

6

Виктория (франц.) — победа.

(обратно)

7

Гут, зер гут! (нем.) — Хорошо, очень хорошо!

(обратно)

8

Майн фройнд! (нем.) — Мой друг!

(обратно)

9

О майн гот! (нем.) — О боже!

(обратно)

10

Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

(обратно)

11

Гут (нем.) — хорошо.

(обратно)

12

О русише швайн (нем.) — русская свинья.

(обратно)

13

Их бин золдат (нем.) — я солдат.

(обратно)

14

Топал-паша — хромой начальник. У Суворова в это время болела нога, и он прихрамывал.

(обратно)

15

Аман — сдаюсь, пощади.

(обратно)

16

Пардон (франц.) — извините, простите.

(обратно)

17

Драгуны — кавалерийские части.

(обратно)

18

Сикурс — помощь.

(обратно)

19

Месяц — луна.

(обратно)

20

Во фронт — то есть стал по стойке «смирно».

(обратно)

21

Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск, провизией.

(обратно)

22

Каптенармус — унтер-офицер, ведающий обмундированием солдат.

(обратно)

23

Ретирада — отступление.

(обратно)

24

Рекрут — молодой солдат.

(обратно)

25

Покров, рождество, пасха — церковные праздники.

(обратно)

26

В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

(обратно)

27

В 1709 году русские войска под командованием Петра I у города Полтавы разбили прославленную армию шведского короля Карла XII.

(обратно)

28

Мюрат и Даву — прославленные французские маршалы.

(обратно)

29

Санкт-Петербургская губерния до 1710 года называлась Ингерманландской. Полк и сто лет спустя, в 1812 году, сохранил свое старое наименование.

(обратно)

30

Мсье, пардон, бонжур, плезир (франц.) — господин, простите, здравствуйте, удовольствие.

(обратно)

31

Куа? (франц.) — Что?

(обратно)

32

Мерси, гран мерси (франц.) — спасибо, большое спасибо.

(обратно)

Оглавление

- СОВРЕМЕННО!
- ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК
- Глава первая КАК ГОРОДА БЕРУТ
- Глава вторая ВЫШЕ ДЕРЕВЬЕВ ВЗЛЕТЕЛИ КАЧЕЛИ
- Глава третья СНЯТСЯ БОЯРАМ СТРАШНЫЕ СНЫ
- Глава четвертая КАЗАЦКОЕ СЛОВО
- Глава пятая СИМБИРСКИЕ СТЕНЫ
- НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ
- Глава первая НА РЕКЕ НАРОВЕ
- Глава вторая РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ
- Глава третья НА РЕКЕ НЕВЕ
- Глава четвертая ОПЯТЬ НАРВА
- ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА
- Глава первая БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА
- Глава вторая ДАША
- Глава третья ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК
- Глава четвертая ДОБРЫЙ БАРИН
- ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРИШАТКИ СОКОЛОВА
- Глава первая ФАНТАЗИИ
- Глава вторая СОКОЛ И СОКОЛЕНОК
- Глава третья ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ
- Глава четвертая ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ
- Глава пятая ВОЛЬНАЯ ПТИЦА
- РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ
- Глава первая ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ
- Глава вторая ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ
- Глава третья ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД
- ПТИЦА-СЛАВА
- Глава первая ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ
- Глава вторая НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
- Глава третья БОРОДИНО
- Глава четвертая КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА
- Глава пятая НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП
- Глава шестая ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА